

В.В. Попов

**Китайская модель
Ретроспектива и перспектива**

Содержание

ВВЕДЕНИЕ. КУДА ВЕДЕТ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ КИТАЙСКИЙ РОСТ?.....	4
ЧАСТЬ I. ПОЧЕМУ ЗАПАД РАЗБОГАТЕЛ РАНЬШЕ КИТАЯ И ПОЧЕМУ КИТАЙ ТЕПЕРЬ ДОГОНЯЕТ ЗАПАД?.....	18
Формулировка проблемы.....	18
Гарантии прав человека — причина возвышения Запада?	22
Исторический экскурс на 10 страницах.....	40
Традиции.....	51
Жизнеспособность	62
ЧАСТЬ II. ТОЛЬКО СОЦИАЛИЗМ СПАСЕТ КИТАЙ? ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1949 ГОДА.....	75
Гибель капитализма неизбежна?	75
«Китайский народ наконец-то поднялся с колен».....	85
Почему снизились темпы роста советской экономики в брежневский период?	90
Факторы экономического роста в СССР и в Восточной Азии	93
Главная проблема централизованного планирования.....	97
Цикл жизни плановой экономики после «большого толчка»	102
Плановая экономика: замысел и реализация в СССР и в Китае	106
ЧАСТЬ III. ТОЛЬКО КАПИТАЛИЗМ СПАСЕТ КИТАЙ? ПОСЛЕ 1979: ПОЧЕМУ КИТАЙ УСКОРИЛСЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ, А РОССИЯ ЗАМЕДЛИЛАСЬ	115
Экономика — почему Китай не Россия.....	115
Промышленная политика: протекционизм против свободной торговли	124
Какие отрасли поддерживать в первую очередь?	131
Макроэкономическая политика.....	145
Замедление роста после кризиса 2008–2009 гг.: судьба или выбор?.....	149
Пандемия	152
ЧАСТЬ IV. ТОЛЬКО ДЕМОКРАТИЯ СПАСЕТ КИТАЙ?.....	159
Институты и демократия.....	159
Тяньаньмэнь, 1989 год.....	164
Оппозиция с китайской спецификой	175
Внешняя политика	184

Борьба сверхдержав.....	190
Куда смотрит восточная голова российского орла.....	200
Опасности.....	208
ЧАСТЬ V. ТОЛЬКО КИТАЙ СПАСЕТ КАПИТАЛИЗМ? 20 ЛЕТ ВПЕРЕД	223
В чем вопрос.....	223
Определение понятий.....	230
Либеральная идея и «азиатские ценности».....	233
Кто — кого: соревнование цивилизаций. Дуншен, сицзян?.....	242
Общая теория	245
Вызовы для либералов: какие права придется ограничить?.....	249
Что будет с миром, если возвышение Китая продолжится?.....	262
Новая теория развития.....	271
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. КИТАЙСКАЯ ТАЙНА	281
ЛИТЕРАТУРА.....	287

ВВЕДЕНИЕ. КУДА ВЕДЕТ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ КИТАЙСКИЙ РОСТ

Более двух десятилетий назад вышла моя книга «Три капельки воды: заметки некиитаиста о Китае» (Попов 2002), в которой, среди прочего, описывался известный курьезный ответ китайского императора Цяньлуна английскому королю Георгу III, отправившему в Китай послание с предложением развивать торговые связи и торговую миссию с образцами английских товаров.

Дело было в 1792 году, и император Цяньлун написал буквально следующее: «Я прочел Ваше послание; искренность, с которым оно написано, обнаруживает уважительное смирение с Вашей стороны, достойное высокой похвалы... Чтобы показать свою преданность, Вы также послали мне образцы изделий из Вашей страны... Властвуя над огромным миром, я не имею другой цели, кроме как поддерживать совершенное управление и гарантировать исполнение государством его обязанностей. Станные и изобретательно сделанные предметы не представляют для меня интереса. Я не могу найти применения изделиям из Вашей страны. Вам надлежит, о король, уважать мои чувства и выказывать мне еще большую преданность и лояльность в будущем, так чтобы вечной покорностью нашему трону Вы смогли обеспечить мир и процветание Вашей стране. Трепетно подчиняйтесь и не проявляйте небрежения».

Это уже после Великой французской революции и Американской войны за независимость, в разгар промышленной революции на Западе и создания европейских колониальных империй в Азии и Африке. Видимо, это было циркулярное письмо тогдашнего китайского МИДа, которое направляли всем обнаруживавшимся странам за пределами империи. Даже и тогда Китай ощущал себя центром мира, Чжунго, Срединной империей, как Китай сам себя называл с незапамятных времен. Это сознание собственной центральности не исчезло и в период столетнего унижения — после проигрыша двух «опиумных войн» в середине XIX века и до создания Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 году, хотя, конечно, китайская элита крайне болезненно переживала свое отставание от Запада. Сегодня, когда Китай снова превращается в ведущую державу мира, эксперты спорят, чем закончится соревнование китайской коллективистской и западной либеральной моделей.

С конца 70-х годов Китай переживает действительно беспрецедентный рост, не имеющий аналогов в мировой экономической истории. Китаю (а раньше другим странам и регионам, основанным на китайской культуре — Японии, Корее,

Тайваню, странам Юго-Восточной Азии) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7–10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге Восточная Азия во второй половине XX века стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Одно время, в 1950–1970-е годы, казалось, что СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращают разрыв с Западом. Но затем их модель импортозамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке — после долгового кризиса начала 1980-х годов, в СССР и Восточной Европе — в 1990-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с Великой депрессией 1930-х годов.

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны и территории, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые — Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других примеров успешного догоняющего развития в мире пока нет¹. Два последних случая можно списать на малые масштабы — это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по их стопам идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность — ниже, продолжительность жизни — выше.

Я впервые оказался в Китае в 1989 году, через несколько месяцев после кровавого подавления студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь. Фотографии разыскиваемых властями студентов в аэропортах и на вокзалах, чернеющие темными окнами по вечерам на Чаньаньцзе, главной пекинской улице, пустые гостиницы, из которых схлынули иностранные инвесторы, и бедность, беспросветная, как казалось тогда, бедность даже в Пекине, не говоря уже о

¹ Некоторые экспортеры нефти и газа в Персидском заливе и других регионах за последние десятилетия быстро разбогатели, но это произошло не за счет более высоких темпов роста объемов производства (они были умеренными или даже низкими), а за счет улучшения условий торговли – их доходы от дорожающего экспорта ресурсов росли гораздо быстрее, чем физический объем производства и экспорта. Несколько стран вне Восточной Азии тоже демонстрировали высокие темпы роста в минувшие десятилетия, но пока не превратились в развитые. Пример – Ботсвана, которая имела один из самых высоких темпов роста ВВП на душу населения в течение 50 лет (5% в период 1960–2010 гг.). Другой пример – Оман (рост почти на 5% в год). Кстати, Оман был единственным крупным нефтеэкспортером среди 20 экономик со средними темпами роста ВВП на душу населения в 1950–2010 гг. в 3% и более в год ([Полтерович, Попов, Тонис 2007](#); Polterovich, Popov, Tonis 2008; Попов, Джомо 2016).

провинции. И это опыт китайской либерализации, который у нас в те перестроечные годы с таким энтузиазмом пропагандировался? Тем большим был шок десять лет спустя...

В Шанхае небоскребов в 2000 году уже было чуть ли не больше, чем на Манхэттене — 1350 зданий с числом этажей 20 и больше — не десять, не сто, а более тысячи! А ведь 20 лет назад их вообще не было. Как писал тогда канадский журнал, небоскребы растут в Шанхае быстрее, чем в Торонто меняются уличные знаки — и это не преувеличение. Я далек от того, чтобы считать число небоскребов мерой прогресса, но для многих американцев это бесспорный аргумент. «Если весь Китай будет как Шанхай, нам останется только улететь на Луну», — сказал мне тогда американский бизнесмен полушутя-полусерьезно.

На набережной Вайтай, районе колониальной застройки, банки и отели европейской архитектуры — ампирные особняки с сидящими у входа британскими львами и американские «небоскребы» начала века в 16 этажей с толстенными стенами, сужающимися кверху, какие еще можно видеть в чикагском даунтауне. Уже тогда они смотрелись не изысканно, как прежде, а сентиментально-провинциально на фоне нового района Пудун с эффектной телебашней и сверкающими небоскребами, как из «звездных войн». Или на фоне Жэньминь гуанчан — Народной площади в центре Шанхая с фонтанами и роскошными зданиями шанхайского музея, городского правительства и нового театра западной оперы.

Чтобы представить себе удвоение реальных доходов каждые 10 лет, надо видеть это своими глазами. Это значит, что вы начинали свою трудовую жизнь 20 лет назад с зарплатой в 50 долларов в месяц, а сейчас, когда вам всего только сорок, вы получаете 500 долларов (с поправкой на 3%-ную инфляцию и минимальное продвижение по службе). Еще десять лет — и вы будете получать около 2500 долларов в месяц, а к моменту ухода на пенсию — 5000 долларов. Многие начинали жизнь бедняками, а заканчивали богачами, но только в Восточной Азии это случалось с основной массой населения целых стран. Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг, а теперь вот и Китай. Но в Китае все это разворачивается на глазах моего поколения в десятикратных, стократных масштабах, так что в буквальном смысле слова дух захватывает, когда видишь перемены своими глазами.

Представить, что меньше, чем за пять десятилетий реформ (1978–2024) реальные доходы возросли без малого в 20 раз без подготовки невозможно, это просто не

укладывается в голове. Это не догоняющее развитие, это прыжок из отсталости в современный мир, из XVIII века в XXI в нашей европейской хронологии. Других precedентов такого стремительного роста экономическая история не знает. Другим странам — США, СССР, западноевропейским, — чтобы увеличить реальные подушевые доходы в 20 раз требовалось во все исторические периоды в лучшем случае два столетия, Китаю понадобилось лишь четыре с небольшим десятилетия. До Китая, как уже говорилось, такие же высокие темпы роста демонстрировала Япония, потом азиатские «драконы» (или «тигры», кому как нравится) — Тайвань, Корея, Сингапур, Гонконг, потом страны Юго-Восточной Азии (ЮВА). Теперь, когда к «драконам» и «тиграм» присоединился Китай, мы фактически становимся свидетелями вырастания из бедности третьей части населения планеты (Япония, «драконы», ЮВА и Китай) — беспрецедентного сокращения разрыва в уровнях хозяйственного развития между Западом и частью развивающегося мира. С тех пор как Запад вырвался вперед в XVI веке, этот разрыв все время углублялся — вплоть до XXI века — для большинства развивающихся стран. А вот для Восточной Азии с середины XX века стал сокращаться.

В общем выходит, что Восточная Азия, базирующаяся в основном именно на китайской модели, знает великую тайну, неведомую другим странам, по крайней мере в том, что касается догоняющего развития. А может быть, и не только догоняющего. Что, если Восточная Азия не только догонит, но и перегонит Запад? Про Японию традиционно говорили, что ее быстрый рост основан, среди прочего, на заимствовании технологии за рубежом, на скупке патентов и лицензий, на копировании достижений других стран, а вот к самостоятельным пионерским технологическим разработкам и нововведениям японская экономика (культура/ментальность/организация — ненужное зачеркнуть) не слишком приспособлена.

Но Япония и Южная Корея уже и в 1990-е годы прошлого века тратили на научные исследования и разработки (НИОКР) от 3 до 5% ВВП (сопоставимо с США — 3%). Такие массивные вложения в науку должны окупиться, пусть и не сразу, как окупались с лихвой вложения этих стран в образование в 50-е — 60-е годы XX века. А Китай сегодня тратит на НИОКР более 2% ВВП, причем ВВП этот по паритету покупательной способности уже больше американского на 20% (2023), и отдача уже явно чувствуется в целом ряде областей, где Китай становится технологическим лидером.

Данные разнятся, в них много несоответствий, статистика не поспевает за быстрым китайским ростом, многие будут спорить с тем, что китайские реальные доходы выросли в 20 раз за период реформ. Но факт остается фактом, даже если китайская экономика росла средним темпом 8% в год, а не 10%, как свидетельствует официальная статистика, то производство, доходы и потребление в расчете на душу населения увеличивались ежегодно примерно на 7% (8% прироста производства минус 1% прироста населения), то есть удваивались каждые 10 лет. По официальной китайской статистике получается даже еще быстрее.

Сейчас китайский ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (то есть с учетом того, что китайские цены в среднем в два раза ниже американских) составляет около 25% от американского уровня. Весь же китайский ВВП, то есть подушевой, помноженный на 1400 миллионов душ, уже был на 20% выше американского в 2023 году. А китайская продолжительность жизни сегодня (после роста в Китае и сокращения в США во время пандемии) составляет уже 78 лет — выше, чем в Америке.

Но главное, конечно, не сопоставления экономических потенциалов и уровней развития. Главное — китайская, или восточноазиатская, называйте ее, как хотите, модель социально-экономического развития, которая, похоже, более конкурентоспособна, чем западная либеральная модель. Эта модель ставит во главу угла не права человека, как либерализм, а социальную справедливость, и основана на «азиатских ценностях», приоритете интересов коллектива и общества над интересами индивидуума. Низкое неравенство в распределении дохода и богатства — фундаментальная черта этой модели, об этом подробнее говорится дальше в книге. Но как будет развиваться эта модель, сказать с уверенностью трудно, несмотря на многочисленные прогнозы. Непредсказуемые события потому так и называются, что современники обычно не могут их предсказать.

20 лет назад, в начале 2000-х, мне довелось наблюдать, как канадский профессор объяснял у себя в офисе китайскому аспиранту, как пользоваться телефоном с несметным количеством кнопок и функций. Он старался четко выговаривать слова, чтобы китаец, не слишком хорошо изъяснявшийся по-английски, его понял. — А что, Китай производит телефонные аппараты? — спросил он. Китаец, вежливо кивая, перевернул телефон — там было написано *made in China*. «О-о!» — сказал канадец и тут же про все забыл: ну производит и производит, бог с ним, другие дела есть.

Сегодня, 20 лет спустя, когда Китай вышел на первое место в мире по производству мобильных телефонов, а самих телефонов там больше, чем жителей, и любой уличный торговец овощей требует расплаты не наличными, а телефоном, мало мальски осведомленный человек, конечно, такой вопрос и не задаст. Но тогда надо себя спросить, чего мы сегодня не замечаем в Китае, что удивит нас еще через 20 лет, если нынешние тенденции продолжатся.

В Нью-Йорке китайского мальчика-подростка, которого отец из города Нинбо (крупнейший порт в провинции Чжэцзян, недалеко от Шанхая, около 10 миллионов жителей) взял с собой в командировку посмотреть на Америку, удивили три вещи: почему так много бездомных на улицах (в Нинбо их нет совсем), почему в метро нет кондиционеров (в Нинбо, да и в других китайских городах они есть практически везде) и почему автобусы так шумят и плохо пахнут (в Нинбо все автобусы электрические — бесшумные и без выхлопов). В Китае строят так много и так быстро, что кругом сплошь технические новинки — если метро, так с кондиционерами и электронными табло, а не такое, как 100 лет назад в Лондоне и Нью-Йорке, если авто, то электрические, если оплата, то телефонами, а не карточками, если пропуск, то через распознавание лица, даже в многоквартирных домах.

В июне 2024 года британский *Economist*, который пишет о Китае много и на 90% негативно, опубликовал обзор научно-исследовательской работы в Китае. Из 14 главных направлений исследований в восьми (материаловедение, химия, машиностроение, информатика, экология, сельское хозяйство, физика, математика) на китайских авторов приходилось более 50% всех лучших статей в мире в научных журналах (лучшими считались те, которые входили в 1% самых цитируемых). То есть в этих сферах знания Китай уже не просто был мировым лидером, а совершал открытий больше, чем весь остальной мир, вместе взятый².

Да, Китай сегодня имеет собственную систему глобальной навигации BeiDou, самый большой в мире телескоп FAST (сферический телескоп с пятисотметровой апертурой) в провинции Гуйчжоу, свою собственную орбитальную станцию «Тяньгун» (небесный дворец), доставил грунт с обратной стороны Луны на корабле Чанъэ (имя лунной богини) в июне 2024 года, планирует до 2030 года высадить на Луне астронавтов, а с 2031 года начать строительство научной лунной станции, разрабатывает свой широкофюзеляжный самолет COMAC — конкурент

² Из-за соавторства сумма долей авторов из разных стран иногда превышала 100%, но совокупная доля авторов из США и ЕС во всех восьми областях была ниже китайской (*Economist*, June 12, 2024).

широкофюзеляжным Boeing и Airbus — на 250–300 пассажиров и с дальностью 12 000 км (был проект с Россией, но с 2023 года планируется использовать двигатели Rolls Royce и General Electric). В середине 2024 года такси без водителей уже разъезжали Пекине, Чунцине, Шеньчжене и Ухани (больше всего — 500 такси — в Ухани, столице провинции Хубей с 13 миллионным населением), в августе 2024 года в провинции Сычуань в небо поднялся первый в мире беспилотный транспортный самолет (грузоподъемностью 2 тонны) — здесь, как и в производстве электромобилей, аккумуляторов, солнечных батарей, высокоскоростных поездов, передаче электроэнергии на дальние расстояния Китай лидирует, да много еще в чем лидирует, всего не перечислишь.

Но главное, что бросается в глаза сегодня, даже не стремительные перемены и не темпы роста (тем более что они в последние 15 лет существенно замедлились), а усиливающееся чувство гордости и уверенности в успехе своей страны у китайцев из самых разных социальных групп. Америка все меньше привлекает китайских горожан, интеллектуалов и чиновников, которые видят, как «Восток растет, а Запад приходит в упадок».

«Соединенные Штаты когда-то пользовались авторитетом в Китае, но больше не пользуются» — под таким заголовком *Washington Post* в мае 2024 года опубликовала статью, в которой говорится, что в последние годы «мягкая сила» США в Китае ослабла, а американские бренды и идеи постепенно теряют привлекательность. Как говорится в статье, американская Луна, которую когда-то в шутку называли «больше и круглее», теперь ничем не отличается от китайской.

Темпы освоения китайского рынка американскими компаниями застопорились, а Китай все активнее переключается с американской продукции на продукцию других стран и продукцию местного производства. Люди больше не думают, что американские бренды круче, но теперь предпочитают отечественную продукцию. Продажи Apple в Китае падают, тогда как продажи Huawei растут. Политика администраций Трампа и Байдена в отношении Китая — нападки правительства на Китай на ранних стадиях вспышки Covid-19, заигрывания с Тайванем и введение санкций в отношении компаний, поставляющих в Россию продукцию двойного назначения, — все это, конечно, не способствовало росту престижа США в Китае. Но главное — это все же разочарование в американской модели — с ее неравенством, экономическими потрясениями, кризисом политической системы при передаче власти от Трампа к Байдену, жестокостью полиции, массовыми убийствами. Студенты, приехавшие в Америку учиться в прошлом веке, и

вернувшиеся в Китай, когда-то чувствовали себя «знаменитостями», но не теперь. Голливудские фильмы, которые когда-то были популярны среди молодежи, утратили привлекательность. Китайцы сегодня смотрят в основном национальные, а не американские сериалы. А в 2024 году в моду так решительно вошли «мамяньцунь» — длинные и красочные юбки, которые носили при династиях Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), — что это дало толчок развитию всей текстильной промышленности.

Чем дальше, тем больше китайская, или восточноазиатская, модель развития становится привлекательнее для всех развивающихся стран, ибо только она обеспечила беспрецедентный, не имеющий аналогов в мировой экономической истории рост, социальную справедливость и гармонию.

У победы, как известно, всегда много родителей, так что почти все экономисты пытаются доказать, что головокружительный успех Китая подтверждает именно их теории. Либеральные экономисты (неоклассики) объясняют успех Восточной Азии прорыночными реформами — дерегулированием экономики, низкими налогами и относительно небольшим, но эффективным правительством, стремительным вовлечением в мировую торговлю. По их мнению, восточноазиатские «тигры» и «драконы» наконец-то показали всему миру, на что способна рыночная экономика со стабильной валютой, открытая внешнему миру и освобожденная от бюрократических пут.

Экономисты более левого толка — от кейнсианцев до дирижистов — говорят, что открытых дерегулированных экономик в мире полно, от Аргентины до Зимбабве, однако большинство из них высокими темпами роста мир особенно не удивляли. Они указывают на либерализацию и открытие экономики в Китае в середине XIX века, после «опиумных войн», в Африке и Латинской Америке в 80-е годы XX века, в бывшем соцлагере в 1990-е годы (исключая Китай и Вьетнам — не правда ли, примечательные исключения?), после которых темпы роста упали, а не возросли. Наконец, они обращают внимание на сильную промышленную политику, проводившуюся практически во всех восточноазиатских странах: хотя госрасходы в этом регионе и вправду были относительно невелики, вмешательство бюрократии в хозяйственную жизнь здесь малым не назовешь. Рынок, конечно, играл свою роль в распределении ресурсов, но только после утверждения стратегических направлений правительственными чиновниками.

В 1993 году Всемирный банк опубликовал исследование «Восточноазиатское чудо: экономический рост и правительственная политика» (World Bank (1993), в котором

проанализировал факторы стремительного экономического роста в 1965–1990 годах восьми восточноазиатских стран — Гонконга, Индонезии, Малайзии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Таиланда и Японии. Выводы оказались неоднозначными. Все экономисты признали в качестве составляющих успеха политику, направленную на создание стабильной макроэкономической среды (низкая инфляция), стимулирование сбережений и государственных вложений в образование и инфраструктуру, привлечение иностранных инвестиций, обеспечение надежности банковской системы.

Но вот что касается промышленной политики — создания особых преференций для развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности через тарифную защиту, госсубсидии, госзаказы, госкредиты и т. п., — здесь особого единства не наблюдалось. В лучшем случае можно говорить о том, что Всемирный банк частично и нехотя признал, что экспортно ориентированная промышленная политика, благоприятствующая сильным конкурентоспособным отраслям, которые и так поднимаются вверх силами рынка, может быть эффективной. То есть если правительство подталкивает структурную перестройку в том направлении, в котором она уже и так идет, то промышленная политика «может быть» полезной. Может быть, но не обязательно будет — не дано бюрократам знать лучше, чем рынку, какие отрасли в будущем будут преуспевать, а какие обречены на вымирание. И если они угадали один раз, это не значит, что угадают второй.

В 1994 году Пол Кругман — один из самых известных американских экономистов, основываясь на новых расчетах факторов экономического роста в Восточной Азии, произведенных Элвином Янгом (Young 1994), заключил, что тайны восточноазиатского роста не существует. Здесь не обойтись без пояснений. В классической теории экономического роста факторы роста делятся на экстенсивные (увеличение вложений ресурсов — труда, капитала, земли) и интенсивные (технический прогресс в широком смысле этого слова — все нововведения, ведущие к повышению отдачи этих вложений). Считается, что увеличение вложений одного из факторов без пропорционального увеличения вложений других непременно ведет к снижению отдачи: скажем, увеличение капиталовложений в машины и оборудование без соответствующего увеличения занятости будет давать все меньшие и меньшие приросты выпуска. Поэтому форсировать инвестиции — ускоренно накапливать капитал — не слишком выгодно: произойдет снижение эффективности капиталовложений, так что ускорение роста если и произойдет, то самое незначительное.

Пример — экономический рост в СССР, который был очень высоким в 1950-е годы (8% ежегодно), а потом упал до 2–3% в 1980-е из-за перенакопления капитала: доля инвестиций в ВВП в этот период возрастала и возросла аж до 35%, накопление основных фондов шло высокими темпами, а вот результаты были более чем скромные. Как говорила Алиса в «Стране чудес», нам приходилось бежать вдвое быстрее, чтобы остаться на том же самом месте. Считается, что советская экономическая динамика — лучшая иллюстрация классической теории роста (модели Солоу): если вклад технического прогресса незначителен, каким он и был у нас, то есть если рост по преимуществу экстенсивный, то поддерживать высокие темпы роста за счет высоких инвестиций длительное время невозможно, эти темпы роста неизбежно падают, приближаясь к темпам роста населения.

Так вот Пол Кругман доказывал, что восточноазиатский рост был в основном экстенсивным, как и в СССР, из чего следовало, что никакой великой тайны в этом росте нет — если вы готовы направлять свыше трети своего ВВП на инвестиции, ограничивая потребление, то тоже можете так расти, нечего изобретать колесо. Кроме того Кругман предсказывал, что этот рост скоро закончится, как закончился советский рост, потому что по мере истощения резервов рабочей силы из-за полного вовлечения женщин в производство и замедления притока крестьян в города наращивание инвестиций дает все меньшую отдачу, эффективность накопления все более падает³.

Валютные кризисы 1997 года, сразу же после которых темпы роста стран Восточной Азии резко замедлились, казалось бы подтвердили правоту Кругмана. Для Китая, правда, кризис был что слону дробина: ВВП продолжал расти, только что темп роста снизился с 9% в 1997 году до 8% в 1998 году и до 7% в 1999 году, а в 2000-м вновь возрос до 8%. Но вот в странах ЮВА ВВП в 1998 году упал на 9%; в «четыре тигра» — Корею, Тайване, Сингапуре, Гонконге — на 3%. Однако... Однако есть как минимум три возражения. Во-первых, то, что экономисты называют экстенсивным ростом, например ускоренное накопление капитала при слабом росте рабочей силы и отсутствии технического прогресса, вполне может вести к повышению уровня хозяйственного развития — ВВП на душу населения. Если Южная Корея повысила свой ВВП на душу населения с менее 10% от уровня США в 1960 году до 50% в 1995 г., то, как говорится, дай бог каждому такое

³ Кругман считал, что быстрый рост Японии, Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга был вызван ускоренным накоплением капитала из-за высокой доли инвестиций в ВВП (экстенсивные факторы роста — perspiration), а не ускоренным ростом совокупной факторной производительности (вдохновению — inspiration). То есть Кругман считал, что «чуда», по сути, не было.

экстенсивное развитие. Пусть потом эффективность накопления падает, пусть даже темпы роста упадут — ведь дело-то уже сделано, страна вырвалась из отсталости. Так что ничего постыдного в «экстенсивном» ускоренном накоплении капитала нет, наоборот, есть загадка — почему одним странам удается поддерживать высокую долю инвестиций в ВВП, а другим нет.

Во-вторых, статистические оценки, свидетельствующие о слабом вкладе технического прогресса в восточноазиатский рост, не единственные, есть и другие, показывающие, что этот вклад был примерно таким же, что и в западных странах, и значительно выше, чем во всех других развивающихся странах. Тогда получается, что Восточная Азия знает не одну, а две великие тайны — не только как поддерживать высокую долю инвестиций в ВВП, но и как обеспечить более высокие темпы технического прогресса, чем в других догоняющих странах.

Кроме того, сама классическая модель роста в 1980-е годы подверглась ревизии — главным образом из-за того, что восточноазиатский стремительный рост не укладывался в схему, предусматривающую неременное снижение эффективности накопления по мере увеличения доли инвестиций в ВВП. И в СССР, и в Восточной Азии доля инвестиций в ВВП была высока, только вот результаты были различны: в Советском Союзе нужно было все больше и больше инвестиций, чтобы не падали темпы роста (а они все равно продолжали падать), тогда как в Восточной Азии увеличение инвестиций приводило к ускорению роста.

Поэтому и появились модели так называемого эндогенного роста, в которых технический прогресс сам зависит от накопления физического капитала (машины, сооружения) и человеческого капитала (запас знаний и профессиональных навыков). В общем идея интуитивно вполне понятная, технический прогресс в этих самых машинах и навыках материализуется: чем больше вкладываешь в технологию и образование, тем больше должны быть темпы технического прогресса. Но в экономической теории до середины 1980-х годов выходило наоборот, хотя на практике, у кого инвестиции были больше, тот и рос быстрее. А печальная история советского роста, таким образом, получала иную интерпретацию, превращаясь из правила в исключение, — все дело в плановом характере экономики, в рыночной среде такое замедление роста при наращивании инвестиций произойти не могло. (Не все так просто, конечно — исключительно высокий рост СССР в 50-е годы вопреки плановой модели и довольно низким инвестициям в такой трактовке необъясним, но это уже другая история, об этом чуть позже.)

Наконец, в-третьих, после кризисов 1997 года Восточная Азия опять, похоже, «принялась за старое» — в Корее, на Тайване, в Китае темпы роста составили в 1999–2000 годах по 5–11% в год, в странах ЮВА в среднем 3% в 1999 году и 5% в 2000 году. В целом темпы роста в Восточной Азии в 2000 году составили 7,3%, а в 2001 году снизились до 5% из-за спада в мировой экономике и террористических актов 11 сентября. Китайская экономика, правда, опять не обнаружила высокой чувствительности к мирохозяйственной конъюнктуре: ее рост в 2001 году составил 8%.

Правда, существенное замедление роста все же произошло после Великой рецессии 2008–2009 годов — темпы роста упали с 14% в 2007 году до 5% в 2023-м. Пятилетние скользящие средние темпы роста в 2023 году упали до самого низкого уровня с момента начала реформ в 1978 году, более четырех десятилетий назад. Китай пережил пандемию COVID гораздо лучше других стран: темпы роста оставались положительными и в 2020, и в 2021 году, тогда как в других странах «Большой двадцатки» (за исключением Турции) наблюдалось сокращение производства. Ожидаемая продолжительность жизни выросла до 78 лет в 2021 году, превысив аналогичный показатель в США, где она упала до 76 лет в 2021 году. Однако темпы роста и после пандемии оставались медленными по китайским стандартам (3% в 2022 году и 5% в 2023 году). Вопрос подробнее рассматривается в третьей части и в статьях, не так давно написанных на эту тему (Попов 2020а, б; Роров 2023b). Здесь же только отметим, что и в объяснениях замедления роста эксперты тоже далеко не едины — некоторые считают процесс объективным, а другие говорят, что это следствие ошибок в экономической политике.

Экономисты, таким образом, похоже, до сих пор не договорились, «был ли мальчик»: то ли рост в Восточной Азии был исключительным, то ли так, ничего особенного, экстенсивные факторы. А среди тех, кто считает этот рост чудом, тоже согласия нет — то ли это результат рыночной либерализации и открытости, то ли следствие умелого бюрократического управления. И в прогнозах на будущее единства не наблюдается — то ли валютно-финансовые кризисы 1997 года и Великая рецессия 2008–2009 годов похоронили быстрый рост раз и навсегда и доказали что чуда-то в общем и не было, то ли этот рост продолжится в дальнейшем и через несколько десятилетий приведет к превращению стран ЮВА и Китая в экономически развитые страны, как это произошло ранее с Японией, Кореей, Тайванем.

На мой взгляд, последний сценарий более вероятен — Восточная Азия догонит Запад (и гораздо раньше, чем Россия), а потом, может быть, и перегонит, так что мир скоро сильно изменится в том числе и по этой причине. Но дело даже не в этом, а в том, что, если быстрый китайский рост закончится завтра, предмет для обсуждения все равно не исчезнет. Чудо уже состоялось, свершилось на наших глазах, только вот экономисты, похоже, его не слишком заметили. Повторюсь: не было в мире таких прецедентов, никто не рос так быстро, как Япония, Корея, Тайвань, страны ЮВА, Китай, — какие еще нужны доказательства? Если рост завтра прекратится, мы будем иметь две загадки вместо одной — надо будет объяснить не только то, почему рост был раньше, но и почему он закончился теперь. Как говорил нобелевский лауреат по экономике Роберт Лукас, «если мы знаем, что такое экономическое чудо, мы должны суметь его сотворить»; ну а если не можем сотворить, значит, не знаем.

России, размышляющей над тем, как бы побыстрее догнать западные страны, надо смотреть не только на Запад, но и на Восток: именно там, где восходит солнце, находятся реальные и единственные примеры успешного *догоняющего* развития. Страны Восточной Азии или уже прошли, или прямо сейчас проходят за несколько десятилетий, буквально на протяжении жизни одного поколения, путь, который на Западе занял не одно столетие.

Не претендуя на раскрытие тайны восточноазиатского экономического чуда, я хотел бы привлечь внимание к самому факту беспрецедентно быстрого и до сих пор почти во всех смыслах очень успешного китайского развития и рассказать о том, что я увидел в Китае в последние годы и что меня особенно поразило. Эта книга не научная, а публицистическая, я только пытаюсь наметить возможные объяснения, причем часто не на аналитическом, а на интуитивном уровне. Чисто экономические факторы — открытость экономики, сильные институты, макроэкономическая стабильность, экспортно ориентированная промышленная политика — лишь отчасти объясняют восточноазиатский, и, в частности, китайский, головокружительный успех. Не меньшее значение, видимо, имеют и неэкономические, культурно-исторические факторы, хотя какие именно, не вполне ясно. Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли.

Я признателен многим друзьям и коллегам, которые помогли мне написать эту книгу, но более всего — Лу Айго, сотруднику Института мировой экономики и политики в Пекине, автору многому научившей меня книги «Китай и мировая экономика с 1840 года» (Lu 1999). Если я действительно сумел что-то увидеть и понять в Китае, это заслуга прежде всего и именно Лу Айго. Всем спасибо.

ЧАСТЬ I

ПОЧЕМУ ЗАПАД РАЗБОГАТЕЛ РАНЬШЕ КИТАЯ И ПОЧЕМУ КИТАЙ ТЕПЕРЬ ДОГОНЯЕТ ЗАПАД?

Формулировка проблемы

500 лет назад, в XVI веке, все страны, как известно, находились примерно на одинаковом уровне развития, если измерять этот уровень ВВП на душу населения, подушевым потреблением, продолжительностью жизни, уровнем грамотности (Мельянцев 2006; Maddison 2008). Более того, в Средние века, скажем в период династии Тан (VII–X века), Китай даже несколько опережал Запад по уровню технологии и потребления (примерно на 20–30%). Эта переменчивость исторических судеб известна в литературе под названием «загадки Нидема», по имени Джозефа Нидема — английского ученого, автора многотомного исследования на эту тему.

С XVI века, однако, начинается ускоренное развитие Запада. В 1900 года отношение ВВП на душу населения в развитых странах и развивающихся выросло до 6:1, а доля Китая и Индии в мировом валовом продукте, составлявшая еще и в начале XIX века 50%, к 1950 году снизилась до 9%.

С начала XIX века некоторые страны периферии (Япония, Латинская Америка, Российская империя) тоже вступают в полосу быстрого развития (рост производительности на 0,1–1% в год, как на Западе, против 0,01% в год до XIX века), но им удастся только приостановить рост разрыва с Западом, но не преодолеть его. Первой страной периферии, сумевшей существенно сократить разрыв с Западом, был Советский Союз — в 1930–1960-е годы подушевой ВВП вырос с 20% до почти 40% от американского уровня. Однако в 1970–1980-е годы разрыв уже не сокращался, советская модель импортозамещения перестала работать, ну а с переходом к рынку и демократии и развалом СССР произошло значительное падение производства, которое только к 2007 году восстановилось до предкризисного уровня и сейчас, после четырех новых падений (в 2008 году — из-за Великой рецессии, в 2015 году — после конфликта в Донбассе, в 2020 году из-за пандемии COVID и в 2022 году из-за нового конфликта на Украине), находится примерно на том же уровне конца 1980-х годов (Роров 2023с)⁴.

⁴ При этом личное потребление выросло из-за изменений в структуре ВВП (рост доли потребления и экспортно-импортного сальдо за счет снижения доли инвестиций и государственного потребления).

С середины XX века, однако, другая, восточноазиатская модель экспортно ориентированного догоняющего развития позволила ряду стран и территорий догнать Запад и фактически превратиться из развивающихся в развитые (Роров, Јото 2018). Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг впервые вошли в клуб богатых стран после того, как этот клуб образовался (в начале XIX века ВВП на душу в западных странах уже вдвое превышал подушевой ВВП в развивающихся). По пути этих стран идет теперь и Юго-Восточная Азия (АСЕАН, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), и Китай, а в последние три десятилетия — и Индия. Другие развивающиеся страны, правда, не улучшили своего относительного положения — доля Чёрной Африки, Латинской Америки, России в мировом валовом продукте в последние десятилетия сокращалась, хоть и не очень значительно.

В целом в 1950 году на развитые страны приходилось более 60% мирового ВВП, в 2023 году эта доля снизилась до 46% в основном за счет роста доли Китая и Индии и несмотря на снижение доли многих республик бывшего СССР. Продолжение этих тенденций будет означать подтягивание развивающихся стран к западному уровню и сокращение доли Запада в мировом ВВП до 15–20%, то есть до его доли в мировом населении.

Следует отметить, что все оценки ВВП на душу населения базируются на достаточно примитивных данных о доходах и ценах в разные исторические периоды и в разных странах. Даже сегодня паритеты покупательной способности валют, которые рассчитываются в рамках программы международных сопоставлений, пересматриваются так, что подушевой ВВП изменяется не на 20–30%, а порой более чем в два раза. Применительно к более давним периодам точность, естественно, еще больше снижается⁵.

Но все же можно выделить главные стилизованные факты, которые признают большинство статистиков и экономистов:

- 1) расхождения в подушевом ВВП на протяжении нескольких тысяч лет до 1500 года между разными странами и историческими периодами были незначительными — 20–30% между континентами и максимум в два раза — между странами;

⁵ Так, российский ВВП по ППС в разных подсчетах различается в два раза — иногда вдвое меньше японского, иногда, как в подсчете Всемирного банка в 2024 г., примерно равный ВВП Германии и Японии (<https://datacatalog.worldbank.org/search/dataset/0038129>).

2) с 1500 года Запад стал расти быстрее Юга, и до 1950 года этот разрыв между Западом и Югом в подушевом ВВП постоянно увеличивался, достигнув, грубым счетом, 6:1;

3) с 1950 года многие развивающиеся страны, в основном страны Восточной Азии, затем и Индия, стали расти быстрее Запада, так что, хотя другие развивающиеся страны и не испытали ускоренного роста, общий разрыв в подушевых доходах между Западом и Югом впервые за почти 500 лет стал сокращаться.

Почему Запад сначала вырвался вперед, а после Второй мировой войны уступает по темпам роста Восточной Азии и другим странам (Роров 2009b; Попов 2015б) — это, по сути, самый главный вопрос экономической науки. Одна из первых экономических книг в мире так и называлась — «Богатство народов» Адама Смита, а точнее «О причинах и природе богатства народов». С тех пор вышли сотни, а может и тысячи книг со схожими названиями, но полной ясности все равно нет. Экономисты говорят о дивергенции (расхождении стран по уровню развития) и конвергенции (выравнивании стран по уровню развития), а в динамике вопрос о богатстве народов формулируется как вопрос о различиях в темпах роста. И различия эти порой просто поражают воображение.

До середины XX века ни одна страна не поддерживала темпы роста 10% в год в течение нескольких десятилетий, Запад разбогател постепенно, подняв темпы роста подушевых доходов до 1–2% в год только после завершения промышленной революции и поддерживая эти темпы более столетия. А Восточная Азия прошла этот путь за несколько десятилетий, совершив беспрецедентный бросок из бедности и отсталости в современный мир.

Еще в 50-е годы XX века японские товары в США вызывали насмешки из-за своего низкого качества. Тогдашний американский комик, разыгрывая сцену самоубийства, нажимая на курок пистолета, приложенного голове, и получая осечку, читал надпись на пистолете Made in Japan и бросал его в ярости на пол под хохот зрителей. Знакомый американец рассказывал мне, как ребенком он, следуя естественному желанию узнать, что внутри, разломал японский игрушечный автомат и выяснил, что ствол сделан из американской же банки из-под кока-колы. Так когда-то начинался японский промышленный экспорт в США.

В Токио еще в начале 60-х годов XX века во многих районах не было городской канализации, так что во время проводившейся там Олимпиады 1964 года городские власти запретили на две недели разъезды по городу плохо пахнущих автоцистерн-

ассенизаторов, откачивавших нечистоты из выгребных ям, чтобы не портить впечатление участникам и гостям. А в 1970-е годы Япония стала развитой страной (в 1970 году ВВП на душу достиг 60% от американского, в 1990 году — 80%), и в Америке одна за другой защищались диссертации о японском экономическом чуде и причинах конкурентоспособности японского автопрома, буквально завалившего Америку дешевыми и качественными автомобилями.

По словам Роберта Лукаса, лауреата Нобелевской премии по экономике, сравнивавшего темпы долгосрочного роста в Южной Корее и Японии, Индии и Египте, «когда задаешься такими вопросами, последствия для благосостояния населения просто ошеломляют. Когда начинаешь размышлять над ними, сложно думать о чем-либо еще» (Lucas 1988: 5).

Гарантии прав человека — причина возвышения Запада?

Распространенное мнение таково, что именно гарантии прав личности позволили Западу вырваться вперед в экономической гонке. Традиционная трактовка (Landes 1998; Мокуг 2002; Мокир 2012 — пожалуй, самые известные современные работы) состоит в том, что отдельные социальные новации, или же вся их совокупность незадолго до и сразу после XVI века привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций — отмена крепостничества и личная свобода, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями и т. д.

«Традиционная мудрость, принимаемая многими специалистами по экономической истории, в частности и такими известными, как Дуглас Норт, состоит в указании на набор связанных друг с другом правовых, экономических и социальных институтов, которые, как считается, необходимы для устойчивого экономического роста или, по крайней мере, способствуют ему, — писал об этом нобелевский лауреат Роберт Солоу. — Самые важные из них — верховенство закона, гарантии прав собственности, относительно свободные рынки и известная степень социальной мобильности. Они уменьшают неопределенность вокруг сбережений, инвестиций и предпринимательской активности и повышают для способных людей стимулы заниматься экономической деятельностью, а не грабежами и молитвами. Промышленная революция произошла именно тогда, когда произошла, так как эти условия оказались выполненными, как никогда раньше; и именно в Англии эти условия были созданы раньше, чем в других странах, и в наиболее полной степени» (Solow 2007).

Сторонники другого подхода (Diamond 1997; Даймонд 2009; Pomerantz 2000; Померанц 2017 — опять-таки лишь некоторые современные авторы) считают, что особых различий в развитии Запада и Востока до XVIII века не было. Даже в XVIII веке, считает Кеннет Померанц, Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае — нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств — наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после «открытия» Америки.

Чжэн Хэ (1371–1435), величайший китайский путешественник, почти за век до Колумба плавал к Африканскому рогу, на Мадагаскар, в Индонезию. Дело шло к тому, что Америку «откроет» Китай, а не Европа, но императоры династии Мин запретили строительство больших кораблей после путешествий Чжэн Хэ — довольно случайное, а отнюдь не закономерное решение, положившее начало самоизоляции Срединной империи на протяжении последующих четырех веков. В Европе же, согласно Померанцу, эмиграция позволила смягчить давление растущего населения на ограниченные земельные ресурсы и избежать снижения производительности. Согласно же многим другим авторам, удорожание рабочей силы из-за эмиграции в Америку заставило предпринимателей внедрять трудосберегающие технологии, что дало толчок техническому прогрессу.

Джаред Даймонд (Diamond 1997; Даймонд 2009) придает решающее значение таким, казалось бы, незначительным факторам, как отсутствие легко одомашниваемых животных в Африке, доколумбовой Америке и Австралии и изобилие таких животных в Евразии. Вдобавок помогала и географическая протяженность Евразии с Запада на Восток, что облегчало распространение передовых сельскохозяйственных технологий из-за схожести климатических условий. Америка же, напротив, вытянута с Севера на Юг, пересекая все мыслимые климатические зоны, в которых возделываются самые разные культуры — от бананов до овса.

Однако обе теории не объясняют, почему Англия и северо-западная Европа не смогли вырваться из мальтузианской ловушки до XVI века и почему другие страны вырвались гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор. В этом, по сути, и состоит недостаток традиционных объяснений. «Каким образом получилось так, что огромные различия в обычаях, общественном устройстве, институтах, языках, географии, земледелии, и во многом другом не привели к различиям в темпах экономического роста... — спрашивает Джек Голдстоун. <...> — И почему этот (мальтузианский. — *В.П.*) режим роста неожиданно подошел к концу или был трансформирован, так что темпы роста, бывшие стабильными на протяжении как минимум 10 000 лет, неожиданно повысились на два порядка за 100 лет» (Goldstone 2007: 209).

В самом деле, если гарантии прав собственности и личных свобод дают ускорение экономического роста, почему этого не случилось ранее в Древней Греции, Риме, Византии, Китае, Индии? Почему в Древней Греции и Риме с высоким уровнем гарантий прав личности, собственности и контрактов, со свободными дискуссиями

и обменом идеями не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста другие страны не смогли совершить такой же прорыв? Больше того, если успехи в догоняющем развитии и были, то как раз в странах / на территориях, которые совсем не укладываются в схему либерального свободного предпринимательства и демократии (СССР до 1970-х годов, Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а теперь — и страны Юго-Восточной Азии и Китай).

Новые данные о качестве институтов в XIX–XX веках (база данных POLITY) привлекли в последние годы внимание не только экономических историков, но и макроэкономистов и тех, кто занимается экономическим ростом. Толчком послужила статья «Колониальное прошлое как причина различий в сравнительном развитии» (Acemoglu, Johnson, and Robinson 2001), в которой авторы (получившие, кстати сказать, Нобелевскую премию за 2024 год) пытаются решить проблему «курица-яйцо» применительно к взаимозависимости институтов и экономического роста с помощью инструментальной переменной⁶ — уровень смертности среди европейских поселенцев (колонизаторов). Если уровень смертности поселенцев был высок, как в Гамбии, Мали, Нигерии, колонизаторы не были заинтересованы в налаживании хороших институтов в этих странах. Напротив, если уровень смертности был низок (Австралия, Багамы, Канада, Гонконг, Новая Зеландия, США), то колонии считались перспективными и метрополии инвестировали в институциональное строительство.

Утверждалось также, что местное население обладало иммунитетом ко многим болезням, поражавших поселенцев, так что прямое воздействие смертности поселенцев на экономический рост было слабым, а главное влияние происходило косвенно — через воздействие на институциональное строительство, которое, в свою очередь, влияло на рост. Именно поэтому поселенческая смертность — идеальный эконометрический инструмент для решения проблемы эндогенности (институты → рост → институты). Результат же анализа с помощью этого инструмента был таким: для роста важны институты, а не географическое положение (Acemoglu, Robinson 2000; Acemoglu, Robinson 2006).

Другая школа (Sachs 2003; Faye, McArthur, Sachs, Snow 2004) придерживалась мнения, что прямое влияние географии на рост значительно — через доступ к морю, транспортные издержки, климат и болезни. Джеффри Сакс, споря с

⁶ Инструментальная переменная в эконометрике — показатель, который объясняет независимую переменную, но не связан с зависимой и таким образом помогает установить причинно-следственные связи.

институционалистами (Acemoglu, Johnson, Robinson 2001), указывал на высокую корреляцию между смертностью британских солдат в различных частях мира около 1820 года и подушевым ВВП в 1980–1990-е годы. Сакс выделял три группы развивающихся стран и территорий: (1) с благоприятными географическими условиями, хорошими институтами и экономической политикой — приморские районы Китая, Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия, (2) с благоприятным географическим положением, но, по историческим причинам, с плохим управлением и институтами — страны Центральной Европы, географическая близость которых к Западной Европе не принесла им особых преимуществ при социализме, (3) обедневшие страны с неблагоприятной географией (Африка южнее Сахары, Средняя Азия, большая часть Андского нагорья и горные районы Центральной Америки) с низким уровнем дохода и малочисленным населением (и, следовательно, с узкими внутренними рынками), расположенные далеко от моря и страдающие от болезней, особенно от СПИДа, малярии и туберкулеза. Эта последняя группа стран «оказалась по сути в ловушке бедности из-за неспособности пройти рыночный тест на привлечение частных инвестиций» (Sachs 2003: 40).

Большинство авторов все же отвергают прямолинейный географический детерминизм, хотя и не принимают теорию колониального происхождения институциональных различий. Так, в статье с характерным названием «Институты правят бал» (Rodrik, Subramanian, Trebbi 2004), авторы исследуют влияние на экономический рост трех факторов — географических условий, институтов и внешней торговли. Трудность, конечно, состоит в том, что все эти факторы взаимосвязаны — и между собой, и с экономическим ростом, так что авторы также применяют инструменты: для институтов — поселенческая смертность, для доли внешней торговли в ВВП — расчетная доля на основе гравитационной модели⁷. В результате они приходят к выводу, что важнее институтов нет ничего. Институты в значительной степени, хотя и не целиком, определяются географией и, в свою очередь, определяют вовлеченность страны во внешнюю торговлю. Прямое воздействие географии на рост (а не опосредованное — через влияние на институты) оказывается незначимым.

⁷ Гравитационная модель внешней торговли объясняет географическую структуру внешней торговли экономическим потенциалом стран (положительная зависимость) и расстоянием между ними (отрицательная зависимость).

Различия с географическим детерменизмом здесь очевидны, но есть и отличия школы колониального происхождения институтов (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001). Как считают авторы описываемой статьи (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2004), поселенческая смертность может быть хорошим эконометрическим инструментом для предсказания качества институтов, но не фактором, определяющим это качество. Нахождение инструмента не эквивалентно обнаружению причины. Дэни Родрик (Rodrik 2004) объясняет это следующим примером: различия в подушевом ВВП стран, которые никогда не были колониями (Эфиопия, Афганистан, Турция, Таиланд, Япония) не менее значительны, чем расхождения в подушевом ВВП стран с колониальным прошлым; как объяснить эти различия в странах без колониального прошлого?

Альтернативная гипотеза объясняет экономическое возвышение Запада повышением доли сбережений и инвестиций в национальном доходе при разрушении традиционных институтов (общины) и росте неравенства (Попов 2012а; Роров 2014а). Это так называемый эффект Калдора (по имени известного британского исследователя экономического роста) — при росте дохода увеличиваются не только сбережения, но и норма сбережений (доля сбережений в доходе), то есть при росте неравенства сбережения богатых растут быстрее, чем сокращаются сбережения бедных и общие сбережения общества повышаются при неизменном общем доходе — просто из-за более неравномерного распределения этого дохода. А рост сбережений ведет к росту инвестиций и повышению производительности труда (Feinstein 1981; Galor, Weil 2000; Galor, Moav 2005).

Если эмпирические исследования экономического роста и позволили установить что-то наверняка, так это две главные закономерности: во-первых, положительная зависимость темпов роста производительности труда и подушевого дохода от доли инвестиций в ВВП, а во-вторых — отрицательная зависимость темпов роста подушевого дохода от темпов роста населения. Теоретическое объяснение таково, что производительность труда и доходы на душу растут из-за увеличения количества машин и оборудования на одного занятого и из-за технического прогресса, а и то и другое зависит от объема капитала на одного занятого (капиталовооруженности), которая тем выше, чем больше инвестиции и чем меньше темпы роста населения (нет нужды тратить инвестиции на создание новых рабочих мест).

Мальтузианский режим роста, в котором находились все страны до XVI века, характеризовался, среди прочего, низким доходным неравенством. Собственно

говоря, неравенство и не могло быть высоким, так как при среднем доходе порядка 500 долларов в год на душу населения (в долларах 1990 года) рост неравенства был связан с ростом доли населения ниже черты прожиточного минимума. При предположении, что прожиточный минимум составлял половину среднего дохода, получается, что критический, или максимально возможный, уровень неравенства, достигаемый без вымирания населения, примерно соответствует коэффициенту Джини (мера неравенства, изменяющаяся от нуля до 100%, чем он выше, тем больше неравенство) на уровне менее 50% (inequality possibility frontier: Milanovic, Lindert, Williamson 2011). Если фактический уровень неравенства превышал критический, население просто переставало увеличиваться или даже сокращалось (из-за снижения рождаемости и роста смертности).

В мальтузианском режиме роста, когда богатство и мощь страны определялись численностью жителей и армии, это чаще всего означало поражение в будущей войне. Успех же страны выражался в быстром росте населения — как в Китае при императоре Цяньлуне, правление которого (1736—1795) ознаменовалось небывало быстрым ростом населения (доля Китая в мировом населении увеличилась с 23% в 1700 года до 37% в 1820 году: Maddison 2008).

Низкое неравенство обеспечивали коллективистские институты, прежде всего община, но также и государство, руководствовавшиеся «азиатскими ценностями» — приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума. А низкое неравенство означало низкую норму сбережений и инвестиций (так как бедная часть населения физически не могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции → низкая и не повышающаяся капиталовооруженность → низкая и не растущая производительность труда → низкая норма накопления. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возрастала, вступал в силу другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни (сокращение смертности и рост рождаемости), «съедавшее» повышение капиталовооруженности и производительности труда.

Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе и в Древней Греции и Риме и в Византии, но, видимо, вели только к поражениям этих стран в войнах с более примитивными, но и более приверженными «азиатским» (общинным, коллективистским) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных (общинных) институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины, вели к росту доходного и имущественного

неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества и замедления роста и даже сокращения населения — основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно — нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность превратилась в действительность в Англии в XVI–XVIII веках во время огораживания, а затем и в остальной Северо-Западной Европе.

Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки начиная с XVI века был совсем не уникальным (попытки выхода предпринимались и до этого). Уникальным, однако, было то, что Запад смог продержаться два-три века, не будучи подорван внутренними социальными конфликтами или завоеван соседями с более традиционными институтами до тех пор, пока производительность труда не выросла к началу XIX века более чем в два раза, с соответствующими последствиями для военной мощи.

Многочисленные факты подтверждают такую гипотезу. Несмотря на ускорение роста производительности труда в 1500–1800 годы в Великобритании (до 0,2% в год, так что за три века подушевой ВВП более чем удвоился⁸), уровень жизни населения (потребление) не повысился. «Самый важный факт состоит в том, — пишет об этом Джек Голдстоун, — что у нас нет никаких свидетельств сколько-нибудь значительного повышения материального благосостояния среднего работника нигде в мире до 1830 года» (Goldstone 2007: 208). Даже в Англии, переживавшей промышленную революцию, реальные заработки на самом деле даже сократились в 1500–1800 годах (Saito 2010).

Стагнация потребления при росте ВВП — косвенное подтверждение гипотезы растущего неравенства в эпоху огораживания и первоначального накопления капитала, которое привело к кардинальному росту доли сбережений и инвестиций в ВВП — с 6% в 1760 году до 12% в 1831 году (Galor 2008). Это также согласуется с тем фактом, что еще и в XVIII веке уровень жизни в Китае был сопоставим с европейским: по уровню здравоохранения и санитарных условий, медицины,

⁸ Подушевой ВВП в Великобритании в постоянных долларах 1990 г. увеличился с 714 долларов в 1500 г. до 974 долларов в 1600-м, до 1250 долларов в 1700-м и до 1706 долларов в 1820 г. (Maddison 2008).

калорийности питания, продолжительности жизни, внутреннего потребления, Китай не уступал главным европейским странам (Pomerantz 2000; Померанц 2017). Но в Европе были выше инвестиции — то есть возросший в XVI–XVIII веках национальный доход шел на инвестиции, а не на потребление.

Кардинальное перераспределение собственности (земли) в Англии и отсутствие такого перераспределения в Китае видно из данных о величине фермерских хозяйств: в Британии их средний размер увеличился с 14 акров в XIII веке до 75 акров в 1600–1700 годах и до 151 акра в 1800 году, тогда как в Китае он снизился с 4 акров в 1400 году до 3,4 акров в 1650 году и до 2,5 в 1800 году (в дельте Янцзы — с 4 акров в 1400 году до 2 акров в 1600–1700 году и до 1 акра в 1800 году). В Китае растущему сельскому населению предоставлялась земля за счет существующих владельцев, в Англии, напротив, фермеров сгоняли с земли и они превращались в пролетариев (Brenner and Isett 2002, Table 1). Доля городского населения в Англии повысилась с 6% в 1600 году до 13% в 1700 году и 24% в 1800 году, в то время как в Китае она сократилась с более 20% в XIII веке до всего лишь 5% (!) в начале XIX века (Brenner and Isett 2002, таблица 4).

В XVI–XVIII веках, таким образом, Европа и Китай (да и весь Юг) разошлись не столько в динамике потребления, сколько в динамике имущественного и доходного неравенства, сбережений и инвестиций. В Англии к 1800 году две трети работников были уже пролетариями (работающими по найму), а в Китае — только 10% (Pomerantz 2008). По наблюдению Роберта Бреннера и Кристофера Айсетта, в Англии «экономические фигуры, распространенные в дельте Янцзы, такие как крестьяне-собственники и землевладельцы, получающие ренту с помощью внеэкономического принуждения, преобладали в средневековый период, но затем сошли с исторической сцены... Главные агенты в экономике, особенно фермеры-арендаторы, теперь хоть и владели средствами производства (сельхозинвентарь, скот и прочее), но были отделены от условий своего собственного полного экономического воспроизводства, а именно от земли» (Brenner and Isett 2002, p. 614).

Издержки такого перераспределения собственности и повышения неравенства были исключительно высоки — продолжительность жизни в Англии снизилась с 35–40 лет в конце XVI века до 30–35 в начале XVIII века (Wrigley, Schofield 1981: 231). Темпы роста населения упали с 0,7% в 1000–1500 годах до 0,4% в XVI веке и до 0,3% в XVII веке, прежде чем выросли до 0,9% в XVIII и XIX веках. Для 29 западноевропейских стран соответствующие цифры составили: 0,8, 0,3, 0,1, 0,5 и

0,7% (Maddison 2008). А рост социальной напряженности подорвал эффективность госинститутов⁹.

Но и переориентация всей экономической машины с потребления на накопление стала, несомненно, крупнейшим социальным изменением за тысячелетия. Ведь прежде, до XVI века, доля сбережений и инвестиций в ВВП едва доходила до 5% и была едва достаточна для возмещения изношенного основного капитала и создания новых рабочих мест для растущего населения.

В Корее и Индии даже в начале XX века доля сбережений все еще была на уровне 4–7% ВВП. В 1870–1899 годах в Австралии, Канаде, Японии, Великобритании норма сбережений составляла всего 9–14% ВВП (Maddison 1992). В Аргентине доля сбережений в конце XIX — начале XX века, вплоть до Второй мировой войны, не превышала 10%. А во многих бедных странах Африки и Южной Азии доля сбережений и инвестиций и сегодня находится на уровне 5–10%. Выход же из мальтузианской ловушки и достижение темпов роста производительности, измеряемых десятыми долями процента и выше, с необходимостью предполагает повышение сбережений сверх этого уровня.

Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности и предпринимательской инициативе, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в перделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции.

Используя сравнение нобелевского лауреата Пола Кругмана, сделанное по другому поводу¹⁰, можно сказать, что Запад разбогател не благодаря вдохновению (inspiration), но благодаря «поту и крови» (perspiration), или, чтобы быть более точным, благодаря безжалостному «большому толчку» — ускорению накопления капитала, которое стало возможным только из-за роста неравенства после экспроприации мелких земельных собственников, и которое вызвало обнищание масс, повышение смертности и страданий, рост социальной напряженности.

После выхода Запада из мальтузианской ловушки прочие страны (Юг), включая самые развитые (Китай), еще долгое время оставались в мальтузианском режиме

⁹ Качество госинститутов определяется способностью государства реализовывать законы и предписания (монополия на насилие, на сбор налогов, на выпуск денег). Объективные измерители эффективности госинститутов – уровень преступности (лучше – уровень убийств, которые регистрируются более полно) и доля теневой экономики (Роров, 2011).

¹⁰ Про это уже упоминавшееся сравнение см. сноску 4.

роста, сохраняя традиционные, общинные, институты и испытывая очень медленное — сотые доли процента в год — повышение производительности из-за роста (едва заметного) технического уровня производства. Можно только гадать, чем бы закончилась конкуренция стран и цивилизаций в мальтузианском режиме роста, когда численность населения была главным критерием успеха, но колониальная экспансия Запада не позволила этой тенденции развиваться до логического завершения.

Когда западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Российская империя), она привела к росту неравенства и повышению нормы накопления, но также и к снижению качества институтов (рост социальной напряженности, преступности, теневой экономики), что ухудшило стартовые позиции для экономического роста.

Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX века, однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу населения в результате технического прогресса в XVI–XIX веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки — повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности, смертности и подрыва институтов.

Эта группа мало вестернизированных развивающихся стран, представленная прежде всего Восточной Азией, задержалась на старте, то есть фактически не росла до середины XX века, но, когда смогла поднять норму накопления и запустить механизм роста, стала расти быстрее всех остальных благодаря способности сохранить относительно низкое неравенство и сильные госинституты. Доходное и имущественное неравенство в этих странах, особенно при поправке на размер и уровень развития, было значительно ниже, чем в вестернизированных Латинской Америке и Африке южнее Сахары, доля госрасходов и госпотребления в ВВП (опять-таки при контроле на размер и уровень развития) — значительно выше, уровень убийств и теневой экономики значительно ниже (Попов 2012а, 2012б; Роров 2014а, 2020с, 2022а).

Западным странам понадобилось 500 лет, чтобы снизить число убийств со 50–100 до 1–3 на 100 000 человек населения (Eisner 2003). В XVI–XVII веках уровень

убийств в Западной Европе в основном превышал 10 на 100 000 жителей — значительно больше, чем во многих развивающихся странах со схожим уровнем ВВП на душу населения сегодня. На самом деле в развивающемся мире сегодня мы находим два типа стран — с относительно низким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (1–3 человека на 100 000 жителей — Восточная Азия и Ближний и Средний Восток) и относительно высоким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (5–50 человек на 100 000 жителей в европейских республиках бывшего СССР, в Латинской Америке и Африке южнее Сахары) — (Роров 2014а, 2020а, 2020с, 2022а).

Южная Азия (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка) занимают промежуточное положение — 3–5 убийств на 100 000 жителей (за исключением Филиппин с уровнем убийств 11 человек). Восточная Европа с низким уровнем убийств (1–3 человека) более похожа в этом отношении на Западную, а такие регионы бывшего СССР, как Закавказье и Средняя Азия более похожи на традиционные общества (тоже 1–3 убийства на 100 000 жителей) — (Роров 2014а, 2020а, 2020с, 2022а)¹¹.

Данные, хотя и отрывочные, о неравенстве в распределении доходов в разные исторические эпохи и в разных странах дают еще одно подтверждение наличия двух выходов из мальтузианской ловушки и двух траекторий институционального развития в развивающихся странах. Разрушение традиционных институтов в западных странах вызвало резкий рост неравенства — в Англии коэффициент Джини неравенства в распределении доходов вырос с 46% в 1688 году до 53% в 1860-е годы (Saito 2010). По другим данным (Milanovic, Lindert, and Williamson 2011), в Англии и Уэльсе, Голландии и Испании коэффициент Джини достигал уже в XVIII веке 50–60% — чрезвычайно высокий уровень как по современным стандартам, так и по стандартам докапиталистического общества (менее 40% в Древнем Риме в I веке и в Византии в 1000 году — Milanovic, Lindert, Williamson 2011).

По уровню доходного неравенства, как и по уровню смертности и теневой экономики, развивающиеся страны сегодня делятся на две группы — Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия, где коэффициент Джини составляет, как правило 40–60%, с одной стороны, и Восточная и Южная Азия и Ближний и

¹¹ Другое свидетельство сохранения традиционных институтов в Восточной и Южной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке – почти полное отсутствие городских трущоб (Romero 2008: 94) и бездомных детей, наличие которых наблюдается в избытке в Латинской Америке, Африке южнее Сахары и России. В России в 2010 г. насчитывалось 700 000 сирот – больше, чем после Великой Отечественной войны (Achmatova 2010), и больше, чем в Китае — 600 000 (Chun 2007).

Средний Восток, где коэффициент Джини обычно находится на уровне ниже 40% — с другой¹².

В первой группе стран рост коэффициента Джини, как и на Западе во время первоначального накопления капитала, был связан с разрушением традиционных институтов. По имеющимся оценкам (регрессии, связывающие коэффициент Джини с подушевым ВВП, плотностью населения, урбанизацией и колониальным статусом), колониализм увеличивал коэффициент Джини на 13 процентных пунктов (Williamson 2009). В Латинской Америке реконструированный на основе этих регрессий коэффициент Джини вырос с 22,5% в 1491 году до более 60% в 1929 году (Williamson 2009).

Даже и в Индии и Китае (последний стал полуколонией Запада после «опиумных войн» середины XIX века) колониализм принес с собой рост неравенства и голодных смертей, так как до колониализма меньшее количество продовольствия распределялось более равномерно эгалитарными институтами. В Индии даже в первые 100 лет британского колониального господства число эпизодов массового голода превысило число таких случаев за предыдущие 2000 лет. По самым надежным имеющимся оценкам, во время голода 1876–1878 годов в Индии погибло 6–8 миллионов человек, а «двойной голод» 1896–1897 и 1899–1900 годов унес жизни 17–20 миллионов, так что за последнюю четверть XIX века — период наивысшего расцвета британского колониального господства в Индии, от голода погибало по 1 миллиону человек в среднем в год (Chibber 2005). В Китае в 1644–1795 годах в среднем в год от голода погибало 8000 человек, в 1796–1871 — 57 000, в 1871–1911 — 325 000, в 1911–1947, уже в период Республики, — 583 000. Только один голод 1876–1879 годов унес жизни 10 миллионов человек — вдвое больше, чем все случаи голода с 1644 года (подсчеты Минфан Ся цитируемые в: Pomerantz 2008: 91).

Но все-таки Индия, Китай, Япония в XVIII–XIX веках имели относительно низкое доходное неравенство (Pomerantz 2000; Померанц 2017; Saito 2010)¹³. В целом в странах Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии неравенство, особенно до 1990-х годов, было существенно ниже, чем в других развивающихся странах.

¹² О неравенстве в Китае см. подробнее ниже — коэффициент Джини там стал расти после реформ 1979 г. и уже в 1990-е гг. превысил 40%, но при поправках на размер страны и уровень развития все еще находится на довольно низком уровне.

¹³ В Японии коэффициент Джини повысился с 34% в 1860 г., накануне революции Мэйдзи, до 56% в 1940 г., но затем упал до 30–40% в 1960–1990 гг. (Saito 2010).

Есть и более нюансные и корректные сравнения неравенства по странам, с корректировкой на уровень развития, размер страны и прочее — в них исчисляется неравенство *между* провинциями/штатами/регионами и *внутри* этих регионов, неравенство в распределении не только доходов, но и богатства, неравенство на самом верху пирамиды доходов (число миллиардеров — «олигархоемкость» ВВП) — об этом подробнее говорится ниже, и по всем этим показателям Китай смотрится лучше, чем другие страны (Роров 2020с; 2022а).

Неравенство же в распределении доходов, как известно, связано с подрывом качества институтов, если измерять это качество уровнем преступности и долей теневой экономики (Роров 2011; 2014).

Китай формально не был колонией, хотя после поражения в «опиумных войнах» в середине XIX века он стал полуколонией Запада почти на столетие. В начале XIX века Китай определенно был самой успешной страной в рамках мальтузианского режима роста, когда рост производительности, обусловленный технологическим прогрессом, «съедался» ускорявшимся ростом населения, так что технический прогресс приводил не к росту ВВП на душу населения, а к увеличению численности населения. Доля Китая в общей численности населения мира увеличилась в XVIII веке с многолетних средних 22–26% до 37% — поистине выдающееся достижение по меркам доиндустриального мира.

Так что до «опиумных войн» в середине XIX века показатели Китая были чрезвычайно впечатляющими, но в другой системе координат — не с точки зрения роста производительности и ВВП на душу населения, а с точки зрения роста населения (что, конечно, было высшим критерием эффективности в мальтузианском режиме роста), что сделало Китай самой густонаселенной страной на Земле. И только через 100 лет после «опиумных войн» показатели Китая стали совершенно разочаровывающими со всех точек зрения и во всех системах координат (Lu 1999).

Иными словами, Китай добился чрезвычайного успеха в мальтузианском режиме роста: ранее его население несколько раз поднималось до потолка в 100–150 миллионов человек, а затем снова падало, но к 1800 году оно выросло почти до 400 миллионов. «Несомненно, это была демографическая веха мировой истории, и ее влияние на мировой ВВП намного превосходило влияние Британии после промышленной революции, доля которой в мировом ВВП в 1820 году составляла менее 6%», — отмечает японский профессор экономической истории Каору Сугихара (цит. по: Arrighi 2007: 32; Арриги 2009: 42–43). Мир, вероятно, двигался

к пропорции один китаец на одного некитайца. Сравнение с Западной Европой весьма показательно: в 1700 году население Китая было в 1,5 раза больше населения Западной Европы, а к 1820 году — в два раза.

Но быстрый рост населения в Китае — несомненный успех в мальтузианском режиме роста — дал о себе знать в виде снижения соотношения капитала к труду (капиталовооруженность) и снижения государственных расходов на душу населения. В то время как население Японии, достигшее 30 миллионов в начале XVIII века, оставалось стабильным до реставрации Мэйдзи в 1860-х годах, население Китая выросло со 120 миллионов в 1650 году до более чем 200 миллионов в 1750 году и до более 400 миллионов в 1850 году. Ограниченных сбережений едва хватало для инвестирования в создание рабочих мест для растущей рабочей силы, и уже не оставалось для увеличения капиталовооруженности, расширения инфраструктуры и предоставления государственных услуг. Доходы и расходы правительства на душу населения (особенно невоенные расходы) в Китае династии Цин резко упали в XVIII–XIX веках и в реальном выражении (рисовом эквиваленте) и снизились всего до 15–20% от японского уровня, число государственных служащих в расчете на душу населения было намного ниже, чем в сёгунате Токугава, строительство дорог, обеспечение городскими общественными благами, чеканка монет монетными дворами — все эти показатели в пересчете на душу населения были намного ниже (Sng, Moriguchi 2013). Результатом стало ослабление государственного управления и снижение фондовооруженности и производительности: к 1900 году доход на душу населения в Японии был в два раза выше, чем в Китае, тогда как в 1850 году разница была едва заметной.

В начале XIX века на долю Китая все еще приходилось более трети населения и около трети ВВП и промышленного производства, он все еще осознавал себя самодостаточным центром мира и не был заинтересован в развитии контактов с «варварами» из внешнего мира. Проблема, однако, заключалась в том, что правила игры в мировой экономике изменились: темпы роста производительности на Западе увеличились, и мальтузианский режим роста подошел к концу. Военная мощь теперь больше определялась технологиями, чем численностью населения, так что исход военной конфронтации с Западом был предопределен: потерпев унижающее поражение в «опиумных войнах» (1840–1842 и 1856–1860), Китай вынужден был принять глобализацию на западных условиях. ВВП Китая на душу населения упал примерно с половины уровня США в начале XIX века до жалких

5% в 1950 году; соотношение китайского ВВП к ВВП Западной Европы упало с 2:1 до 1:5 за тот же период.

Две страны — Россия и Китай — могут служить примером двух разных выходов из мальтузианской ловушки. Россия пошла по пути вестернизации как минимум со времен Петра I, с начала XVIII века, а социалистический эксперимент (1917–1991) с его коллективистскими институтами и низким неравенством был в значительной степени чуждым предыдущей логике институционального развития. В Китае же, напротив, кратковременная (100 лет) и безуспешная попытка вестернизации (со времени «опиумных войн» до революции 1949 года) закончилась возвращением на долговременную траекторию «азиатских ценностей» и коллективистских институтов.

Китайская революция 1949 года, конечно, была сродни российской Октябрьской революции 1917 года, как потому, что коммунисты пришли к власти, так и потому, что они восстановили коллективистские институты, разрушенные предшествующей вестернизацией. Однако в России коммунистический период 1917–1991 годов лишь прервал процесс трансплантации западных институтов, продолжавшийся, по крайней мере, с XVII века, тогда как в Китае революция 1949 года лишь вернула страну на долгосрочную траекторию коллективистского развития всего лишь 100 лет спустя после попыток неудачной вестернизации после «опиумных войн».

В Китае преходящим эпизодом и отклонением от магистральной тенденции развития был период вестернизации, в России таким отклонением, возможно, оказался именно советский период. Даже после рыночных реформ Дэн Сяопина резко возросшее неравенство в распределении доходов в Китае все же не привело к такому драматическому подрыву эффективности институтов, как это наблюдалось в России (судя по данным о теневой экономике и убийствам).

Социалистическое развитие Китая отличалось от развития других колоний и полуколоний. Будучи крупнейшей и самой могущественной страной доиндустриальной эпохи, Китай смог лучше сохранить преемственность своих традиционных институтов. Великобританию хоть и называют страной традиций, но именно Китаю удалось сохранить преемственность традиционных ценностей больше, чем любому другому государству мира. Революция 1949 года вернула страну на тысячелетнюю траекторию развития, защитив страну от иностранного влияния (1949–1979) и позволив традиционным институтам укрепиться.

Такое развитие событий не является беспрецедентным: ранее пять стран/территорий, основанных в основном на китайской традиции (Япония, Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг), сумели догнать Запад, не жертвуя при этом своими традиционными ценностями. Но вряд ли приходится сомневаться, что успешное догоняющее развитие Китая окажет гораздо большее влияние на мир. Во-первых, это связано с тем, что предыдущие случаи догоняющего развития, как правило, поддерживались Западом и иногда даже назывались «развитием по приглашению» (Wallerstein 1979), тогда как подъем Китая назвать таковым трудно, даже дав простор воображению. Во-вторых, потому, что успешное догоняющее развитие Китая нельзя интерпретировать как экстраординарное и исключительное из-за огромных размеров страны (исключение не может быть больше, чем правило). В случае успеха догоняющее развитие Китая действительно станет окончательным и наиболее убедительным доказательством преимуществ институциональной преемственности.

Если такая интерпретация верна, то послевоенный экономический рост Восточной Азии, видимо, является поворотным моментом в мировой экономической истории. Не столько потому, что в Восточной Азии живет треть мирового населения, сколько потому, что догоняющее развитие впервые оказалось и оказывается успешным, и потому, что оно основано на принципиально иной, отличной от западной, экономической модели и ином выходе из мальтузианской ловушки. Эта модель сохранения коллективистских («азиатских») ценностей, относительно низкого неравенства и институциональной преемственности, обеспечивающей более высокое качество институтов, менее болезненный выход из мальтузианской ловушки и более быстрый и справедливый (с меньшим неравенством) экономический рост.

Западные страны преодолели мальтузианскую ловушку роста путем разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой рост неравенства, бедности и смертности, но также и рост доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста. Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в разделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции.

В соответствии с изложенной схемой следующими крупными регионами, которые продемонстрируют успешное догоняющее развитие, будут страны Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Египет и др.) и Южной Азии (Бангладеш, Индия, Пакистан, Шри-Ланка), тогда как Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия будут отставать.

Прогнозы, конечно, всегда опасны, история полна примеров несбывшихся предсказаний. Гуннар Мюрдаль, шведский экономист, получивший одну из первых Нобелевских премий по экономике (ее стали давать лишь с 1968 года), в своем главном труде «Азиатская драма», опубликованном в 1968 году (Myrdal 1972), крайне пессимистически оценивал перспективы развития Азии, в основном Индии, но также и Китая и других восточноазиатских стран. И как раз сразу после публикации «Азиатской драмы» случилось азиатское чудо.

Вдобавок прогнозы часто имеют идеологическую окраску. В 1960 году Пауль Розенштейн-Родан, широко известный как автор теории «большого толчка», отдал предпочтение Индии, Бирме, Аргентине и Гонконгу как лучшим кандидатам на 3-процентный ежегодный рост ВВП на душу населения в течение пятилетнего периода. Индия, Бирма и Аргентина добились роста примерно на 1,5%, в Гонконге дела обстояли намного лучше. Чили, Египет, Гана и Иордания, также назывались необычайно перспективными, но быстрым ростом мир не удивили. А Южную Корею или Тайвань никто не выбрал (Тоуе 2009).

По мнению Джека Голдстоуна, «страна, поощряющая науку и предпринимательство, будет процветать независимо от неравенства: следовательно, Индия и Бразилия и, возможно, Мексика должны стать мировыми лидерами... Страны, которые сохраняют иерархическую систему патронажа и враждебность к индивидуализму и научному предпринимательству, такие как Египет и Иран, отстанут» (Goldstone 2009).

Согласно другой разновидности этой популярной точки зрения, быстрый рост может быть достигнут при авторитарном режиме только на стадии догоняющего развития, а не на инновационной стадии: как только страна приближается к технологическому рубежу, становится невозможным расти, просто копируя инновации других; она сможет продолжать развиваться только при наличии свободного предпринимательства, гарантированных индивидуальных свобод и демократического политического режима.

Сегодня тоже многие склонны считать, что экономические чудеса будущего произойдут в демократических странах со свободным предпринимательством —

Бразилии, Мексике, Индии, ЮАР. Однако представим на минуту, что вопрос о будущих чемпионах роста обсуждается в 1960 году — одни ставят на рыночные и демократические страны Латинской Америки, другие — на авторитарные (и даже коммунистические) государства Восточной Азии с сильным государственным вмешательством в экономику... Сегодня, полвека спустя, мы знаем, кто оказался прав.

Ну и господствующая идеология тоже меняется. В 70-е годы прошлого века экономический успех Японии объяснялся специфической структурой экономики, называемой тогда *Japan incorporated* — особыми отношениями между бизнесом и правительством (всесильное Министерство международной торговли и промышленности — MITI), между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская кредитно-финансовая система: Роров 1999; Попов 1999) и между предпринимателями и рабочими (пожизненный найм). Во время стагнации 1990-х годов и особенно после азиатского кризиса 1997 года, который не обошел и Японию, эти самые особые отношения стали рассматриваться как неотъемлемая характеристика «кумовского капитализма» (*crony capitalism*), виновного в застое и кризисе.

Точно так же и во время азиатского кризиса 1997 года США настаивали, чтобы азиатские страны не национализировали банки, не увеличивали госрасходы и не накачивали денежную массу в обращение, хотя сами в ходе недавнего кризиса 2008–2009 года вынуждены были прибегнуть именно к этим рецептам. «Делайте как мы говорим, а не так, как мы делаем» — так сегодня в США объясняют различие рекомендаций в отношении экономической политики внутри страны и «на экспорт».

Так или иначе, страны Юга волею судеб оказались на разных траекториях институционального развития, что предопределило различия их экономических моделей. Этот естественный эксперимент дает возможность сравнивать результаты — выгоды и издержки обеих моделей. А господствующая идеология в конце концов будет зависеть от исхода экономического соревнования между разными моделями догоняющего развития в странах Юга.

Исторический экскурс на 10 страницах

«Чжун го» — срединное государство, так назывался Китай раньше, так он называется сейчас. Многие народы думали, что они находятся в центре мира, но немногие пронесли это представление через всю свою историю. Китай же, как минимум, три тысячелетия был самым могущественным государством в Восточной Азии и, следовательно, до XVI века, до европейского Возрождения и великих географических открытий, бесспорным центром мира в его тогдашних границах. В своих вассальных государствах — Корее, странах Юго-Восточной Азии — Китай раздавал звания и титулы, подтверждал полномочия правителей, посылал войска для поддержки одних и наказания других, разрешал использование китайского календаря, и т. д.

Сознание своей центральности, безграничности и вечности отличало всех китайских правителей. Как говорилось в одном из танских императорских манифестов, «времена года следуют друг за другом в гармоничной последовательности, простой народ — изобилует и продолжает множиться, ход колесниц и способ письма унифицированы на всей территории — в ширине колеи и начертании знаков уже достигнуто великое единство». Согласитесь, чувствуется эпохальность и перспектива в таком подведении итогов правления, это не похоже на теперешние «за отчетный период удалось добиться снижения безработицы и существенного улучшения платежного баланса».

Кстати, Китай — единственная страна, воздвигнувшая памятник третьему тысячелетию. Он находится в Пекине на продолжении главной улицы Чанъаньцзе напротив западного железнодорожного вокзала и включает, среди прочего, трехсотметровую аллею с бронзовыми табличками под ногами по одной на каждый год с 3000 года до н.э. На табличках записаны главные события китайской истории за 5000 лет — люди, идущие по аллее, заканчивающейся гигантскими солнечными часами, смотрят под ноги, читают надписи и, вроде как, проходят вместе со страной всю национальную историю в 5000 лет...

До XVI века по уровню ВВП на душу населения и технологии Китай либо превосходил все другие цивилизации, либо не отставал от них. Памятники материальной культуры эпохи династии Цинь III века до н. э. — скульптуры, оружие, гончарное искусство, обработка металлов, стекла и камня, архитектура и водопровод — не уступают греческим и римским. Компас, бумага, порох, книгопечатание, фарфор, шелк — все это было изобретено в Китае задолго до того,

как было «снова изобретено» в Европе или импортировано из Китая. Китайские астрономические хроники считаются лучшими в мире. За 3000 лет, со времени династии Инь, правившей еще до XI века до н.э., и до 1911 года, китайские звездочеты зафиксировали и описали 360 комет; они первыми описали комету Галлея в 613 году до н.э. и рождение сверхновой звезды в XIV веке до н.э. Пекинская обсерватория XV века, одна из древнейших в мире — около Цзяньгомэнь («Ворота строительства государства»), где главная улица Чанъаньцзе пересекает второе кольцо на востоке, — сейчас превращена в музей, где выставлены огромные астролябии и секстанты, украшенные головами драконов. Как говорят историки, китайская цивилизация уникальна в нескольких отношениях. Во-первых, конечно, иероглифы, которые выросли из примитивных картинок. Удивительно, естественно, не то, что иероглифы произошли из стилизованных изображений — все древние письмена изначально были пиктограммами, — а то, что иероглифы сохранились до наших дней. Ведь другие народы, кто раньше, кто позже, перешли на алфавит, а в Китае ничего подобного не произошло.

В Японии в VIII–IX веках изобрели в дополнение к иероглифам две слоговые азбуки — хирагану и катакану: первая используется для записи предлогов, суффиксов и коротких слов, вторая — для записи иностранных слов, но корневые части большинства слов все равно пишутся иероглифами. На хирагане и катакане можно написать все что угодно — и это будет абсолютно понятно; собственно говоря, книжки для детей и учебники японского (первые уроки) пишутся на хирагане. Однако потом дети все равно учат иероглифы — примерно так же, как в 3–5 лет детям дают «хаси» — палочки для еды, хотя до этого разрешают есть «по-простому», вилкой. «Ты уже большой, пора есть по-взрослому», — говорят детям в этом возрасте, что, кстати сказать, развивает более точную координацию движений и способствует развитию.

Во времена послевоенной оккупации Японии генерал Макартур, склонный к простым решениям, пытался ввести в Японии «ромадзи» — латинский алфавит, но реформа не прижилась. В Корее на свой, корейский, алфавит — хангыль, который языковеды называют наиболее совершенным и научно обоснованным в мире, перешли в XV веке, хотя образованные люди всегда знали китайские иероглифы — теперь их опять учат в школе, хотя одно время и не учили. В коммунистическом Китае были планы перейти на латиницу, чтобы облегчить достижение грамотности, но они так и не осуществились.

Во-вторых, китайская цивилизация отличается от всех других огромным массивом древних рукописей — письменных документов-памятников, фиксирующих историю страны на протяжении пяти тысячелетий. Археологически подтверждено существование династии Шань-Инь (XVI–XI века до н.э.), первые образцы китайской письменности восходят к XVI веку до н.э. (гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах), однако в более поздних источниках события китайской истории записаны начиная с тысячелетнего периода правления мудрых отцов-прародителей в III тысячелетии до н.э. В беспрецедентно многочисленных письменных сочинениях и исторических повествованиях, многие из которых дошли до нас в редакции Конфуция (VI–V века до н.э.), детальность описания событий и фактов тоже беспрецедентна. Как считают историки, по охвату событий и фактографической насыщенности китайское историописание не имеет сколько-нибудь близких аналогов в мировом письменном наследии.

Я много раз проверял, как молодые китайцы знают свою литературу и историю, и каждый раз удивлялся, насколько хорошо. Вот стихотворение одного из самых известных китайских поэтов — Ли Бо, которое содержит всего четыре строки, но знающему китайскую культуру говорит больше длинного телесериала. Оно было написано в VIII веке, когда Ли Бо уплывал из Байдичэна по Янцзы через Три ущелья — промежуток реки сказочной красоты протяженностью около 200 километров, где могучая, почти самая полноводная в мире река, проходит через горы прежде, чем выйти на равнину.

Рассветной порою город Байди в пестроцветии облаков;
В Цзинлин, до которого тысяча ли, в единый день возвращусь.
По берегам обезьяны кричат — их крик еще не затих,
А легкий челнок уже миновал горных вершин череду¹⁴.

Мне говорили, что это стихотворение знает каждый китаец, потому что его учат в школе. Мой знакомый, растолковывавший мне это стихотворение в ресторане провинциального городка, недалеко от места, где оно было написано, по моей просьбе притворился, что подзабыл слово в последней строке, и спросил молоденькую официантку, правильно ли он помнит или нет — та тут же прочла все стихотворение без запинки. Правда, специалисты говорят, что без классического

¹⁴ Перевод И. С. Смирнова, известного российского китаевода.

образования всех аллюзий и тайных смыслов древних стихотворений не понять¹⁵. Может, и так. Но, подумайте, сколько образованных людей у нас могут вспомнить хотя бы пару строчек из «Плача Ярославны» в «Слове о полку Игореве»?

И, наконец, в-третьих, ни в одной культуре мира почитание предков не приобрело такого влияния на духовную жизнь, как в Китае. Началось все это еще до Конфуция — в эпоху Шан-Инь (XVI–XI века до н.э.) правители почитали прародителя Шанди («Верховного божества» и первопредка иньцев), а при последовавшей затем эпохе Чжоу на смену Шанди пришел культ Неба, чжоуские государи носили священный титул Сына Неба. Собственно, со всеми ранними божествами китайские правители состояли в близких родственных отношениях. Ну а после Конфуция сыновняя почтительность и уважение родителей были возведены в разряд главных добродетелей, на которых покоится правильное государственное устройство.

Все три уникальные характеристики китайской цивилизации, как легко заметить, связаны одной общей идеей — преемственности. Почтение к предкам определило непрерывность традиции и накопление письменного наследия, а на алфавит в Китае не перешли, потому что огромное письменное наследие не пожелали обесценивать. При всех катаклизмах пятитысячелетней китайской истории революций в культуре даже во времена «культурной революции» по сути не было, были только реформы — изменение одного при сохранении другого. Так что Британию, как уже говорилось, называют страной традиций по чистому недоразумению; Китаю такое название подходит гораздо больше. По словам китаевода Михаила Ермакова, «уникальность китайской цивилизации — древнейшей среди современных —

¹⁵ И. С. Смирнов, сделавший по моей просьбе перевод, также любезно написал комментарий, который позволяет представить ощущения образованного китайца:

«Это простое – до прозрачности – стихотворение совершенно органично наполнено намеками, аллюзиями, традиционной поэтической символикой, которые получивший классическое образование читатель “считывал” сразу и вместе с “внешним” содержанием, каковое для него, по существу, было неотделимо от глубинных смыслов. Разумеется, подобный эффект не воспроизводим никаким переводом; впрочем, в современном Китае восхититься этим стихотворением (как и любым другим произведением традиционного искусства, будь то словесность, живопись или каллиграфия) способны только единицы. Сколько бы ни “проходили” это стихотворение в нынешней школе, теперешнее образование не способно восполнить отсутствие классической, длившейся десятилетиями выучки, готовившей знатока, читателя и поэта в одном лице. А нынче и в Китае приходится скучной прозой объяснять, что “пестроцветные облака” — это намек на известный древний сюжет о романе, пережитом во сне князем Чу на горе Ушань с тамошней феей, которая по утру превращалась в облако, а вечером — в дождь; что глагол “возвращусь” обычно имеет смысл “возвратиться домой”, хотя Цзинлин — вовсе не родина поэта Ли Бо, но слово это должно подчеркнуть горячность его стремления и быстроту, с которой несется по Янцзы его лодка; что крик обезьян — древний поэтический символ тоски по дому (для северянина, отправленного служить на далекий юг, эти чуждые его слуху звуки напоминали о бесконечном пространстве, отделившем его от родины) и многое, многое другое, почти и не поддающееся объяснению. А еще за всем этим мгновенно всплывали в памяти знатока цитаты из канонических текстов и строки других поэтов, и пространство стихотворения всего в четыре строки расширялось почти беспредельно. Потому в прежние времена комментарии на полях древних текстов были, скорее, маргиналиями знатока для знатоков же и предназначенные; профана такой комментарий уводил еще дальше от понимания стиха».

заключена в непрерывавшейся линии преемственности, связавшей глубокую древность с настоящей реальностью, сохранившей черты прошлых веков для будущих поколений, создавшей особый склад китайского ума, обращенного в будущее через призму прошлого».

В Средние века Китай фактически оказался одной из немногих старейших цивилизаций, не утратившей преемственности со своими древними корнями. Месопотамия и Египет, Греция и Рим, арабские халифаты и монгольские ханства, рушились род натиском завоевателей, а в Китае одна династия сменяла другую. Только дважды Китай был завоеван — монголами в XIII веке н.э., основавшими затем свою династию Юань (1279–1368) и маньчжурами в XVII веке, основавшими последнюю китайскую династию Цин (1644–1911), но завоеватели неизменно окитаивались и поглощались огромной цивилизацией.

Историки объясняют такую устойчивость китайской государственности тем, что империя никогда не перенапрягалась и не захватывала больше территорий, чем могла переварить — то ли из-за государственной мудрости, то ли просто в силу исторической случайности. В начале XV века, за 80 лет до великих географических открытий, уже упоминавшийся великий китайский путешественник Чжэн Хэ исследовал всю северную часть Индийского океана — был в Малайзии и Индонезии, на Цейлоне и в Индии, на Аравийском полуострове и в восточной Африке и, возможно, даже на Мадагаскаре. Крупнейший из его кораблей имел более 100 м в длину и водоизмещение 1500 т, тогда как португальские суда той эпохи обычно не превышали 30 м в длину и 300 т водоизмещения. В парусной технике того времени Китай тоже был впереди Европы, хотя в навигации (применение астрономии и астрольбий) несколько отставал.

Так или иначе, Чжэн Хэ совершил 13 экспедиций и обложил данью многие прибрежные государства Индийского океана и Красного моря, говорят, он получал дань даже от Мекки. Все шло к тому, что Китай должен был открыть Европу и Америку — в 2002 году даже появились сообщения об обнаружении остатков кораблей Чжэн Хэ на Карибских островах; есть также и венецианские карты, датированные началом XV века, на которых изображены и мыс Доброй Надежды, и некоторые острова Карибского моря; эти карты, как предполагается, попали в Европу из Китая через находившегося на кораблях Чжэн Хэ итальянца и были впоследствии использованы Колумбом и Магелланом. Однако судьба распорядилась иначе — правители династии Мин запретили морские путешествия

на многомачтовых кораблях менее чем через 100 лет после великих открытий Чжэн Хэ.

Историки до сих пор не могут понять, почему империя решила самоограничиться. Но факт остается фактом — колониями Китая были только Монголия, Синьцзян и Тибет, а Корея и государства ЮВА были хотя и вассальными, но формально самостоятельными государствами, не говоря уже об Индии, Аравии и Африке, с которыми после Чжэн Хэ решено было вообще не контактировать. Самоизоляция исключила опасность чрезмерной экспансии, от которой погибли другие империи, но вместе с тем и положила начало технологическому отставанию Китая от Европы — с XVI века это отставание стало нарастать.

Еще и в 1820 году Китай, население которого составляло тогда 342 миллиона человек против 122 миллионов во всех странах, которые теперь называют Западом, превосходил по объему ВВП все остальные страны (хотя уже и отставал в два раза по уровню ВВП на душу от Запада) и только позже уступил первое место Британии. В 1830 году на страны, которые потом стали называться «третьим миром», приходилось 60% мирового производства обрабатывающей промышленности, в том числе на Китай — порядка 30%.

К европейцам китайцы поначалу относились как к варварам, европейская техника не производила особого впечатления на китайских правителей, за исключением почему-то часов, которые императоры скупали и коллекционировали. В 1792 году, когда Европа уже вступила в эпоху просвещения, китайский император Цяньлун, как уже говорилось, посоветовал английскому королю «трепетно подчиняться и не проявлять небрежения».

Богатеющая Европа, конечно, и не думала трепетно подчиняться. «Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам», — писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» (Маркс, Энгельс 1955: 428). Накапливающемуся капиталу нужны были рынки и для их завоевания он готов был использовать не только низкие цены товаров, но и настоящую тяжелую артиллерию. Менее чем через полвека после надменного ответа Цяньлуна английский флот уже бомбардировал китайские порты — началась первая «опиумная война».

Отставание Китая фактически началось в период новой истории, с XVI века, когда на Западе стал развиваться капитализм; в XIX же веке это отставание резко ускорилось и привело к изменению баланса сил — к разделению мира на

индустриальный центр и зависимую колониальную периферию. К 1913 году на долю промышленных стран Запада приходилось уже почти 80% мирового промышленного производства, а на Китай — менее 10%. В XIX веке отставание Китая привело к невиданному национальному унижению — порабощению западными державами и превращению в полуколонию. Проиграв «опиумные войны» в 40–50-х годах XIX столетия, Китай вынужден был подписать кабальные договоры, открывшие китайские порты для иностранной торговли, предоставившие иностранцам экстерриториальные права и зафиксировавшие таможенные пошлины на 5-процентном уровне.

Вот уж когда наступила полная глобализация и свобода. Даже опиум, который англичане производили в Индии, в Китае стал продаваться без ограничений по требованию англичан, не имевших других конкурентоспособных товаров для оплаты чая, импортируемого из Китая. С тех пор 100 лет Китай вкушал плоды политики экономической либерализации и открытости — китайские таможенные тарифы были одними из самых низких в мире, 4% в 1913 году и 8,5% в 1925 году против порядка 30% в США в эти же годы.

Интервенции иностранных войск следовали одна за другой — в 1860 году во время очередного вторжения английских и французских войск императорский летний дворец на северной окраине Пекина, построенный в западном стиле, был разграблен, сожжен и превращен в руины, чтобы скрыть следы грабежа. Эти руины и сегодня там, в парке Юаньминъюань, рядом с Пекинским университетом — напоминание о цивилизаторской миссии европейцев. Командующий англо-французскими войсками лорд Элгин, отдавший приказ сжечь дворец, палач китайского народа и по сегодняшним меркам — военный преступник, ранее был английским губернатором Британской Северной Америки (Канады) и прослыл либералом, симпатизировавшим идее самоуправления. Его имя и сегодня носит одна из центральных улиц канадской столицы Оттавы...

В 1900 году 60-тысячная армия восьми империалистических держав (Германии, России, Англии, Франции, США, Японии, Италии и Австро-Венгрии) вторглась в Китай и навязала очередной кабальный договор, наложивший на Китай контрибуцию и установивший международный контроль над важнейшими доходами империи для обеспечения ее выплаты, разрешавший иностранцам держать в Китае войска для защиты интересов иностранных подданных и обязывавший китайское правительство наказывать смертной казнью за всякое антиинострannое выступление.

«Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 году), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства?» (Ленин 1967: 379) — писал Ленин в 1900 году об очередном вторжении в Китай.

Ни свержение императора в 1911 году, ни буржуазные прорыночные реформы Гоминьдана не принесли с собой экономического процветания. Результаты либерализации и рынка были катастрофическими: китайский ВВП на душу населения, составлявший в 1400 году и в 1820 году примерно 500 долларов в ценах 1985 года, с тех пор таким и остался — 539 долларов в 1900 году, 498 в 1913 году и 454 доллара в 1950 году. Между тем Запад шел вперед семимильными шагами, так что разрыв в уровнях экономического развития углубился так, что превратился в пропасть. Если в начале XIX века Китай отставал от США по уровню душевого ВВП в два раза, то к 1950 году — в 20 раз. Это был предел падения и унижения «срединной империи» — уровень жизни в 5% от американского и продолжительность жизни 35 лет, чуть ли не вдвое ниже, чем на Западе, полуколониальный статус и полная неспособность противостоять непрекращающимся иностранным агрессиям.

Победа Компартии в гражданской войне и провозглашение Китайской Народной Республики в 1949 году были не столько социалистической революцией, сколько национальным освобождением. Заключительные слова Мао, провозгласившего образование КНР на многотысячном митинге на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 года, были отнюдь не марксистско-ленинскими, а, скорее, националистическими: «Китайский народ в конце концов поднялся с колен и расправил плечи!» В последующие три десятилетия экономического либерализма и открытости в Китае стало меньше, если не сказать не стало совсем, однако темпы развития ускорились — Китай впервые почти за 500 лет перестал отставать в росте от западных стран и даже немного сократил разрыв. Среднегодовые темпы роста, составлявшие 0,8% в 1900–1913 годах и 0,1% в 1913–1950 годах, в 1950–1973 годах выросли до 5,8%.

В дореформенный период, до 1978 года, у нас китайские достижения сильно преуменьшались, хотя, несмотря на «большой скачок» конца 1950-х и «культурную революцию» 1966–1976 годов, китайская экономика, хоть и испытывала

временные спады, в целом росла так, что в среднем за три десятилетия дореформенного периода (1949–1978) вышло примерно 5% роста в год. Немногие развивающиеся страны могут похвастаться таким быстрым ростом в течение целых 30 лет. С 1978 года среднегодовые темпы роста повысились до 10%, и только в последние 15 лет, после Великой рецессии 2008–2009 годов, снизились до 5%.

Вспомните старые анекдоты, как китайцы выкапывают картошку через две недели после посадки, потому что «кусать очень хотца»; или как Мао планировал нападение на СССР: 100 миллионов наступают на правом фланге, 100 — на левом и 100 — в центре, а Генштаб спорит, какому флангу придать три танка. Эти анекдоты рассказывали после советско-китайских столкновений на Даманском в 1969 году. Между тем в 1964 г., через 15 лет после СССР и 19 лет после США, Китай взорвал свою первую атомную бомбу; в 1970 году, всего на 13 лет позже, СССР, запустил первый спутник. А уж по продолжительности жизни Китай почти что догнал СССР к началу 1980-х годов, а в 2022 году превзошел не только Россию (72 года), но и США (77 лет).

Вопросов, таким образом, как минимум, два: почему экономическая либерализация в 1840–1940-х годах не сработала и почему она сработала в 1980-е годы и работает сейчас? Или, иначе: почему после 1949 года ускорения экономического развития удалось добиться через свертывание рынка и отказ от открытости, тогда как новое ускорение экономического роста после 1978 года стало прямым результатом перехода к рынку и либерализации внешнеэкономических связей? Два вопроса с одним и тем же ответом — все дело в силе государственных институтов, в способности правительства гарантировать права хозяйственных субъектов, собирать налоги, предоставлять общественные блага и обеспечивать закон и порядок, добиваться исполнения собственных указов и предписаний. Таких сильных государственных институтов не было в Китае как минимум с середины XIX по середину XX века, ни при императорах, ни при Гоминьдане; их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории центральная власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как Коммунистическая партия Китая (КПК) опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны — такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%, — центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело — у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 1950-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978 году с доходами 20% ВВП (Lu 1999). В общем, рынок и экономическая либерализация — вещь хорошая, что и говорить; при прочих равных условиях рыночная экономика эффективнее плановой, но только при прочих равных, *ceteris paribus*. А эти прочие условия, в частности институциональный потенциал государственной власти, как раз и не были одинаковыми. Экономическая либерализация без сильных институтов, как и в СНГ (Содружестве Независимых Государств, включавшем после распада СССР все бывшие республики, кроме трех прибалтийских) в 90-е годы XX века, привела не к росту, а к падению производства. Как и либерализация в Китае после «опиумных войн» не привела к улучшению экономической динамики, даже несмотря на прогресс технологии. Напротив, после 1978 года та же экономическая либерализация, но только при работающих институтах, доставшихся в наследство от Мао, создала экономическое чудо.

Говоря строже, успех реформ в Китае определяется уникальным сочетанием трех неперенных факторов роста — свободного рынка, эффективного государства и правильной макроэкономической (низкая инфляция) и промышленной политики (поддержка экспортно ориентированных отраслей). Кажется, ничего сложного, не бином Ньютона, вроде бы рецепты известные, а вот, поди ж ты, у других стран и не получается. В СНГ в 1990-е годы, как и в докоммунистическом Китае, был рынок, но не было ни сильных институтов, ни экспортной ориентации; в СССР после свертывания НЭПа в 1929 году и в коммунистическом Китае до начала рыночных реформ были сильные институты, но не было рынка; в Центральной Европе сейчас есть и работающие институты и рынок, но нет экспортной ориентации — поэтому и росла она по 5% максимум, а не по 10%, как Китай, где с 1978 года было и то, и другое, и третье. Кстати сказать, и экономическая либерализация в период Гоминьдана тоже хромала — последовательную аграрную реформу Гоминьдан так и не смог провести, ее провели сразу после образования

КНР именно коммунисты. Принципы этой реформы, равномерно распределившей землю среди крестьян, были «реабилитированы» в 1979 году семейным подрядом Дэна, который восстановил ликвидированное в период коммун семейное землепользование.

«Он принял страну с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием» — эти слова Черчилля, сказанные о Сталине, применимы и к Мао. Последний в отличие от первого оставил страну еще и оснащенной баллистическими ракетами — сомнительная для многих мера общественного прогресса. Ну вот другой итог четвертьвекового правления Мао, при всех его загибах и перегибах, — создание независимого сильного государства с работающими институтами — признают за великое достижение даже противники маоизма.

Мао, между прочим, в отличие от Сталина политических противников не расстреливал, а отправлял в деревню на перевоспитание. Лю Шаоци и Дэн Сяопин, главные политические оппоненты Мао во время «культурной революции», были сняты со всех постов и сосланы, но не были арестованы. Да, на совести Мао многие миллионы жизней — умершие от голода в период «большого скачка» 1959–1962 годов (о точных цифрах спорят), и репрессии «культурной революции» против кадров и интеллигенции, которых Мао формально призывал только «перевоспитывать», но которых на местах избивали и убивали, вплоть до случаев людоедства «по политическим мотивам». Но отношение китайцев к Мао все равно, наверное, никогда не будет таким, как наше к Сталину, он навсегда останется человеком, поднявшим Китай с колен после великого унижения. Портрет Мао и теперь висит на стене императорского дворца Гугун на главной площади страны, недалеко от его мавзолея.

Традиции

«Не могу понять, как иностранцы могут быть неграмотными, — сказала самоуверенная китайка на хорошем английском. — Ведь у вас всего 26 букв». Я не стал объяснять, чем латиница отличается от кириллицы, какая, в сущности, разница, 26 или 33, если в Китае грамотностью считается знание как минимум 2000 иероглифов, которое достигается только в старших классах средней школы, а человек с высшим образованием обычно знает не менее 5000. Всего же иероглифов в китайском — около 50 000, столько же, сколько слов в ожеговском словаре русского языка; слов, таким образом, которые состоят из одного, двух, а то и трех иероглифов, в китайском почти на порядок больше, чем в русском. В современном языке, правда, используется только порядка 7000 иероглифов, но средней сложности иероглиф имеет около 10–15 черт, то есть эквивалентен примерно пяти нашим буквам. И тем не менее 96% китайцев грамотны — ненамного меньше, чем в Японии и Южной Корее (99%), больше, чем в главных странах ЮВА и значительно больше, чем в Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Непал, Бутан) — 58–75%.

Китайский текст при переводе оказывается вдвое короче русского и почти вдвое короче английского. Не только по числу страниц, но и по числу звуков и скорости произношения и усвоения. Я заметил это впервые в музее, где мой китайский приятель читал пояснительный текст на китайском, а я — тот же текст на английском; я едва успевал дочитывать текст до середины, а он уже переходил к другому экспонату. Первое подозрение, что приятель не все внимательно читает, оказалось неверным, он почти слово в слово пересказывал на английском все, что было написано. Эксперименты с чтением оригинала на китайском и перевода на английском и русском дали тот же результат: прочтение одной страницы на китайском занимает вдвое меньше времени и «про себя», и вслух.

Получается, что китайцы усваивают и передают информацию вдвое быстрее, чем европейцы — преимущество, основанное именно на образовании и нелегком обучении иероглифическому письму. Добавьте сюда еще практически абсолютный музыкальный слух (в главном китайском диалекте четыре тона, их надо различать, чтобы понять значение), и сама собой напрашивается мысль, что в будущем все народы перейдут на китайский как на более эффективный способ общения.

Кстати, латинский алфавит в Китае знают все без исключения, он используется для транскрибирования китайских слов, это называется писать на пиньинь. Если вы

знаете 2000 иероглифов, то еще 26 простеньких закорючек уже не проблема. На пиньинь пишут на компьютерных клавиатурах: набиваете, скажем, «ши» (shì) и на экране появляются 10–20 иероглифов, которые звучат почти одинаково или полностью одинаково (разница — в тонах, этих тонов в официальном китайском четыре), а обозначают разные вещи, от глагола «быть» до существительных «дело, вещь», «факт», «стихотворение» до прилагательного «подходящий». Мышкой выбираете тот, который вам нужен, причем программа запоминает, что именно вы выбрали, и в следующий раз услужливо расставляет выскакивающие иероглифы в соответствии с частотой их употребления именно вами.

Всмотритесь в китайские иероглифы — они волнующе красивы, хотя и мало значат для непосвященных. Для китайцев они несут куда большую смысловую нагрузку, чем устный язык. Во-первых, часто диалекты китайского, такие как кантонский на юге или даже шанхайский на востоке, по звучанию абсолютно непонятны друг для друга и для тех, кто говорит на путун-хуа — основном и официальном китайском диалекте. А иероглифы понятны не только всем китайцам, но еще и японцам, корейцам и многим образованным людям в Юго-Восточной Азии, хотя и произносятся они везде по-разному. Поэтому и говорят, что факсимильная связь была изобретена, хоть и не в Китае, но для Китая — общаться письменно, посредством иероглифов, для китайцев с разными диалектами не проблема.

Во-вторых, в изображении многих иероглифов до сих пор можно угадать стилизованные картинки, а сочетание частей в сложных иероглифах порой говорит много больше, чем сочетание букв и даже корней в европейских словах. Так, иероглиф с изображением женщины, помещенной под крышу дома, означает «спокойствие»; рисовый колос рядом со ртом — «мир»; во многих словах, связанных с водой, как-то «река», «море», «озеро», «вино», «плыть», «тонуть», всегда есть сокращенный остаток иероглифа, обозначающего воду и напоминающего три капельки воды; иероглиф «солнце» означает также и «день», а иероглиф «луна» — «месяц»; Япония пишется как «страна восходящего солнца» (жи бень — корень солнца), а Корея (чао сян) как «страна утренней свежести». Последнее звучит как изысканная метафора для европейцев, а для китайцев — обычное выражение, другого названия ни для Японии, ни для Кореи в современном обиходном языке просто нет.

Наконец, в-третьих, то, что у нас называется почерк, стиль письма или шрифт, в Китае — каллиграфия, искусство начертания иероглифов, не только прикладное, но и самое что ни на есть высокое: на большинстве китайских картин можно

увидеть стихотворение классика или самого художника, а на некоторых картинах только иероглифы и есть, причем красота иероглифов не менее важна, чем красота стиха или пейзажа. С давних пор по тому, насколько красиво человек пишет, обычно можно определить уровень образования и культуры.

В III веке до н.э. при Цинь Шихуанди, первом китайском императоре, объединившем страну и совершившем знаменитое «сожжение книг», правописание иероглифов было канонизировано, причем занимался этим его премьер-министр: он составил индекс более 3000 иероглифов и создал таким образом первый каллиграфический стиль — чжуань-шу (всего таких стилей сейчас пять). С тех пор многие китайские императоры старались блеснуть каллиграфическим искусством, но немногие преуспели. Цяньлун, император последней династии Цин (1644–1911), проживший 88 лет и проправивший большую часть XVIII века (1736–1796), особенно прославился мастерством каллиграфии: он много путешествовал и оставил большое число поэм и других надписей в самых разных районах Китая. В Сиане, административном центре провинции Шэньси и одной из древних столиц страны, собраны каменные таблицы с образцами разных стилей, канонизированных в разное время.

Современные китайские лидеры стараются не отстать от императоров и тоже повсюду оставляют образцы своих почерков. На мавзолее Мао на площади Тяньаньмэнь рукой его преемника Хуа Гофэна написано «Мавзолей Председателя Мао». Почерк самого Мао очень красив, им любуются, его каждый в Китае может узнать. Его каллиграфический стиль следует школе цаошу, разновидность куанцао (буквально — «бешеная трава») — самый вольный, раскованный стиль из всех и потому особенно артистичный. Почерк Мао можно видеть в логотипе заголовка главной газеты страны «Жэньминь жибао», на всех самолетах китайских международных авиалиний Air China, в названии центрального железнодорожного вокзала Пекина и во многих других никак с Мао не связанных названиях. Почерк Дэн Сяопина не может сравниться с каллиграфией Мао и менее узнаваем. Когда же спрашиваешь китайцев о почерке нынешних лидеров, они тактично отвечают, что сейчас каллиграфия уже не имеет того значения, что прежде, но по тому, как они недовольно морщатся, видно, что имеет.

В конформизме и гибкости китайской культуры, видимо, залог ее исключительной жизнеспособности. В китайском в отличие от японского практически нет иностранных слов; факс и имейл — редкие исключения, но даже и для этих слов есть широкоупотребляемые китайские обозначения. Как и язык, китайская

культура все поглощает, перерабатывает до неузнаваемости и превращает в свое. Японская культура в корне отлична, хотя и основывается на китайской. Говорят, что в Японии художник должен только подчеркнуть совершенство природы, ибо ничего совершеннее все равно в мире нет. Китайский мастер свободен от таких ограничений. Там, где была гора, китайский садовник выроет пруд, а китайский повар будет польщен, если вы скажете, что не можете определить, из чего приготовлено блюдо.

Бонсаи — причудливой формы карликовые деревца, выращиваемые в горшочках десятилетиями кропотливым и искусным подрезанием корней и веток, вроде бы считаются чисто японским подчеркиванием совершенства природы. А между тем пришел бонсай в Японию из Китая (там он называется пэньцзин), как и почти все остальное «чисто японское» — от икебаны до чайной церемонии и харакири (в Китае разрезали не живот, а горло). Правда, японские классические формы коротких стихотворений, хайку и танка, как уверяют специалисты, отличаются от китайских уянь и цилу (по пять и семь иероглифов в строке соответственно), как небо от земли. Точнее сказать, здесь китаисты еще спорят: одни говорят, что вообще ничего общего нет, а другие все-таки усматривают отдаленное влияние.

Токио по-китайски называется, между прочим, восточной столицей (Дунцзин) — наряду с северной (Пекин — Бэйцзин) и южной (Нанкин — Наньцзин). На самом деле это просто китайское прочтение иероглифов, которые по-японски звучат как «то кио» и тоже обозначают «восточная столица». Раньше у Японии были другие столицы, город Токио, основанный относительно недавно, в середине XV века, раньше назывался Эдо и был резиденцией сегунов Токугава в 1603–1867 годах, хотя столицей считался все же Киото, где была резиденция императора. Когда же после революции Мэйдзи столица была перенесена в 1869 году в Эдо, находящийся к востоку от Киото, Эдо был переименован в Токио, буквально — «восточная столица». Но в Китае все убеждены, что Токио-Дунцзин называется восточной столицей, так как находится к востоку от «основной» китайской территории...

С другой стороны, в Японии конформизма тоже хватает — буддизм соединился с синтоизмом так, что уже не разберешь, где что. В указе императрицы Сётоку 765 года было велено считать синтоистских богов перевоплощением буддийских богов и святых, а буддийским монахам и синтоистским жрецам предписывалось участвовать в совместных богослужениях и празднествах. Да и с богами все в Японии на дружеской ноге, так же, как и в языческих религиях. Вот типичная картинка: к маленькому каменному будде, стоящему у фонтанчика в подземном

переходе, где движется бесконечная толпа людей, подходит то один, то другой, моет ему животик, бросает мелкую монетку, шепчет пару слов — то ли об экзаменах сына-студента, то ли о курсе акций, и идет дальше, как ни в чем не бывало. Ни долгих молитв, ни крупных подношений, никто богов особенно не боится, они и сами-то не такие уж праведники — один жадный, другой хитрый, третий чревоугодник.

В Японии, правда, буддийские храмы все-таки посерьезнее, чем синтоистские, туда приходят, когда человек умирает, приходят в горе, а не в радости. И конфликты между религиями все-таки были, хотя, конечно, и не такие кровавые, как в Европе. При токугавских сёгунах буддизм фактически сросся с государством: каждый японец был прикреплен по месту жительства к определенному буддийскому приходу. Посещение храма по праздникам стало обязательным, а приходской священник выдавал каждому что-то вроде внутреннего паспорта, который мог быть им же и отобран за неправильное поведение. Революция Мэйдзи 1868 года, уничтожившая сёгунат и восстановившая самодержавие микадо (императора), воскресила синтоизм как государственную религию и сопровождалась преследованиями буддийского духовенства.

В Китае, однако, не было даже этого, все три «религии» — конфуцианство, даосизм, буддизм — всегда мирно сосуществовали, а большинство рядовых китайцев не видели и не видят в них особого различия. При династии Тан (618–904) китайский буддизм достиг расцвета, хотя в IX веке власти и конфисковали имущество 45 000 монастырей. Основатель монгольской династии Юань будущий китайский император Хубилай в 1258 году приказал сжечь буддийские книги, однако покровительствовал ламаизму, или буддизму в тибетско-монгольском варианте. С этого далекого времени конфликтов на религиозной почве в Китае не отмечалось.

Конфуцианство (философско-этическое учение) и даосизм (то же, плюс набор языческих мифов) никогда религиями не были, а буддизм на китайской почве, при переводе священных книг на китайский, превратился из религии со строгими заповедями в красивые сказки и не более того. По мере продвижения Будды и его перевоплощений на Восток — из Индии в Тибет и, далее, в Китай, Юго-Восточную Азию, Корею и Японию — росли их животы, символизирующие в Китае не только богатство и довольство, но и терпимость. Китайцы убеждены, что пребывающий в согласии с собой человек, сознание которого не терзает сомнения и гамлетовские вопросы, должен прибавлять в весе. Китайские будды поэтому, в отличие от

поджарых индийских, всегда хорошо упитанны и блаженно или хитровато улыбаются. Глядя на китайские изваяния будд, трудно представить себе, что они сильно переживают по поводу несовершенства мира и не проявят снисходительности к человеческим слабостям и даже прегрешениям.

Другие буддийские боги тоже утратили метафизическую бесплотность и стремление к нирване: Амитабе, повелителю райской Чистой Земли, китайцы вменили в обязанность обеспечение верующих посмертными райскими удовольствиями. Если в индийском буддизме монахи должны были достигать совершенства через молитвы и самоочищение, то практичный китайский чань-буддизм (то же, что и японский дзен-буддизм), хоть и не искоренил монахов совсем, как Лютер и другие реформаторы в протестантских версиях христианства, но все-таки провозгласил труд обязанностью монахов и приравнял его к медитации. Сплошь и рядом китайские монахи участвовали в военных действиях, пренебрегая буддийскими заповедями «не убий», «не тронь ничего живого», и т. д. Вот описание китайских монахов Иосифом Кривелевым: «Как известно, буддийские монахи именовались бхикшу — нищие. Они должны были питаться подаянием, ходить в лохмотьях, не есть мяса и т. д. В дальнейшем эти установления приняли довольно забавный вид. Пройдя по городу с чашей для подаяния и собрав в нее несколько горстей риса, монах приносил его в монастырь, там он поступал в общий котел, где готовилась пища для рабов и младших послушников; сами же “нищие” вкушали обильный обед, тем временем приготовленный для них в монастырской кухне. Чтобы выполнять предписание о ношении лохмотьев, подвижники разрезали свои дорогие шелковые одежды и сшивали их» (Кривелев, 1976: 358).

Вдобавок и китайские боги, как и японские, беспрепятственно кочевали из одного пантеона в другой. Сам Будда был включен в даосский пантеон, где занял место рядом с Ю Хуан Да Ди (мифический яшмовый небесный император) и Лао-цзы (реальный китайский философ IV–III веков до н.э., основоположник даосизма). Короче, религия в Китае и сейчас, и раньше, сильно приземлена и, что называется, ориентирована на человека; она не требует от него не только невозможного, но и вообще ничего не требует — с богами, как и с людьми, всегда можно договориться, а в крайнем случае можно и пойти наперекор и сделать по-своему — сами горшки обжигать умеем. Религии же в полном смысле этого слова, такой, которая бы поддерживала моральные устои через энное количество заповедей и угрозу наказания за их неисполнение, в Китае нет. Вообще.

Немецкий социолог Макс Вебер еще в начале XX века выдвинул гипотезу, что рост экономики во многом определяется религиозными факторами. В частности, бурное развитие капитализма в Европе в XVI–XVII веках он связывал с появлением протестантизма, который создавал особые этические стимулы для уважения собственности и контрактов, для честного и упорного труда, для сбережений. С тех пор на культурно-религиозные факторы часто ссылаются при объяснении различий в экономическом развитии. Например, еще 100 и даже 50 лет назад отставание Китая объясняли конфуцианством (субординация подавляет инициативу, препятствует инновациям и техническому прогрессу), а сейчас этим же конфуцианством объясняют бурный китайский рост (дисциплина, четкая субординация, порядок).

При этом экономисты все-таки такими религиозно-культурными объяснениями увлекаются меньше, чем другие гуманитарии. В экономике считается, что ссылки на эфемерные социально-культурные факторы делаются тогда, когда не получается объяснить различия в экономической динамике другими осязаемыми причинами — исходными условиями, внешними шоками, институтами, правительственной политикой.

Современные исследователи-экономисты, широко используя статистические методы обработки данных (World Value Survey — подробный опрос жителей разных стран об их моральных ценностях и поведении — дает богатую статистику), находят, что религиозность положительно, но слабо влияет на экономический рост. При этом, если такое влияние и обнаруживается, то оказывается, что неважно, какая эта религия — протестантизм, мусульманство, буддизм или какая-нибудь другая. Да и «антивеберовские» примеры у всех на виду — Веберу сегодня трудно было бы объяснить, почему самой экономически развитой германской землей является именно католическая Бавария.

В некоторых статьях (сошлемся только на одну — Роберта Барро, авторитета в области исследования роста, и Рейчел Макклири: Barro, McCleary 2003) проводится различие между религиозной убежденностью (уверенностью в том, что рай и ад существуют) и частотой посещения церквей и храмов. Оказывается, если религиозная убежденность способствует росту, то частое посещение церквей препятствует. Объяснение — вполне логичное и довольно циничное, за что обычно и упрекают экономистов: религия — это отрасль производства, она потребляет время людей (которое они проводят в церкви и в молитвах) и производит моральные принципы, представления о добре и зле. Как и в любом производстве,

эффективность отрасли тем выше, чем меньше ресурсов затрачивается и чем больше продукции производится. Так что рост больше в тех странах, где четкие представления о добре и зле формируются без особых затрат времени на посещение храмов.

Для справки: более 50% населения посещают церкви один и более раз в неделю в Нигерии, Ирландии, на Филиппинах, в ЮАР, Польше, Пуэрто-Рико, а менее 10% — почти во всех республиках бывшего Советского Союза (в России — всего 2%), в Китае — 9%, в Скандинавских странах, Исландии и в Японии — 3%. На Тайване, кстати, немногим более — всего 11%. В Южной Корее — 14% (World Value Survey).

Собственно говоря, именно в этом и кроется «китайский секрет» быстрого роста без религии: в Китае, да и во многих других странах Восточной Азии, в которых сильна китайская культурная традиция, удается поддерживать строгие моральные принципы без религии.

Данные о числе последователей разных религий в Китае разнятся. В 2007 году в Китае общее число верующих оценивалось в примерно в 100 миллионов человек, порядка 10% взрослого населения, в том числе 20 миллионов мусульман, 10 миллионов протестантов, 8 миллионов ламаистов (практически все тибетцы), 4 миллионов католиков. По опросу 2014 года около 75% китайцев были неверующими, 16% — буддистами, 1% — даосистами, 2,5% — христианами, 0,5% — мусульманами, еще 1% принадлежали к неназванным сектам и 6% — к неназванным религиям.

Пять религий — даосизм, буддизм, протестантизм, ислам, католичество — представлены во второй палате китайского парламента — Народном политическом консультативном совете. Опрос 4500 человек по всему Китаю показал, правда, что верующими считает себя 31% взрослого населения (China Daily от 7 февраля 2007 года), но одно дело считать себя верующим, а другое — регулярно ходить в церковь. Американский Государственный департамент, ежегодно готовящий доклад о свободе религии в мире, в 2021 году насчитал 18% буддистов, 5% христиан, 2% мусульман и 21% последователей «народных религий». Эти данные сильно меняются от года к году: в 2005 году он насчитывал 8% буддистов, 1,4% мусульман, примерно 1% протестантов и 0,5% католиков (плюс еще 2,5% протестантов, не посещающих церкви).

Католические конфессии, однако, Ватикану не подчиняются. Как сказано в китайской конституции, «религиозные организации и религиозные дела свободны

от иностранного контроля». Ну и далай-лама, который в 1959 году убежал в Индию, китайским ламаистам не указ. В 1995 году далай-лама назначил панчен-ламу (второго человека в ламаистской иерархии), но Китай его не признал и назначил своего кандидата. Нынешний далай-лама (89 лет в июле 2024 года) уже отказался от политического руководства Тибетом, оставив себе функции только духовного лидера, и может вообще отказаться от идеи последующей инкарнации (он сказал, что оставит письменные инструкции, когда ему будет 90 лет).

В Китае около 9000 даосистских храмов, но сколько людей их регулярно посещает, неизвестно, причем посещают их, видимо, также и те, кто называет себя буддистами. Христианство в Китай пытались импортировать бесчисленные миссионеры, но без особого успеха. Выпускники протестантских семинарий в Америке в XIX и даже в первой половине XX века делились на три группы — лучшие посылались в Китай и Японию, следующие за лучшими по успеваемости — в Индию, самые слабые — в Африку. Однако даже и для миссионеров «красными дипломами» практичные китайцы оказались крепким орешком.

Конфуцианство, которое, как часто говорят, заменяет в Китае религию, на самом деле ничего не заменяет. Это одно из учений одного из философов о моральных нормах, законе и порядке, почитании старших, и т. д., на котором, но не только на нем, основываются современные моральные устои. Очень похоже на моральный кодекс строителя коммунизма: бога нет, но честным надо быть перед самим собой, перед родителями, перед народом — и не из-за страха, что бог покарает, не из-под палки и не в надежде на билет в рай, а просто потому, что по-другому непорядочно, стыдно перед людьми. Собственно говоря, это моральный кодекс атеистов — нам не нужен всевидящий бог-контролер, чтобы вести себя прилично, мы не дети, мы не ворует даже когда всевидящий не смотрит. Китайская цивилизация — самый, может быть, убедительный пример того, что этические нормы могут поддерживаться и без бога, что для морали нет необходимости в религии.

Другой китайский мыслитель, Мао Цзэдун, которого от Конфуция отделяют без малого 25 столетий, тоже внес свой вклад в поддержание моральных устоев. Те, кому сейчас за 60 и кто прошел в юности «культурную революцию», учили в школе наизусть и помнят до сих пор «лао сань пянь» — три коротких классических эссе Мао. Каждое из них — о смысле жизни и о морали. Одно написано на смерть Нормана Бетьюна — канадского врача-добровольца, работавшего в Китае в тяжелые годы гражданской и антияпонской войн и умершего от заражения крови, когда он случайно порезался, оперируя девочку. Оно о том, что Норман Бетьюн

забыл в Китае и стоило ли ему туда приезжать. Кстати, самим канадцам это имя мало что говорит; приезжая в Китай и обнаруживая твердую убежденность 1 миллиарда человек в том, что главный вклад Канады в мировую цивилизацию — это Норман Бетьюн, а не хоккей, они нередко выглядят озадаченными; китайцы же, приезжающие в Канаду, удивляются, обнаруживая, что далеко не все канадцы обладают бескорыстностью Нормана Бетьюна и даже знают, кто он такой.

Другое эссе называется «Служить народу». Это выступление на траурном митинге, посвященном памяти Чжан Сыдэ — простого бойца охраны ЦК Компартии Китая, который погиб даже не в бою, а выжигая уголь в горах провинции Шэньси, на своем рабочем посту, как погибали тогда в Китае миллионы. Мао цитирует слова древнего китайского литератора Сыма Цяня: «Умирает каждый, но смерть одного весомее горы Тайшань, смерть другого легче лебяжьего пуха». «Товарищ Чжан Сыдэ, — пишет Мао, — умер за интересы народа, и его смерть весомее горы Тайшань».

«Служим народу» («вэй жэньминь фуу») — с тех пор неофициальный лозунг Китайской Народной Республики, так отвечают солдаты и офицеры, да и гражданские, на благодарность начальства. В пекинском парке Лунтанху есть памятник ассенизатору Ши Чуаньсяну, который выносил ведра с нечистотами тогда, когда в городе не было канализации. Он известен своей фразой «лучше я буду грязным, но 10 000 домов чистыми». В 1959 году председатель КНР Лю Шаоци встретился с ним, и, пожав руку, сказал, что мы оба служим народу каждый на своем месте.

Наконец, третье эссе — «Юй-гун передвинул горы» — основано на древней китайской притче. Отец с двумя сыновьями задумал скрыть две огромные горы, загораживавшие вход в его дом, одними мотыгами. Когда его сосед смеялся и называл его глупым, он отвечал примерно так: горы высоки, но они не растут, так что если я и мои сыновья каждый день будем отнимать от горы понемножку, а потом мои внуки, а потом — правнуки и так дальше, в конце концов мы сдвинем эти горы. Настойчивость Старого Дурака у Северной Горы (именно так переводится его имя — Бэй Шань Юй-гун) тронула Бога, и он послал на землю двух святых, которые перенесли горы. У нас тоже две горы, — продолжал Мао, — империализм и феодализм. Если мы будем неустанно трудиться, чтобы скрыть эти две горы, мы тоже растрогаем бога. Наш бог — это китайский народ, если весь народ поднимется, неужели мы не сдвинем горы?

К слову, Мао известен не только как политический вождь и мастер каллиграфии, но и как поэт, его стихи ценят, многие знают наизусть. Вот стихотворение-цы (с неравным числом иероглифов в строках), написанное в 1957 году для Ли Шу, учительницы средней школы №10 в городе Чанша, административном центре провинции Хунань. Ее муж, Лю Цзысюн, друг и соратник Мао, погиб в бою накануне Великого похода в провинции Хубэй в 1933 году. Мао говорит о ее потере и о своей — его вторая жена Ян Кайхуэй была казнена антикоммунистическим губернатором Хунани в том же городе Чанша в 1930 году.

Я потерял мой гордый Тополь¹⁶, ты потеряла свою Иву¹⁷,
Тополь и Ива вознеслись на Девятое Небо,
Спросили У Гана¹⁸, что он может им дать.
У Ган поднес им вина из цветов кассии,
Одинокая лунная богиня Чан Э¹⁹ махнула широким рукавом, как в танце,
Десять тысяч ли неба танцевали для благородных душ.
Вдруг узнали они, что покорился на земле тигр²⁰,
Слезы радости хлынули как проливной дождь.

¹⁶ Имя второй жены Мао, Ян, в китайском языке означает «тополь».

¹⁷ Имя мужа Ли Шу, Лю, в китайском языке означает «ива».

¹⁸ У Ган – мифический лунный садовник, который в наказание за земные грехи обречен стричь дерево кассии – разновидности корицы с красивыми, похожими на абрикосовые цветами. Дерево достигает почти 2000 м в высоту и мгновенно восстанавливается, как только его обрезают. У Ган обречен стричь дерево вечно.

¹⁹ Чан Э – девушка из китайских сказаний, ждавшая своего возлюбленного и улетевшая на луну, приняв, по ошибке, не то лекарство. С тех пор она живет там с садовником У Ганом и белым кроликом.

²⁰ Покоренный тигр – символ победы.

Жизнеспособность

Лаовай, иностранцы, выглядят летом в Китае как собаки, изнывающие от жары, с высунутыми языками. Дело, конечно, не только в жаре. Огромное количество людей, везде и повсюду, вечно движущаяся толпа, говорящая, смеющаяся, жующая, плюющая, постоянное ощущение устремленных на тебя десятков глаз, не исчезающее даже за дверью номера гостиницы. А главное — непонятная, другая, могучая культура, не имеющая ничего общего с западной, тем более с американской, коммунистическая и нерелигиозная по своей сути и такая жизнеспособная, что, кажется, нет таких преград на ее пути, которые она не могла бы поглотить и растворить. На американцев это производит, похоже, сильное впечатление. «Их так много, они не верят в Христа и прекрасно себя чувствуют», — простодушно признался мне растерянный американец-миссионер, вытирая пот со лба.

Действительно, есть о чем задуматься. Пятая часть мирового населения, 1,4 миллиарда человек, экономически преуспевающие не благодаря, а вопреки рецептам МВФ, не верящие ни в бога, ни в черта, ведомые от победы к победе твердой рукой Компартии Китая и, да, в массе своей прекрасно себя чувствующие. Когда тысячи китайцев после попадания бомбы в посольство КНР в Белграде в 1999 году скандировали «кровь за кровь» у американского посольства в Пекине и когда даже по телевизору было видно, что эмоции настоящие, а отнюдь не организованные, не только сторонние наблюдатели, но и специалисты-синологи, знающие страну и историю, чувствовали себя неуютно.

Сторонний же наблюдатель даже при поверхностном взгляде не может не заметить, что страна обладает огромным запасом социального и морального здоровья. Китайцы дружелюбны, деликатны, расторопны, услужливы без подбострастия, произносят 1000 слов в минуту и всегда улыбаются. Запас жизненной энергии у каждого такой, что его, кажется, хватило бы на десятерых европейцев. Продолжительность жизни китайцев в среднем — 78 лет. В Японии, Макао, Гонконге, Корее — 84–85, самая высокая в мире, в западных странах — от 77 в США до 84 в Швейцарии, в России сейчас — 72 года, в СССР в лучшие времена хрущевской оттепели — 70 лет, во времена горбачевской эйфории и антиалкогольной кампании — тоже 70. Среди стран со схожим уровнем экономического развития 78 лет — один из самых высоких показателей. Рядом только Коста-Рика, Куба, Чили, Таиланд, Чехия.

Между прочим, в 1949 году, когда КНР только образовалась, продолжительность жизни составляла всего 35 лет, в 1960 году — 47 лет, в 1980 году, когда реформы только начались, — 65 лет. Иначе говоря, основной рост продолжительности жизни в Китае пришелся именно на три десятилетия коммунистического развития, когда страной руководил Мао (1949–1976): только во время «большого скачка» из-за голода она снизилась, но в целом сильно возросла.

Ну да ведь и у нас в послевоенный период, до середины 1960-х годов, когда еще не был утрачен социальный динамизм, продолжительность жизни росла ежегодно примерно на 1 год, так что к середине 1960-х мы по этому показателю практически догнали США (всего на один год меньше), несмотря на то что наш уровень жизни был тогда как минимум в пять-шесть раз ниже. Вот бы тогда, в середине 60-х, нам бы и запустить рыночные реформы по будущему китайскому образцу — Егор Гайдар, например, считал, что тогда все могло бы сложиться иначе и результаты были бы не хуже китайских, ибо наша экономика тогда еще не была так сильно деформирована. Однако момент, к сожалению, мы тогда упустили. Это к слову.

Старшее поколение в Китае неизменно говорит о падении нравов в период реформ, есть и статистика, подтверждающая рост преступности, имущественного неравенства, разводов, самоубийств. Однако, во-первых, этот рост произошел в 1980–1990-е годы прошлого века, а затем показатели улучшились. А во-вторых, это только заставляет удивляться, на какой же высоте были эти нравы до строительства «социалистической рыночной экономики с китайской спецификой». Сегодня инкассаторы принимают наличные деньги из универмагов с мерами предосторожности масштаба антитеррористической операции — четыре человека в шлемах, пуленепробиваемых жилетах и с автоматами по четырем углам бронированной инкассаторской машины, больше напоминающей броневик. А в период Мао инкассатор с наличностью ехал в банк на велосипеде или в общественном транспорте.

Пьяных на улицах нет вообще, и это при том, что китайцы пьянеют от одной рюмки — особенности физиологии, молекулы спирта в азиатской крови хуже разлагаются. Просящих милостыню в Китае можно видеть редко, реже чем в других развивающихся странах, китайцы этого очень стесняются. Торговаться любят все — и продающие, и покупающие, не в универмагах, конечно, а на рынках и в уличных лавках. Уличные торговцы запрашивают цену в два-три раза большую, но тут же снижают ее. Зазывать же и хватать за руку покупателей в Китае не принято — бывает, конечно, но реже чем в других развивающихся странах.

О преступности в Китае говорят постоянно и рассказывают страшные истории. Но при сравнении с другими странами Китай смотрится как заповедник спокойствия и безопасности. Более или менее сопоставимые с другими странами данные есть по умышленным убийствам — статистика других преступлений в разных странах сильно различается и порой не слишком надежна («нет тела — нет дела»). Умышленные же убийства регистрируются чаще всего дважды — первый раз в статистике преступлений, второй — в статистике смертности (насильственная смерть, исключая самоубийства и несчастные случаи). Второй показатель несколько шире, в него включаются смерти, освященные законом — казни, убийства преступников при задержании, потери среди мирного населения при «антитеррористических операциях». У нас, скажем, число преступных убийств в расчете на 100 000 человек населения возросло с 5 в 1986 году до 20 во второй половине 1990-х годов, а смертность от всех убийств выросла с 7 в 1986 году в разгар антиалкогольной кампании (в 1980 году было 13) до 30 с небольшим во второй половине 1990-х годов.

Во всех промышленно развитых странах, кроме США, и в странах Центральной Европы число законных и незаконных убийств в 1990-е годы составляло от 1 до 4 на 100 000 человек населения (в Японии, Исландии и на Мальте — даже меньше 1). В США в минувшие десятилетия смертность от умышленных убийств, хоть и снизилась, все равно превышает европейский и японский уровень в несколько раз — порядка 5–7 убийств на 100 000 жителей. И по числу сидящих за решеткой в процентах ко всему населению США, кстати, опережают чуть ли не всю планету (почти 1% взрослого населения), так что стоимость поддержания закона и порядка в США крайне высока.

Из 11 миллионов человек, сидевших за решеткой во всем мире, в 2021 году на долю США пришлось 2,2 миллиона человек, на Россию — 0,4 миллиона человек, на Китай — 1,7 миллиона человек. По числу заключенных в расчете на 1000 жителей Китай (1,2 человека) смотрится как царство свободы в сравнении с такими «чемпионами лагерей», как США (6,7 человек), многие латиноамериканские страны (3–11 человек) и Россия (3 человека). К слову, в России еще 20 лет назад число узников по отношению к населению было выше, чем в США — 7 человек на 1000 жителей. Хотя Китай несколько превосходит по относительному числу узников большинство западноевропейских стран и Гонконг (менее 1 человека) и Японию (0,4 человека), он все-таки отстает от Тайваня и Макао (2 человека на 1000 жителей).

В Китае число всех насильственных убийств выросло с 1,4 в 1987 году до максимума 2,2 в 1995 году — рост огромный, на 50% менее чем за 10 лет, но ведь 2 человека в расчете на 100 000 — это же европейский, а не американский уровень, в 1990-е годы это было меньше, чем в Австралии и Новой Зеландии, Канаде и Бельгии, Италии и Португалии. Более того, с тех пор уровень убийств резко упал — до 0,6 на 100 000 жителей, фактически до лучших мировых значений. Кстати сказать, в период Мао, в 70-е годы уровень убийств был, видимо, примерно таким же, как и сейчас; данных по стране в целом нет, но вот по крупной провинции Шаньдун (более 100 млн человек сейчас) есть — получается 0,6 человека на 100 000 жителей (Shandong, 2009).

В общем сейчас (2017–2023) в Китае вероятность быть убитым примерно в 10 раз ниже, чем в Америке, и в 15 раз ниже, чем в России. Это, кстати, если речь заходит о правах личности при демократии и авторитарном режиме, и о том, кто кого должен учить соблюдению прав человека, но об этом позже. В Китае ночью по городу по слабо освещенным улицам ходят спокойно и мужчины, и женщины, и к незнакомцам в темных закоулках обращаются безбоязненно.

До революции в Китае не бедные люди имели по несколько жен и содержанок. Гоминьдан пытался поднять социальный статус женщины, но не особенно успешно. Девочкам раньше при рождении ломали пальцы ног и туго перебинтовывали их, чтобы ступня не росла — считалось, что чем меньше ступня, тем красивее. В коммунистическом же Китае женщины получили больше равноправия, чем в других странах Азии, включая и Японию. В Японии женщина по преимуществу может стать профессором, только если получила образование за границей — поступающие в американские университеты японки все сплошь именно так и пишут, подавая документы. В Китае об этом говорят с улыбкой, не иначе как о пережитке феодализма.

Теперь по тому, как женщина держится, даже и на улице, по манере говорить, по ее походке можно почти безошибочно определить, откуда она — с Тайваня или с континента: если с Тайваня или из Японии, она обычно ведет себя более покорно и менее напористо, держится чуть позади мужа. Китайские женщины обиделись бы, если бы их представляли в компании как супругу такого-то, как это делают на Тайване.

Около 70% женщин в возрасте 15–64 года в Китае работают против 60% в Бразилии, ЮАР и Индонезии и 20–40% в Бангладеш, Индии и Пакистане (Economist, April 27, 2024). Китай — единственная в мире страна с более высоким

уровнем самоубийств среди женщин, чем среди мужчин (8,3 и 7,9 соответственно на 100 000 жителей в 2019 году против 7 и 22 в США и 22 и 38 в России).

Замужние женщины в Китае сегодня фамилию мужа не берут, но сохраняют свою, девичью. Дети по закону могут взять фамилию любого из родителей, но, как и в других странах, чаще всего берут отцовскую. В Гонконге при англичанах вошли в обиход двойные фамилии замужних женщин (мужа и собственная), но обычай, видимо, скоро исчезнет как пережиток колониального прошлого. Раньше девочкам давали «чисто женские» имена — цветов и разных красотей, например, Сю Мэй (приятный цветок сливы) или Чунь Сян (аромат весны). После революции, главным образом в семьях партийцев, но не только, получили распространение имена революционные, типа наших Тракторин и Октябрин: Цзянь Го (строительство государства), Вэй Пин (береги мир), Бао Хуа (защитай Китай), Шэнли (победа).

Отношениям между полами в Китае присуща трогательная деликатность, кажущаяся архаичной в наш деловой и несентиментальный век. Рынок, конечно, принес с собой и проституцию, и браки по расчету, и много других «прелестей», но и здесь опять-таки, приходится только удивляться, как это уживается с целомудрием. Число ВИЧ-инфицированных в Китае по состоянию на 2008 год было менее 0,1% против 0,1–0,5% в Европе, 0,5–1% в США и 1–5% в России и Черной Африке (в ЮАР — даже более 15). Основной канал распространения вируса — внутривенные инъекции, однако наркоманов в Китае мало, так как за наркотики наказывают очень строго, вплоть до смертной казни.

Китай дал миру одно из лучших произведений эротической литературы — «Цзинь, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе» — есть в русском переводе), однако при Мао оно было запрещено. Тогда в китайских романах и кинофильмах положительный герой/героиня не вступали ни в добрачные, ни во внебрачные связи. Сегодня все изменилось, пуританизм «культурной революции» для сегодняшних двадцатилетних уже история, молодежь знает о нем только понаслышке, но вот вековые традиции остаются. Юноше, ухаживающему за девушкой, в Китае положено написать ей письмо о своих чувствах — от того, как написано письмо, какова каллиграфия, поэтичность и искренность, зависит не в последнюю очередь решение девушки. Эти письма пишут не только юноши из интеллигентных семей, их пишут, по крайней мере в городах, чуть ли не все, а деревнях — многие.

Политика «один ребенок в семье», проводившаяся в 1979–2015 годах воспринималась в Китае с пониманием — как, может быть, неприятная, но

необходимая мера. Из этой политики были исключены только нацменьшинства и некоторые сельские районы, а в городах она проводилась со всей строгостью. Суровые запреты подкреплялись пропагандой, которая была изобретательна, остроумна и несколько похожа на нашу 1920-х годов — в этом, кстати сказать, тоже примета социального динамизма; железобетонно-угрюмые лозунги брежневского периода типа «Партия — наш рулевой» и «Храните деньги в сберегательной кассе» встречаются, но редко. Вот некоторые из лозунгов, призывающих к ограничению рождаемости, которые приходилось видеть в самых неожиданных местах — от вокзалов до заводских цехов: «Каждый гражданин ответственен за процветание страны, каждый муж отвечает за планирование семьи», «Стерилизация одного члена семьи — почет всей семье», «Рожайте меньше детей, сажайте больше деревьев», «Пусть лучше развалится семья, чем государство».

Дети в Китае родителей не только почитают, но и заботятся о них в старости. Собственно говоря, раньше больше о них заботиться было некому — пенсии до недавнего времени были только у работающих в госсекторе, то есть у абсолютного меньшинства китайцев. Только недавно стали вводиться обязательные отчисления в пенсионные фонды для работающих на негосударственных предприятиях и для крестьян. А в деревнях между тем живет более трети населения, правда не все из них заняты сельским хозяйством, примерно 10% всех занятых в стране, хоть и живут в деревне, но работают в сельской промышленности.

Социологические исследования свидетельствуют, что в отличие от западных стран, где внутрисемейные денежные трансферты незначительны, в России именно родители-пенсионеры помогают детям, а не наоборот. В развивающихся же странах, в том числе и в Китае, именно дети содержат родителей в старости. В Китае традиция требует заботиться о пожилых, даже когда у них есть пенсия. Если престарелые родители вступают в повторный брак, то их взрослые дети встречаются и договариваются о том, кто и как будет помогать.

Художественной самодеятельностью в Китае занимаются больше людей, чем у нас в советские времена. На площадях, в скверах, парках утром и вечером постоянно можно видеть и старичков, и старушек, и молодых, занимающихся тайцзи (гимнастикой замедленных движений) и цигун (дыхательными упражнениями). В парке Лу Синя в Шанхае с традиционными китайским садом, с прудами, островками, горками, фонарями и мостиками вечером трудно найти свободный уголок — здесь разучивают европейские бальные танцы, там девушки занимаются

художественной гимнастикой, поодаль пенсионеры поют хором революционные песни.

В пекинском парке Житань и утром и вечером такая же напряженная общественно-художественная жизнь: здесь тайцзи с мечом, там тайцзи с веером, здесь поют арии из китайских опер, там играют в китайские шахматы (похожие на наши, то есть индийские, но с другими правилами) или в вэйци (облавные шашки, похожие на японскую игру го) или в тяоци (обычные шашки); в помещениях — в домах и ресторанах — играют в более азартный мацзян. Вдобавок по утрам в пекинских парках прогуливают певчих птиц — клетки развешены по веткам деревьев, некоторые открыты, чтобы птицы могли полетать и посидеть на настоящих ветках; птицы поют-заливаются, приветствуя восход солнца — полное ощущение рая; через полчаса-час их возвращают в клетки и закрывают покрывалом, гомон умолкает.

У здания пекинской оперы на Чанъаньцзе в летние вечера, когда спадает дневная жара, собираются сотни людей — то один, то другой выходит вперед на импровизированную сцену и под аккомпанемент обязательной для пекинской оперы китайской скрипки цзинху и нескольких ударных инструментов поет арии из классических китайских опер. Оказывается, эти арии из опер знают многие, а классические произведения, по мотивам которых написаны эти оперы, такие как «Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на Запад», «Сон в красном тереме», знают практически все — они стали частью национальной бытовой культуры.

Что поют, я, конечно, не понял даже после объяснений, но я видел как поют и кто поет: вот работяга-строитель, наверное, только что окончивший вечернюю смену, он снял грязную спецовку из уважения к публике и остался в одной майке, он жестикулировал, изображая как крадется тигр и как воин-богатырь борется с ним голыми руками, так что стоящие рядом дети прятались за материнские юбки; а вот девочка лет десяти, которая сначала стеснялась, а потом, после того как ее мама показала пример, спела сама, видимо, очень известную арию, потому что, когда она забывала начало куплета, ей подсказывали слова хором чуть ли не сто человек сразу; а вот уже немолодые супруги, которые пришли со своим цзинху и разыграли сцену из оперы «Кун чэн цзи» («Сказание о пустом городе» по мотивам «Троецарствия»), где Чжугэ Лян — премьер-министр одного из трех царств, играл на крепостной стене осажденного неприятелем города, в котором не было никого — враги подумали, что это ловушка, и не вошли в город.

Я спросил у наугад выбранной молоденькой пары, сидевшей вдали на металлической ограде газона, знают ли они, откуда эта ария, — ребята бойко рассказали, кто такой Чжугэ Лян и как он спас город в III веке н.э., в очередной раз удивляя меня своим знанием исторических персонажей. Возле отдыхавших пока музыкантов между тем выстроилась целая очередь желающих заказать аккомпанемент, чтобы продемонстрировать свое певческое искусство...

Китайцы, как уже говорилось, с детства обладают отменным музыкальным слухом, так как даже в официальном китайском четыре тона, а в диалектах — еще больше; чуть ли не каждый китаец может спеть не одну оперную арию, мелодии которых для среднестатистического европейца звучат вычурно и труднопроизводимы. Каждый год в Китае проводится международный конкурс на лучшее исполнение арий из пекинских опер; нередко первые места занимают иностранцы.

Как и в любом национальном характере, в китайском малоприглядных черт больше, чем достаточно. И написано об этом тоже немало. Есть даже книга «Гадкий китаец и кризис китайской культуры», написанная тайваньскими авторами, но доступная и в континентальном Китае и переведенная на английский. Говорят, что китайцы жадные, нечестные и вороватые, что у них нет никакого чувства собственного достоинства и что они за небольшие деньги готовы забыть свои обещания, а то и предать, что они нечистоплотные (в отличие, скажем, от японцев) и все время едят, не останавливаясь, где бы ни находились. Конечно, Китай большой и китайцы разные, как и люди в других странах. Но если брать среднестатистический случай, в том, что говорят, много правды.

Китайцы действительно своего не упустят: если вы на минуточку расслабились, стоя в очереди, перед вами непременно появятся как из-под земли несколько китайцев. Если что-то дают бесплатно, то первыми это получают китайцы. Особенно славятся своей пронырливостью и умением устраиваться шанхайцы. В битком набитом шанхайском ресторане пропал свет на пять минут, а когда его снова включили, никого уже не было, вся публика ушла, не заплатив, остались только мама с дочкой, приехавшие из другой провинции — печать полна подобного рода историй.

Я видел, как набрасываются на шведский стол с ограниченным запасом «халявного» съестного китайцы — толпой, отталкивая всех подряд, с горящими глазами, полностью забыв про все на свете. (Справедливости ради, надо сказать, что довольно успешно в этой толпе действовали и шведские студенты, компенсируя отсутствие китайской шустрости высоким ростом). Да и помощь вам

никто не бросится оказывать, если вы, скажем, сломали ногу на улице — пройдут мимо, скажут, что спешат. Как писала недавно китайская газета, в наши дни, если человек жертвует малой толикой своих личных интересов во имя сохранения достоинства или же просто не берет, что ему не принадлежит, он становится чуть ли не героем.

Однако есть и обратная сторона китайской бессовестности, часто ускользающая от иностранных туристов. Полное пренебрежение к окружающим, постоянная готовность и даже стремление «объесть» соседа и взять, что плохо лежит, характерны только по отношению к незнакомцам. Что же касается «своих», то здесь действуют строгие нормы ответственности, понятия долга и чести и принцип круговой поруки. Насколько безразлично, если не сказать наплевательски, относятся китайцы к «чужакам», настолько же они внимательны, предупредительны и заботливы по отношению к членам своей «общины», будь то предприятие, деревня, многоэтажный дом или хутун в городе. Стоит не знакомым прежде китайцам оказаться объединенными какой угодно общностью, хотя бы и обеденным столом, они буквально преображаются, начинают предлагать друг другу лучший кусок. Общинные, по сути своей, правила в Китае сильнее, чем где бы то ни было: нечестный поступок по отношению к постороннему считается чуть ли не доблестью, но не дай бог совершить что-то подобное по отношению к соседям или коллегам — страшный позор, потеря лица, несмываемое пятно на всю жизнь, да еще и детям припомнят.

И еще одно. Порядочными не рождаются, а становятся. Рецепт совершенного английского газона, как известно, до примитивности прост — стригите траву каждый день и через 200 лет ваш газон будет не хуже, чем в Англии. В Китае стригут каждый день и прогресс налицо.

Сейчас, в эпоху повсеместных мобильных телефонов телефоны-автоматы (телефонные будки, из которых можно было позвонить за мелкую монетку) исчезли во всех странах, но раньше их было много (в СССР позвонить можно было за 2 копейки, а в западных странах и даже в ГДР в этих будках еще и лежали телефонные книжки со списками абонентов). В Китае телефонов-автоматов в 80-е годы прошлого века, однако, не было; телефоны для звонков давали за небольшую плату владельцы киосков и маленьких магазинов. На вопрос, почему нет автоматов, мне объяснили, что, если их оставить без присмотра, все растащат. В 1990-е годы, когда автоматы на улицах появились, чтобы оценить прогресс, надо знать, *почему* их не было еще несколько десятилетий назад.

Упоминавшаяся книга «Гадкий китаец» не была запрещена в Китае именно потому, что правительство посчитало ее инструментом воспитания нравов. Пресса ведет настоящую войну с «отвратительными проявлениями пережитков феодализма», призывая к добросовестности и ответственности. И не только пресса. Борьба за качество и честный бизнес стала национальным приоритетом. Качественными товарами предприятия гордятся, а о недоброкачественных изделиях и обслуживании власти призывают сообщать в инстанции. В 1990-е годы в пекинских такси, чтобы ввести новые стандарты обслуживания, механический голос приветствовал вас при включении счетчика и сообщал номер телефона, по которому можно пожаловаться на качество обслуживания. Линия была часто занята, но дозвониться все же было можно. На что жаловались? Оказывается, таксисты не всегда подносили чемодан, а некоторым казалось, что счетчик должен работать медленнее.

В поезде, где действительно постоянно едят, если не все, то каждый второй, упорно бросая мусор прямо на пол, проводники в чистых костюмах и белых перчатках с еще большим упорством подбирают этот мусор буквально каждые полчаса — в итоге в плацкартном вагоне китайского поезда сейчас заметно чище, чем в нашем, хотя 30 лет назад было много грязнее. И когда вы читаете в китайской прессе, что китайские железнодорожники непрестанно борются за повышение качества обслуживания пассажиров, не надо смеяться, воспринимая это как избитое советское клише. Они действительно борются, и качество действительно растет год от года: в 2000 году в плацкартных вагонах пассажиры смотрели фильмы на экранах своих ноутбуков, а в 2001 году появилась новая услуга — за небольшую плату проводник может дать вам портативный DVD-плеер, на котором вы можете посмотреть хоть десять новых фильмов.

В Китае ежегодно проводится конкурс на самый чистый город. Я был в двух городах из восьми, названных самыми чистыми в 2000 году госадминистрацией по охране окружающей среды, — в городе Сучжоу (провинция Цзянсу) и в городе Янтай (провинция Шаньдун): действительно чисто, видно невооруженным глазом, хотя итоговая чистота определяется не только по количеству мусора на улицах, но и с учетом качества воздуха, воды, и т. п. Некоторые китайские города, чтобы сократить выбросы загрязняющих веществ, уже 20 лет как распределяют общие квоты на их выброс через рынок — путем продажи на аукционах; такая техника считается наиболее эффективной и даже в западных странах тогда только-только начинала внедряться.

20 лет назад Китай много обвиняли в загрязнении окружающей среды выбросами CO₂, других парниковых газов, твердых частиц продуктов сгорания нефти и угля. Особенно угля, так как китайская энергетика в значительной степени основана именно на угле — самом загрязняющем виде топлива. У многих в памяти картинки китайских городов в густом смоге и горожан в масках (еще до ковида, от смога, не от вирусов). Теперь все это в прошлом. На ТЭЦ установили дополнительные фильтры, снизили число машин (выезжать можно не во все дни недели, скажем, по вторникам — четвергам только машины с четными номерами), а затем совсем перешли на электромобили (у них зеленые номерные знаки, в Пекине на глаз их сейчас чуть ли не треть всех машин).

Справедливости ради, надо отметить, что и раньше Китай выбрасывал на душу населения в несколько раз меньше парниковых газов, чем развитые страны (об этом позже), так что впору Китаю упрекать Запад в разрушении планеты, а не наоборот. Ну, а сейчас Китай так и вовсе технологический лидер и по солнечным батареям, и по ветровой энергии, и по передаче энергии на далекие расстояния по высоковольтным линиям. Каждый второй электромобиль мира производится сегодня в Китае, уже почти половина электроэнергии вырабатывается экологически чистыми способами (гидро, ветер, солнце, ядерная энергетика), а ежегодный ввод в строй новых солнечных и ветряных мощностей (300 гигаватт) составляет 10% от всей установленной в Китае мощности и примерно равен суммарной мощности всех электростанций России.

На центральной торговой улице Ванфуцзин в Пекине прямо перед универмагом №1, который раньше был чем-то наподобие нашего ГУМа и который в период реформ постигла та же судьба (когда открылось множество торговых центров, затмевающих универмаг по роскоши и размерам), стоит памятник передовику производства Чжан Бингую, который большую часть своей жизни работал в этом универмаге простым продавцом и умер в 1987 году. Чжан Бингуй был очень внимателен и вежлив с покупателями; говорят, он одним движением руки клал на весы ровно столько товара, сколько просил покупатель. Он не был ни генералом, ни крупным организатором производства, но он прожил свою жизнь достойно. На постаменте памятника надпись, воспроизводящая каллиграфию Чэнь Юня — секретаря партии по экономике сразу после революции: «Огонь его души будет светить всему Китаю».

На центральной площади провинциального города Ичан, что у выхода из Трех ущелий на Янцзы, белые голуби садятся на руки детей и клюют зернышки или хлеб,

дети довольны, родители тоже. Вроде бы ничего особенного, не сразу и сообразишь, что для Китая это равносильно вступлению в новую эпоху. Но посмотрите внимательно и увидите, что к голубям приставлена женщина в униформе: она не просто убирает мусор, она следит, чтобы голубей не растащили — кто для домашней забавы, а кто и для обеда (голубей в Китае едят, во многих ресторанах можно заказать голубиные блюда). Но дети, доверчиво протягивающие зернышки на маленьких ладошках, запомнят голубей, а не женщину-охранника. Это поколение — первое в Китае, для которых голуби, садящиеся прямо на руки, останутся воспоминанием детства; это поколение уже не будет голодать, как родители; это поколение не позволит ни себе, ни своим детям пнуть ногой животное, просто чтобы сорвать злобу или почувствовать свое превосходство...

Китайская культура выживает, кажется, в любых условиях, «чайна-тауны» в мире множатся как грибы после дождя, а китайские иммигранты за границей очень быстро начинают преуспевать. Число хуацяо — китайцев, живущих за рубежом, по данным Международной организации по миграции, в настоящее время более 10 миллионов человек; если в эту цифру включить и их потомков, общее число китайских эмигрантов составит около 60 млн человек — очень много и в процентах к мировому (почти 1%), и в процентах к китайскому населению (более 4%). В основном живут они в странах ЮВА, но их много и в США, Австралии, Канаде, да практически везде, за исключением, может быть, Африки и бывшего соцлагеря. В Индонезии, на Филиппинах, в Мьянме (Бирме), Таиланде, Малайзии, Сингапуре, Лаосе, Кампучии в руках китайцев находится львиная доля всего бизнеса. В Таиланде китайцев заставили принять тайские имена, но переговоры и даже совещания в деловых кругах страны часто проводятся на китайском. Собственно говоря, только в трех странах Восточной Азии — в Японии, в Корее и во Вьетнаме китайская диаспора не занимает господствующего положения в деловых кругах.

Использование китайского языка в мире постоянно расширяется — за счет роста китайской диаспоры и повышения интереса к Китаю в других странах. Число английских сайтов в интернете пока что сильно превышает число китайских (50% и 1,3% от общего числа сайтов соответственно), но среди пользователей интернета носителей китайского языка ненамного меньше, чем английского (19 и 26% соответственно).

Расхожая российская шутка про американские университеты, в которых якобы русские профессора обучают китайских студентов, возможно, и льстит нашему национальному самолюбию, но действительности не соответствует. После начала

китайских реформ, в 1980–1990-е годы в Америку приехали на учебу сотни тысяч китайских студентов; многие из них остались и защитили диссертации, так что теперь китайских профессоров в любом американском университете (как, впрочем, и китайских студентов) на порядок больше, чем российских. Я недавно дал себе труд посчитать число китайских и славянских фамилий в списке участников ежегодной конференции Американской экономической ассоциации — самого представительного профессионального собрания экономистов всего мира, на которое каждый год в начале января съезжаются несколько тысяч человек: получилась примерно пропорция 10 к 1, то есть менее благоприятная для нас, чем соотношение населения Китая и славянских стран. Даже на факультетах физики и математики, где обычно можно увидеть несколько русских фамилий, китайских, похоже, не меньше.

Китайская кухня, возможно, самая разнообразная в мире. Сами китайцы говорят, что едят все что летает, кроме самолета, и все, что на четырех ногах, кроме стола. Европейцы долго есть китайскую пищу не могут, китайцы же европейскую пищу едят с удовольствием, хотя она и кажется им простоватой — не тот уровень обработки, да и ингредиентов маловато. То, что подают в китайских ресторанах в Европе и Америке, — сильно облегченный, европеизированный вариант китайских блюд; здесь, как и во многом другом, китайцы обнаруживают великое умение приспосабливаться к местным условиям, не теряя самих себя. В самом же Китае есть неповторимые шедевры кулинарного искусства: из ресторана в Шанхайском старом городском торговом районе Ю юань каждый день доставляют самолетом в Гонконг пельменьчики с мясом крабов, «нансян сяо лун бао» — пробовали делать такие же и в Гонконге, но не получается.

ЧАСТЬ II

ТОЛЬКО СОЦИАЛИЗМ СПАСЕТ КИТАЙ?

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1949 ГОДА

Гибель капитализма неизбежна?

Роберт Хайлбронер, автор книги «Философы от мира сего», ставшей одним из самых популярных учебников по истории экономической мысли, писал, что традиция политической экономии отличается от «экономикс», возникшей позже. Классические экономисты интересовались динамикой самой капиталистической системы, пытаясь объяснить, как капитализм возникает, развивается, достигает зрелости и умирает, тогда как «экономикс» — экономическая наука, возникшая позже, была озабочена лишь достижением равновесия и оптимума в статичной и якобы вечной рыночной системе (Heilbroner 1999; Хайлбронер 2009). В рамках первой, политэкономической традиции вполне уместно задаться вопросом о будущем капитализма и альтернативных формах социальной организации: почему капитализм оказался более эффективным, чем другие социальные формации, в XVI–XX веках, почему социализм в XX веке оказался успешным в ряде развивающихся стран (сначала СССР, потом Китай и Вьетнам), но пока не смог обеспечить большую экономическую эффективность и сможет ли он стать более конкурентоспособным, чем другие социальные формации, в будущем.

В одной из фантастических повестей братьев Стругацких нарисована примечательная картина экономического вытеснения капитализма социализмом: «Прославленные империи Морганов, Рокфеллеров, Круппов, всяких там Мицуи и Мицубиси» лопнули, не выдержав конкуренции более дешевых товаров, производимых в социалистических странах, и «уже забыты»; только в обеих Америках, где «еще имеют хождение деньги», осталось «несколько миллионов упрямых владельцев отелей, агентов по продаже недвижимости, унылых ремесленников», сохранились «солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления <...> да и те вынуждены прикрываться лозунгами всеобщего благоденствия» (Стругацкий, Стругацкий 1991: 262). Такая весьма далекая от нынешней реальности ситуация — заветная мечта любого экономиста-

марксиста — своего рода НЭП (новая экономическая политика²¹) в глобальном масштабе, чисто хозяйственная, коммерческая победа социализма над капитализмом, основанная именно на более высокой эффективности производства в плановой системе.

Интересно, что и в американской и западной фантастике очень часто общество будущего изображается как безденежное, без рыночных отношений. Я иногда спрашивал своих канадских студентов, почему капитан космического корабля Жан-Люк Пикар из «Звездного пути» — популярного американского сериала 1980–1990-х годов прошлого века — не пользовался кредитными карточками, даже когда отдыхал на Земле. В XXIV веке, когда разворачивается действие «Звездного пути», нет кредитных карт, денег, инвестиционных консультантов и банков, люди не гонятся за прибылью, а занимаются деятельностью, более соответствующей предназначению человека, — создают шедевры искусства и науки, открывают новые миры и «смело идут туда, где еще никто не бывал», как говорится в начале каждой серии. Студенты по большей части считали такие предсказания научной фантастики нормальными: в будущем обществе не должно быть места деньгам, рынкам и даже частной собственности.

Понятие рая, существующее во многих религиях и культурах, также не включает в себя деньги и частную собственность. На небесах люди становятся счастливыми без бирж и агентов по недвижимости. Другими словами, в глубине души большинство из нас, независимо от нашей политической ориентации, придерживаются убеждения, что в будущем капитализм умрет и будет заменен более развитой формой социальной организации. Почему мы так уверены?

Одно распространенное объяснение состоит в том, что конкуренция и частная собственность несовместимы с коллективистской, альтруистической и филантропической природой людей, что мы склонны ставить человека выше прибыли и, следовательно, в конечном итоге, когда позволят условия, организуем общество на принципах справедливости и взаимопомощи. Не всем нравятся Маркс, Ленин, Троцкий, Че Гевара, Мао и Мандела, но именно их портреты мы часто видим на футболках, а не портреты Ротшильда, Рокфеллера или Билла Гейтса. Справедливость и самопожертвование во все эпохи ценилась больше, чем способность обогащаться.

²¹ НЭП — политика Советской России и СССР в 1921–1929 гг., разрешавшая существование разных экономических укладов (государственного, частнокапиталистического, мелкотоварного) и предполагавшая экономическое вытеснение капитализма социализмом.

Другая, альтернативная теория — исторический материализм, состоит в том, что моральные принципы определяются социальными структурами и что социальная трансформация движима экономической и военной конкуренцией между обществами: более экономически эффективная форма социальной организации, то есть та, которая позволяет достичь наивысшей производительности, наконец вытесняет все остальные, менее конкурентоспособные социальные структуры.

Теоретики утопического социализма — от Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы до Сен-Симона, Фурье и Оуэна — не без причины мечтали о более рациональном и справедливом обществе. Но именно марксизм, как утверждается, превратил коммунизм из утопии в реальность, поставив во главу угла не моральные принципы, а экономическую конкурентоспособность — плановое производство, основанное на общественной собственности на средства производства и низком неравенстве, должно быть более эффективным, чем рынок с частной собственностью и всевластием финансовых акул.

Недостатки капиталистического рынка очевидны и многочисленны. Равновесие в рыночной экономике достигается только за счет отклонений от равновесия. Всевозможные шоки спроса и предложения на разных рынках выводят экономику из равновесия, что, естественно, связано с потерями. Есть перманентная безработица и незагруженные производственные мощности. Существует деловой цикл — периодически, раз в пять-десять лет, капиталистическая экономика впадает в кризис (рецессию, как сейчас говорят), то есть испытывает сокращение выпуска, которое длится один-два года. Рынки терпят неудачу во многих случаях — в обеспечении общественных благ и в адекватном регулировании внешних эффектов²², в выборе и реализации проектов с долгосрочным горизонтом (например, фундаментальные исследования, освоение новых территорий и/или отраслей) и в обеспечении крупных структурных сдвигов в ограниченное время (во время войны, например).

Рынки акций, недвижимости, многих сырьевых товаров крайне волатильны, на них периодически образуются пузыри, цены на ресурсы и обменные курсы часто скачут

²² Общественные блага — товары и услуги, потребляемые коллективно всеми гражданами, независимо от того, платят они за них или нет (пример — обеспечение порядка и безопасности). Поэтому считается, что они должны предоставляться государством за счет собираемых налогов. Внешние эффекты, или экстерналии, возникают, когда действия индивидумов или фирм приносят побочные выгоды (бесплатно) или издержки (без компенсации) другим участникам. Пример — загрязнение окружающей среды. Считается, что именно государство должно устанавливать такие правила, при которых незаработанные выгоды не достаются бесплатно, а вызываемые действиями других издержки должным образом компенсируются.

вверх и вниз без каких-либо изменений в реальной экономике, просто из-за слухов, ожиданий и спекуляций. «Иррациональные эксцессы» (irrational exuberance) — выражение, использованное бывшим председателем Федеральной резервной системы Аланом Гринспеном, — не является преувеличением или художественным образом, это, скорее, существенная, постоянная и неотъемлемая характеристика многих рынков, от фондового рынка до товарных рынков²³.

Хрестоматийными стали выражения animal spirits (обычно переводится как «дух жизнерадостности», но, точнее, видимо, нечто, противоположное точному математическому расчету) и «стадное поведение инвесторов» (herd behavior of investors). Невозможно рационально объяснить, как цены на нефть, например, выросли с 13 долларов в 1998 году до более чем 100 долларов в 2008 году, опустились до 20 долларов в 2020 году и снова выросли до более 100 долларов в 2022 году при отсутствии серьезных изменений фундаментальных факторов. Человек, венец творения, чьи способности не имеют себе равных, низводится до положения инструмента рыночных сил; его судьба и благополучие определяются беспощадной и зачастую иррациональной механикой рынков, которую он и не понимает, и не контролирует.

Социальную справедливость рынок практически не обеспечивает — когда цены падают из-за перепроизводства, даже самые старательные и эффективные производители не могут окупить свои затраты; когда же цены растут из-за непредвиденных шоков (например, увеличение спроса на национальные флаги после терактов 11 сентября 2001 года), производители получают «шальные прибыли». Более того, похоже, нерегулируемый рынок неизбежно ведет к усилению неравенства и поляризации общества (как говорят, деньги идут к деньгам), и, если не противостоять таким тенденциям, социальные потрясения неизбежны.

Социалистическая революция в России, а затем и в Китае, была именно реакцией на рост неравенства в распределении доходов и богатства в условиях нерегулируемого капитализма без сдержек и противовесов (Джомо, Попов 2016; Попов, Konchakov, Didenko 2023).

²³ Irrational exuberance чаще переводят как «иррациональный оптимизм». Так, например, переведено название книги Роберта Шиллера. Но «оптимизм» подразумевает завышение оценки, а рынки все-таки не только завышают, но и занижают цены, курсы и рейтинги.

Ключевой вопрос экономической и социальной истории России в пореформенный период (после аграрной реформы 1861 года) — что именно привело к революциям начала XX века. Были ли эти революции закономерным результатом роста социальной напряженности из-за неизбежных противоречий «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве (сочетания крупных помещичьих имений и мелкого землевладения основной массы крестьян) или же русский капитализм развивался в целом успешно, а революции были отнюдь не неизбежны, а вызваны случайными, преходящими факторами (война, политические ошибки власти и оппозиции и т. д.) — краткий обзор этих дискуссий есть в работе Сергея Нефедова и Майкла Элмана (Nefedov, Ellman 2016).

В пользу первой точки зрения свидетельствуют данные, что неравенство доходов (не земли), в России было, похоже, ниже, чем в других странах в начале XX века, и ниже, чем в России сегодня (Lindert, Nafziger 2014). Однако в других работах (Поров, Konchakov, Didenko 2023) обнаруживается, что наиболее важным фактором, стимулирующим протестную активность (забастовки, крестьянские волнения, преступления против личности), было неравенство в распределении земли. Этот вывод выдерживает самый жесткий тест на устойчивость (робастность, как сейчас говорят) — никакие другие переменные, входящие в правую часть уравнения, не могут устранить значимость показателей неравенства в распределении земли. Такое неравенство в распределении земли было выше в России, чем в других странах, что позволяет объяснить большую революционную активность в России.

Боярские вотчины в России делились между многими наследниками только до XVIII века, размеры земельных владений становились все меньше, но все равно оставались больше, чем в Европе. В начале же XVIII века вышел указ о единонаследии, остановивший процесс дробления²⁴. А новому классу земельных собственников — дворянам — с XVI века земля давалась только за службу; они получали огромные земельные владения преимущественно в новых и малонаселенных регионах расширяющегося русского государства (Волга, Урал, Сибирь, Украина и Новороссия). Крупные и даже огромные земельные владения в этих регионах стали нормой, поэтому концентрация земли и неравенство в ее распределении стали самыми высокими.

²⁴ По указу Петра I о единонаследии 1714 г. землевладельцы могли завещать все свое недвижимое имущество только одному из сыновей, что положило конец дроблению боярских вотчин и фактически устранило различия между вотчинами и дворянскими поместьями.

Братьям Орловым, например, после того как они помогли Екатерине II в 1762 году занять престол, в 1768 году было пожаловано огромное имение в Поволжье (вместо нескольких более мелких имений в Центральной России) площадью свыше 100 000 десятин и около 10 000 крепостных. Таких размеров владений Европа, конечно, не знала (площадь Люксембурга всего в 2,5 раза больше). В пьесе Чехова «Вишневый сад» усадьба средних размеров, проданная хозяйкой Раневской промышленнику Лопухину, имела площадь 1100 гектаров (средний размер землевладений в европейских странах — порядка 50 га).

Земельная реформа 1861 года освободила крепостных без земли — небольшие земельные участки, переданные крестьянам, надо было выкупить у государства, а выкупные платежи продолжались до первой русской революции 1905–1907 годов. Крупные поместья — латифундии земельной аристократии — сохранялись и в XX веке и не были ликвидированы даже Столыпинской реформой 1906 года, направленной на уничтожение земледельческой общины и стимулирование перехода земли от аристократии к зажиточным крестьянам.

Как писал Ленин в 1912 году, «земля в Европейской России распределяется так, что крупнейшие помещики, имеющие свыше 500 десятин, владеют 70 миллионами десятин, причем число этих помещиков не достигает и 30 000. Громадное же большинство крестьян, именно десять с половиной миллионов семей, из всего числа 13 миллионов крестьянских семей, имеют 75 миллионов десятин земли. Средний размер крупнейшего помещичьего имения — *2200 десятин*. Средний размер мелкого крестьянского участка — *семь десятин*» (Ленин, 1968: 266).

Между тем освобождение крестьян в 1861 году привело к резкому росту неравенства в доходах и богатстве и ускорило дифференциацию крестьянства. Доля крестьян-середняков оставалась стабильной на уровне 50% в 1600–1860 годы, но к концу XIX века упала до 23% за счет увеличения доли зажиточных крестьян, с одной стороны, и бедняков с другой. В результате количество крестьянских волнений возросло с 10–30 в год в начале 1800-х до 300 до накануне отмены крепостного права в 1861 году, до 3000 во время первой русской революции 1905–1907 годов, а уровень преступности возрос более чем в три раза, в 1850–1910 годах — с 500 преступлений до более 1500 на 100 000 жителей (Mironov 2000; Turchin, Nefedov 2009).

По словам Георгия Дерлугьяна, «нет ничего особенно удивительного в том, что в XVI веке Россия стала империей в одном ряду со многими другими империями, возникшими благодаря пороку. Куда удивительнее то, что в 1900 году Россия все

еще оставалась расширяющейся великой державой. В конце концов, к 1900 году и Китай, и Индия, и Иран, даже Турция и Испания утратили свои некогда ведущие позиции. Причина такого масштабного падения всех остальных, очевидно, была связана с тем, что за истекшие четыре столетия возникло с северо-запада Европы и охватило своими колониями почти всю планету <...> В 1917 году никто не считал русскую революцию неожиданной <...> вопрос не столько в том, почему в конечном итоге Российскую империю взорвала революция, сколько в том, почему так долго удавалось избегать революции» (Derluguian 2013: 103, 105; Дерлугьян 2017: 164, 170, 171).

Не исключено, что постепенная вестернизация в России могла бы «преуспеть», как она «преуспела» в Латинской Америке, где неравенство в доходах сохранялось и практически не уменьшалось до XXI века, несмотря на многочисленные восстания и революции. Но получилось иначе — возможно, благодаря исключительному упорству российского правящего класса, который был непреклонен в сопротивлении радикальной земельной реформе. Даже демократическая революция февраля 1917 года, которая привела к отречению царя и созданию Временного правительства, не осуществила радикальную земельную реформу. Понадобилась Октябрьская социалистическая революция 1917 года, чтобы осуществить коренной передел земли.

Великий социалистический эксперимент в России (1917–1991) — смелая попытка восстановить социальную справедливость и институциональный потенциал государства — привел к снижению неравенства в распределении богатства и доходов, снизил уровень преступности и теневой экономики. Ожидалось, что централизованно планируемая экономика, организованная рационально (все общество работает как один завод), должна быть в состоянии избежать имманентно присущих рынку потерь и, таким образом, достичь более высокой эффективности. Так считали ранние теоретики социализма.

«Производительность труда, — писал Ленин в 1919 году, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» (Ленин 1970: 21). И поначалу казалось, что пророчество сбывается: СССР первой из отстающих от Запада стран стал на путь догоняющего развития.

Самой сильной стороной плановой экономики была способность мобилизовывать внутренние сбережения и превращать их в инвестиции, не допуская высокого неравенства. Эта мобилизация сбережений в западных странах происходила во время первоначального накопления капитала с огромными социальными издержками — через разрушение общины, рост неравенства, бедности, массовой нищеты, смертности, поляризации общества, социальной напряженности. При социализме, напротив, появляется возможность увеличения сбережений без роста неравенства и обнищания масс. Именно за счет мобилизации этих сбережений и превращения их в инвестиции Россия, отстававшая от Запада при капитализме, стала сокращать разрыв.

В развивающихся странах именно отсутствие сбережений является основным препятствием для ускорения экономического роста; возникает «ловушка развития» — сбережений хватает только для замены устаревающего оборудования и создания новых рабочих мест для увеличивающегося населения, но не для повышения капиталовооруженности. Плановая же экономика может мобилизовать внутренние сбережения с помощью налогов, не допуская увеличения неравенства доходов (доход от собственности переходит государству как владельцу средств производства).

И в России, и в Китае были периоды массовых лишений и голода, связанные с мобилизацией сбережений (коллективизация в СССР в 1929–1932 годах, закончившаяся голодом, и «большой скачок» в Китае 1958–1960 годов, тоже приведший к массовому голоду), но они были связаны с конкретными историческими обстоятельствами и ошибками в политике (подготовка к войне в условиях капиталистического окружения в СССР, форсированная коллективизация в СССР и Китае). Попытки представить эти явления как имманентно присущие социализму, проистекающие из самой его природы, совсем неубедительны, как потому, что с теоретической точки зрения рост нормы накопления при низком неравенстве не должен приводить к массовой бедности, так и потому, что в других социалистических странах (Восточная Европа, Куба) рост сбережений не сопровождался лишениями. Даже Япония, поддерживавшая низкий уровень неравенства в 1920–1930-е годы и после Второй мировой войны, сумела поднять уровень сбережений без массового обнищания населения.

Так или иначе, СССР стал первой не западной страной, ставшей уверенно догонять Запад по подушевым доходам — ВВП на душу населения повысился с 25% от американского уровня в начале XX века в царской России почти до 40% в 1975 году

в СССР (Maddison Project Database 2018; Popov 2014a). Результат тем более впечатляющий, что в XVI–XIX веках отставание России от Запада все время нарастало — ни реформы Петра I в начале XVIII века, ни освобождение крестьян в 1861 году, ни реформы Столыпина и Витте в начале XX века не смогли остановить рост разрыва с Западом по уровням производительности труда и подушевых доходов.

Самые последние исследования, реконструирующие наиболее подробно российский ВВП по десятилетиям в XVII–XX веках (Broadberry, Korchmina, 2024), показывают, что ВВП на душу населения в России в течение более 200 лет перед революциями 1917 года фактически стагнировал — чуть менее — чуть более 1000 долларов в постоянных ценах 1990 года, а затем вырос аж в 7 раз — до 7000 долларов в 1980 году.

Роман Фрэнсиса Спаффорда «Страна изобилия» (Spufford 2010; Спаффорд 2012) прекрасно передает атмосферу того времени — веру в то, что разрыв между СССР и Западом сокращается и скоро исчезнет, потому что социализм — это не только более развитая социальная система, но и более конкурентоспособная экономика. Во время знаменитых «кухонных дебатов» с тогдашним вице-президентом США Ричардом Никсоном в 1959 году советский лидер Никита Хрущев отказался признать, что капитализм может генерировать лучшие инновации, по крайней мере в некоторых областях. Никсон, открывая американскую выставку в Москве, предложил дипломатическую формулу: вы впереди в космосе, мы впереди в цветном телевидении, давайте конкурировать на благо потребителей обеих стран. Хрущев, как только ему перевели слова Никсона, поднял руку вверх в знак протеста: мы превзошли вас в ракетах, мы превзойдем вас в телевидении, сказал он (Khrushchev, Nixon 1959). Не только в Советском Союзе, но и в мире многие люди в то время искренне верили, что именно так и произойдет. Таков был дух того времени, когда советская система сохраняла свой динамизм.

В целом до середины 1960-х годов советская экономическая и социальная модель была вполне конкурентоспособной. Несмотря на распространенное мнение, что советское экономическое развитие было неудачным, СССР в 1928–1970 годах был второй по темпам роста страной в мире после Японии (Allen 2003: 7, fig. 1.1; Аллен 2013: 16, график 1.1). В 1957 году Советский Союз запустил первый искусственный спутник земли, в 1961 году — первого человека в космос. Многие развивающиеся страны мира пытались скопировать советскую модель в 1950–1960-х годах, хотя

советская помощь в то время была минимальной и во всяком случае значительно ниже западной.

Китай стал одной из стран, выбравших социалистический путь развития после Второй мировой войны, в известной мере, конечно, под влиянием успехов СССР, но главным образом из-за противоречий, порожденных предыдущим столетием вестернизации. Социалистический эксперимент XX века в Китае, так же, как и в России, стал прямым следствием и продолжением его предыдущей истории. В Китае вестернизация началась очень поздно, позднее, чем в России, лишь после «опиумных войн» середины XIX века, и сразу же вызвала широкомасштабное сопротивление — Тайпинское восстание (1850–1864) и Боксерское восстание (1898–1901). Оба восстания были подавлены с помощью западных армий, в 1915–1927 годах произошел фактический распад страны, началась гражданская война между Гоминьданом и КПК, продолжавшаяся до 1950 года одновременно с антияпонской войной 1937–1945 годов.

После начала вестернизации в середине XIX века и до создания КНР в 1949 году в Китае едва ли можно насчитать и три десятилетия мирного развития. Провозглашение КНР Мао Цзэдуном на площади Тяньаньмэнь 1 октября 1949 года знаменовало собой одновременно разрыв с капиталистической вестернизацией, социалистический выбор и национальное освобождение.

«Китайский народ наконец-то поднялся с колен»

Впечатляет не только недавний рост Китая, после 1979 года, когда Дэн Сяопин начал реформы рыночного типа, но и, о чем менее известно, в предыдущий период, с 1949 года, когда Коммунистическая партия Китая пришла к власти и была основана Китайская Народная Республика. Несмотря на временное снижение роста во время «большого скачка» и культурной революции, развитие Китая в целом за период было весьма успешным. По данным Мэддисона (Maddison 2008), китайский ВВП на душу населения составлял около 70% от индийского в 1950 году, вырос примерно до 100% к 1958–1959 годам, упал во время «большого скачка», снова вырос до 100% индийского уровня к 1966 г., упал в первые годы культурной революции и снова вырос до 100% к 1978 году.

Оценки Всемирного банка (WDI 2005) показывают, что с 1960 года темпы роста в Китае (пятилетние скользящие средние) всегда были выше, чем темпы роста в Индии, и выше, чем во всех других крупных регионах (в 1960-е годы примерно такие же темпы были характерны для стран ОЭСР и Ближнего Востока, но потом Китай уверенно вышел вперед). Продолжительность жизни в Китае в 1950 году составляла всего 35 лет, столько же, сколько и в Индии, но к концу 1970-х годов выросла до 65 лет — на 13 лет выше, чем в Индии.

Важно также осознавать, что ускорение догоняющего развития после рыночных реформ 1979 году обусловлено не только и даже не столько экономической либерализацией, сколько прочным фундаментом, заложенным в предшествующий период. Предпосылки для китайских успехов пореформенных десятилетий (с 1979 года) были созданы главным образом в предшествующий период 1949–1978 годов. Не будет преувеличением сказать, что без достижений периода Мао реформы рыночного типа 1979 года и последующих лет никогда бы не дали тех впечатляющих результатов, которые они действительно принесли.

В этом смысле экономическая либерализация 1979 года и последующих лет была лишь последней каплей, переполнившей чашу, или, как гласит английская пословица, последней соломинкой, сломавшей спину верблюда. Другие составляющие, в первую очередь сильные институты, способность мобилизации сбережений, инфраструктура и человеческий капитал, уже были созданы в предыдущем периоде. Без этих ингредиентов сама по себе либерализация в разные периоды и в разных странах никогда не была успешной, а иногда и

контрпродуктивной, как, например, в странах Латинской Америки в 1980-е годы и в Черной Африке и бывших советских республиках в 1990-е.

Другими словами, реформы рыночного типа в Китае в 1979 года и позже привели к ускорению экономического роста, поскольку в Китае уже было эффективное правительство, созданное Компартией Китая после социалистической революции (Революции Освобождения, как ее называют в Китае), которого в стране не было на протяжении веков (Lu 1999). Компартия создала эффективный госаппарат, позволивший проводить в жизнь любые законы и уложения, принимаемые в центре, и таким образом решила извечную проблему слабости государственной власти в развивающихся странах. Уровень преступности в Китае в 1970-х годах был одним из самых низких в мире, теневой экономики в Китае практически не существовало, а коррупция, даже по оценкам организации, не слишком благоволящей коммунистическим странам, в 1985 года была самой низкой в развивающемся мире. В тот же период, во время «несомненно величайшего эксперимента в области массового образования в мировой истории» (отчет ЮНЕСКО 1984 года), уровень грамотности в Китае увеличился с 28% в 1949 году до 65% к концу 1970-х годов (41% в Индии).

«Большой скачок» (1958–1960) и культурная революция (1966–1976) считаются главными провалами китайского развития. Действительно, объем производства в Китае снизился трижды за весь период после Освобождения: в 1960–1962 годах — более чем на 30%, в 1967–1968 годах — на 10% и в 1976 году — на 2% (WDI). «Большой скачок» привел к голоду и сокращению населения. Но если бы этих крупных неудач удалось избежать, развитие Китая в 1949–1979 годах выглядело бы еще более впечатляюще.

Большинство исследователей, вероятно, согласятся с тем, что «большого скачка», нанесшего наиболее значительный ущерб, можно было избежать в том смысле, что он не вытекал логически из внутренних особенностей китайской социалистической модели. Меньше уверенности в том, можно ли исключить культурную революцию из «пакета» последующей политики — это массовое движение во многом соответствовало целям социалистического развития и, скорее всего, предотвратило неизбежную бюрократизацию государственного аппарата, которая произошла в других коммунистических странах. Интересно, что Мао в самом конце жизни назвал «культурную революцию» одним из своих двух главных достижений²⁵.

²⁵ 15 июня 1976 г., когда болезнь Мао обострилась, он позвал Хуа Гофэна (тогдашнего министра общественной безопасности и преемника Мао на посту председателя ЦК КПК) и некоторых других и сказал

Но даже и с провалами «большого скачка» и культурной революции три десятилетия китайского роста (1949–1978) — это период успешного догоняющего развития, то есть сокращения разрыва в подушевом доходе с богатыми странами. Быстрый экономический рост складывается из многих компонентов, для него требуется, среди прочего, и материальная инфраструктура, и человеческий капитал, и равномерное распределение земли в аграрных странах, и сильные государственные институты, и экономические стимулы. Как больным разными болезнями врачи прописывают разные лекарства, так и реформы, нужные для ускорения роста, различны, а может быть, и прямо противоположны в разных странах (Роров 2009а).

Даже странам с одинаковым уровнем развития, со схожими институтами и другими исходными условиями одна и та же политика может быть противопоказана. В первом приближении можно провести различие между экономическими системами с преобладанием госрегулирования и с преобладанием рыночных механизмов. Если для каждого уровня развития (и для других исходных условий) существует оптимальное сочетание рынка и государства, то некоторые страны окажутся «справа» от линии раздела, с недоразвитым государством (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Южная Азия, СНГ), а некоторые — «слева», с недоразвитым рынком (социалистические страны до перехода к рынку). Если первые страдают в основном от «провалов государства» (state failure), то вторые — от «провалов рынка» (market failure).

Такую аналогию проводил Василий Леонтьев, лауреат Нобелевской премии, когда сравнивал рыночную экономику, в которой производители максимизируют прибыль, с парусным кораблем без руля. Он может быстро двигаться, но неуправляем и может быть выброшен на скалы. Напротив, плановая экономика, в которой прибыль не является стимулом, подобна кораблю без паруса, но с большим рулем. Ее можно направить в точно заданном направлении, если только она вообще сможет двигаться (Leontief 1974).

им: «Мне сейчас за восемьдесят, и, когда люди стареют, им нравится думать о посмертных делах... За всю свою жизнь я достиг двух вещей. Одной из них является борьба против Чан Кайши в течение нескольких десятилетий, изгнание его на несколько островов и ведение восьмилетней войны сопротивления японскому вторжению, которое вынудило японцев вернуться в свои дома. По этому вопросу разногласий мало... Другое дело, о чем вы все знаете, осуществление культурной революции. Не так уж много людей поддерживают ее, и довольно много людей против. Эти два дела еще не завершены, наследие будет передано следующему поколению. Как его передать? Если не мирным путем, то возникнет беспорядок, и если не справиться, то будет зловонный ветер и кровавый дождь. Что вы собираетесь делать? Только небесам известно» (People's Web 2003).

Конструирование экономического роста — как приготовление кулинарного шедевра: все ингредиенты должны быть в точности в правильных пропорциях, если чего-то не хватает или что-то в избытке, если в одно и то же время в одном и том же месте не сходятся все необходимые условия, спусковой механизм роста не сработает, экономического чуда не случится. Экономисты говорят о «связывающих ограничениях» (binding constraints), которые сдерживают экономический рост; обнаружение этих ограничений, узких мест, является задачей «диагностики роста». В одних случаях эти ограничения связаны с отсутствием либерализации рынка, в других — с недостатком государственного потенциала, человеческого капитала или инфраструктуры.

В известной статье, озаглавленной «Диагностика роста» (Hausmann, Rodrik, Velasco 2008), авторы говорят о «критических ограничениях» на рост, которые для каждой страны разные. Иногда не хватает рыночной либерализации, иногда — сильных государственных институтов, а иногда — человеческого капитала. Как врач устанавливает диагноз у пациента, так и квалифицированный экономист должен суметь установить отсутствующие условия для роста или, наоборот, избыточные ограничения, препятствующие росту в той или иной стране (Acemoglu, Aghion, Zilibotti 2003, 2006).

Почему либерализация сработала в Китае в 1980-е годы, но не сработала в Латинской Америке в 1980-е годы и в Африке в 1990-е годы? Ответ, согласно изложенному подходу, заключается в том, что в Китае недостающим ингредиентом была экономическая либерализация, тогда как в Африке южнее Сахары и в Латинской Америке наблюдался недостаток потенциала госинститутов, а не отсутствие рыночной либерализации.

Почему экономическая либерализация сработала в Китае в 1980-е годы, и почти сработала в Центральной Европе в 1990-е годы, но «не сработала» в 1980-е годы в России и других странах СНГ? Потому что в СНГ она осуществлялась таким образом, чтобы подорвать потенциал государства — драгоценное наследие социалистического прошлого, тогда как в Центральной Европе и тем более в Китае потенциал государства в переходный период существенно не снизился.

Иначе говоря, к концу 1970-х годов в Китае было практически все, что было необходимо для экономического роста, за исключением некоторой либерализации рынков — ингредиент, который гораздо легче создать, чем человеческий капитал или институциональный потенциал. Но даже эта, казалось бы, простая задача экономической либерализации требовала тщательной стратегии и тактики — не

надо было разрушать плановый механизм прежде, чем заработает рынок, и, конечно, нельзя было разрушать аппарат Компартии (который фактически и был основой государства) до создания альтернативных механизмов управления.

СССР ведь в середине 1980-х годов находился в положении, схожем с китайским перед началом реформ. Да, советская система утратила экономический и социальный динамизм, темпы роста в 1970–1980-е годы падали, продолжительность жизни не росла, уровень преступности повышался, но институты в целом были сильны, а человеческий капитал велик, что обеспечивало хорошие стартовые позиции для начала реформ. Тем не менее экономическая либерализация в Китае (с 1979 года) и в СССР (с 1989 года), а затем и в России дала совсем разные результаты (Роров 2000, 2007а).

В общем и целом, как говорят, «в сухом остатке», получается, что даже если не исключать периоды «большого скачка» и культурной революции, развитие Китая в 1949–1978 годы было намного лучше, чем развитие большинства стран мира, и, что еще важнее, заложило основы поистине исключительного успеха пореформенного периода. Более того, в отличие от СССР Китай встал на путь рыночных реформ, еще до того, как его плановая экономика стала замедляться. Почему?

Почему снизились темпы роста советской экономики в брежневский период

Вот история, подлинность которой, как говорят, еще предстоит проверить (совпадения с реальными историческими персонажами и событиями — чистая случайность). В 1964 году после официальных переговоров министров связи Гондураса и СССР в Тегусигальпе, гондурасский министр, г-н Родригес, пригласил гостя, г-на Иванова, к себе на асьенду недалеко от столицы. Он показал г-ну Иванову свое небольшое поместье площадью около пяти гектаров с фруктовым садом, особняк с семью спальнями на втором этаже, бассейн, гараж с коллекционными лимузинами, помещения для многочисленной прислуги. Вечером, на обеде г-н Иванов с удовольствием отведал экзотические блюда, многие из них — впервые в жизни. Г-н Родригес показал фото своих детей, которые учились в Гарварде и Принстоне. На следующий день была прогулка на одном из раритетных лимузинов и рыбалка на личной яхте г-на Родригеса.

Г-н Иванов в Москве жил на порядок скромнее, но не особенно завидовал г-ну Родригесу. Он знал, что народ Гондураса беден, многие в стране голодают, а продолжительность жизни в Гондурасе составляет всего 50 лет против 70 лет в СССР; что советские, а не гондурасские ученые получают нобелевские премии, что первый искусственный спутник Земли и первый космонавт в мире — советские. Наши подводные лодки бороздят Мировой океан, — думал, г-н Иванов, — мы обогнали всех «даже в области балета», мы сокращаем разрыв с Западом по уровню экономического развития, а в социальной области наше рабоче-крестьянское государство строит социализм с человеческим лицом — первое в истории новое общество социального равенства и справедливости. Г-н Иванов гордился достижениями своей страны и ее социальным динамизмом.

20 лет спустя, в 1984 году, преемник г-на Иванова на посту министра связи и коммуникаций г-н Петров посетил Гондурас для переговоров со своим визави, министром Гонсалесом, преемником г-на Родригеса. Он был неприятно удивлен и даже раздражен тем, что увидел. Он узнал, что продолжительность жизни в Гондурасе выросла за последние два десятилетия с 50 до 65 лет, тогда как в СССР за то же время продолжительность жизни не только не выросла, но даже и сократилась, так что едва-едва выше, чем в Гондурасе. Да, Советский Союз был более развит экономически и технологически, но г-н Петров хорошо понимал, что он лично, похоже, никогда не будет жить так хорошо, как г-н Гонсалес. И он спрашивал себя — почему? Разве он не заслужил того, что имел г-н Гонсалес? Чьи

подводные лодки бороздят Мировой океан в конце концов? Кто впереди планеты всей в науке и искусстве, в космосе и балете, Гондурас или СССР?

Раньше, — рассуждал г-н Петров, — Советский Союз рос быстрее, чем Запад, так что мы были уверены, что наши трудности временные и что мы скоро догоним богатые страны. Раньше мы видели свет в конце тоннеля и были готовы терпеть лишения ради высших идеалов добра и справедливости. А теперь, если мы уже не догоняем Запад, зачем нам страдать и терпеть? К черту социализм! Может быть, это прогрессивная социальная система, но не для меня. При капитализме в СССР я лично буду жить лучше, чем все министры Гондураса вместе взятые.

Так менялось отношение советской элиты к социализму в 1970–1980-е годы прошлого века, когда командная система утратила динамизм. Ранее эта элита — политическая, техническая, интеллектуальная — была лояльна режиму, несмотря на более низкий, чем на Западе, уровень жизни. Энтузиазм элиты питал именно социальный динамизм, сокращение разрыва в уровнях экономического и социального развития, вера в то, что социализм как более прогрессивная система превзойдет в конце концов капитализм по всем показателям. Эта вера, однако, была поколеблена снижением темпов роста в 1970–1980-е годы, приведшим в итоге к застою (Попов 2014б).

Так куда же делась вся советская конкурентоспособность? Вопрос, возможно, и кажется несложным, однако ответить на него не так просто. Если все объяснять природой плановой экономики, которая, как говорят, «не работает», то неясно, почему она демонстрировала исключительно высокие, прямо-таки «азиатские» темпы роста в 1950-е годы. Темпы роста производительности труда в СССР (не по официальной статистике, а по альтернативным оценкам, которые корректируют официальные данные в сторону понижения) снизились с 6% в 1950-е годы до 3% в 1960-е, 2% в 1970-е и 1% в 1980-е (Роров 2007b).

Почему же в 1950-е годы плановая экономика «работала» лучше, чем сегодняшняя рыночная российская, и не хуже, чем экономика «азиатских тигров» в 1950–1970-е, а потом «работать» перестала? Ссылки на нефтяные цены не помогают, поскольку их радикальное снижение произошло в 1986 году, тогда как в 1973–1982 годах цены были как раз очень высокими, что, однако, не привело к ускорению роста.

Больше того, природа замедления темпов роста в СССР в 1960–1980-е годы не укладывается в стандартные объяснения, предлагаемые теорией экономического роста. Последняя допускает, что по мере увеличения доли инвестиций в валовом

внутреннем продукте (ВВП) — с 15% в 1950 году до более чем 30% в 1985 году — отдача от этих инвестиций должна сокращаться, и темпы роста экономики, соответственно, могут замедляться. Но тогда остается непонятным, почему азиатские экономики могли поддерживать высокие темпы роста, поднимая долю инвестиций в ВВП до еще более высоких значений. В Китае, например, доля инвестиций в ВВП выросла с 30% в 1970–1975 годах до почти 50% в 2005 году, а ежегодные темпы роста сохранялись на уровне 10% почти четыре десятилетия, с 1979 по 2007 год (Wang, Yao 2003). Почему же в Советском Союзе темпы роста систематически падали при растущей доле инвестиций в ВВП? Согласно распространенному сравнению, в 1980-е годы СССР имел японский уровень инвестиций при совсем неазиатских результатах.

Если же, напротив, предположить, что перенакопление капитала в рыночной экономике не должно вести к значительному падению отдачи от него и к замедлению темпов роста, то в таком случае дело, следовательно, в природе самой плановой системы, которая делает новые инвестиции неэффективными. Но почему тогда эта плановая система демонстрировала исключительно высокие темпы роста производительности труда в 1950-е годы? Военные расходы были уже высокими и продолжали повышаться (с 9% ВВП в 1950 году до 10–13% к концу десятилетия), а доля инвестиций в ВВП, хоть и существенно увеличилась, к 1960 году все еще была ниже 25% (Easterly, Fisher 1995).

Очень высокая доля военных расходов и умеренный уровень инвестиций не должны при прочих равных условиях приводить к быстрому росту. Но факт остается фактом — 1950-е годы были «золотым периодом» советского и российского экономического роста. За исключением периода НЭПа (1921–1929), когда экономика в основном восстанавливалась после падения Первой мировой и Гражданской войн (1914–1920), ни СССР, ни Россия, ни до и ни после, никогда не развивались быстрее, чем советская плановая экономика 1950-х. Остается заключить, что в самой советской плановой системе, в принципе способной к быстрому развитию, в 1960–1980-е годы произошли некие изменения, подрывавшие прежний потенциал роста.

Факторы экономического роста в СССР и в Восточной Азии

В классической теории экономического роста считается, как уже говорилось, что форсировать инвестиции — ускоренно накапливать капитал без соответствующего увеличения вложений других факторов производства (труда, земли) — не слишком выгодно: произойдет снижение эффективности капиталовложений, так что ускорение роста если и наступит, то самое незначительное и временное.

В течение многих десятилетий советский опыт экономического роста расценивался на Западе как хрестоматийный пример «болезни чрезмерного инвестирования», ведущей к падению совокупной факторной производительности (СФП)²⁶. Его называли лучшей иллюстрацией выводов классической модели Солоу, предсказывающей, что темпы роста в долгосрочном плане не зависят от доли инвестиций в ВВП, а отдача от этих инвестиций падает по мере увеличения капиталовооруженности. В СССР, похоже, все так и происходило. Оценки совокупной факторной производительности показывали, что ее вклад в экономический рост уменьшался. В 1970–1980-е годы этот вклад даже стал отрицательным, так что положительные темпы роста объемов выпуска достигались только благодаря расширению масштабов использования труда и в особенности капитала (основных фондов).

Однако в странах/на территориях Восточной Азии (Японии, Южной Корее, Тайване, Сингапуре, Гонконге, а затем и в Китае) быстрый экономический рост продолжался несколько десятилетий при очень высокой доле инвестиций в ВВП. Получалось, что они пользовались советским рецептом форсированного экономического роста 50-х годов с гораздо большим успехом.

Как уже говорилось, в 1994 году Пол Кругман — один из самых известных американских экономистов, заключил, что тайны восточноазиатского роста не существует (Krugman 1994), поскольку восточноазиатский рост был в основном экстенсивным, как и в СССР, а вклад технического прогресса (совокупной факторной производительности) в общий результат был гораздо меньше, чем в развитых странах. Он предсказывал, что сохранение высокой доли инвестиций в

²⁶ Совокупная факторная производительность (СФП, total factor productivity — TFP) — общая производительность всех факторов производства (труда, капитала, земли). Ее рост показывает увеличение продукции, достигнутое не за счет наращивания факторов производства, а за счет повышения эффективности их использования. Вклад совокупной факторной производительности в увеличение продукции обычно называют вкладом интенсивных факторов или вкладом технического прогресса в широком смысле слова, в отличие от вклада экстенсивных факторов — увеличения вложений труда, капитала и других факторов производства.

ВВП будет непременно сопровождаться снижением эффективности накопления, то есть снижением темпов роста. Такое замедление роста, доказывал он, уже произошло в Японии (с 1970-х годов), в Корее и на Тайване (с 1980-х), несмотря на сохраняющуюся высокую долю инвестиций в ВВП, и теперь должно произойти в странах АСЕАН и в Китае.

Однако в Японии, Корее и на Тайване замедление роста произошло уже после того, как они прорвались в клуб богатых стран, а АСЕАН и Китай в 1990-е годы уверенно шли по этому же пути, так что надо было искать другие объяснения. Еще в 1980-е годы сама классическая модель роста подверглась ревизии — главным образом из-за того, что восточноазиатский стремительный рост не укладывался в схему, предусматривающую непременно снижение эффективности накопления по мере увеличения доли инвестиций в ВВП. И в СССР, и в Восточной Азии доля инвестиций в ВВП была высока, только вот результаты были различны: в Советском Союзе нужно было все больше и больше инвестиций, чтобы не падали темпы роста (а они все равно продолжали падать), тогда как в Восточной Азии увеличение инвестиций приводило к ускорению роста.

Поэтому и появились модели так называемого эндогенного роста, в которых технический прогресс сам зависит от накопления физического капитала (машины, сооружения) и человеческого капитала (запас знаний и профессиональных навыков). Модели эндогенного роста предсказывали, что при высоких темпах накопления (высокой доле инвестиций в ВВП) поддерживать высокие темпы роста экономики можно бесконечно долго. А если рост замедляется, как в Японии, Корее, на Тайване и в СССР, то, значит, виноваты какие-то специальные факторы, ошибки в экономической политике.

Печальная история замедления советского роста, таким образом, получила иную интерпретацию, превращаясь из правила в исключение — все дело в плановом характере экономики. В рыночной среде такое замедление роста при наращивании инвестиций произойти не могло, рыночные экономики с высокой нормой накопления (Япония, Южная Корея, Тайвань) доказали свою способность к быстрому росту — по крайней мере до тех пор, пока они не догнали развитые страны. А вот в Советском Союзе рост замедлился еще до того, как советский ВВП на душу населения приблизился к уровню передовых стран.

Вопрос о том, в какой мере замедление роста в советской плановой экономике в 1960–1980-е годы было вызвано перенакоплением капитала (основных фондов), а в какой было следствием специфических причин, корнящихся в природе плановой

экономики, не имеет однозначного ответа в литературе. Некоторые авторы, анализируя факторы советского экономического роста с использованием производственной функции Кобба—Дугласа, приходят к выводу, что вклад технического прогресса в экономический рост постоянно сокращался из-за перенакопления капитала (Gomulka 1977; Bergson, Levine 1983; Ofer 1987). Другие, однако, указывают, что есть и альтернативное объяснение, никак не противоречащее основным стилизованным фактам: если использовать другую производственную функцию, а именно с постоянной и низкой эластичностью замещения труда капиталом (CES-функцию)²⁷, то эффективность накопления падает даже при постоянных темпах технического прогресса. Причем эмпирически проверить, какую именно функцию надо использовать, не представляется возможным, все зависит от принятых предпосылок. Аргументом в пользу использования CES-функции, однако, служит то обстоятельство, что нестыковка в объяснении разных результатов экономического роста в Японии, Корее и на Тайване, с одной стороны, и в СССР — с другой, исчезает, если только предположить, что в СССР эластичность замещения труда капиталом с определенного момента стала меньше единицы²⁸.

Уильям Истерли и Стэнли Фишер в одной из лучших статей о советском экономическом росте (Easterly, Fischer 1995) показывают, что повышение капиталоемкости в СССР в 1960–1980-е годы было не больше, чем в Японии, Корее и на Тайване в период их быстрого роста, так что объяснить замедление советского роста простым перенакоплением капитала не удастся. А вот при предположении о более низкой, чем в рыночных экономиках, эластичности замещения труда капиталом все становится на свои места.

Но, конечно, в этом случае, как это обычно и бывает, возникают новые вопросы: почему в плановой экономике эластичность замещения ниже, чем в рыночной, и

²⁷ Эластичность замещения труда капиталом — соотношение темпов прироста капитала и труда с одной стороны и величин дополнительных единиц продукта, которые могут быть произведены с добавлением каждой единицы труда или капитала, — с другой. Если эластичность замещения равна единице, как в функции Кобба—Дугласа, то более быстрый рост капитала в сравнении с трудом ведет к падению предельной производительности капитала, которое, однако, компенсируется возрастающей предельной производительностью труда. Но если эластичность замещения меньше единицы, то при более быстром росте капитала его падающая предельная производительность может и не компенсироваться полностью увеличивающейся предельной производительностью труда, так что происходит естественное замедление темпов роста даже и при постоянных темпах технического прогресса. При использовании CES-функции (CES, constant elasticity of substitution production function) с постоянной, но не единичной, а более низкой (0,4) эластичностью замещения, получаются хорошие результаты без предпосылки о замедлении технического прогресса (Weitzman 1970; Desai 1976).

²⁸ Подробнее о типе производственной функции, которая лучше всего подходит для объяснения советского экономического роста, см.: Ofer 1987; Easterly, Fisher 1995; Schroeder 1995; Guriev, Ickes 2000.

почему по крайней мере в отдельные периоды (1950-е годы) она такая же, что и в рыночной? Кроме того, современные модели эндогенного роста предполагают, что накопление капитала вообще не приводит к снижению его предельной производительности, так что возникает и более общий вопрос о природе экономики, в которой в одни периоды эффективность накопления снижается, а в другие — нет. Ответ кроется в самой природе плановой экономики, которая имеет не только преимущества перед рыночной, но и серьезные недостатки.

Главная проблема централизованного планирования

Главный недостаток плановой экономики — практическая невозможность рассчитать миллиарды пропорций из центра (сбалансировать спрос и предложение на миллионы товаров и услуг), особенно в условиях постоянных изменений с непредсказуемым техническим прогрессом и инновациями. Даже при использовании моделей «затраты—выпуск» и мощнейших компьютеров реально можно было разработать обоснованный сбалансированный план в лучшем случае менее чем для 1% продукции, для которой планировщики фактически устанавливали плановые задания в натуральных единицах.

И даже если проблема сбора и обработки информации была бы решена, если все технологические коэффициенты (затраты i -го ресурса на производство j -го продукта) были бы точно рассчитаны и матрица космического размера могла быть легко обращена сверхмощными компьютерами, осталась бы проблема с динамикой. Технологические коэффициенты имеют тенденцию меняться, а новые продукты — появляться не по плану, а стихийно, в результате технического прогресса, который непредсказуем по определению. Именно об этом писал Людвиг фон Мизес в своей работе «Экономический расчет в социалистическом содружестве» (Mises 1990; Мизес 1994). Позже идея была развита Фридрихом Хайеком в его известном труде «Дорога к рабству» (Hayek 1944; Хайек 2005): он утверждал, что планировщики никогда не будут иметь достаточно информации для разумного распределения ресурсов. Результаты конкуренции «непредсказуемы и в общем отличны от тех, к которым каждый сознательно стремится или мог бы стремиться», — отмечал он в своей лекции «Конкуренция как процедура открытия» (Hayek 1968, p. 10; Хайек 2011: 379).

Отсюда и потери плановой экономики, вызванные диспропорциональностью, невозможностью сбалансировать производство и потребление, спрос и предложение товаров и услуг — низкая загрузка мощностей, огромные запасы ресурсов и продукции для страховки от дефицитов, плохая специализация предприятий, которые стремятся все делать сами, чтобы не слишком зависеть от поставщиков, и как следствие — низкая и падающая фондоотдача (Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Popov 1989). Потери, конечно, необходимо сопоставлять с выгодами, так как экономических систем со стопроцентным коэффициентом полезного действия не бывает. А преимущества плановой системы — способность мобилизовать внутренние сбережения на низком уровне развития без увеличения

неравенства доходов и, следовательно, возможность ускорить экономический рост, чтобы обеспечить догоняющее развитие — кажутся впечатляющими по сравнению с издержками неэффективности.

Леонид Канторович, единственный советский экономист, получивший Нобелевскую премию (в 1975 году вместе с американцем Тьяллингем Купмансом), опубликовал в 1959 году «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов» (Канторович 1959), математически доказав, что не только равновесие, но и равновесие на оптимальном уровне теоретически возможно в статичной плановой экономике. Более того, это равновесие может быть достигнуто путем установления цен на ресурсы и продукцию («объективно обусловленные оценки» — теневые цены), а не путем установления квот производства в физических единицах (так называемая двойственная задача производственного планирования). Если предприятия при таких теневых ценах будут максимизировать прибыль, решая свои оптимизационные задачи, они неизбежно выберут такую структуру производства, которую уже рассчитали всезнающие плановики, решив «прямую задачу» производственного планирования.

В то время казалось, что планирование миллионов видов затрачиваемых ресурсов («затраты») и производимых продуктов («выпуск»), а также планирование технического прогресса могут стать достаточно эффективными в ближайшем будущем благодаря большей мощности компьютеров и более совершенным методам управления непредвиденными событиями. Но получилось иначе: повышение мощности компьютеров не помогло существенно повысить сбалансированность планирования, а способность плановой экономики компенсировать нестыковку планов через создание новых производственных мощностей со временем снизилась — не в последнюю очередь благодаря усложнению экономики и появлению миллионов новых товаров и услуг.

Здесь-то мы наконец и подошли к ответу на центральный вопрос, почему темпы роста производительности в советской экономике достигли пика в 1950-е годы, а потом стали падать. Ответ состоит в том, что плановая система из-за имманентно присущего ей и неотъемлемого дефекта обречена была пережить жизненный цикл, связанный со сроками службы основного капитала.

При переходе от рынка к плану (в СССР — в период первой пятилетки, в 1928–1932 годах) увеличение сбережений и инвестиций дало «большой толчок» развитию — вводились в строй новые производственные мощности, повышались темпы роста. Неизбежные в плановой системе диспропорции и дефициты, на

первых порах, пока инвестиции значительны, а выбытие основного капитала невелико, могли быть устранены вложениями в новые производственные мощности. Новые капиталовложения играли роль балансира в плановой экономике, универсального инструмента борьбы с диспропорциями и дефицитом: не хватало кирпича, строился кирпичный завод, не хватало нефти, вводились в строй новые месторождения. Главный встроенный порок плановой экономики — неспособность связать воедино производство и потребление ресурсов и продукции, компенсировался, таким образом, способностью направлять капиталовложения, на расштение «узких мест».

Но через 20–30 лет после «большого толчка», когда начинается выбытие основных фондов — машин и оборудования, производственных мощностей, введенных в строй при переходе к плановой экономике, — требуется все больше капиталовложений на возмещение выбытия основных фондов, так что на введение в строй новых мощностей для расштения узких мест и устранения постоянно возникающих дефицитов ограниченного фонда инвестиций уже не хватает. Приходится делать трудный выбор между использованием инвестиций на замену или хотя бы ремонт старого оборудования и строительством новых мощностей для устранения дефицита. Излишне говорить, что оба варианта ведут к снижению фондоотдачи — если старое оборудование не менять, его производительность падает, а если не расширять производственные мощности для производства дефицитной продукции, дефициты ресурсов нарастают, что ведет к снижению загрузки действующих мощностей.

На первый взгляд может показаться, что вся проблема низкой загрузки мощностей, или проблема «дефицита рабочей силы», как ее обычно называли плановики, имела простое и легко осуществимое решение, особенно в плановой экономике, — надо было просто переориентировать инвестиции со строительства новых мощностей на реконструкцию старых. Причем именно в директивно планируемой экономике такой маневр был возможен, ибо речь шла не о микропропорциях, в поддержании которых план уступал рынку, а о крупномасштабных структурных сдвигах, в осуществлении которых плановая система не раз доказывала свое преимущество.

Однако это как раз тот случай, когда долгосрочные цели плановой системы приходили в абсолютное противоречие с самым главным принципом ее функционирования — плановым заданием по объемам производства (плану по номенклатуре). Главным критерием оценки деятельности предприятия было

выполнение «плана по валу», причем отказаться от этого принципа, не меняя самой природы системы, было абсолютно невозможно.

Замена устаревшего оборудования требовала временной остановки завода на реконструкцию, что было сопряжено со снижением выпуска, то есть с невыполнением плана. Даже если бы реконструкция и могла быть проведена мгновенно, увеличение выпуска (из-за большей производительности нового оборудования) было бы в краткосрочном плане меньшим, чем в случае, когда все новые инвестиции были бы направлены на строительство новых заводов или расширение действующих мощностей. В последнем случае была надежда, что старый завод кое-как продержится без реконструкции и продолжит выпуск продукции, до тех пор, пока в строй не вступят новые мощности, так что решения о замене оборудования постоянно откладывались. Устаревшее и изношенное оборудование поэтому ремонтировалось до бесконечности, затраты на капремонт составляли добрую треть всех капиталовложений.

Концентрация капиталовложений на строительстве новых и расширении действующих мощностей, таким образом, была не управленческой ошибкой плановиков, но неотъемлемым принципом функционирования советской плановой системы, ставившей во главу угла выполнение плановых заданий. Дефициты в плановой системе возникали повсеместно почти по определению (из-за физической невозможности свести межотраслевой баланс — добиться пропорциональности в производстве миллионов видов разной продукции: Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Rorov 1989), а инвестиции рассматривались плановиками как главный инструмент «расшития» узких мест.

Инвестиции направлялись именно на расширение производственных мощностей, что и позволяло быстро увеличивать производство дефицитной продукции в относительно короткие сроки. Весь плановый процесс фактически выглядел как непрерывная череда вынужденных решений по ликвидации острых дефицитов, которые возникали быстрее, чем плановики успевали с ними справляться. Как в такой ситуации можно было принять решение об остановке завода на техническую реконструкцию?

Это был порочный круг, непрерывная гонка, в которой решения о распределении капиталовложений принимались для ликвидации вновь и вновь возникающих дефицитов. Сокращение инвестиций в расширение мощностей неизбежно вело к обострению нехватки той или иной продукции, к снижению из-за этого загрузки мощностей и падению фондоотдачи. Увеличение же инвестиций в расширение

мощностей за счет экономии на реконструкции устаревших заводов с неизбежностью оборачивалось старением оборудования, увеличением разрыва между рабочими местами и наличной рабочей силой, что тоже снижало загрузку мощностей и фондоотдачу. Третьего, к сожалению, в плановой системе дано не было.

Неудивительно, что после массовых инвестиций 1930-х годов в СССР наибольшая производительность была достигнута через период, равный сроку службы основного капитала (около 20–30 лет) — до того, как возникала необходимость массовых инвестиций в замену выбывающих основных фондов. После этого основной капитал стал быстро стареть, вызывая снижение фондоотдачи, производительности труда и совокупной факторной производительности²⁹.

²⁹ Результаты расчетов по простой модели, основанной на модели Домара (Domar 1957), приведены в: (Попов 2007б; Роров 2007b). При очень нестрогих предположениях об ограничениях на возмещение устаревших основных фондов, свойственных плановой системе, изменение темпов экономического роста после «большого толчка» зависит от сроков службы элементов основных фондов и доли капложений, направляемых на возмещение выбытия. Чем ниже эта доля, тем быстрее падают темпы роста и сходятся в пределе либо к небольшой положительной величине, либо даже к нулю.

Цикл жизни плановой экономики после «большого толчка»

Плановая экономика может строить новые мощности и расширять действующие, но, когда дело доходит до обновления, она не может тягаться с рыночной. В советской экономике сроки службы основного капитала были очень длительными, выбытие элементов основных фондов — очень медленным, а средний возраст машин и оборудования, зданий и сооружений — высоким и постоянно растущим (Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Popov 1989).

Накопленная амортизация увеличилась с 26% валовой стоимости основных фондов в 1970 году до 45% в 1989 году по всей промышленности, а в некоторых отраслях, в частности в химической, нефтехимической, черной металлургии, сильно превысила 50%. Средний возраст промышленного оборудования увеличился с 8,3 до 10,3 года, а средний срок его службы к концу 1980-х увеличился до 26 лет. Доля оборудования со сроком службы более 10 лет возросла с 29% в 1970 году до 35% в 1980 году и до 40% в 1989 году, тогда как доля оборудования с возрастом более 20 лет возросла с 8 до 14% (Нархоз).

Норма выбытия основных фондов в советской промышленности в 1980-е годы находилась на уровне 2–3% против 4–5% в обрабатывающей промышленности США, а для машин и оборудования составляла всего 3–4% против 5–6% в США. На практике это означало, что советские машины в среднем служат от 25 до 33 лет против 16–20 в США. Основные инвестиции шли не на возмещение выбытия, а на расширение основных фондов. Если в обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов 50–60% всех капиталовложений шло на возмещение выбытия, то в промышленности СССР — только 30%, остальные 70% шли на расширение основных фондов или прирост незавершенного строительства. Из 16 видов производственных мощностей, по вводу в строй которых есть данные, в 15 случаях доля введенных в строй в результате реконструкции в 1971–1989 годах была ниже 50%; невзвешенная средняя показателя доли прироста мощностей за счет реконструкции (а не за счет строительства новых и расширения старых) составила всего 23% (Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Popov 1989)³⁰.

³⁰ Официальная статистика свидетельствует, что доля инвестиций, направляемых на реконструкцию действующих мощностей, повысилась с 33% в 1980 г. до 39% в 1985-м и до 50% в 1989-м (Нархоз 1990, с. 280), однако многие другие данные той же официальной статистики этому противоречат. Скажем, норма выбытия всех основных фондов в советской промышленности была менее 2% (и около 3% для выбытия изношенного и устаревшего оборудования), причем в 1967–1985 гг. она либо была стабильной, либо снижалась. Только в 1965–1967 гг. (сразу после косыгинской экономической реформы, создавшей фонд развития производства, который предприятия могли использовать для финансирования инвестиций по собственному усмотрению) и в 1986–1987

Упор на строительство новых и расширение действующих мощностей в ущерб реконструкции существующих имел самые отрицательные последствия для динамики фондоотдачи. Загрузка производственных мощностей в советской промышленности быстро снижалась, хотя, судя по официальной статистике, падение загрузки было относительно небольшим (Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Rorov 1989; Фальцман 1985; Вальтух, Лавровский 1986). Растущий «дефицит рабочей силы» был не чем иным, как оборотной стороной падающей загрузки — в действие вводились новые мощности, не обеспеченные рабочей силой.

По оценке специалистов Госплана, к середине 1980-х годов «избыточные» мощности, не обеспеченные рабочей силой, составляли около четверти всех основных фондов в промышленности и около одной пятой — во всей экономике. В основном (профильном) производстве промышленных предприятий около 25% рабочих мест пустовало, а в машиностроении доля простаивавшего оборудования доходила до 45%. На каждые 100 станков в машиностроении приходилось только 63 станочника. Общее число станков в советской промышленности в два с половиной раза превышало число станков в промышленности США, но работали эти станки вдвое меньше времени, чем американские (Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Rorov 1989; IMF, WB, OECD, EBRD 1991). Между тем коэффициент сменности в советской промышленности снизился с 1,54 в 1960 году до 1,42 — в 1970-м, 1,37 — в 1980-м и 1,35 — в 1985-м (Нархоз).

Тот факт, что падение темпов роста в СССР фактически началось в 1960-е годы, а не в 1950-е, как можно предположить, то есть через тридцать, а не двадцать лет (срок службы оборудования) после «большого толчка», видимо, объясняется влиянием Великой Отечественной войны, приведшей к разрушению значительной части основных фондов. Целое десятилетие (1940–1950) основные фонды фактически не увеличивались (сначала сокращались из-за военных разрушений, затем восстанавливались до предвоенного уровня), так что эти десять лет как раз и надо добавить к естественному двадцатилетнему циклу. Кроме того, средний срок службы основных фондов — довольно неопределенный показатель: в 1970–1980-е годы средний срок службы машин и оборудования составлял 25 лет (для зданий и сооружений в 2–3 раза больше), а данных за более ранний период нет. Если в 1930–1950-е годы срок службы машин и оборудования составлял порядка 30 лет, то даже

гг. (период «ускорения» и «структурной перестройки») происходило заметное, но очень кратковременное повышение нормы выбытия. Соответственно, и доля инвестиций, направляемых на возмещение выбытия, в общих капиталовложениях почти все время находилась на уровне менее 20%, поднимаясь выше отметки 25% только 1966–1967 и в 1986–1989 гг. (Нархоз).

без влияния войны пик советских темпов роста должен был прийти на 1950-е годы.

Низкая эластичность замещения труда капиталом в плановой экономике — это фактически математическое описание известного стилизованного факта: неспособность плановой системы производить своевременную замену устаревшего оборудования и других элементов основных фондов. Получается, таким образом, что низкая эластичность замещения труда капиталом, наступающая через 30 лет после «большого толчка», является сущностной характеристикой плановой системы, которая нацелена на расширение основных фондов (ввод в действие новых мощностей) в ущерб возмещению их выбытия (реконструкция старых мощностей). Такая инвестиционная стратегия дает наилучшие результаты в течение двух-трех десятилетий после «большого толчка» — в период, примерно равный срокам службы основных фондов, пока не начинается крупномасштабное выбытие оборудования, но далее производительность новых вложений неизбежно снижается и темпы роста падают.

В соответствии с таким подходом плановая экономика, несмотря на диспропорции и связанную с ними низкую эффективность капиталовложений, может поддерживать высокие темпы роста в течение двух-трех десятилетий после «большого толчка», однако затем неизбежно наступает замедление роста. В Советском Союзе плановая экономика утвердилась после свертывания НЭПа, в ходе первой пятилетки (1928–1932), через двадцать лет вступила в период очень быстрого роста, но затем (1960–1980-е) произошло старение основных фондов, падение фондоотдачи и темпов экономического роста.

Как уже говорилось, упрямый факт состоит в том, что СССР стал первой развивающейся страной, которая стала догонять Запад. С 1500 года разрыв между странами, которые мы сегодня называем западными, и всем остальным миром постоянно нарастал: если в 1500 году все страны были примерно на одинаковом уровне развития, то к 1900 году Запад уже имел производительность труда и подушевой доход в 6 раз выше, чем в развивающихся странах и примерно в 3 раза выше, чем в России. И именно социалистическая экономика СССР первой из отстающих стала догонять Запад: подушевой ВВП повысился с неполных 30% от уровня США в 1913 году (и 20% в 1928 году) до почти 40% к концу 1960-х годов, несмотря на падение во время Второй мировой войны (Maddison Project Database 2018).

В 1950–1970-е годы Запад стали догонять Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, другие страны/территории Восточной Азии, но до Второй мировой войны догонял только СССР. А в 1950-е годы Советский Союз достиг таких темпов роста ВВП и производительности труда (8 и 6% соответственно в среднем за десятилетие), которые не наблюдались в России/СССР никогда — ни раньше, ни позже (Easterly, Fisher 1995).

Продолжительность жизни в 70 лет в середине 1960-х годов, всего на год-два меньше, чем в Америке, — невиданное социальное достижение для страны, подушевой ВВП которой не дотягивал и до 40% от американского уровня, а подушевое потребление составляло и того меньше (из-за более высокой доли инвестиций и расходов на оборону) — видимо, не более 30% от уровня США. В общем, что и говорить, советская модель догоняющего развития в 1950–1960-е годы при всех ее недостатках безусловно была очень конкурентоспособной, и в экономике и в социальной сфере, и даже «в области балета», и не менее притягательной, чем восточноазиатская (китайская) модель сегодня. Потому-то ее и пытались с разной степенью успеха копировать развивающиеся страны, даже когда мы не предлагали за это никакой экономической помощи.

Проблема была однако в том, что у плановой экономики был свой цикл развития — она работала эффективно порядка 20–30 лет (грубо говоря, период жизни основного капитала после «большого толчка» — резкого роста нормы накопления), а потом начинала «барахлить», так как не могла обеспечить замену устаревающих и выбывающих из строя элементов основного капитала — машин и оборудования, зданий и сооружений (Попов 2007б, 2008; Роров 2007б, 2014б). Неспособность плановой экономики свести межотраслевой баланс без рыночных автоматических регуляторов — состыковать производство и потребление миллионов изделий — стала особенно пагубной, когда понадобились инвестиции в возмещение массового выбытия, так что инвестиций на расшитие «узких мест» через создание новых мощностей не осталось. Это, видимо, и является ключевым фактором среди многих причин замедления темпов роста в 1960–1980-е годы, в конце концов закончившегося «застоем». Во всяком случае этот «встроенный дефект» плановой системы достаточен для объяснения того замедления темпов роста, которое произошло в действительности.

Плановая экономика: замысел и реализация в СССР и в Китае

Важно отделить присущие социалистической плановой экономике недостатки от многочисленных проблем реализации, вызванных конкретными историческими обстоятельствами.

Повсеместный дефицит в плановой экономике совсем не неизбежен. Структурный дефицит — нехватка одних товаров и перепроизводство других — неотъемлемая болезнь плановой экономики, обусловленная неспособностью сбалансировать все пропорции народного хозяйства. Теория такой балансировки есть — межотраслевой баланс (Василий Леонтьев) и оптимальное планирование (Леонид Канторович), но на практике затраты на сбор и обработку нужной информации для таких расчетов выходят за пределы разумного (Попов, Шмелев 1988; Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Popov 1989)

Но вот всеобщий дефицит, о котором писал Янош Корнай (он ввел в оборот понятие «дефицитная экономика»), совсем не неизбежен, во многих восточноевропейских странах его не было. В Китае даже во время «культурной революции» всегда наряду с товарами, распределяемыми по карточкам, был свободный рынок, где спрос и предложение балансировались. В СССР тоже был такой рынок для многих продовольственных товаров (колхозный рынок), но далеко не для всех. Постоянные дефициты в плановой экономике связаны, скорее, со специфической политикой плановых органов — их стремлением стимулировать темпы роста с помощью финансирования приоритетных инвестиционных проектов. Именно такое финансирование вызывало опережающий рост денежной массы и денежного спроса, к увеличению которого затем подтягивались и цены, и производство (Popov 2020e, 2020f).

Макроэкономическая политика советского периода часто была плохой, но, конечно, не такой плохой, как в 1990-е годы. «Мягкие бюджетные ограничения» — термин, тоже введенный Яношем Корнаи для описания бюджетных субсидий убыточным социалистическим предприятиям в целях поддержания полной занятости, на самом деле были «мягкими» именно в 1990-е годы, но не в социалистический период. Убыточные предприятия в плановой экономике действительно часто субсидировались, но не за счет печатания денег. Это была промышленная политика, цели и эффективность которой могут быть поставлены под сомнение, но которая не приводила к макроэкономическим дисбалансам, Дефициты бюджета большую часть советского периода, особенно в 1947–1987

годы (после конфискационной денежной реформы 1947 года и до увеличения эмиссии при Горбачеве), были минимальными и погашались за счет займов у населения и предприятий (через банки), а не путем печатания денег. Значительный отложенный потребительский спрос (monetary overhang, «денежный навес», как его теперь называют) возник только в 80-е годы XX века (Роров 2020f).

Качество государственных институтов на конец планового периода в Китае и СССР было достаточно высоким, выше, чем в демократических странах того же уровня развития. Теневая экономика, достигавшая при Брежневе 10–15% ВВП, по самым щедрым оценкам, в 1990-х годах выросла до 50%. В 1980-е годы индекс восприятия коррупции в СССР и Китае составлял около 5 — обе страны находились в середине списка из 54 стран — между развивающимися и развитыми странами, примерно на одном уровне с Грецией, Италией, Португалией и Южной Кореей. В 1996 году, после перехода к рыночной экономике и демократии, в том же списке из 54 стран Россия переместилась на 48-е место — между Индией и Венесуэлой. В 2011 году индекс коррупции (чем выше, тем меньше коррупция) в России составлял 2,4, в Китае — 3,6, а на Кубе — 4,2. В 2023 году он составил в России 2,6, в Китае — 4,2, в США — 6,9, в Швеции — 8,4.

Так что объяснять высокую коррупцию, теневую экономику и преступность 90-х годов прошлого века «тяжелым наследием коммунизма» как минимум некорректно. У людей старшего возраста, которые помнят размеры взяток при «реальном социализме» и знают за какие хищения расстреляли директора Гастронома №1 Юрия Соколова³¹, такие объяснения вызывают только улыбку. Но история часто переписывается под влиянием господствующей идеологии...

Теоретически, вероятно, не было неизбежным и огромное падение фондоотдачи в период становления командной экономики — в СССР ежегодные темпы роста в промышленности упали с 20% в 1920-е годы до 10% в 1930-е годы, хотя доля инвестиций в ВВП увеличилась с 13 до 26% (Шмелев, Попов 1989; Shmelev, Rorov 1989). В Китае становление плановой экономики в 1950-е годы не было связано с такой растратой ресурсов, приводящей к падению фондоотдачи, как в СССР в 1930-е годы. Кроме того, аргумент о неэффективном использовании сбережений имеет смысл только в том случае, если эти сбережения имеются; во многих развивающихся странах до мобилизации сбережений дело вообще не доходило.

³¹ Ю. К. Соколов, директор гастронома №1 («Елисеевский») в 1972–1982 гг., был расстрелян в 1984 г. за «смешные» по вскоре наступившим рыночным временам хищения — десятки тысяч рублей за 10 лет (курс доллара на черном рынке тогда был порядка 5 рублей за 1 доллар).

Не выглядят неминуемыми и неизбежными сталинский террор в СССР и репрессии «культурной революции» в Китае (на Кубе репрессий не было), массовый голод и рост смертности во время советской коллективизации и китайского «большого скачка». Социализм, поддерживая низкий уровень неравенства, мог бы избежать обнищания масс, которое стало неизбежным результатом роста неравенства при первоначальном накоплении капитала в западных странах.

Теоретически промышленная политика в СССР могла быть лучше, чем реальный импортозамещающий тип, который так и не был заменен на экспортную ориентацию. Естественно, что страна, нуждающаяся в индустриализации, начинает с политики импортозамещения (поскольку при создании новых отраслей, отсутствовавших ранее, вначале приходится вытеснять иностранные товары с внутреннего рынка), но без переключения впоследствии на экспортную ориентацию невозможно достичь мировых стандартов качества и эффективности. Если вновь создаваемые предприятия со временем не становятся конкурентоспособными на международном рынке, они превращаются в «индустриальных динозавров и мастодонтов», которые могут существовать только за протекционистской стеной и которые банкротятся, как только оказываются под воздействием ветров международной конкуренции. Тем более что есть примеры успешной экспортной ориентации в рамках плановой экономики: Китай начал увеличивать свой экспорт двузначными темпами с начала 1970-х годов, задолго до реформ рыночного типа — доля экспорта в китайском ВВП возросла с 2% в 1970 году до 5% в 1978 году.

Неотъемлемый недостаток плановой экономики — отсутствие механизма замены менеджеров и бюрократов при авторитарном режиме. Ни советские эксперименты с совнархозами (территориальные органы управления, созданные в 1957–1965 годах, призванные заменить отраслевые министерства и подорвать позиции министерской бюрократии), ни китайские эксперименты по замене кадров в период «культурной революции» нельзя считать успешными. Однако нет свидетельств того, что это сдерживало рост в 1970–1980-х годах в СССР, хотя, возможно, и могло бы стать сдерживающим фактором роста в будущем.

Да и экономического краха в СССР не было. Был застой 1980-х годов, когда ВВП рос на 1–2% в год, то есть такими же темпами, что и население, а ВВП на душу, хоть и не рос, но также и не снижался. Было падение на 9% в 1990–1991 годах — кризис, но не очень глубокий в сравнении с последующим падением на 40% в 1992–1998 годах. Но первое падение — результат попыток демонтажа плановой системы

и макроэкономических ошибок, а второе — результат рыночных реформ, а не кризиса плановой экономики. Если бы горбачевских реформ не было, застой (ни роста, ни падения), скорее всего, продолжался бы еще как минимум 10–20 лет.

Так что снижение темпов роста советской плановой экономики в 1970-е годы и стагнация в 1980-е по сравнению с периодом трансформационного спада 1990-х годов выглядит скорее умеренным замедлением, а не падением с обрыва. В 1989–1998 годах ВВП упал на 45%, ожидаемая продолжительность жизни снизилась с 1987 по 1994 год на 6 лет (с 70 до 64), неравенство доходов, измеряемое коэффициентом Джини, увеличилось почти вдвое, уровень убийств вырос в 1986–1994 годах почти в 5 раз (с 7 на 100 000 человек населения до 32).

И, конечно, советские плановики пришли бы в ужас от качества макроэкономической политики 1990-х годов. В советские времена, после введения в 1922 году новой валюты — червонца, инфляция никогда не достигала сотен и тысяч процентов в год, как в 1990-е годы — ни во время ускоренной индустриализации 1930-х годов, ни даже во время Второй мировой войны. А после конфискационной денежной реформы 1947 года и до 1987 года, когда началась накачка денег в обращение, открытая и скрытая³² инфляция никогда не превышала 3–5% в год — один из лучших показателей в мире.

В целом позднесоветская экономика определенно имела накопленный запас прочности, которого было достаточно для компенсации издержек рыночных реформ за счет внешних и внутренних заимствований, так что можно было ограничить негативное влияние этих реформ на благосостояние населения. В этом смысле советскую централизованную плановую экономику было легче реформировать, чем, например, польскую, обремененную долгами. Но в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века весь запас прочности был быстро и бессмысленно растрочен, так что «хирургия под наркозом» стала невозможной (Попов 2021a).

В целом можно сказать, что последние советские руководители СССР (Брежнев, Андропов, Черненко) оставили горбачевским реформаторам плановую экономику в хорошем состоянии: она была явно неэффективна, но находилась в завидном макроэкономическом порядке — низкая инфляция, низкий дефицит

³² Скрытая инфляция — рост разрыва между платежеспособным спросом (определяемым денежными доходами) и предложением товаров по фиксированным ценам. В рыночной экономике цены балансируют спрос и предложение, в плановой при установлении цен ниже равновесного (рыночного) уровня, накапливается отложенный спрос. Скрытая инфляция равна повышению цен, которое нужно для балансировки спроса и предложения (расчистки рынка).

государственного бюджета, высокие внутренние сбережения и инвестиции, низкий внутренний и внешний долг (всего около нескольких процентов ВВП). До конца 1980-х годов советский долг продавался на вторичном рынке за 100% от его номинальной стоимости — никто даже и подумать не мог, что СССР может объявить дефолт по своим долгам (в 1990-е годы российские долги продавались ниже 30% номинальной стоимости, а Россия фактически объявила дефолт по своему долгу в 1998 году).

Вместо рыночных реформ правительство в 1987–1991 годах стало отменять обязательные планы для предприятий, что фактически подорвало худо-бедно работавшую плановую экономическую машину (Попов, Шмелев 1989; Shmelev, Rorov 1989). Бюджетный дефицит рос, его погашали печатанием денег, инфляция усиливалась, что в конце концов вызвало падение производства в 1990–1991 годах, еще до перехода к рыночной экономике. В Китае же переход к рыночной экономике в 1979 году начался совсем в других условиях.

Напомним читателю вкратце логику предшествующих рассуждений. Капитализм возник в XVI веке, когда начался демонтаж традиционных общинных институтов (в Великобритании — политика огораживания). Это привело к увеличению неравенства в распределении доходов, что подняло норму сбережений и инвестиций и привело к росту производительности, но ценой обнищания масс и роста социальной напряженности, своего рода «фаустовская сделка с дьяволом». До XX века капитализм был конкурентоспособным, поскольку выгоды от роста производительности перевешивали потери от роста неравенства и социальной поляризации. Но растущая социальная напряженность в конечном итоге привела к российской революции 1917 года, создавшей социалистическое общество, которое оказалось способным снизить неравенство и мобилизовать внутренние сбережения для догоняющего развития. Способность мобилизации внутренних сбережений для осуществления этого «большого толчка», позволяющего бедным странам вырваться из «ловушки отсталости», всегда считалась главным достоинством плановой экономики.

До 1970-х годов СССР уверенно догонял западные страны по экономическим и социальным показателям, а советская модель выглядела респектабельно и притягательно для развивающихся стран. Больше того, существование СССР

оказало сдерживающее воздействие на мировой капитализм — он начал приобретать человеческое лицо за счет расширения социальных программ и снижения неравенства, особенно после Второй мировой войны и возникновения мировой социалистической системы, так что конкурентоспособность капитализма как социальной системы тоже возросла (Джомо, Попов 2016).

Но, как мы уже говорили, плановая система имеет свой жизненный цикл, определяемый сроками службы основных фондов и моментом «большого толчка». Из-за неспособности обеспечить своевременную замену устаревающего оборудования, плановая система смогла более или менее успешно функционировать только два-три десятилетия после «большого толчка», а потом надо было направлять инвестиции на возмещение выбытия, так что для балансировки диспропорций их уже не оставалось, и наступило неизбежное замедление темпов роста. Неумолимый цикл жизни плановой системы через 20–30 лет после «большого толчка» привел к потере экономического и социального динамизма и в конечном счете к краху социализма в СССР и Восточной Европе.

Из этого, в частности, следует, что, если и была необходимость ввести плановую систему в начале 1930-х годов для осуществления «большого толчка», ее надо было реформировать в 1960-х, после того как основные ее достоинства были уже исчерпаны. Азиатский путь (Китай и Вьетнам, где плановая экономика сложилась только после Второй мировой войны) и в этой сфере выглядит предпочтительным — так, в Китае рыночные реформы начались в 1979 году, во Вьетнаме — в 1986 году. Странам же Восточной Европы, где плановая экономика просуществовала более четырех десятилетий (1945/1950–1990), и в особенности СССР, имевшему плановую экономику дольше всех, более 60 лет (1929–1991), пришлось испытать негативные последствия «старения» плановой системы в полной мере.

Наилучшим вариантом и в 1960-е, и в 1970-е, и в 1980-е годы был бы переход к рынку по китайскому варианту, причем чем раньше, тем лучше. Если это случилось бы в 1960-е годы, то, наверное, произошло бы ускорение роста, как в Китае. А если бы постепенные рыночные реформы начались бы в 1980-е, то было бы падение производства — трансформационный спад, но, конечно, не такой глубокий, как в 1990-е годы в России. И дело здесь не в темпах перехода — шокотерапия или постепенный переход. Не слишком известный среди неспециалистов факт: во Вьетнаме (после краткосрочных экспериментов с градуализмом в 1986–1989 годах) одномоментно дерегулировали 90% всех цен в апреле 1989 г. — так что и

шокотерапию в Азии проходили еще до Польши, которая дерегулировала цены только с начала 1990 года.

Так вот результат и в Китае, и во Вьетнаме был одинаковым — никакого спада, но ускорение роста производства. Катастрофическое падение производства в 90-е годы в России и других странах бывшего СССР и Восточной Европы произошло не столько из-за шокотерапии, сколько из-за разрушения госинститутов — способности государства гарантировать контракты, права собственности, правопорядок в целом, предоставлять другие общественные блага — образование, здравоохранение, поддержание инфраструктуры и проч. (Попов 1998а, 1998б, 2007а).

Был ли возможен переход к рыночной экономике в СССР в 1960-е годы? Скорее всего, да. Это была одна из тех развилок, которые время от времени случаются в процессе развития, когда результат — путь, который предстоит пройти на ближайшие несколько десятилетий, если не столетий, — определяется не столько исторической необходимостью, сколько стечением обстоятельств. взаимодействием незначительных событий, которые могут привести к различным результатам. Если бы этот переход к рынку был осуществлен без подрыва потенциала госинститутов, результат, вероятно, больше напоминал бы китайскую модель реформ рыночного типа 1979 года и последующих лет — без серьезного трансформационного спада, фактической приватизации государства и роста неравенства, теневой экономики, преступности, алкоголизма, самоубийств и смертности. И если уж полностью дать волю полету фантазии, то, видимо, если бы в начале 1960-х Хрущев реформировал советскую экономику по китайскому варианту (потепенный переход к рынку при авторитарном политическом режиме), мы бы сегодня уже догнали развитые страны.

Но, во-первых, это, конечно, только гипотеза, и проверить ее сегодня постфактум сложно. А, во-вторых, даже если бы переход к рынку произошел в СССР в 1960-е годы, возможно, он был бы менее успешным, как в Китае, из-за «эффекта колени» (path dependent development) — развития, предопределенного прошлой траекторией. Россия могла тогда вернуться к траектории вестернизации до 1917 года с высоким неравенством доходов и поляризацией общества (почти так же, как это произошло в 1990-е годы). Трансформационные спады могли бы быть короче и не такими глубокими, но ослабление институтов — рост преступности и теневой экономики — было бы практически неизбежным.

То, что можно было исправить в Китае за 30 лет социализма, не удалось исправить в России даже за 70 лет социализма и 60 лет централизованного планирования (с 1929 по 1991 год). Уровень убийств в СССР даже в лучшие (1960-е годы) превышал китайский уровень 1970-х годов на порядок. Да, социализм способствовал восстановлению коллективистской модели в обеих странах, России и Китае: неравенство в доходах уменьшилось, а институциональный потенциал государства укрепился. Но наследие 300-летней вестернизации в России дало себя знать, как только в 1990-х годах, после 70 лет социализма, были проведены рыночные реформы: неравенство значительно возросло, равно как и коррупция, преступность и теневая экономика.

Не исключено, что и при рыночной либерализации в 1960-е годы КПСС и советское государство не смогло бы противостоять давлению финансовой олигархии, как это смогли сделать КПК и китайское правительство при либерализации 1980-х годов (в Китае в 1979–1984 годов при проведении аграрной реформы неравенство вообще не выросло). «Эффект колеи» мог создать непреодолимые препятствия для создания коллективистских институтов, способных сдержать рост неравенства при переходе к рынку. Фактическая приватизация государства, которой удалось избежать в Китае при переходе к рынку и которая произошла в 1990-е годы в России, могла бы случиться и в 1960-е годы.

Так или иначе, реформа управления (создание совнархозов в 1957–1965 годах), призванная преодолеть бюрократизацию аппарата, и косыгинская экономическая реформа (введение хозрасчета в 1965 году), направленная на стимулирование нововведений и экономического роста, по сути, провалились. С середины 1960-х годов в СССР начался упадок плановой экономики. Рост ВВП на душу населения в СССР продолжался в 1970-е и 1980-е годы, но темпы роста замедлялись, так что разрыв в доходах с Западом перестал сокращаться, а затем даже начал увеличиваться. Продолжительность жизни после достижения 70 лет в 1965 году перестала повышаться, стали расти преступность, алкоголизм, коррупция, самоубийства. В общественной и культурной жизни хрущевская «оттепель» закончилась в середине 1960-х, а надежды на построение «социализма с человеческим лицом» были похоронены с вводом войск в Чехословакию в 1968 году.

Напротив, китайский опыт плановой экономики оказался гораздо более удачным. Несмотря на отрицательные темпы роста в некоторые годы во время и после «большого скачка» (1958–1960) и культурной революции (1966–1976), китайский

ВВП на душу населения увеличивался в 1950–1978 годах в среднем почти на 3% в год — весьма впечатляющее достижение для развивающейся страны. За 5 лет, предшествовавших экономическим реформам (1973–1978), доход на душу населения в Китае рос в среднем на 5%, а экспорт увеличивался двукратными темпами. Ожидаемая продолжительность жизни в Китае выросла с 35 лет в 1950 году до 65 лет в 1976 году (год смерти Мао) и оказалась на 13 лет выше, чем в Индии.

Прямо перед реформами 1979 года Китай развивался лучше, чем в любой другой предыдущий период своей коммунистической истории. В отличие от СССР, где темпы роста экономики падали до реформ и падали еще быстрее после реформ, в Китае темпы экономического роста были высокими, росли до реформ и еще больше увеличились после реформ. Советские рыночные реформы были призваны справиться с прогрессирующей стагнацией, которую переживала плановая экономика в 1970–1980-х годах, но вместо этого привели к глубочайшему трансформационному спаду. Реформы рыночного типа в Китае, напротив, привели к ускорению экономического роста, который не только был вполне солидным при плановой экономике, но даже и набирал обороты. Китайские лидеры отказались от централизованного планирования как раз тогда, когда его издержки (невозможность обеспечить сбалансированность планов) стали превышать выгоды (способность мобилизации сбережений без увеличения неравенства).

ЧАСТЬ III

ТОЛЬКО КАПИТАЛИЗМ СПАСЕТ КИТАЙ?

ПОСЛЕ 1979: ПОЧЕМУ КИТАЙ УСКОРИЛСЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К РЫНКУ, А РОССИЯ ЗАМЕДЛИЛАСЬ

Экономика — почему Китай не Россия

Почему в Китае не было падения производства во время рыночных реформ, как это произошло в России, СНГ, восточноевропейских странах? На эту тему написано множество статей и книг, но единого мнения у исследователей до сих пор нет, тем более что вопрос сильно политизирован. Китай был первой плановой экономикой, запустившей рыночные реформы (не считая советского НЭПа), — на 10 лет раньше, чем восточноевропейские страны и СССР. Результаты были поразительными — производство зерна благодаря переходу от коммун к семейному подряду и разрешению продавать сверхплановую продукцию по рыночным ценам возросло вдвое за неполные 10 лет, доля инвестиций в ВВП поднялась с менее 30 до более 40%, темпы роста — с 5 до 10%. Тогда считалось, что экономическая либерализация творит чудеса, чем ее больше, тем лучше. Однако опыт Восточной Европы, где падение производства составило 20–30% и продолжалось 2–3 года, и тем более опыт бывшего СССР, где производство падало почти 10 лет и упало, грубым счетом, вдвое, заставил многое переосмыслить.

По масштабам экономической либерализации Китай и сейчас находится где-то на уровне России и сильно отстает от восточноевропейских стран — сводные индексы экономической свободы, ежегодно рассчитываемые Heritage Foundation для почти 200 стран мира, в Китае и России в 1995–2024 годы были примерно одинаковы; в 1980-е же годы, в первое десятилетие реформ, когда более половины всех цен еще контролировалось сверху, экономической свободы и рынка в Китае было намного меньше, чем у нас в 1990-е. Результаты тем не менее оказались в корне противоположными — полулиберализованная китайская экономика ускорялась, а наша либерализованная камнем падала вниз. Китайский градуализм многие стали ставить в пример — мол, вот какие впечатляющие результаты, если не ломать через коленку, а реформировать осторожно. Дело, однако, было не в градуализме.

В Азии, кстати сказать, и шокотерапию проходили раньше европейцев. Как уже говорилось, Вьетнам после недолгих экспериментов с постепенными реформами «горбачевского» толка (1986–1989) в марте 1989 года, на 9 месяцев раньше

Польша, запустил программу классической шокотерапии, единовременно дерегулировав 90% всех цен, девальвируя национальную валюту — злот и заменив множественные обменные курсы единым. Никакого спада, однако, не последовало³³, напротив, экономический рост, как и в Китае, ускорился (в случае Вьетнама — до 7% в год в 1990-е годы).

Получается, примерно, следующее: две соседние страны, имеющие схожий уровень развития, структуру хозяйства и экономическую культуру, продемонстрировали впечатляющую способность к экономическому росту в переходный период вопреки кардинальным, казалось бы, различиям в экономической политике — Китай следовал курсом постепенных реформ, поддерживая долгое время двухканальную систему цен и реализации продукции (плановую и рыночную), тогда как Вьетнам создал полноценный рынок товаров в ночь с воскресенья на понедельник. Значит ли это, что стратегия перехода к рынку не играет никакой роли? В общем, да, именно так и получается, если под стратегией понимать скорость реформ: темпы либерализации — это третьестепенный фактор экономической динамики, есть более важные факторы, которые исследователи упустили, заиклившись на споре «шокотерапия или градуализм».

Несколько огрубляя, можно сказать, что таких решающих факторов три. Во-первых, исходные условия, наследие прошлого, степень деформации экономики плановой системой — от этого зависит, насколько сложно ее реформировать и с какими издержками это будет связано. Во-вторых — способность государства обеспечить сильные работающие институты, без которых либерализация (рыночная экономика) не работает. Эту институциональную составляющую «правильной» политики фактически просмотрели и шокотерапевты, и градуалисты, сконцентрировавшие свои усилия на спорах о второстепенном, по сути, вопросе о темпах экономических реформ. И, наконец, в-третьих, макроэкономическая и промышленная политика, стимулирующая рост.

В Китае благоприятной динамике способствовало и то, и другое, и третье. В Центральной Европе исходные условия были плохими — экономика была сильно деформирована, но институты работали. Экономическая же политика благоприятствовала росту только отчасти — с макроэкономической стабилизацией все было, как правило, неплохо, а вот промышленная политика в лучшем случае

³³ Вьетнамская промышленность, исключая постоянно и быстро растущую добычу нефти, пережила в 1989-1990 гг. спад (-6% в 1989 г. и 0% в 1990 г.), но рост сельского хозяйства оставался стабильно высоким, так что темпы роста ВВП практически не снизились, составляя 5-6% в год, в 1989-1990 гг., а затем возросли до 7% (Роров 2014b).

была нейтральной, а не экспортно ориентированной, как в Китае. В России и СНГ все было не так — и с исходными условиями не повезло, и институты развалились, и политика — хуже некуда (Попов 1998а, 1998б, 2007а; Porov 2000, 2007а; Porov 2007с).

Бремя прошлого для китайских реформаторов не было столь тяжелым как в Восточной Европе и СССР из-за низкого уровня развития и индустриализации и относительно низких военных расходов. Мало того что китайские диспропорции были меньше, они еще и не были материализованы «в металле», в основных фондах. Китайские сельские коммуны, скажем, оказалось возможным в 1979 году «раздать на огороды» без ущерба для технологии и эффективности. Напротив, советские колхозы и совхозы, базировались на централизованной инфраструктуре (от жилья и хранилищ, до коровников на сотни коров и ремонтной базы), большую часть которой переход к семейным фермам неизбежно превращал в груды металлолома. В промышленности китайский успех зиждился на вновь создаваемых предприятиях (в основном мелких и средних, относительно малокапиталоемких), а крупные капиталоемкие госпредприятия долгое время оставались узким местом китайской экономики.

Напротив, структура экономики и внешней торговли в СССР сформировалась под воздействием приоритетов плановиков — скажем, машиностроение сильно субсидировалось за счет сырьевых отраслей и было развито значительно больше, чем если бы рынок управлял распределением ресурсов. Правильно это было или нет, отдельный вопрос, который рассматривается дальше, в разделе о промышленной политике. Но при освобождении цен в 1992 году машины и оборудование сильно подешевели относительно сырья, и поскольку именно рынок, а не план стал определять размещение ресурсов, выпуск подешевевшей продукции машиностроения сократился гораздо больше, чем выпуск подорожавшего сырья. Перемещение труда и капитала из машиностроения в сырьевые отрасли (независимо от того, нужно ли было такое перемещение или нет) вызвало сокращение производства, неизбежное при такой структурной перестройке. То же и с перестройкой торговых потоков — и со странами — членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), и с бывшими советскими республиками (Попов 1998а, 1998б; 2007а; Porov 2000; 2007а).

Доводя мысль до крайности, можно сказать, что в Китае, где диспропорции плановой системы не были увековечены «в металле», выгоды рынка сказались бы сразу при любом варианте перехода, будь то постепенные реформы или

шокотерапия. Падения производства не было бы и при шокотерапии (доказательство — Вьетнам). В Восточной Европе и СССР, напротив, более высокий уровень развития обернулся одновременно и большей степенью материализации диспропорций в виде деформированности основных фондов. Чтобы преодолеть эти диспропорции и перевести ресурсы из одних отраслей в другие, нужно было затратить больше инвестиций в сравнении с ВВП, а коль скоро этих инвестиций не было, падение производства оказалось неизбежным.

Это, конечно, только в первом приближении и только начало объяснения. Если в статистическом анализе учесть влияние исходных условий, то все равно получается, что фактический уровень производства в Китае и Вьетнаме превышает предсказываемый регрессионным уравнением, в Восточной Европе — тоже превышает, хоть и не так значительно, а в большинстве стран СНГ, наоборот, оказывается ниже предсказанных значений (Попов 1998а, 1998б; Роров 2000). Потому что решающую роль, похоже, сыграл другой фактор — институциональный потенциал государства, который удалось сохранить в Китае и Центральной Европе, но не в СССР.

Что общего между экономическими преобразованиями в Китае и Вьетнаме, с одной стороны, и в государствах Восточной Европы, с другой, кроме низкой инфляции в переходный период? Ответ, возможно, неприятный для восточноевропейцев, но бесспорный — сильные институты, прежде всего, государственные, в первом случае поддерживаемые авторитарными режимами, во втором — демократическими, но в обоих случаях, в отличие от стран СНГ, работающие, а не разваливающиеся. Исключения в регионе СНГ только подтверждают правило — это Беларусь, Туркменистан и Узбекистан, то есть как раз те страны, которые известны не только своим отставанием в рыночных реформах, но и сравнительно сильной и работающей государственной властью.

Один из возможных обобщающих показателей эффективности государственных институтов — степень доверия фирм и граждан к власти в том, что касается защиты экономических прав и свобод, поддержания нормального инвестиционного климата, и т. п. — здесь страны СНГ прочно занимают последнее место по результатам всех имеющихся опросов. По данным глобального опроса фирм в 69 странах о доверии государственным институтам, страны СНГ в 1990-е годы отставали от всех регионов, в том числе и от Африки, причем разрыв между Восточной Европой и странами СНГ был больше, чем между Восточной Европой и Южной и Юго-Восточной Азией или Латинской Америкой.

Другим обобщенным измерителем эффективности институтов может служить финансовая мощь государства — доля государственных доходов в ВВП. Хотя немало было написано о «слишком большом» правительстве и слишком высоких налогах, теперь, видимо, большинство исследователей сходятся во мнении, что уход государства из экономики в странах СНГ в 1990-е годы зашел слишком далеко.

До рыночных реформ в бывшем СССР государство не только детально регламентировало экономическую жизнь, но и обладало не меньшей финансовой мощью, чем в странах Центральной Европы, перераспределяя через бюджет порядка 50% ВВП. Это позволяло бесплатно предоставлять большой объем коллективных благ (образование, здравоохранение, наука) и высокий уровень социальной защиты. Во время перехода к рынку доля государственных доходов в ВВП стала снижаться во всех переходных экономиках. Однако в странах Центральной Европы и в Эстонии процесс вскоре был остановлен и даже повернут вспять, тогда как в большинстве стран СНГ и Юго-Восточной Европы он продолжался и привел к падению доли госдоходов в ВВП в 1,5–2 раза.

Во Вьетнаме доля госдоходов в ВВП возросла в 1989–1993 годы в 1,5 раза. В Китае за все два десятилетия реформ доля госдоходов в ВВП упала более чем в 2 раза, однако, во-первых, основное падение пришлось на 1980-е годы и первую половину 1990-х годов, тогда как с 1995 года, достигнув минимума в 11% ВВП, они вновь стали расти; во-вторых, снижение госдоходов было контролируемым (т.е. проводилось по инициативе государства, а не вопреки его политике); в-третьих, расходы на *традиционные* государственные функции в % к ВВП остались на неизменном уровне.

Так, в Китае сокращение госрасходов относительно ВВП происходило за счет обороны, субсидий и инвестиций, тогда как расходы на «обычное правительство» (включающее в себя все остальное — от образования до правоохранительных органов) росли примерно тем же темпом, что и ВВП. В Польше госрасходы на «обычное правительство» и другие функции, хотя и снизились накануне перехода к рынку (т.е. когда прежний авторитарный режим разваливался), во время самих рыночных реформ даже несколько возросли. Наконец, в России сократились по отношению к ВВП не только расходы на оборону, субсидии и инвестиции, но также и расходы на «обычное правительство», что привело к подрыву институционального потенциала государства.

Да, верно, что в Китае расходы на обычное правительство» в % к ВВП были долгое время ниже, чем в Польше и в России, но они были такими и до реформ (1978), так как расходы на социальное обеспечение из бюджета там были традиционно низки. И, кстати сказать, к 2022 году в Китае они так сильно выросли, что были ненамного ниже, чем в России (общие госрасходы в % к ВВП — 33 и 36% соответственно). Верно и то, что в России уровень расходов на «обычное правительство» был в 1990-е годы ненамного ниже, чем в Польше. Однако динамика этих расходов в реальном исчислении, то есть в постоянных ценах, разнится кардинально: если в Польше, где в 1996 году ВВП превысил предкризисный уровень, реальные расходы на «обычное правительство» в 1989–1996 годах выросли примерно на треть (в Китае они, кстати сказать, в 1979–1986 годах почти удвоились), то в России, где ВВП в 1996 году едва дотягивал до половины предкризисного уровня, реальные расходы на «обычное правительство» снизились почти в 3 раза! Надо ли говорить, что такое резкое снижение реальных объемов финансирования привело к фактическому разрушению старых государственных институтов, и не оставило средств на создание новых?

При сокращении реальных государственных расходов аж в два раза, как это произошло в большинстве государств бывшего СССР и Юго-Восточной Европы в короткий промежуток времени — всего за несколько лет, практически не оставалось шансов компенсировать падение объема финансирования повышением эффективности институтов, так что способность государства гарантировать права собственников и исполнение контрактов, поддерживать закон и порядок и противодействовать коррупции и криминализации катастрофически снизилась.

Среди 30 переходных экономик только в нескольких не произошло резкого снижения доли госрасходов в ВВП в 1990-е годы — в Эстонии, во Вьетнаме и в странах Центральной Европы (Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии); менее резко, чем в других странах, снизилась доля госрасходов в ВВП в Узбекистане и Беларуси (Попов 2014а; Роров 2023с). Нетрудно заметить, что все перечисленные страны обнаруживают и самую благоприятную динамику ВВП: в Центральной Европе в 2000 году ВВП чуть превысил предкризисный уровень 1989 года, в Узбекистане он составил 95%, в Эстонии и Беларуси — около 80%, в Туркменистане — 75%, во всех остальных бывших советских республиках — менее 65% (в России — 60%). Здесь и альтернативное объяснение относительного эстонского успеха — эстонская экономика показывала результаты не хуже белорусской не столько благодаря высоким темпам либерализации, сколько из-за

способности сохранить работающие институты (в отличие от других республик в Эстонии доля госрасходов в ВВП в переходный период не упала, а возросла).

Обычно в зрелых рыночных экономиках существует прямая связь между уровнем налогообложения, долей государственных доходов в ВВП и размерами теневой экономики: чем выше налоги, тем выше доходы государства и тем больше размеры подпольной экономики. В странах с высокими госдоходами (50% и более от ВВП), таких как Скандинавские государства, Нидерланды, теневая экономика относительно больше, чем в странах с низкими налоговыми поступлениями (Австралия, США, Швейцария, Япония). В переходных экономиках все наоборот: чем ниже уровень государственных доходов (и чем больше он снизился в последние годы), тем больше теневая экономика.

Фактически в переходных экономиках наблюдался эффект вытеснения государства подпольным бизнесом «один к одному»: на каждый процентный пункт падения доли государственных доходов в ВВП приходится в среднем увеличение доли теневой экономики в ВВП тоже на 1 процентный пункт. Говоря иначе, динамика госдоходов довольно точно отражает способность государства добиваться исполнения законов и предписаний, а это и входит в понятие институционального потенциала (Попов 1998а, 1998б, 2007а; Роров 2000, 2007а).

В итоге, таким образом, получается следующая картина: масштабы падения/роста производства при переходе к рынку зависят от начальных условий — от уровня развития («преимущества отсталости») и накопленных за время централизованного планирования диспропорций в структуре экономики и внешней торговле, а также от способности сохранить эффективные институты во время либерализации. При этом темпы либерализации, которые обычно считаются важнейшей составляющей экономической политики, не играют особой роли на этапе восстановления производства, а на этапе трансформационного спада, если и оказывают какое-то воздействие, то только отрицательное (чем выше либерализация, тем больше падение: Роров 2007а; Попов 2007а).

Горбачевские реформы, иначе говоря, провалились не потому, что были постепенными или недостаточно демократическими, но из-за ослабления институтов государственной власти (накопление отложенного потребительского спроса, рост теневой экономики и снижение бюджетных доходов, ослабление плановой дисциплины и т. п.) — падение производства у нас началось еще при Горбачеве, в 1990 году. Подобным же образом ельцинские реформы привели к дальнейшему падению производства не потому, что были «слишком»

радикальными или демократичными, но из-за продолжавшегося ослабления институтов (дальнейшее расширение теневой экономики и падение доходов бюджета, подрыв законности и правопорядка и т. д.). Урок, кажется достаточно очевиден: никакая либерализация, ни моментальная, ни постепенная, если она сопровождается ослаблением институтов, не может привести к улучшению экономического положения. И, наоборот, при сильных институтах любая либерализация — и радикальная, и постепенная, и демократическая, и авторитарная, — дает экономические дивиденды в виде роста производства.

История провалов и успехов переходного периода предстает, таким образом, отнюдь не как история последовательных (успешных) и непоследовательных (неудачных) реформ. Главный сюжет «романа» постсоциалистической трансформации — сохранение дееспособных институтов в одних странах (очень разных по прочим своим характеристикам, от Центральной Европы и Эстонии до Китая, Узбекистана и Беларуси) и их развал в остальных. Как минимум, на 90% это история несостоятельности государства и его институтов (government failure), а не несостоятельности рынка и недостаточной либерализации (market failure).

Уникальность Китая, между прочим, состоит в том, что сегодня он очень похож на развитую страну с точки зрения институционального потенциала государства, хотя по ВВП на душу населения он является развивающейся страной. Действительно, Китай следует сравнивать с развивающимися странами сегодня или с развитыми странами сто лет назад, когда их ВВП был на нынешнем китайском уровне, и это сравнение, бесспорно, в пользу Китая.

Институциональная способность государства в узком определении — это способность правительства обеспечивать соблюдение законов и постановлений, а естественными объективными показателями институциональной способности государства являются уровень убийств — несоблюдение монополии государства на насилие, и теневая экономика — несоблюдение монополии государства на сбор налогов и регулирование экономической жизни. Китай довольно уникален по обоим показателям — схожий уровень с развитыми странами и один из самых низких уровней в развивающемся мире (Роров 2011).

Корни исключительной силы китайских институтов, как уже говорилось, лежат в исторической траектории его институционального развития — как и многие страны Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Китай меньше пострадал от западного колониализма и имел больше шансов сохранить коллективистские

институты и институциональную преемственность, чем большинство других стран Латинской Америки, Африки южнее Сахары и бывшего СССР.

И, наконец, последний фактор — макроэкономическая и промышленная политика. С инфляцией (макроэкономическая политика) в Китае практически всегда было все в порядке, даже лучше, чем в большинстве стран Восточной Европы, а в последние 25 лет инфляция составляет обычно менее 2–3%, в 1998–1999, 2002 и 2009 годах цены даже снижались. Однако, кроме того, Китай выгодно отличался от европейских переходных экономик тем, что постоянно стимулировал экспорт и смог таким образом оседлать конек экспортно ориентированного роста.

Промышленная политика: протекционизм против свободной торговли

Вроде бы польза свободной торговли признается всеми. Сегодня трудно найти экономиста, который бы высказался за протекционизм, особенно в долгосрочной перспективе. В самом деле, со времен Давида Рикардо и его теории сравнительных преимуществ считается доказанным, что от международной торговли выигрывают все страны, потому что специализация на производстве товаров, которые страна производит более эффективно (менее неэффективно), чем другие, в конечном счете позволяет максимизировать благосостояние всего мира и каждой отдельной страны. Значит не надо ставить никаких препятствий на пути международной торговли, надо отменить таможенные пошлины и нетарифные барьеры.

Многие страны, в основном развивающиеся, однако, сохраняют довольно высокий уровень таможенной защиты внутреннего рынка: для большинства бедных стран (с ВВП менее 20% американского уровня) в 1975–1999 годах средний уровень таможенных пошлин составлял 10–25% от стоимости импорта. У развитых стран после многих раундов торговой либерализации в рамках Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) и Всемирной торговой организации (ВТО) в послевоенный период уровень пошлин снизился до 3–4%, но и они в последние годы повышают таможенную защиту, в особенности от конкуренции дешевых китайских товаров. Значит, эти страны совершают ошибку?

Польза международной торговли действительно бесспорна, однако далеко не очевидно, что свободная торговля, то есть отмена всех торговых барьеров ведет к увеличению объема международной торговли. Какие страны быстрее всех увеличили долю международной торговли в ВВП? В основном те же, что и демонстрировали, самые высокие темпы роста и те же, которые имели более высокую долю инвестиций в ВВП, но не те, которые практиковали свободную торговлю (O'Rourke, Sinnott 2001; O'Rourke, Williamson 2002). Существует довольно заметная корреляция между темпами роста и повышением доли экспорта в ВВП, так же, как и между долей инвестиций в ВВП и долей экспорта в ВВП, но не между таможенными пошлинами и увеличением доли экспорта в ВВП (Попов 2006, рис. 1–3).

Собственно говоря, феномен «экономического чуда» — быстрого роста в течение двух десятилетий и больше — в послевоенный период практически всегда был связан с повышением доли инвестиций и экспорта в ВВП, и практически никогда — с низким уровнем таможенной защиты. Вопреки, казалось бы, здравому смыслу,

именно протекционистские страны увеличивали быстрее всех долю экспорта в ВВП и становились «драконами» и «тиграми», тогда как страны, практиковавшие свободную торговлю, так и не удивили мир ни быстрым увеличением экспорта, ни высокими темпами роста (Rodriguez and Rodrik 2000; Polterovich and Popov 2005b; Rodriguez 2007; Findlay 2010; Kim, Lin 2009).

В современной литературе очень часто происходит смешение двух понятий внешнеторговой «открытости» — «открытость» как высокая доля экспорта и внешней торговли в ВВП и «открытость» как либеральная внешнеторговая политика. В известных статьях (Rodriguez, Rodrik 2000; Rodriguez 2007) как раз и показывается, что вторая «открытость» совсем не обязательно ведет к первой.

История Китая дает, пожалуй, самый яркий пример того, что открытость не гарантирует быстрый рост. Как уже говорилось, поражение в «опиумных войнах» в 40—50-х годах XIX столетия заставило Китай практически полностью открыться для международной торговли (таможенные пошлины были зафиксированы на 5%-ном уровне и собирались английской колониальной администрацией в открытых портах).

Однако внешнеторгового бума не случилось: отношение экспорта к ВВП по паритету покупательной способности повысилось только с 0,7% в 1870 году до 1,9% в 1950 году. Физический объем экспорта в 1867–1936 годах, почти за 70 лет, вырос лишь в четыре раза, то есть даже меньше, чем за четвертьвековой период изоляции накануне реформ (в 1950–1978 годах физический объем экспорта вырос в шесть раз). Когда в 1949 году коммунисты пришли к власти китайский подушевой ВВП в реальном исчислении был точно таким же, как и в 1850 году (Maddison 1995, 1998).

А после начала экономических реформ в 1978 году в Китае именно экспорт стал мотором экономического роста; доля экспорта в ВВП росла быстрее, чем где-либо в мире — с 5% в 1978 году до более 35% в 2007 году, если оценивать ВВП по официальному курсу, и с 1% до 15%, если считать ВВП по паритету покупательной способности (после 2007 года она снизилась — об этом дальше). Однако пореформенный Китай отнюдь не придерживался свободы торговли: еще и в начале 1990-х годов импортные пошлины в Китае были чуть ли не самыми высокими в мире — 40% от стоимости импорта.

Схожие примеры можно привести и из истории других стран/территорий. Послевоенные Япония, Южная Корея, Тайвань добились быстрого роста не через таможенное разоружение, а через протекционизм. В XIX веке многие страны,

которые теперь называются развитыми, проводили протекционистскую политику, в том числе и США, чтобы защититься от разрушительной конкуренции британских товаров. Сама Англия либерализовала торговлю только к середине XIX века, когда ее технологическое первенство стало неоспоримым (отмена «хлебных пошлин» Робертом Пилем). Данных за XIX век немного, но те, которые есть, однозначно свидетельствуют, что успешнее развивались именно протекционистские страны. Положительная зависимость между протекционизмом и ростом сохраняется, если ввести в качестве контрольных переменных исходный уровень ВВП на душу населения и показатель качества институтов из базы данных POLITY (Irwin 2002).

В чем же секрет протекционизма? Почему протекционистские страны развиваются более успешно? И всегда ли протекционизм дает положительные результаты?

Дискуссии между протекционистами и фритредерами ведутся столько, сколько существует экономическая наука. Во второй половине XIX века Англия стала главным бастионом свободы торговли, а ее основные конкуренты защищали свою промышленность протекционистскими пошлинами. Маркс и Энгельс, высказываясь в принципе за свободу торговли, считали протекционизм оправданным средством «фабрикации фабрикантов» при отставании страны от основных конкурентов, как это было в Германии в середине XIX века (Энгельс 1955: 62; 1961: 372–374).

«Если Америка должна стать промышленной страной и если у нее есть все шансы на то, чтобы не только догнать, но и перегнать своих соперников, то перед ней открываются два пути, — писал после Гражданской войны в США Фридрих Энгельс, — или, придерживаясь свободы торговли, в течение, скажем, 50 лет вести чрезвычайно обременительную конкурентную борьбу против английской промышленности, опередившей американскую почти на сто лет; или же покровительственными пошлинами преградить доступ английским промышленным изделиям, скажем, на 25 лет, с почти абсолютной уверенностью в том, что по истечении этих 25 лет американская промышленность будет в состоянии занять независимое положение на мировом рынке...» (Энгельс 1961: 377–378).

Сегодня расстановка сил в принципе та же, что и раньше: самая развитая часть мира — Запад, и в особенности США, настаивает на свободе торговли, тогда как развивающиеся страны не желают отказываться от протекционистских инструментов, обоснованно подозревая, что эти инструменты могут при умелом

использовании помочь повысить темпы экономического роста, так чтобы быстрее догнать Запад. Но по мере того, как США и другие западные страны проигрывают конкурентную борьбу Китаю и другим быстрорастущим странам, они, конечно, под разными предлогами тоже склоняются в сторону протекционизма.

Дискуссии о свободе торговли сегодня ведутся в рамках более общей дискуссии о промышленной политике. Ведь таможенные тарифы исторически были первым и главным государственным налогом, поэтому в XIX веке внимание было сосредоточено в основном на них. Теперь таможенные пошлины уже менее важны, чем защита с помощью занижения валютного курса (так называемый протекционизм валютного курса, практиковавшийся Китаем и другими странами, быстро накапливавшими валютные резервы — об этом чуть дальше: Полтерович, Попов 2002; Polterovich, Popov 2004), с помощью контроля над ценами, субсидий, налоговых скидок и преференциальных кредитов отдельным отраслям и предприятиям.

Сегодня в результате прогресса экономической науки появилось гораздо более четкое понимание, почему протекционистские меры и другие рычаги промышленной политики могут быть успешными и при каких условиях этот успех достигается.

Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она должна быть экспортно ориентированной. Таможенная или прочая защита отечественных производителей обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортно ориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортозамещению.

Есть два варианта промышленной политики — импортозамещение и поощрение экспорта. При импортозамещении госсубсидии идут в отрасли, которые не только не экспортируют свою продукцию, но и не могут конкурировать с импортом на внутреннем рынке. При экспортной ориентации, напротив, поддержка оказывается отраслям и предприятиям, которые уже прорвались на внешний рынок или у которых есть хорошие шансы увеличить экспорт. Помогать слабым и неконкурентоспособным отраслям можно и при импортозамещении и при экспортной ориентации, но в первом случае — только для вытеснения иностранных поставщиков с внутреннего рынка, а во втором — не только для такого вытеснения, но и для превращения субсидируемых отраслей в сильные и конкурентоспособные, экспортирующие свою продукцию на мировой рынок.

Можно защитить внутренний рынок от иностранной конкуренции (скажем, высокими таможенными пошлинами) и при этом довольствоваться тем, что он снабжается отечественными производителями, не экспортирующими свою продукцию (импортозамещение). А можно поддерживать отрасли уже экспортирующие или с перспективой на экспорт, то есть самые конкурентоспособные или ориентированные на то, чтобы стать таковыми (если не становятся и не начинают экспортировать, поддержка прекращается). И в том и в другом случае используется протекционистская защита внутреннего рынка; разница в том, что одна эта защита — без стимулирования экспорта — ведет только к сохранению неэффективных производств, а такая же защита со стимулированием экспорта сохраняет неэффективные производства лишь на время, а затем превращает их в эффективные. В своем крайнем варианте импортозамещение — это стратегия опоры на собственные силы, направленная на то, чтобы производить все внутри страны. Экспортная ориентация — это политика, тоже призванная создать новые отрасли, возможно и с нуля, но которые непременно должны стать конкурентоспособными не только на национальном, но и на мировом рынке.

СССР периода индустриализации и дальше, коммунистический Китай до реформ, Латинская Америка и Индия до 1990-х годов, развивающиеся страны социалистической ориентации — все эти государства и регионы практиковали именно импортозамещающую промышленную политику, стараясь обеспечить экономическую независимость. Везде, от Северной Кореи до Индии и от СССР до Латинской Америки, эти попытки неизменно заканчивались одним и тем же — созданием мертворожденных промышленных комплексов, которые еще могли кое-как функционировать в тепличной протекционистской среде, но которые рассыпались, как карточные домики, при первом столкновении с иностранной конкуренцией. При субсидировании слабых отраслей за счет сильных без экспортной ориентации развитие неизменно заходило в тупик: сильные отрасли, из которых изымались средства, хирели, а слабые, хоть и поддерживаемые, но не работающие на экспорт, так и не становились жизнеспособными.

Другая стратегия — создание государством стимулов к перемещению ресурсов в отрасли с перспективой прорыва на мировой рынок. Если эти отрасли не смогут экспортировать продукцию после *n* лет поддержки, то эта поддержка прекращается. Такая политика проводилась сначала в Японии, затем в Южной Корее, на Тайване, в Гонконге и Сингапуре, позже — в странах ЮВА и в Китае и привела к впечатляющим результатам. В Китае, как уже говорилось, именно

экспорт был мотором экономического роста, а доля экспорта в ВВП выросла с 5% в 1978 году до 35% в 2007 году. Все эти страны в разное время проводили схожую политику — всемерно поощряли национальные фирмы экспортировать производимую продукцию, даже когда эти фирмы и на национальном рынке занимали еще слабенькие позиции.

В экономической теории считается, что специализация страны на мировом рынке (какие именно товары страна экспортирует) определяется ее сравнительными преимуществами: у кого-то есть природные ресурсы (значит, можно вывозить сырье, производство которого дешево обходится), кто-то обладает большими резервами недорогой рабочей силы (тогда можно специализироваться на трудоемкой продукции), другие просто научились очень хорошо и дешево, лучше чем кто-либо в мире, производить, скажем, бытовую электронику. Однако надо отдавать себе отчет в том, что эти сравнительные преимущества не даны странам раз и навсегда от бога (за исключением невозобновляемых ресурсов, доля которых в международной торговле уже невелика), а создаются в ходе развития, в том числе и в результате целенаправленной правительственной политики. Если, скажем, страна не производит электронику, а импортирует ее из-за границы, и даже не пытается ее производить, то, видимо, никогда и не будет: ведь при освоении производства любого товара издержки всегда высоки, так что с точки зрения сиюминутной перспективы всегда лучше производить то, что уже умеешь. Тогда, однако, придется законсервировать структуру экспорта и отказаться от участия в мировых рынках многих «чужих» и постоянно возникающих новых продуктов.

Япония, если следовать теории сравнительных преимуществ, должна была ограничиться производством и экспортом даже не суши, а только сашими. В суши-то входит рис, который в Японии выращивать дорого (в Таиланде — гораздо дешевле), так что сравнительные преимущества Японии, у которой минеральных ресурсов нет, это только морепродукты, из которых сашими и делаются.

Теория сравнительных преимуществ Давида Рикардо, таким образом, если ее понимать слишком прямолинейно, как рекомендацию открывать все закрытые рынки, выгодна именно самым конкурентоспособным производителям, которыми в XIX–XX веках были Англия и США. Эрик Райнерт, норвежский неортодоксальный экономист, автор книги «Как богатые страны разбогатели... и почему бедные страны остаются бедными», с помощью Google Books Ngram Viewer подсчитал число упоминаний в литературе Давида Рикардо в XIX–XX веках. Оказалось, что до 1920-х годов его упоминали в несколько раз меньше, чем

Джеймса Милля и в десятки раз меньше, чем Джона Стюарта Милля. А потом частота упоминаний резко возросла — в несколько раз после Второй мировой войны (Reinert 2019: xxvi). Естественно, напрашивается объяснение, что теорию сравнительных преимуществ Рикардо подняли на щит как противовес мировому социализму, который сам поддерживал свои промышленные отрасли и помогал бывшим колониям — новым развивающимся странам — обрести экономическое равноправие через использование в том числе и промышленной политики поддержки обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей.

Какие отрасли поддерживать в первую очередь

Так или иначе, большинство стран, если не все, признавать ограниченность экспортной специализации рамками сравнительных преимуществ не желают и пытаются диверсифицировать экспорт. Какие отрасли поддерживать в первую очередь? Вот здесь-то и возникают варианты.

Дискуссии в Китае о том, какие отрасли поддерживать, видимо, были острее, чем где-либо. В 1992 году, еще при жизни Дэн Сяопина, Китай провозгласил политику «шичан хуан цзишу», буквально «технология в обмен на рынок», то есть уступка части национального рынка транснациональным компаниям в обмен на получение от них передовой технологии при создании совместных предприятий. Со стороны, особенно с нашей, российской стороны, эта китайская политика кажется исключительно успешной: с начала 1990-х годов начался массированный приток иностранных прямых инвестиций в Китай, накопленный объем этих инвестиций к 2023 году достиг почти 4 трлн долларов (21% ВВП по официальному курсу), ежегодный приток достиг максимума 344 млрд долларов в 2021 году, но в последние годы, правда, снизился из-за ухудшения отношений с США и Западом. В самом Китае, однако, политика заимствования технологии подвергалась суровой критике. Китай сравнивал себя не с Россией, а с Кореей и Японией и с самим собой периода Мао, и здесь сравнение в начале реформ было во многом не в пользу пореформенного Китая. Как говорилось, первая атомная бомба в Китае была взорвана в 1964 году, через 15 лет после СССР и 19 лет после США; первый спутник запущен в 1970 году, всего на 13 лет позже СССР. Однако строительство атомных станций началось в Китае лишь в 1980-е годы, а первая сконструированная в Китае атомная станция «Циньшань-1» вступила в строй только в конце 1991 года; первый непилотируемый космический корабль был запущен в 1999 году, первый китайский «тайконавт» поднялся в космос в 2004 году — 34 года спустя после запуска первого спутника.

Собственные большие самолеты вообще не производились в Китае до 2017 года, хотя при Мао страна была близка к созданию собственной авиационной промышленности. Китайские авиаинженеры до сих пор не могут простить Дэн Сяопину, что он прекратил все работы по собственному китайскому самолету в начале 1980-х годов, когда таковой уже был создан в металле и летал в экспериментальном варианте.

«Покупать лучше, чем производить, арендовать лучше, чем покупать» — такую поговорку использовали сразу после революции 1949 года при обсуждении вопроса о том, что делать с нехваткой собственных кораблей. Некоторые были за, некоторые против. В период реформ в начале 1980-х эта поговорка снова всплыла в дискуссиях о промышленной политике: в какой мере надо полагаться на собственные технологии, а в какой — на импорт зарубежных.

Си Цзиньпин, посетивший в 2014 году шанхайский завод COMAC, разрабатывавший тогда свой среднемагистральный узкофюзеляжный самолет C919 (на 158 пассажиров, конкурент Boeing 737 и Airbus 320), сказал, что с такой логикой должно быть покончено. «Мы должны тратить больше на собственные НИОКР и собственные самолеты». В 2017 году C919 впервые поднялся в небо, у COMAC тогда было 23 заказа на 570 новых самолетов; в 2023 году самолет совершил первый коммерческий полет. К 2029 году должна начаться эксплуатация разрабатываемого сейчас C929 — широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета на 230–320 мест, конкурента широкофюзеляжным Boeing и Airbus.

В 2004 году китайский журнал «Шан У Чжоукань» (Business Watch Magazine) опубликовал статью с характерным названием «Переосмысление стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций — политика “рынок в обмен на технологию” полностью провалилась?» В этой статье, среди прочего, профессор Пекинского университета Лу Фен на основе своих исследований автопромышленности заключил, что отрасль уже попала в порочный круг «отсталость — закупки технологии — отсталость», потому что 90% китайского авторынка контролируется ТНК.

Лу Йаньхуа, заместитель министра науки и техники Китая, в ноябре 2005 года выступил с развернутой критикой политики «рынок в обмен на технологию», назвав ее самообманом. Китай и Корея стали закупать ядерные реакторы за границей практически одновременно, сказал он, но теперь Корея продает их за рубеж, а Китай продолжает их импортировать. Между тем с начала 70-х годов Китай разрабатывал свои реакторы по 300 000 и 600 000 киловатт, но энергетики предпочитали покупать иностранные с мощностью 900 000 или 1 миллион киловатт, так что собственные НИОКР в этой сфере пришли в запустение.

Отмечалось, что нередко ТНК после покупки китайских предприятий увольняли научно-исследовательский персонал, как это сделал Volkswagen после приобретения Shanghai Automotive Industry Corporation и First Automotive Works. По словам Лу, корейское правительство с самого начала придерживалось четкой

политики: технология может быть куплена за границей только один раз, а госфинансирование распределяется в пропорции 1:5 на импорт технологии и 4:5 — на приспособление к местным условиям и собственные НИОКР. В Китае такая пропорция в начале 2000-х годов была 1:0,08. По продвинутости своего экспорта в сравнении с ВВП на душу населения Китай все более отставал тогда — нет, не от других стран, а от самого себя периода 15-летней давности — и это вызывало в Китае нарастающее беспокойство.

В общем, политика, которую большинство в мире считало сказочно успешной, в Китае критиковалась в начале 2000-х со всех сторон.

Оппоненты возражали, говорили, что Китай просто экономит силы, используя более дешевую стратегию создания высокотехнологичного сектора, нежели в свое время Корея и Япония. Они не полагались на иностранные прямые инвестиции, а Китай полагается, так что при малых затратах на собственные НИОКР может заимствовать технологию и производить массу наукоемких изделий. В 2002 году по доле расходов на информационные и коммуникационные технологии в ВВП (5%) Китай уже мало уступал Корее (7%) и Японии (8%). А по доле наукоемких товаров в экспорте изделий обрабатывающей промышленности, которая увеличилась с 6% до 23% всего за десять лет, в 1992–2002 годах, почти догнал Японию. Китай уже сейчас стремительно наращивает расходы на НИОКР, говорили сторонники опоры на иностранные технологии, и в дальнейшем этого не избежать, но пока можно заимствовать технологию через приток прямых иностранных инвестиций, почему бы этого не делать?

Между тем с теоретической точки зрения, вопрос о том, какие отрасли надо поддерживать — самые эффективные, которые уже близки к прорыву на мировые рынки, или же, наоборот, неэффективные, но считающиеся по каким-то причинам важными для народного хозяйства и экономического суверенитета — совсем не простой.

Представьте страну, у которой самые конкурентоспособные отрасли — нефте- и газодобыча, как в России, или производство текстиля, как в Бангладеш. Надо ли такой стране поощрять перемещение труда и капитала из остальной экономики в эти самые конкурентоспособные отрасли? Или, чтобы довести пример до крайности, представьте, что страна специализируется на мытье тарелок или на предоставлении массажных услуг. Надо ли поощрять такую специализацию? Здравый смысл подсказывает, что ответ должен быть отрицательным, хотя бы только по неэкономическим соображениям, то есть даже если с чисто

экономической точки зрения такой вариант наиболее эффективен. Каждая страна, например, желает сохранить свой язык и культуру, даже если эффективнее перейти на английский (китайский).

Недавние исследования, кроме того, показывают, что поощрение сложного наукоемкого экспорта выгодно и с чисто экономической точки зрения. И не потому, что ресурсы могут кончиться или подешеветь, а потому, что общественная отдача от развития наукоемких производств больше, чем отдача для конкретных фирм, которые занимаются такой деятельностью. Это так называемая экстерналия, внешняя выгода, позитивные эффекты, которые возникают не только в тех отраслях и на тех предприятиях, в которые вкладываются деньги, но и в других. Рынок правильно учесть такие экстерналии не может, так что необходима господдержка, чтобы вывести развитие таких отраслей на оптимальный уровень. Экстерналию измерить очень сложно. Общеизвестно, например, что существуют значительные внешние эффекты от развития образования, здравоохранения, фундаментальной науки, так что государство должно поддерживать эти отрасли, но в какой именно мере — не вполне ясно. Во всяком случае экстерналия от развития наукоемких производств на экспорт больше, чем экстерналия от экспорта ресурсов и технически несложных товаров (Полтерович, Попов, Тонис 2007; Polterovich, Popov, Tonis, 2008).

Если от развития технически сложных и наукоемких отраслей общество действительно получает экстерналии, а подтверждения этому есть, значит, экспортная специализация именно в этих сферах дает максимальную отдачу. Так что, выходит, что и в идее импортозамещения было свое рациональное зерно: надо развивать передовые отрасли, которые в отсталой стране полностью отсутствуют, а не полагаться на естественные и уже существующие сравнительные преимущества, надо постоянно поднимать планку выше существующего уровня, даже если этот уровень успешно повышается, а иначе нового рекорда не поставить. Да, если при этом не пытаться экспортировать, а работать лишь на внутренний рынок, эффективный и конкурентоспособный сектор создать не удастся. Но если экспортировать только нефть или текстиль, то поддерживать высокие темпы роста в долгосрочной перспективе тоже не получится. Структуру экспорта надо постоянно совершенствовать, переключаясь с менее наукоемких товаров на более наукоемкие и технически продвинутые.

В недавних статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика (Hausmann, Rodrik 2003; Hausmann, Hwang, Rodrik 2007; Rodrik 2006) предложен

остроумный индекс сложности экспорта, который рассчитывается в два этапа. Сначала исчисляется средневзвешенный ВВП на душу населения для стран, экспортирующих определенный товар (из 5000 возможных товарных позиций) — получается доход на душу населения в гипотетической стране, которая специализируется на экспорте именно и только этого товара. Затем такой же гипотетический уровень ВВП на душу исчисляется для страны с данной структурой экспорта и сопоставляется с фактическим для этой страны уровнем ВВП — оказывается, что это сопоставление очень информативно для объяснения темпов экономического роста.

Китай, например, и в 1992, и в 2003 году имел наибольший разрыв между гипотетическим и фактическим уровнем ВВП на душу населения, то есть структура китайского экспорта соответствовала уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения. Да, со временем коэффициент такого опережения сократился — с 6 раз в 1992 г. до менее 3 раз в 2003 г., но это опережение все равно оставалось самым высоким в мире.

Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Китая. В этом как раз и состоит еще один важнейший принцип успешной промышленной политики: не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью.

Вопрос о структуре внешней торговли страны, таким образом, фактически превращается в вопрос о ее специализации в мировой экономике и о структуре ее национального хозяйства. Должны ли страны, не находящиеся на острие технического прогресса (отстающие от мировых лидеров в технологии), инвестировать во внедрение уже существующих технологий или им следует стремиться к разработке совершенно новых технологий и продуктов? Понятие «преимуществ отсталости», введенное Александром Гершенкроном (Gerschenkron 1962; Гершенкрон 2015), подразумевает, среди прочего, что относительно отсталые экономики могут быстро расти за счет инвестиций и внедрения уже существующих технологий.

Однако если от экспорта высокотехнологичных продуктов и развития наукоемких отраслей действительно есть экстерналии, как свидетельствуют только что

упомянутые статьи, развивающимся странам, даже самым бедным, имеет смысл стремиться к самым передовым технологиям. Пример — Израиль и Южная Корея, не самые технологически развитые страны в середине XX века, освоили производство наукоемких товаров (электроники) и сейчас лидируют в мире по доле расходов на НИОКР в ВВП.

В другой статье (Hausmann, Rodrik 2006) процесс перехода от производства и экспорта одной группы товаров к другой сравнивается с перемещением обезьян в лесу от более близких к более удаленным деревьям в поисках пищи. Деревья, богатые плодами, находятся далеко, тогда как у более близких деревьев плодов не так много. Таким образом, обезьянам приходится сравнивать затраты на перемещение с выгодами от доступа к более богатым фруктам деревьям. Подобно обезьянам, фирмы и общество в целом должны сравнивать затраты на освоение новой продукции и экспорта (низкие для «близких» отраслей, близких к существующим технологиям, и высокие для «далеких» отраслей с совершенно новыми технологическими процессами) с выгодами (экстерналиями), связанными с развитием конкретных отраслей (теоретически, выгоды тем выше, чем более технологически совершенны эти отрасли).

Выработать конкретные рекомендации относительно поддержки отдельных отраслей еще сложнее. Например, можно поддерживать несколько отраслей, которые кажутся перспективными, с условием, что помощь прекратится, если увеличение экспорта не будет достигнуто в течение, скажем, пяти лет. Это называется EPconEP (effective protection conditional on export promotion) — эффективная защита при условии продвижения экспорта (Jomo 2013). Творцы экономической политики в этом случае подобны командующему армией, который начинает наступление на нескольких направлениях, но бросает резервы туда, где произошел прорыв.

Можно попытаться и просчитать, в каких конкретных отраслях ограниченные инвестиции могут дать наибольший эффект, ведущий к созданию конкурентоспособного на глобальном уровне производства. Скорее всего, это будут отрасли, менее других отстающие по совокупной факторной производительности от самых передовых стран, то есть отстающие, но не так сильно, как другие отрасли.

На худой конец возможен выбор случайным образом. В этом случае важно проявить последовательность, поддерживая отрасль, даже если не будет немедленного успеха или прорыва на мировых рынках. В конце концов, современная теория международной торговли объясняет специализацию страны не

сравнительными преимуществами, а, скорее, «обучением на практике» (learning by doing) — грубо говоря, «если долго мучиться, что-нибудь получится». Скажем, у страны нет каких-либо сравнительных преимуществ, как, например, у Японии, но их можно создать («динамические сравнительные преимущества»), освоив производство товаров, которые ранее не производились. Поддержка такого производства и последовательное поощрение экспорта, не сдаваясь в течение некоторого времени, вероятно, принесут результат, позволяющий стране постепенно стать конкурентоспособной.

Говорят, когда в 1950-е годы менеджеры японской автомобильной компании Toyota (производившей тогда очень примитивные авто) пришли во Всесильное Министерство международной промышленности и торговли (MITI) и попросили субсидии на экспорт в США, чиновники не только отказали, но даже и посмеялись — как вы можете экспортировать свои примитивные автомобили на самый продвинутый в мире авторынок? Но через 10 лет, когда эти же менеджеры пришли с аналогичной просьбой, подкрепив ее свидетельством продажи нескольких автомобилей на американском рынке, субсидии на экспорт были оформлены без промедления. История, не подтвержденная фактами, но, как говорят, может быть, более поучительная, чем сами факты.

Существуют два противоположных взгляда на то, насколько именно передовыми в технологическом отношении должны быть отрасли, поддерживаемые в рамках промышленной политики. Джастин Линь (Линь Ифу), бывший главный экономист Всемирного банка, проводил различие между стратегией в русле сравнительных преимуществ (CAF, comparative advantages following strategy) и отрицающей сравнительные преимущества (CAD, comparative advantage defying strategy). Наилучший результат, по его мнению, может быть достигнут, если страны будут развивать отрасли, соответствующие их сравнительным преимуществам, и не будут пытаться перескочить через промежуточные этапы, пытаясь сразу перейти к вывозу товаров, которые экспортируются развитыми странами (Lin 2012). Богатые нефтью страны, такие как Казахстан и Азербайджан, например, согласно этой логике, должны стремиться развивать тяжелую химию, а не компьютерные производства.

Эта точка зрения согласуется с «парадигмой летящих гусей» (flying geese paradigm): по мере того, как более конкурентоспособные страны переходят к вывозу более совершенных видов продукции освободившиеся экспортные ниши занимают менее развитые страны. Известно, что относительно бедные страны

начинали экспортировать текстиль и обувь, затем перешли к экспорту стали и продуктов тяжелой химии, затем — к экспорту автомобилей и потребительских электротоваров, таких как стиральные машины и холодильники, затем — к экспорту бытовой электроники и компьютеров. Вновь прибывающие на мировые рынки развивающиеся страны могут воспользоваться опытом более продвинутых стран, попытавшись повторить их успех.

Альтернативная гипотеза состоит в том, что переход от одного экспортируемого товара к другому может быть продиктован циклом инноваций. В электронике этот цикл короткий, а в производстве лекарств и химической продукции — более длинный (Lee 2013). Это может объяснить, почему странам Восточной Азии, которые ориентировались в основном на отрасли с короткими циклами, удалось избежать замедления роста при переходе от одной экспортной ниши к другой.

Показательны в этом контексте дебаты между Джастином Линем и Ха-Джуном Чангом. Последний защищал идею промышленной политики, идущей вразрез со сравнительными преимуществами (CAD), которая отдает предпочтение отраслям, не связанным со сравнительными преимуществами страны. Для развития таких отраслей требуется время, но они могут оказаться более перспективными для будущей международной специализации. Например, «Японии пришлось защищать свою автомобильную промышленность высокими тарифами в течение почти четырех десятилетий, предоставлять множество прямых и косвенных субсидий и фактически запретить прямые иностранные инвестиции в эту отрасль, прежде чем она смогла стать конкурентоспособной на мировом рынке. По той же причине дочерняя компания группы Nokia, занимающаяся электроникой, должна была получать перекрестное субсидирование со стороны других дочерних компаний в течение 17 лет, прежде чем она получила какую-либо прибыль. История полна примеров такого рода: от Британии XVIII века до Кореи конца XX века» (Lin, Chang 2009: 491).

Разница между позицией Чанга и Хаусманна—Хванга—Родрика (Hausmann, Hwang, Rodrik 2007; Rodrik 2006) заключается в тонком различии между стратегией, идущей вразрез со сравнительными преимуществами (CAD), и политикой продвижения высокотехнологичных отраслей и НИОКР в относительно бедных странах. Стратегия CAD не обязательно предполагает переход к более технологически сложным отраслям, а, скорее, к отраслям, не привязанным к сравнительным преимуществам конкретной страны. Теоретически это может быть

переход от химии к машиностроению с такими же или даже более низкими показателями интенсивности НИОКР и технологической сложности.

Идея Хаусманна—Хванга—Родрика заключается в том, что экстерналии от производства и экспорта новых продуктов пропорциональны степени их технологической сложности, которая измеряется путем сравнения структур экспорта богатых и бедных стран. Страны с высоким уровнем дохода экспортируют в среднем более высокотехнологичную продукцию. Развитие высокотехнологичного производства в бедных странах может оказаться дорогостоящим, однако отдача от такой политики может быть больше. Для относительно бедной страны вполне может оказаться выгодным сделать «большой скачок», инвестируя значительные средства в образование рабочей силы и развитие высокотехнологичных отраслей, минуя промежуточные этапы производства товаров среднего уровня наукоемкости.

Джастин Линь, напротив, считает, что странам не следует перескакивать через промежуточные этапы, переходя от переработки сельскохозяйственной продукции сразу к высокотехнологичным отраслям. Скажем, Узбекистан, в соответствии с таким подходом, мог бы получить больше выгод от развития не самых сложных отраслей, таких как пищевая, текстильная и кожевенная промышленность.

Сегодня, к слову сказать, Узбекистан, сделал массированные инвестиции в развитие автопрома и тяжелой химии на таком этапе развития, на котором другие страны экспортируют в основном сырьевые товары, текстиль и изделия из кожи. И пока неизвестно, будут ли эти инвестиции оправданы (Попов 2014а; Роров 2023с). В большинстве посткоммунистических экономик сегодня доля расходов на НИОКР в ВВП ниже 1% (за исключением Китая — 2,4%, Словении, Венгрии, Польши, Хорватии, Литвы, России — 1–2% в 2022 году). Тогда как в Израиле, Южной Корее, США, Японии и в пяти западноевропейских странах эти расходы составляют от 3 до 6% ВВП.

И последнее. Если все страны будут субсидировать экспорт наукоемких изделий, то разве не возникнет на мировом рынке нездоровая конкуренция? И кто же будет производить в таком случае нефть и текстиль? Ответ, видимо, заключается в следующем: развитые страны уже производят и экспортируют основную часть технически продвинутой и наукоемкой продукции, так что речь идет о том, чтобы предоставить развивающимся странам справедливую, причитающуюся им по праву долю мирового рынка высокотехнологичных изделий, от производства и экспорта которых можно получать экстерналии, способствующие

быстрому росту. В конце концов развитые страны уже развиты, а развивающимся надо развиваться.

Так или иначе, поддержка высокотехнологичных отраслей в Китае дала свои плоды. Крупнейшие мировые фирмы не только переносили производство в Китай, но и в 2000-е годы стали переводить туда свои научно-исследовательские подразделения. И неудивительно: зарплата компьютерных инженеров, которых ежегодно десятками тысяч «производили» китайские университеты и квалификация которых не уступала мировой, составляла всего лишь одну треть японской. О Китае стали говорить как о стране низких зарплат и высоких технологий. Японская Matsushita Electric Industrial Company в 2001–2002 годах открыла две исследовательские лаборатории — в Пекине, по разработке мобильных телефонов, и в Сучжоу (провинция Цзянсу, к северу от Шанхая), по разработке бытовой техники (кондиционеров, холодильников, стиральных машин). В этих лабораториях к 2005 году работали около 2000 китайских инженеров. «Номура» и Toshiba создали в Китае исследовательские центры по разработке программного обеспечения и электронных чипов соответственно — к 2005 году в каждом из них работали по 1000 компьютерных инженеров. Уже к концу 2000 года 29 ведущих транснациональных компаний, в том числе американские IBM и Microsoft, французская Alcatel и финская Nokia, японские Mitsubishi и Toshiba, Honda и Yamaha имели исследовательские подразделения в Китае.

Быстрый рост национальных производителей в высокотехнологичных секторах объяснялся в немалой степени поддержкой правительства, которое целенаправленно настаивало, чтобы приходящие в Китай иностранные компании делились технологией. В начале 1990-х годов на китайском рынке телефонных станций доминировали западные компании — Lucent, Alcatel и Siemens. В 2000 году там доминировали уже три китайские компании, которых даже не существовало в 1985 году — Huawei, производящая также мобильные телефоны, Datang и ZTE. Доля Huawei на этом рынке выросла к 2000 году в два раза и достигла 35%.

На таких же принципах были построены контракты с производителями генераторов для гидроэлектростанций в Трех ущельях, да и контракты с нами на поставку вооружений, в частности «сушек», были составлены аналогичным образом — в 1996 году. Китай приобрел лицензию на производство этих истребителей, правда, без права экспорта; в 1999 году Китай заключил контракт на поставку 50 истребителей СУ-30МК — тоже с правом производства этих истребителей по российской лицензии. В 2000 году сборка первых истребителей начала

осуществляться на заводе в Шэньяне (провинция Ляонин), который был построен по российскому проекту. В 2001 году российская корпорация «Аэрокосмическое оборудование» открыла в Китае свое представительство, первоочередной задачей которого было техническое содействие в освоении лицензии и переходе на китайские комплектующие.

Между тем Китай разработал совместно с Пакистаном и свой истребитель FC-1, призванный составить конкуренцию американским Phantom, французским Mirage и российским МиГ. Производство этих самолетов началось на заводе в Чэнду (провинция Сычуань) при техническом содействии Пакистана и России (самолет оснащен российскими двигателями РД-93 «Климов»); истребители предназначены в основном для развивающихся стран, которым не по карману покупать американские, европейские и российские машины — в 2010-е годы они продавались в Пакистан, Шри-Ланку, Кувейт, Катар, Мьянму. А новый российский истребитель 5-го поколения СУ-57, Китай не собирается покупать, так как производит свой J-35, который как говорят, значительно превосходит Су-57 по своей авионике и малозаметности.

С иностранной технологии начинала и компания Haier из города Циндао провинции Шаньдун, что на одноименном полуострове на востоке Китая напротив Даляня (Дальнего, бывшего российского Порт-Артура). Сегодня Haier — символ предпринимательского успеха, живая легенда китайского бизнеса, лидер в производстве бытовой техники с продажами почти 35 млрд долларов (2023) и входит в список крупнейших компаний мира Fortune-500. К 2020 году Haier удерживал первое место среди всех брендов бытовой техники уже в течение 12 лет, но начиналось все в 1984 году, когда молодой 35-летний функционер, даже не получивший высшего образования из-за культурной революции, Чжан Жуйминь был назначен директором захудалого обанкротившегося завода холодильников с оборотом всего 35 000 долларов в год и 600 рабочих, которым не платили зарплату. Чжану пришлось поначалу отучать рабочих мочиться на пол в заводском цеху и воровать оконные рамы на дрова. Затем он стал устанавливать стандарты качества — теперь уже весь Китай знает, как он сам, собственноручно, вместе с виновными в дефектах рабочими разбил кувалдой 76 из 400 бракованных холодильников.

А совместное предприятие со швейцарской Liebherr вскоре вывело Haier в лидеры: к 2000 году корпорация Haier стала одним из главных в мире производителей бытовой техники — холодильников, кондиционеров, стиральных машин, микроволновых печей, и т. д. — с продажами около 5 миллиардов долларов.

Собственно говоря, и название Haier произошло из-за китайской транслитерации последнего слога Liebherr. Но совместные предприятия с западными фирмами создавались тогда тысячами, а в лидеры выбились лишь единицы.

В 2000 году Haier еще уступал прежним лидерам отрасли — американской Whirlpool и шведской Electrolux, но теперь оставил их позади. Сегодня Haier производит, помимо бытовой техники, еще и телевизоры, компьютеры, DVD-плееры, сотовые телефоны и массу других изделий — вплоть до сушилок целебных трав по южнокорейским заказам. У корпорации 50 000 занятых, 122 завода, в том числе в Алжире, Египте, Индонезии, Иордании, Иране, Италии, Малайзии, Мексике, Нигерии, Пакистане, России, США, Таиланде, Тунисе, на Филиппинах, в ЮАР, дизайнерские и сервисные центры в Европе, США, Японии. Продукция Haier продается в большинстве стран мира, а с 1996 года продается под собственной торговой маркой Haier — довольно редкая до недавнего времени практика в Китае. В 1999 году лондонская *Financial Times* объявила Чжана одним из 26 наиболее уважаемых лидеров бизнеса в мире; из других азиатов в список попали только Хироши Окуда (Toyota) и Нобуюки Идэи (Sony). В десятке ведущих азиатских транснациональных корпораций *Financial Times* поставила тогда Haier на седьмое место — это была тогда единственная китайская компания в первой десятке.

В Америке Haier известна давно, успех завораживает, тем более успех «красной» государственной корпорации из коммунистического Китая. В Гарвардской школе бизнеса про историю возвышения Haier написан «кейс-стади» — будущие капитаны американского бизнеса разбираются, каким образом образ компании, находившейся в собственности трудового коллектива, контролируемой городским правительством Циндао и котирующей акции на Шанхайской бирже, совмещается с традиционной мудростью о том, что залог экономического успеха — четкое разграничение прав собственности. В марте 2000 года Haier приобрела небольшой (180 рабочих) завод в США, в городе Камден, штат Южная Каролина — экспортировать продукцию в США с мексиканских и других заводов компании и сейчас выгоднее, так как в Америке очень дорога рабочая сила, но Haier считает, что важнее приобрести имидж американской компании, работающей в Америке для американцев.

Рассказывают, что когда на южнокаролинском заводе компании ввели обычные хайеровские правила, в том числе и запрет на жевательную резинку на рабочем месте, американские рабочие расценили это как посягательство на личную свободу. Тем более что в английском есть обидное выражение о людях с замедленной

реакцией: he can't walk and chew — он не может идти и жевать одновременно. Однако производительность возросла и с запретом пришлось смириться: чего не сделаешь ради повышения конкурентоспособности! В 2001 году Haier прикупила для своей новой американской штаб-квартиры старое солидное здание банка с коринфскими колонами на Манхэттене.

Но бывает, что динамические сравнительные преимущества создаются буквально с нуля и без импорта иностранной технологии. Пример — производство черной икры в Китае, про которое большинству людей в мире, наверное, только предстоит узнать. Осетры водятся не только в бассейне Каспия, но и во многих реках Северного полушария, в Европе, Америке и Азии (в том числе и в Амуре, который китайцы называют рекой черного дракона, Хэйлунцзян). В Янцзы живут три вида осетров — китайский, янцзыйский и белый осетр, всего в мире 27 видов осетровых рыб, из них в России 12 видов, а в Китае, помимо Янцзы, осетры есть и в других реках. Янцзыйский и белый осетр — пресноводные рыбы, они не мигрируют, а вот китайский осетр, как и наши белуги и севрюги, ходит каждый год метать икру в верховья реки, а потом мальки плывут обратно, в море.

Осетровые в Китае известны со времен династии Тан (VII–X века), но коммерческим разведением в Китае стали заниматься только в начале 2000-х. В 2001 году сотрудник Китайского научно-исследовательского института осетровых в городе Ичан, что у выхода из Трех ущелий на Янцзы показывал во дворе института музей с аквариумами и бассейнами, в одном из них плавали огромные осетры более двух метров длиной. Икру в Китае пока не производят, объяснял он, да и осетров ловить запрещено с 1978 года, их и так мало осталось, но восстановлением популяции осетров занимаются...

Ну, понятное дело, занимаются... У нас, в России, тоже вроде бы занимаются, вылов белуги запрещен в Волго-Каспийском бассейне с 2000 году, а осетра и севрюги — с 2005 года, чтобы предотвратить резкое снижение популяции из-за гидростанций, нарушивших пути миграции осетровых в советское время, и браконьерства 1990-х годов. В 2007 году введен запрет на продажу на рынках рыбы и черной икры, в 2009 году — запрет на отлов рыбы, в том числе и для научных целей. Теперь производится в России икра только от рыб, выращенных в садковых хозяйствах, не в естественных водоемах, всего 53 тонн в 2020 году против более 2000 тонн в лучшие годы до распада СССР.

А Китай за этот же период поднял производство черной икры с нуля до более 300 тонн, и сегодня не только производит 50% всей черной икры мира, но и

экспортирует 276 т (40% мирового рынка продукта в 2023 году). Главный китайский производитель разводит осетровых на известном «озере тысячи островов» Цяньдаоху в провинции Чжэцзян (к югу от Шанхая) и экспортирует икру под брендом Kaluga Queen с изображением русалки на крышке. Название, видимо, призвано вызывать ассоциации с известными русскими и иранскими брендами (Beluga caviar), которые теперь уходят с рынка — китайская икра в несколько раз дешевле (300 долларов за килограмм) и не уступает по качеству. У компании заключен контракт с немецким авиаперевозчиком Lufthansa, которая подает китайскую икру в своем первом классе — дешево и элегантно.

Так что, если у вас осетры не водятся, ничего страшного, динамические сравнительные преимущества создает промышленная политика, а не природа. Перефразируя известную песню прошлого века: чудеса в XX век должен делать человек. А теперь уже XXI век.

Макроэкономическая политика

Искусству творцов макроэкономической политики Китая в послереформенный период можно только позавидовать. Ежегодная инфляция только дважды выражалась двузначными цифрами — в 1988–1989 годах (18–19%) и в 1993–1995 годах (13–22%) — в эти периоды происходил перегрев экономики из-за слишком быстрого роста — до 14% в год, что и вело к инфляции и ухудшению торгового баланса. Приходилось в эти периоды охлаждать экономику через ограничение кредитов и госрасходов, что через один-два года восстанавливало равновесие — экономика вновь возвращалась к темпам роста 8–10%, торговый баланс снова улучшался — все буквально по учебнику, с очень небольшими колебаниями вокруг оптимальной траектории роста (Попов 2011а).

Одно из достижений последних лет — поворот вспять тенденции к отставанию роста госдоходов от роста ВВП. Это снижение прекратилось в 1995 году, когда доля всех государственных доходов в ВВП составила всего только 11% против более 30% накануне реформ. К 1999 году эта доля возросла до 16%, а в 2023 году составила 33%, причем баланс несколько изменился в пользу центрального правительства — прежняя тенденция к повышению доли провинциальных и местных бюджетов была приостановлена. Выросли и социальные расходы (образование, здравоохранение, культура), рост которых прежде отставал от роста экономики: их доля в ВВП снизилась с 4–5% в начале 1980-х годов до 3% в 1995 году, но к 2023 г. возросла до 10%. Это уже сопоставимо с развитыми странами, так что тенденция обнадеживает.

Национальная валюта, юань, в 1980-е годы стала постепенно конвертируемой по текущим операциям, курс снизился с 1,5 юаня за доллар в 1979 году почти до 6 юаней в 1993 году и 9 юаней в 1994 году и с тех пор остается примерно на уровне 6–8 юаней за доллар. Девальвации 1980–1990-х вначале создали, а впоследствии позволили сохранить конкурентные преимущества отечественных производителей, так как китайские цены в пересчете на доллары оказывались в несколько раз ниже мировых — в итоге экспорт рос с буквально бешеной скоростью — в отдельные годы на 30% и более.

В 2005 году Китай обогнал Японию и вышел на первое место в мире по объему валютных резервов — почти 900 млрд долларов. В 2014 году объем валютных резервов Китая вплотную приблизился к 4 трлн долларов (в 2009 году он достиг 50% ВВП по официальному курсу и двухлетнего объема импорта), но затем

снизился — об этом подробнее в параграфе о замедлении китайского роста. В 2010-е годы на Китай (даже исключая Гонконг и Тайвань) приходилась чуть ли не треть всех мировых валютных резервов.

Заниженный курс имели Япония, Корея, Тайвань и Сингапур несколько десятилетий назад, когда они еще были «бедными» и догоняли развитые страны; заниженным курсом пользуются в последние десятилетия государства Юго-Восточной Азии, поддерживая его на уровне 20–40% от паритета покупательной силы, то есть на таком уровне, что их цены при пересчете в доллары оказываются в 2,5–5 раз ниже американских (Polterovich, Porov 2004; Полтерович, Попов 2002). Искусственно заниженный курс («протекционизм валютного курса», как его еще называют) достигается через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается. Искусственная заниженность курса создает преимущества для всех производителей торгуемых товаров за счет производителей неторгуемых товаров, что позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления. Такого же эффекта можно в принципе добиться, манипулируя налогами, скажем, через введение импортных пошлин и экспортных субсидий. Однако занижение курса через накопление резервов — неселективный инструмент промышленной политики, имеющий очевидные преимущества перед селективными (дифференцированные по отраслям и предприятиям налоги и субсидии) в условиях высокой коррупции (Rodrik 2008; Polterovich, Porov 2004; Попов 2011a). В Восточной Европе промышленная стратегия была более или менее нейтральной, то есть государство не создавало особых привилегий ни сильным, ни слабым отраслям, а вот в СНГ, и особенно в России, эта стратегия была и остается ориентированной на импортозамещение. Рост внутренних цен на главные экспортные товары — нефть, газ, металлы — искусственно сдерживался через экспортные пошлины и прямые ограничения на экспорт, так что внутренние цены на эти товары оказывались в несколько раз ниже мировых. Конкурентоспособный сырьевой сектор фактически субсидировал обрабатывающие отрасли, что было неплохо, но слишком накладно — больше субсидий шло тем, кто потреблял больше энергии, так что энергоемкость экономики оказывалась крайне высокой (Полтерович, Попов, Тонис 2007; Polterovich, Porov, Tonis 2008). В сравнении с такой политикой занижение валютного курса оказывается гораздо более эффективным инструментом.

Решение, идущее вразрез с макроэкономической целесообразностью, было принято Китаем в 1997 году — по высшим политическим соображениям китайское руководство решило не девальвировать юань в ответ на валютные кризисы и девальвации валют в Восточной Азии, так что курс юаня даже в 2001 году находился на уровне 1994 года (8–9 юаней за доллар). Это сильно помогло всем странам Восточной Азии, особенно странам АСЕАН, восстановить свою конкурентоспособность. А китайская экономика между тем в очередной раз продемонстрировала исключительную гибкость и жизнеспособность: хотя из-за девальваций в Восточной Азии в 1998 году темпы роста китайского экспорта снизились до нуля, это не привело к серьезному замедлению общеэкономического роста. Падение спроса на китайский экспорт вызвало не сокращение производства, а в основном дефляцию: цены в Китае снижались два года подряд (1998–1999) — уникальное явление во второй половине XX века, такого не было ни в одной крупной стране, в западном мире цены уже давно приобрели одностороннюю эластичность — только в сторону повышения. В итоге китайская конкурентоспособность была восстановлена и темпы роста экспорта в 2000 году снова достигли двузначных значений.

Валютный же кризис 1997 года, как известно, Китай вообще не затронул, так как он не либерализовал движение капитала. Иностранные инвестиции в китайскую экономику огромны, до кризисов в Восточной Азии 1997 года в Китай ежегодно притекало по 40–50 млрд долларов капитала, примерно четверть всего притока в развивающиеся страны. Однако во время кризиса 1997 года внезапного оттока капитала из Китая не было по той простой причине, что все вложения были долгосрочными, а не краткосрочными, как в других странах; более того, в основном это были именно прямые инвестиции, то есть инвестиции в контролируемые иностранцами предприятия, которые (инвестиции) нечувствительны к краткосрочным перепадам валютных курсов и процентных ставок.

Опять, как и во многих других случаях, китайцы обнаружили удивительную способность отделять зерна от плевел — импортировать больше всех капитала, причем в основном в самой выгодной форме прямых инвестиций, при наименьшей либерализации контроля над его движением. Вот когда им позавидовали все страны Восточной Азии — от Южной Кореи до Индонезии, которые незадолго до кризиса снимали одна за другой ограничения на перемещение капитала через государственную границу в надежде привлечь больше инвестиций, не делая

различий между долгосрочными и краткосрочными вложениями, что в конечном счете обернулось кризисом.

Замедление роста после кризиса 2008–2009 годов: судьба или выбор?

В последние годы развитие Китая, как известно, замедлилось (Попов 2020а; Роров 2023b). В 2007 году ВВП Китая вырос на 14%. С тех пор темпы роста снижались практически постоянно и в 2023 году составили «всего» 5%. Темпы роста за пятилетний период (пятилетняя скользящая средняя) сегодня находятся на самом низком уровне за 40 лет, с начала реформ в 1978 году.

Многие экономисты указывают на объективные факторы, которые привели к замедлению роста (Lin, Wan, Morgan 2016). Один из безусловных факторов такого рода — снижение темпов роста рабочей силы. Население трудоспособного возраста (и занятость) росло примерно на 2% ежегодно в 1980–2000-е годы, но позже рост снизился и полностью прекратился (с 2014 года население трудоспособного возраста совсем не растет). Это может объяснить снижение темпов роста ВВП на 2 процентных пункта в год, скажем, с 10 до 8%, — важное, но далеко не полное объяснение.

Другим объективным фактором является исчерпание «преимуществ отсталости» — легче догонять богатые страны с низкой базы, в том числе и потому, что инновации на переднем крае технического прогресса сложнее и дороже, чем заимствование технологий. Копирование уже существующих технологий может быть совсем бесплатным — патенты обычно действуют только 20 лет, так что, если изобретения были сделаны раньше, их можно использовать бесплатно, не говоря уже о пиратстве — игнорировании законов о защите интеллектуальной собственности. Но даже и приобретение технологий через покупку патентов и авторских прав и через привлечение прямых иностранных инвестиций, как правило, обходится дешевле, чем проведение собственных НИОКР и «изобретение велосипедов». Когда же успешное догоняющее развитие приближается к технологической границе, происходит замедление роста. Развитые страны никогда не росли с 10-процентной скоростью, как страны «экономического чуда» в Восточной Азии и в других регионах, так что достижение статуса «богатой» страны сопряжено с замедлением роста.

Как уже говорилось, пока известны только 5 стран/территорий в мире, которые прорвались в клуб богатых стран из бедности: Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. В 1950 году их подушевой ВВП составлял менее 20% дохода на душу населения в США, а затем в течение двух-трех десятилетий они вышли на уровень 50% и более. Теперь по их пути идут страны Юго-Восточной Азии, Китай

и некоторые другие. И логично было бы ожидать, что на определенном этапе, по мере приближения к технологической границе, в них произойдет замедление роста. Этот аргумент, что и говорить, безусловно веский, но в данном случае не вполне уместный. Замедление роста в странах и территориях «экономического чуда», если и происходило, то на этапе, когда их доход на душу населения был более 50% от уровня США, тогда как ВВП на душу населения в Китае (по паритету покупательной способности, то есть в сопоставимых ценах) сейчас ниже — всего 25% от уровня США (Попов 2020а; Роров 2023b).

Более того, в реальности заметное замедление роста произошло только в Японии и Гонконге, тогда как другие «драконы» и «тигры» продолжали расти довольно высокими темпами даже после того, как стали богатыми, минуя печально известную «ловушку среднего дохода» на высокой скорости.

Таким образом, если прошлый опыт стран, переживших экономическое чудо, чему-то и учит, то замедление роста в Китае должно произойти через пару десятилетий, а не сейчас, или вообще не произойти. На это, в частности, указывает уже упоминавшийся Джастин Линь, он считает, что Китай и дальше будет расти темпом, может, и не таким высоким как в 1980–2010 годах, но существенно опережающим развитые страны, так что сокращение разрыва с богатыми странами продолжится (Lin 2019).

Возможно, однако, что замедление роста в Китае связано не с объективными обстоятельствами, а с изменениями в экономической политике. В течение четырех десятилетий китайская модель роста основывалась на занижении обменного курса путем накопления валютных резервов, что стимулировало рост экспорта и инвестиций, так что и доля экспорта, и доля инвестиций в ВВП непрерывно повышались. Как уже говорилось, такая недооценка национальной валюты является мощным инструментом промышленной политики, способствующей развитию, ориентированному на экспорт (Polterovich, Rorov 2004; Полтерович, Попов 2016). В этом отношении Китай следовал опыту упомянутых стран «экономического чуда».

Однако с 2000-х годов США и международные финансовые организации (Международный валютный фонд и Всемирный банк) обвиняли Китай в «манипулировании» обменным курсом для получения несправедливых конкурентных преимуществ в международной торговле. Они утверждали, что Китай создает «глобальные дисбалансы», то есть поддерживает искусственный актив в торговле, заставляя США иметь зеркальный дефицит по балансу текущих

операций, и оказывали сильное давление на Китай, чтобы заставить его повысить курс юаня (Попов, 2010, 2013а, 2013б). Говорилось, что переориентация китайского роста с инвестиций на потребление и с экспорта на внутренний рынок будет полезна не только мировой экономике, но и самому Китаю.

В самом Китае политика накопления валютных резервов тоже подвергалась критике по тем же причинам, что и в России после валютного кризиса 1998 г. — утверждалось, что лучше использовать накопления внутри страны на капиталовложения в инфраструктуру, науку, образование, здравоохранение вместо того, чтобы вкладывать заработанную валюту в векселя и облигации США и ЕС, кредитуя таким образом западные правительства.

Так или иначе, то ли под давлением США, то ли из-за внутренней оппозиции политика в отношении накопления резервов, курса юаня и экспортной ориентации в корне поменялась. С начала 2000-х годов Китай замедлил накопление валютных резервов (а с 2010 года полностью прекратил дальнейшее накопление), реальный обменный курс значительно повысился в 2003–2013 годах, экспорт в % к ВВП достиг максимума (35%) в 2005 году и начал падать, а доля инвестиций в ВВП достигла пика в 2013 году (45%) и стала снижаться. Китайская модель быстрого экспортно ориентированного роста, основанная на накоплении валютных резервов для занижения обменного курса, способствовавшего росту экспорта, сбережений и инвестиций (Polterovich, Popov 2004), начала уступать модели, ориентированной на внутреннее потребление. Неизбежным следствием стало снижение темпов роста (Popov 2020а, 2023b).

Правда, несмотря на снижение доли экспорта в ВВП и замедление роста, доля Китая в совокупном мировом экспорте изделий обрабатывающей промышленности росла не переставая, так что повысилась с менее 1% в 1985 году до 21% в 2023 году — такой рост эксперты называют парадоксом (Subramanian 2024).

Во время Великой рецессии 2008–2009 годов Китай временно остановил укрепление юаня и ввел в действие огромный пакет финансовых стимулов, так что экономика замедлилась лишь незначительно (с 14% в 2007 году до 9% в 2009 году).

В 2009–2015 годах, однако, реальный курс юаня (номинальный с поправкой на инфляцию в двух странах) опять сильно укрепился, но после 2015 года стабилизировался (Popov 2023b). В 2024 году, когда администрация Байдена стала вводить новые импортные барьеры в отношении китайского импорта и новые санкции, обозреватели стали ожидать новой девальвации юаня.

Пандемия

Сравнительная экономическая и социальная динамика в период пандемии коронавируса в 2020–2021 годов — еще одно доказательство преимуществ коллективистской модели, если такие доказательства еще кому-то нужны. В Китае и других странах Восточной Азии меры были жесткими, но позволили спасти жизни. Сотни миллионов людей были фактически заперты в своих домах. Стадионы были преобразованы в больницы за несколько дней, а новые больницы строились менее чем за две недели. Власти блокировали дороги и даже целые города. Они запретили людям покидать свои дома и сделали обязательным ношение масок в общественных местах. Жилищные комитеты организовали доставку продуктов и лекарств жителям, а быстро сформированные охранные дружины следили за соблюдением гражданами правил изоляции. В провинции Хубэй (столица — Ухань) ВВП в I квартале 2020 года упал почти на 40% (!), а в Китае в целом — почти на 7% (в сравнении с I кварталом 2019 года). В Южной Корее к середине марта было протестировано 250 000 человек, что в 100 раз больше на душу населения, чем в Соединенных Штатах, где к тому времени было протестировано только 15 000 человек.

В итоге в Китае, Японии, Южной Корее роста смертности в сравнении с предшествующим периодом (2015–2019) практически не было, а продолжительность жизни не сократилась. Из западных стран такой результат продемонстрировали только Австралия, Исландия, Новая Зеландия и Норвегия, а в США уровень смертности вырос грубым счетом на 25% (это без малого миллион избыточных смертей в сравнении с трендом), продолжительность жизни сократилась на два года — с 78,8 в 2019 году до 77,3 лет в 2020 году и до 76 лет в 2021 году, а в Китае в том же году возросла до 78 лет, так что Китай по этому показателю обогнал США.

Статистика числа смертей от коронавируса не очень надежна, хотя и она в Китае лучше, чем в западных странах, потому что тестирование было почти повсеместным. Так или иначе, на апрель 2024 года (с начала 2020 года) в Китае было зарегистрировано 4 смерти на 1 млн населения против нескольких тысяч в европейских странах, США, России, Латинской Америке. Но эти данные не слишком показательны не только из-за различий в регистрации причин смерти и тестировании, но и потому, что при эпидемиях ресурсы здравоохранения переключаются на борьбу именно с эпидемиями за счет сокращения числа

плановых операций, процедур и обследований (Роров 2020a). Так что лучший показатель — отклонение общей смертности от тренда, а еще лучше — продолжительность жизни (она и от возрастной структуры населения не зависит), которая в Китае как раз и возросла, а в большинстве стран снизилась.

И при этом рост экономики продолжался: годовые (не квартальные) темпы роста в 2020 году в Китае только замедлились (с 6% в 2019 году до 2% в 2020 году), а затем восстановились, хотя и с большими перепадами — 8,4%, в 2021 году, 3% в 2022-м, 5% в 2023-м. Во всех же остальных странах «Большой двадцатки», кроме Турции, в 2020 году произошло падение производства, иногда значительное — от 5 до 10% в 2020 году (Роров 2020a, 2020b, 2020d; Lee, Роров 2020). В 2020 году главные экономики Восточной и Южной Азии — Индия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония испытали падение ВВП, и только Вьетнам и Китай сумели расширить производство.

Интересно, что, вопреки фактам, у массового зрителя-читателя в западных странах, да и во многих других, в том числе и в России, сложилось впечатление, что в Китае издержки пандемии были особенно высоки. Западные либеральные медиа, как правило, рассказывают истории о чрезмерно жестких ограничениях во время ковида в Китае и пытаются доказать, что это не только нарушило «неотъемлемые» права человека, но и подорвало китайскую экономику.

Вот типичное описание пандемии в Китае из статьи в *Foreign Affairs*: «Все крупнейшие экономики в начале пандемии пережили ту или иную версию карантина, но ни в одной из них не было ничего столь резкого, сурового и беспощадного, как антипандемические меры Китая. “Нулевой COVID” был столь же беспощадным, сколь и произвольным в своем местном применении, которое, казалось, подчинялось только прихотям партийных чиновников. Китайский писатель Мужун Сюэцунь сравнил этот опыт с кампанией массового заключения. Иногда нехватка продуктов, лекарств, отпускаемых по рецепту, и критической медицинской помощи становится проблемой даже для богатых людей со связями в Пекине и Шанхае» (Posen 2023: 123).

На самом деле, конечно, ограничения были строгими только при изоляции районов распространения эпидемии (локдауны и карантины в Ухани и других городах) и в отношении въезда в Китай из-за границы (двухнедельный обязательный карантин за свой счет в гостинице), но разве могут быть сомнения в оправданности этих ограничений, если это позволило спасти без преувеличения миллионы жизней?

Факты, что называется, налицо: Китай — одна из немногих стран, которая сумела во время пандемии привить практически всех (по крайней мере одну дозу вакцины к началу 2023 года получили более 90% всех жителей против 80% в США, 70% в Европе и порядка 60% в России) и не только снизить общую смертность и увеличить продолжительность жизни, но и избежать сокращения производства. Как заметил китайский обозреватель, отвечая на критику американцев о «китайском вирусе», официальным лицам США надо бы «надеть маску, замолчать и послушать других».

Удивительно здесь то, как легко вводить людей в заблуждение и как просто создаются мифы. Даже и сегодня, когда интернет предоставляет столько информации, в представлениях людей укореняются стереотипы, столь далекие от реальности, — мол, в Китае от коронавируса умерли миллионы, а экономика остановилась. Бороться с такими представлениями крайне сложно.

В западных странах, например, общее мнение таково, что процент мусульман в европейском населении составляет в среднем 16% (на самом деле только 3%). А в теорию эволюции Дарвина верит только от 25 до 85% населения, остальные сомневаются или думают, что Бог создал мир за шесть дней. В США в бытность Барака Обамы президентом каждый пятый считал, что Обама мусульманин, а от 11 до 45% всех опрошенных считало, что в Ираке действовала небезызвестная террористическая организация, что там было найдено оружие массового поражения и весь мир в основном поддерживал вторжение США в Ирак в 2003 году (11% тех, кто слушал и смотрел некоммерческие медиа — National Public Radio (NPR) и Public Broadcasting Service (PBS), и 45% тех, кто смотрел Fox News: Grote, Роров 2018).

Но в конце концов даже и самые прочные стереотипы разрушаются, если реальность им противоречит. К настоящему моменту уже ясно, что ответ некоторых стран Восточной Азии на пандемию коронавируса оказался чрезвычайно эффективным, причем не только в смысле спасения жизней и недопущения распространения эпидемии, но также и в борьбе с экономическим спадом, вызванным пандемией (Роров 2020b; 2020d). Этот спад был краткосрочным (2020), но во многих странах очень глубоким, самым глубоким за послевоенный период.

Годовой ВВП США в послевоенный период падал часто, но незначительно — не более чем на 1–2%. Даже во время кризиса 2008–2009 годов, названного Великой рецессией, сокращение ВВП США составило всего 0,1% в 2008 году и 2,5% в 2009-

м. В 2020 году во время «коронавирусной рецессии» сокращение производства в США составило почти 3%, а во многих западных и развивающихся странах до 10%. Кроме того, уровень безработицы, который в послевоенный период никогда не превышал 10% рабочей силы, в апреле 2020 года дошел почти до 15%. В тот период сравнения уже делались с Великой депрессией 1930-х годов, когда ВВП США падал четыре года подряд и в 1933 году был примерно на 30% ниже, чем в 1929 году (и снова упал в 1937–1938 годах), а уровень безработицы превысил 20%.

Почему пандемия вызвала падение производства в странах, которые вроде бы не принимали жестких мер по ограничению экономической активности (Аргентина, Великобритания, Индия, Испания, Италия, Мексика, Франция — 7–10% падения в 2020 году), а в Восточной Азии, наоборот, не вызвала? Дело в том, что спады производства (кризисы) бывают разными и в зависимости от причин, которыми вызываются, требуют разной политики для преодоления. Так же, как и разные болезни требуют разного лечения.

Экономисты различают кризисы, вызванные шоками спроса, и кризисы, обусловленные шоками предложения. Первые происходят, например, если домохозяйства по какой-либо причине решают отложить покупку потребительских товаров длительного пользования, или если спрос на экспортируемые страной товары снижается. В этом случае правительство может предпринять шаги для стимулирования платежеспособного спроса с помощью экспансионистской финансовой и денежно-кредитной политики (это стандартные рекомендации антициклической кейнсианской политики стабилизации). Кризис же предложения обычно связан с ростом издержек производства. Примерами могут быть повышение заработной платы, повышение цен на импортные материалы, неблагоприятные события, такие как эпидемии, землетрясения и войны.

Частным случаем кризиса предложения является структурная рецессия, вызванная необходимостью перераспределения ресурсов, рабочей силы и капитала, из одной отрасли/региона в другую. Тогда в уходящих отраслях производство падает, а в нарождающихся растет, но не так быстро, чтобы компенсировать падение в исчезающих отраслях.

Структурные сдвиги происходят постоянно, например, когда индустрия носителей музыкальных записей переходила с грампластинок на кассеты, потом на CD, DVD, iPod и в конечном итоге на смартфоны. Если сдвиги постепенные и немасштабные, то рецессий они не вызывают. Но когда возникает необходимость внезапных крупномасштабных структурных сдвигов, может наступить спад и требуются

время и усилия для перераспределения ресурсов из исчезающих в появляющиеся отрасли.

Рецессии в западных странах, связанные с пиками цен на нефть в 1973, 1979 и 2007 годах, являются примерами структурных сдвигов, с которыми правительства не очень хорошо справлялись. Перестройка в данном случае в рыночной экономике происходила за счет роста безработицы. Отрасли, ставшие убыточными из-за роста издержек, увольняли работников, растущая безработица способствовала падению заработной платы, и лишь впоследствии дешевизна рабочей силы делала выгодным расширение производства в других отраслях. Без государственной помощи в переподготовке уволенных работников и в перераспределении инвестиций от ставших нерентабельными отраслей в новые прибыльные сферы, такие структурные сдвиги могут быть болезненными, длительными и дорогостоящими. Трансформационные спады, имевшие место в посткоммунистических экономиках в 1990-х годах, являются примерами еще более плохого управления структурными сдвигами. Тогда произошел рост сферы услуг (торговля и финансы) и сырьевых отраслей за счет упадка вторичной обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Во многих из этих стран сокращение производства во время этого перехода было более глубоким, чем то, которое произошло во время Великой депрессии 1930-х годов.

В случае со спадом во время пандемии коронавируса надо понимать, что экспансионистская финансовая и денежно-кредитная политика — не то лекарство, которое могло помочь выздоровлению. Стимулирование спроса, которое вводится одновременно с ограничением предложения для многих предприятий (ограничения на транспорт, туризм, гостиницы, рестораны), может привести только к росту цен. Более быстрым и эффективным решением является расшitiе «узких мест» через форсированное наращивание мощностей по производству дефицитной продукции и услуг с помощью стимулирования перераспределения труда и капитала из отраслей, попадающих под ограничения. Это может произойти, грубо говоря, если работники, затронутые эпидемическими запретами (поездки, туризм, работа в офисе, розничная торговля, спорт, рестораны, развлечения, школы, университеты и т. д.), перейдут на работу, хотя бы и временно и частично, в сферу общественного здравоохранения, производства медицинского оборудования, обеспечения санитарии, ухода и неотложной помощи, общественного порядка.

Восточной Азии, где общественные интересы имеют высокий приоритет, а правительства не боялись прибегать к рыночному вмешательству и прямому

финансированию инвестиций, удалось преодолеть кризис с меньшими потерями. В Китае производство защитных масок увеличилось с 15 миллионов в день в начале февраля 2020 года до более 100 миллионов в день к концу того же месяца! Более 3000 предприятий, ранее не имевших отношения к поставкам товаров для здоровья, начали выпуск масок, защитных костюмов, санитайзеров и других товаров гигиены. Крупные китайские компании самого разного профиля начали производить маски на своих предприятиях — China Petroleum and Chemical Corporation, China National Machinery Industry Corporation, а также крупные автопроизводители Shanghai GM Wuling, Guangzhou Automobile Group и BYD.

Министерство безопасности пищевых продуктов и лекарственных средств Южной Кореи дало экстренное разрешение компании Seegene на массовое производство набора для тестирования на коронавирус, который был разработан за три недели. Все ее 395 сотрудников бросили всю остальную работу и сосредоточились на создании тестовых наборов, а молекулярные биологи и ведущие ученые работали на сборочной линии. Вьетнамская компания Vingroup заявила, что может за три месяца переоборудовать свои заводы по производству автомобилей и смартфонов для производства 55 000 аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ) в месяц. Общий запас ИВЛ в США на тот момент (март 2020 года) оценивался в 62 000 новых и 100 000 старых; а в Великобритании на тот же момент было около 21 000 аппаратов ИВЛ.

У западных стран на самом деле также есть успешные примеры конверсии, например во время войны, когда невоенные отрасли промышленности быстро переходили при содействии государства на производство оборонной продукции. В США увеличение оборонных закупок после кризиса 1937–1938 годов вызвало бум: от падения в 1938 году экономика перешла к 17–20-процентному ежегодному росту в 1941–1943 годах. Никогда прежде и никогда после этого американская экономика не росла так быстро.

Еще лучшие результаты продемонстрировали страны с централизованно планируемой экономикой, которые, как уже говорилось, имеют явные преимущества перед рыночной экономикой в мобилизации внутренних сбережений, в их преобразовании в инвестиции, и в стимулировании быстрых структурных сдвигов и при полной занятости. В 1930–1940-е годы СССР перекачивал огромные ресурсы из сельского хозяйства в промышленность, из легкой промышленности в тяжелую, из гражданских в оборонные отрасли. В 1940 году Германия произвела в два раза больше стали и больше военной продукции,

чем Советский Союз, но уже к 1943 году СССР превзошел Германию в производстве танков, самолетов и артиллерийских орудий — именно эти структурные сдвиги и изменили ход войны. Экстремальным примером принудительного перераспределения ресурсов являются трудовые армии, созданные Советской Россией в 1920 году для восстановления разрушенной экономики в передышках между сражениями, когда Гражданская война подходила к концу.

С другой стороны, страны, сделавшие ставку на рынок для обеспечения структурных сдвигов во время пандемии, оказались вынуждены выбирать между ростом смертности (если не вводить ограничений на экономическую деятельность) и падением производства (если такие ограничения вводить), но в итоге они получили и то и другое. Ведь чтобы рыночный механизм сработал, увеличение госзаказов, скажем, на аппараты ИВЛ должно привести к росту цен, достаточному для покрытия издержек конверсии и рисков структурной перестройки, — только тогда можно ожидать, что предприятия введут вторые и третьи смены и сделают инвестиции в расширение профильных мощностей и конверсию непрофильных мощностей.

Более эффективная альтернатива — законы, действовавшие во время войны, которые заставляли частные предприятия немедленно переключаться на производство необходимого оборудования, независимо от цен и затрат. В марте 2020 года президент Трамп разрешил использовать закон 1950 года об оборонном производстве (Defense Production Act), чтобы принуждать бизнес к заключению и исполнению контрактов для нужд ускоренного производства респираторов, масок, аппаратов для искусственной вентиляции легких, иного оборудования и средств защиты от коронавирусной инфекции. Но, похоже, использовать этот закон полностью США не удалось.

Напротив, в Китае, с его «азиатскими ценностями» и социальной солидарностью оказалось возможным без долгих обсуждений прибегнуть к самым решительным мерам государственного вмешательства, что позволило и жизни сохранить, и производство увеличить. Победа в борьбе с пандемией была как победа в войне — для нее была нужна экономика, способная быстро и с низкими затратами осуществлять структурные сдвиги, и здесь китайская модель еще раз показала свои неоспоримые преимущества.

ЧАСТЬ IV

ТОЛЬКО ДЕМОКРАТИЯ СПАСЕТ КИТАЙ?

Институты и демократия

Как обеспечить эффективность институтов при проведении рыночных реформ (либерализации)? Вопрос неизбежно выходит за рамки экономики — в область политологии. В самом деле, для эффективности государственных институтов в общем-то безразлично, поддерживается ли она авторитарным или демократическим режимом: и те и другие доказали свою принципиальную способность обеспечивать благоприятную институциональную среду для экономического роста и экономических реформ. В то же время известно, что в странах без прочных демократических традиций переход от авторитаризма к демократии сопровождается обычно снижением эффективности институтов: для создания новых, отсутствовавших прежде демократических институтов нужно время, так что переходный период, когда старые авторитарные институты уже разрушены, а новые еще не сложились, оказывается самым институционально необеспеченным.

В политологии демократический режим с сильными институтами называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо, как говорят, «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько — право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, и т. п. — важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом — демократической. В XIX веке в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов оседлости и имущественных и других ограничений, а

главное — потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия — в начале века это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительством. По тому же пути — от либерализма к демократии — шли (а некоторые все еще идут) и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов. Может быть, наиболее убедительный пример — Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что, однако, не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию — родину демократии — по уровню экономического развития. И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии как не было, так и нет (точнее, больше, чем при англичанах, но меньше, чем в западных странах).

По другому пути — сначала демократия, потом либерализм — пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой — Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже — например в Индии) — в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав. Очевидный пример — Гаити, второе после США независимое государство в Америке, практикующее общенациональные выборы с начала XIX века: с тех пор там мало правопорядка и много демократии — в итоге более 30 переворотов за 200 лет, последний — в марте 2024 года с вводом иностранных войск, чтобы остановить волну бандитизма.

В какой стране вы хотели бы жить, какого соседа хотели бы иметь? Приверженного законности, предсказуемого и стабильного, не слишком демократического, но уважающего права человека? Или же суперконкурентную демократию, но без правопорядка, в которой царят хаос, безвластие и беспредел?

О Гонконге, где правопорядок обеспечен, хотя демократия стала вводиться только после передачи Китаю в 1997 году, причем постепенно (как, кстати, и во всем Китае, где повсеместно проводятся выборы в деревнях), уже говорилось. А вот знаете ли вы про правопорядок в Аомыне (Макао), колониальном анклавом Португалии, переданном Китаю в 1999 году? Еще до передачи Китаю уровень преступности, в том числе и убийств, там пошел на убыль, так как оттуда уехали преступные кланы, контролировавшие игорный бизнес. Они не боялись португальских колониальных властей, но слишком хорошо знали, что при коммунистическом режиме им вольготной жизни не будет. Согласитесь, это довольно высокая оценка, выставленная правоохранительным органам КНР самим преступным миром, — при всех коррупционных скандалах в самом Китае Компартия все еще «ловит мышей» и сохраняет репутацию организации, с которой криминальному миру лучше не сталкиваться.

В 1990-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики — со схожими последствиями для экономического развития. Собственно говоря, многие страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (который примерно такой же, что и в Юго-Восточной Азии, и на Ближнем Востоке). А вот Черная Африка и многие страны СНГ — пока что весьма далеки, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики.

Иначе говоря, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится нам это или нет, плохо сказывается на экономической динамике, а иногда даже ведет к спаду производства. Это та цена, которую приходится платить за раннюю политическую демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права в обществе еще не утвердились. Если разбить страны на группы по степени обеспечения правопорядка (такие индексы рассчитываются International Country Risk Guide) и по уровню демократии (есть и такой показатель), то наихудшая экономическая динамика наблюдается именно в странах с неудачным сочетанием слабого правопорядка с относительно высоким уровнем демократии. Авторитарные режимы со слабым правопорядком в среднем случае тоже не слишком хороши для экономики, но все же лучше, чем демократические: видимо, они могут компенсировать нехватку закона избытком порядка, то есть заполнить институциональный вакуум авторитарными методами.

Статистические расчеты свидетельствуют — демократизация в мире в последние 30 лет XX века вела к повышению темпов роста только в тех странах, где правопорядок был на уровне; напротив, в странах со слабым правопорядком демократизация приводила к замедлению роста госрасходов и снижению эффективности госаппарата, к увеличению теневой экономики, повышению бюджетного дефицита и инфляции и, в конце концов, к снижению темпов экономического роста и продолжительности жизни (Полтерович, Попов 2007; Polterovich, Popov 2007).

«Демократия — ужасная форма правления, но другие еще хуже», — говорил Черчилль. Между тем хуже или лучше — зависит от критерия. Демократизация, осуществляемая при слабых традициях правопорядка и ведущая к подрыву институтов и установлению нелиберальной демократии, имеет вполне определенную экономическую и социальную цену: экономическую — в виде падения производства и доходов, социальную — в виде роста смертности и снижения продолжительности жизни, усиления социального неравенства, и т. д. Готово ли общество платить эту цену — вопрос посильнее шекспировского.

«Лучше умереть свободным, чем жить в оковах» — лозунг восстания Спартака, повторявшийся с тех пор неоднократно в разных вариантах и на разных континентах. «Лучше один раз поесть живого мяса, чем всю жизнь питаться мертвечиной» — объяснял Пугачев Швабрину в «Капитанской дочке». «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!» — писал Гете. Звучит здорово, но при буквальном прочтении, между прочим, получается, что остальные вроде бы и не достойны, их можно использовать как пушечное мясо.

«Живи свободным или умри; смерть не худшее из зол», — написал в 1809 году генерал Джон Старк, герой американской Войны за независимость. В 1945 году легислатура американского штата Нью-Гэмпшир, откуда генерал родом, даже проголосовала за то, чтобы сделать его слова официальным девизом штата. Так что теперь на красных номерных знаках нью-гэмпширских автомобилей так и написано — live free or die. Опять-таки, при буквальном прочтении звучит жутковато — получается, что приговоренным к пожизненному заключению (а заодно и всем жителям колоний и стран с авторитарными режимами) вроде как рекомендуется кончать жизнь самоубийством, чтобы не переводить понапрасну продукты.

Еще в США говорят «помни Аламо» — форт в Техасе, защитники которого три раза отказались сдаться мексиканским войскам Санта-Анны и оборонялись до последнего под лозунгом «победа или смерть!» Под похожим девизом «Родина или

смерть!» воевали Куба и сандинисты. А в американском Майами в «маленькой Гаване» на памятнике кубинскому революционеру XIX века Антонио Масео, держащему мачете, выгравированы его слова «Свободу не выпрашивают. Ее завоевывают острием мачете».

В 1989 году китайские студенты тоже требовали демократических реформ, расположившись на главной площади страны в Пекине и даже получили, если не поддержку, то благосклонное отношение тогдашнего генерального секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна. Дэн Сяопин настоял тогда на том, чтобы квалифицировать студенческие выступления как заговор, направленный на подрыв социалистического строя, и приказал очистить площадь...

Тяньаньмэнь, 1989 год

Главный предводитель студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году аспирантка факультета психологии Пекинского университета Чай Лин тоже рассчитывала заплатить жизнями за дело демократии, что в конце концов ей и удалось. «Студенты спрашивают меня: что нам делать дальше? чего мы можем добиться? — объясняла она американскому журналисту Филипу Каннингэму за месяц до введения войск на площадь. — Мне очень грустно, потому что, как я могу им сказать, что мы в действительности надеемся именно на кровопролитие, ожидая момента, когда у правительства не будет иного выбора, кроме беззастенчивой бойни. Только когда площадь умоется кровью, китайский народ прозреет. Только тогда он действительно будет един. Но как я могу объяснить все это моим друзьям-студентам?» Объяснить действительно было бы сложно; еще сложнее объяснить потом, потому что сама Чай Лин не погибла, а перебралась в США, окончила Гарвардскую школу бизнеса и создала свой интернетовский бизнес. «После бойни, — сказала она десять лет спустя, — все, все наши мечты рухнули. В последние десять лет мы пытались воссоздать эти чудесные моменты, и теперь, я думаю, я нашла это в интернете. Я люблю эту американскую мечту и благодарна за возможность создать отличное предприятие».

Между тем большинство людей очевидно не готовы не то что умирать за демократию и свободу, но и, видимо, не согласились бы даже на серьезные экономические лишения (падение доходов на 10, 20, 30% в течение 10, 20, 30 лет), если бы их об этом спросили. Хотя на некоторое снижение доходов, может быть, и согласились бы. Помните, как в 1990–1992 годах в Прибалтике обсуждали сначала отделение от СССР, а потом вхождение в СНГ: большинство, похоже, полностью отдавало себе отчет в том, что за импортируемые из России прежде за бесценок нефть и газ после независимости придется платить по мировым ценам и, следовательно, уровень жизни в ближайшие годы снизится, однако такая цена свободы тогда считалась приемлемой, да и сейчас об этом мало кто в Прибалтике жалеет (в СНГ потом еще многие годы Россия продавала нефть и газ по ценам много ниже мировых).

В 1989 году, сразу после Тяньаньмэнь, знакомые китайцы чувствовали себя неудобно, а мы, русские, испытывали превосходство: подумаешь, экономические реформы и рост производства, ведь вы же танками студентов давите, у вас коммунистическая диктатура. Вот у нас демократия, увидите, что у нас будет —

радикальные, а не постепенные экономические реформы, с демократией мы за год станем более рыночными, чем вы за 10 лет, в общем, приезжайте к нам через 10 лет. Китайские студенты на Тяньаньмэнь приветствовали тогда Горбачева, как раз приехавшего в Китай с официальным визитом, как союзника в борьбе за демократию. Время изменило многое.

Китайская интеллигенция в массе своей, если не прямо поддерживавшая студентов в 1989 году, то безусловно сочувствовавшая им, уже к середине 1990-х годов, после развала СССР, межнациональных войн, разрушительного экономического спада и огромного повышения смертности населения на всем постсоветском пространстве, осознала свою ответственность. Те, которые были на Тяньаньмэнь в 1989 году и которые хотели там быть, но не могли, теперь говорили мне: мы все равно бы пошли, но не для того, чтобы поддержать студентов, а чтобы убедить их разойтись. «Теперь мы знаем, что нужно было бы им сказать, а тогда не знали — из-за этого они и погибли, мы несем за это ответственность».

По одной из версий событий, Дэн Сяопин специально довел дело до подавления студенческой манифестации войсками, желая преподать «урок», который запомнился бы надолго. Жара в июне 1989 года стояла такая, что студенты, просидев на площади более месяца, уже стали потихоньку расходиться. Несколько успокаивающих примирительных слов с обещаниями продолжить диалог — и студенты бы разошлись совсем и разъехались бы на летние каникулы. Но тогда надо было выполнять обещания и действительно продолжать диалог, то есть разрешить редакторам газет печатать все, что печаталось тогда — примерно то же, что и у нас в начале периода гласности в 1987 году, дать возможность создавать оппозиционные партии и т. п., в общем надо было вводить демократию быстрее, чем намеревался Дэн, считавший, что политическая реформа должна идти вперед без нарушения «четырех основополагающих принципов» (марксизм-ленинизм-маоизм, социализм, демократическая диктатура народа, руководящая роль КПК). Поэтому Дэн это время вел интенсивные переговоры с командующими военными округами, пытаясь заручиться согласием на использование войск, в чем в конце концов и преуспел. Мудрый стареющий Дэн, может быть, решил взять все на себя: подавить выступление силой, и даже, если придется, пожертвовать жизнями студентов для предотвращения более крупных социальных взрывов и хаоса... Думал ли об этом Дэн, задавал ли он себе вопрос, что важнее?

В 2001 году в США были опубликованы протоколы заседаний Политбюро ЦК КПК (пять человек) и неофициального совета старейшин (восемь старых коммунистов

во главе с Дэном), на которых в мае-июне 1989 года принимались решения о введении военного положения в Пекине и использовании войск для удаления студентов с площади силой в ночь с 3-го на 4 июня. Подлинность документов до сих пор не подтверждена, но многие эксперты-синологи склонны рассматривать их серьезно. Согласно этим документам, Дэн требовал очистить площадь к намеченному на середину мая приезду Горбачева. 25 апреля дома у Дэна состоялось совещание высших руководителей, на котором было решено квалифицировать студенческие демонстрации в Пекине и 20 других городах как антиправительственные и антикоммунистические. Чжао Цзяян, тогдашний генеральный секретарь ЦК КПК, находившийся 25 апреля в Северной Корее, был информирован о решении и в тот же день телеграфировал в Пекин, что полностью его поддерживает.

26 апреля «Жэньминь жибао» опубликовала редакционную статью, использовавшую слова, сказанные накануне Дэном — выступление студентов объявлялось «хорошо спланированным заговором с целью сбить людей с толку и свергнуть страну в смуту <...> подорвать основы КПК и социалистического строя»; впервые выступление студентов было названо властями антисоциалистическим. Одним из первых на передовицу откликнулся Цзян Цзэминь, тогдашний первый секретарь шанхайского горкома партии, фактически закрывший либеральную газету Мировой экономический вестник, симпатизировавшую студентам.

Однако 4 мая Чжао Цзяян на встрече с директорами Азиатского банка развития публично изменил свою позицию, сказав, что студенты выступают не против системы, а только за устранение недостатков в ее работе. 17 мая утром дома у Дэна на расширенном (со старейшинами) заседании Политбюро Чжао Цзяяна за изменение позиции критиковали Дэн Сяопин, тогдашний премьер-министр Ли Пэн, и другие; Дэн потребовал введения военного положения и ввода войск в Пекин. Вечером того же дня на заседании Политбюро в Чжуннаньхае произошел формальный раскол: два члена Политбюро (Ли Пэн и Яо Илин) проголосовали за введение военного положения, двое (Чжао Цзяян и Ху Цили) проголосовали против и один (Цяо Ши) воздержался. Таким образом именно Дэн, не входивший в то время в Политбюро и занимавший только пост председателя Центральной военной комиссии, вместе с другими старыми коммунистами настоял на введении военного положения.

Из протокола заседания 17 мая, слова Дэна, обращенные к генсеку Чжао Цзянгу: «Товарищ Цзян, ваше выступление 4 мая в Азиатском банке развития было переломным событием. С этого времени ситуация со студенческим движением постоянно ухудшается. Конечно, мы хотим построить социалистическую демократию, но мы не никак не можем сделать это в спешке, и еще меньше мы хотим делать это по западному образцу. Если наш 1 миллиард человек одним прыжком перейдет к многопартийным выборам, мы получим хаос и “повсеместную гражданскую войну”, которую мы наблюдали во время культурной революции <...> После долгих и тяжелых размышлений об этом я заключил, что мы должны привлечь Народную освободительную армию и объявить военное положение в Пекине...»

Из выступления Дэн Сяопина на заседании совета старейшин и политбюро 2 июня 1989 года, где было решено очистить площадь в течение двух дней: «Некоторые западные страны используют такие выражения, как “права человека”, или говорят, что социалистическая система нерациональна и незаконна, чтобы критиковать нас, но их настоящая цель состоит в подрыве нашего суверенитета. Эти западные державы, играющие в политику силы, не имеют права говорить о правах человека! Посмотрите у скольких людей повсюду в мире они украли права человека! И посмотрите, скольких китайцев они лишили прав человека с тех пор, как они вторглись в Китай во время “опиумных войн”!..

Представьте на минуту, что может случиться, если Китай будет ввергнут в смуту. Если это случится теперь, это будет гораздо хуже культурной революции <...> Когда начнется гражданская война, кровь потечет рекой, и где будут тогда права человека? В гражданской войне каждый правитель будет доминировать в своем районе, производство упадет, коммуникации нарушатся, не миллионы и не десятки, а сотни миллионов беженцев устремятся из Китая.

Первыми пострадают от этого потока беженцев тихоокеанские страны Азии, которые в настоящее время являются самым многообещающим районом мира. Это будет бедствие глобального масштаба. Так что Китай не должен допустить беспорядка. И в этом не только наша ответственность перед нами самими, но также и перед всем миром и всем человечеством...»

На следующий день, 3 июня, в 4 часа после полудня Ян Шанкунь, председатель КНР, вместе с тремя членами политбюро отдавали распоряжения генералам армии. Ссылаясь на Дэн Сяопина, Ян Шанкунь поставил две задачи: первая — площадь должна быть очищена до рассвета, вторая — сделать все для предотвращения

кровапролития. «Позвольте повторить: никакого кровапролития на площади Тяньаньмэнь, точка. Что, если тысячи студентов на площади откажутся уйти? Тогда войска должны унести тысячи студентов на своих спинах. Никто не должен умереть на площади. Это не только мое личное мнение; это мнение товарища Сяопина тоже».

6 июня Ли Пэн докладывал на политбюро о жертвах: 5000 раненых солдат, 2000 раненых граждан, 23 убитых солдата и офицера армии и полиции, 200 солдат, пропавших без вести, около 200 убитых граждан, из которых 36 студенты. На площади, согласно Ли Пэну, не было убито ни одного человека, но солдаты стреляли в толпу и по приказу, и без — всером, когда двигались к Тяньаньмэнь с запада и когда у моста Мусиди многотысячная толпа преградила им путь.

До последнего момента люди не верили, что солдаты будут стрелять настоящими патронами, ибо престиж Народно-освободительной армии в Китае со времени Великого похода исключительно высок. Китайский солдат не может ответить силой невооруженному человеку, даже если тот его ударит. По несколько раз в день солдаты поют песню, сложенную еще во время войны с Гоминьданом:

Каждый солдат революционной армии должен хорошо запомнить

Три дисциплинарных принципа и восемь правил поведения.

Первое: действуй только по команде,

Лишь маршируя в ногу, мы добьемся победы.

Второе: даже иголку с ниткой не забирай у людей,

Так завоюем поддержку и признательность масс.

Третье: все трофеи должны быть сданы властям,

Старайся, как только можешь, облегчить народное бремя.

Следуй этим трем дисциплинарным принципам,

Но не забывай и восемь правил поведения.

Первое, будь вежлив и не сквернословь,

Уважай людей, не будь высокомерным.

Второе, назначай справедливую цену в торговле,

Продавай и покупай без обмана, не принуждай к обмену.

Третье, если взял у людей что-то взаймы,

Лично верни эти вещи, не дай им потеряться.

Четвертое: если сломал чужую вещь,

Возмести ущерб вплоть до последнего гроша.

Пятое, не бей людей и не кричи на них,
Замашки богатеев должны быть искоренены.
Шестое, заботься о народных посевах,
Не навреди урожаю ни в бою, ни на марше.
Седьмое, не приставай к женщинам,
С этой недостойной привычкой должно быть твердо покончено.
Восьмое, не позволяй плохого обращения с пленными,
Не бей их, не обижай их, не ройся в их кошельках.
Следуй этим дисциплинарным принципам и помни все правила поведения.
Солдат народной армии, где бы он ни был, любит народ.
Защищай нашу страну! Всегда двигайся вперед!
Люди всей страны поддерживают нас и приветствуют нас!

Эту песню-устав пели солдаты и 3 июня, когда вышли на площадь небольшой группой из здания Всекитайского собрания народных представителей. Вместе с солдатами ее пели и студенты, преграждавшие им путь. Но после того, как солдаты стали стрелять у моста Мусиди 4 июня, толпа кричала в ответ: «убийцы», «палачи», «фашисты». В этот день авторитет армии, которая раньше действительно была любима народом и которая оставалась единственным гарантом стабильности во время всеобщей смуты периода культурной революции, был запятнан кровью: впервые солдаты народной армии, призванные защищать народ, стреляли в безоружных людей...

Примерно полгода спустя после разгона студенческой демонстрации, в ноябре 1989 года и марте 1990 года, Дэн объявил об отставке с последних занимаемых им официальных должностей — председателя Военного совета ЦК Компартии Китая и менее влиятельного Центрального военного совета КНР, хотя его неофициальное положение неформального верховного лидера оставалось непоколебимым вплоть до его смерти в 1997 году.

«Лучше несправедливость, чем беспорядок... — говорил Гете. — Падения тронов и царств меня не трогают; сожженный крестьянский двор — вот истинная трагедия». Мало кто в Китае сейчас сомневается, что при введении демократии в 1989 году именно крестьянским подворьям пришлось бы заплатить главную цену. Даже противники компартии вынуждены желать ей долгих лет жизни, ибо понимают, что она не только партия, но и государство и что крах КПК приведет и к разрушению государственных институтов.

Да, госчиновники и Компартия коррумпированы, но без них порядка вообще не будет, как нет его сейчас у вас, в России, — такое в Китае в 1990-е годы я слышал не раз. При развале институтов поддерживать высокие темпы роста производства и доходов уже не удастся — хорошо еще если не будет кризиса. Но даже и простое снижение темпов роста для Китая обернется массой проблем.

Чуть ли не два столетия назад Алексис де Токвиль, французский аристократ, путешествуя по Америке, пытался ответить на вопрос, в чем причины успеха американской демократии. В своей до сих пор не устаревшей и часто цитируемой книге «Демократия в Америке» он заключил, что секрет успеха в том, что современные исследователи называют «социальным капиталом» — набором норм и традиций, таких как религиозные, волонтерские (привычка к участию в общественной жизни), уважение к закону и порядку, неотвратимость наказания за преступления. Американская демократия, по его мнению, во многом уникальна, в том смысле, что она тесно связана с американской историей, традициями и культурой; ее совсем не просто клонировать, воспроизвести в других странах.

В Китае порядок основывается в значительной степени не на законе, а на общинных традициях: ответственность индивидуума перед общиной (семьей, коммуной, деревней, предприятием) значила и значит здесь, как и в других восточноазиатских странах, порой больше, чем ответственность перед законом. Даже и в Японии до сих пор адвокатов и юристов в расчете на душу населения на порядок меньше, чем в США, не говоря уже о Китае. Если вы попали в мелкое ДТП на глазах у полицейского, он даже не подойдет к вам, а будет ждать, пока вы полюбовно договоритесь с потерпевшим/виноватым. Обычно договариваются, к помощи даже полицейского, а тем более суда, прибегают редко: обмениваются своими «дэнва банго» — телефонными номерами — и разъезжаются в разные стороны. Не дай бог на предприятии, где вы работаете, или в районе, где вы живете, станет известно, что вы повредили чей-то автомобиль и не заплатили, — потеряете лицо, стыдно будет перед людьми (общиной).

Община ответственна и за предоставление общественных благ — деревенский староста в Китае и сейчас может назначить людей, чтобы доставить захворавшего в больницу, никто и не подумает отказываться, хотя закон не требует исполнения подобных повинностей. Госпредприятия, а не государство, отвечают за предоставление жилья, пенсий, медицинских и социальных услуг для своих рабочих, и в гораздо большей степени, чем в бывшем СССР: в научно-исследовательских институтах китайской Академии наук до сих пор к каждому

празднику выдают всем сотрудникам вместе с денежными премиями то несколько литров арахисового масла, то несколько килограммов риса, то коробку с мылом и шампунями, то портфель для ношения книжек. Этими шампунями и маслами, как, впрочем, и всеми другими товарами, вот уже как сорок с лишним лет завалены все магазинные прилавки, да и стоят они копейки, каждый может сам купить, но, согласитесь, когда институт дает вам не только зарплату и премию, а натуральный продукт, тем более рис, основу жизни, между вами и работодателем складываются неформальные отношения. Институт заботится о вас, как семья, кормит, моет, одевает, а вы в свою очередь, даже против собственной воли, начинаете испытывать чувство признательности, причем даже не к руководству института (ведь рис-то дают всем в одинаковых количествах), а именно к институту как организации (общине). Если институт попросит вас что-то сделать, отказаться будет трудно. Рис-то брали? Брали. И сказать нечего.

В Японии есть труднопереводимое понятие «гири» — долг чести, не выполнить который значит потерять лицо. Отношения, определяемые чувством «гири», оказываются в Японии прочнее, чем писанные контракты. Пожизненный наем в Японии — пример такого неписанного контракта. Крупная корпорация — большая семья, в которой радости и горести делятся поровну. Она заботится о своих сотрудниках предоставляя им «амай» (сладость), не увольняя их даже в самые в трудные времена, а просто снижая зарплату, распределяя убытки на всех (пожизненный наем). А в ответ сотрудники испытывают «гири» в отношении фирмы — долг признательности за «амай», не позволяющий им отказаться от, скажем, сверхурочного задания.

Сегодня, однако, эти общинные связи и основанные на них неписанные моральные нормы медленно, но неуклонно разрушаются экономическим прогрессом, ведущим к урбанизации, повышению мобильности населения (миграции) и рабочей силы (более частая смена места работы и профессии). В Европе и США на место ответственности индивидуума перед общиной пришла ответственность перед Богом и законом, в России (Африке, Латинской Америке) общинная ответственность уже в прошлом, а ответственность перед законом только складывается. В Восточной Азии общинная ответственность просуществовала дольше, чем где-либо в мире, но тоже постепенно исчезает. Что идет ей на смену? В Бога, как уже говорилось, китайцы не очень верят, а если и верят, то не считают этого Бога ответственным за соблюдение заповедей. Государство же поддерживает правопорядок часто безо всяких законов и судов, на основе вековых представлений

о справедливости. Как и у нас в советские времена, в Китае, если уволили с работы или отменили автобусный маршрут, идут жаловаться в партком (райком, горком, обком, ЦК), а не в суд. Отдел писем ЦК, как и у нас при советской власти, письма внимательно читает, а народ туда письма пишет. Партия, конечно же, часть государственной машины, и немедленное отделение партии от государства создаст вакуум, и подорвет правопорядок, как это было у нас в 1991 году.

В Южной Корее и на Тайване, где демократию вводили совсем недавно, в 1980-е годы прошлого века, все прошло относительно гладко и безболезненно, хотя, конечно, смотря что считать безболезненным, — при подавлении студенческой демонстрации в Кванджу в 1980 году погибло несколько сот человек. Ну так там и ВВП на душу населения был в четыре раза выше, чем в 1989 году в Китае, и альтернативные механизмы поддержания правопорядка (суды, арбитражи, прокуратура, а главное, умение властных структур проводить в жизнь свои предписания без партии и госбезопасности) были более развиты, и институты гражданского общества во многом сложились (неправительственные организации, призванные следить, чтобы бюрократия «не зарывалась»). Сумеет ли КПК создать эти альтернативные механизмы и неправительственные организации, прежде чем уйдет с политической сцены?

Впрочем, уйдет или не уйдет при введении демократии, — это еще вопрос. Многие в Китае считают, что «КПСС потерпела поражение» (именно так китайцы говорят о развале Союза в 1991 году), так как не смогла приспособиться к новым условиям. А КПК приспосабливается, в середине 2021 года с помпой отметила свое 100-летие, более 70 лет находится у власти и уже побила рекорд политического долгожительства среди правящих компартий, поставленный ранее РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. Когда в музее Компартии Китая в Шанхае смотришь на старые фотографии делегатов I съезда КПК, на котором присутствовало всего-то 12 человек плюс 2 наблюдателя от Коминтерна (один — русский, другой — голландец), когда читаешь резолюцию этого съезда, уместающуюся на одной страничке (1 - создать КПК, 2 - разработать программу, 3 - разработать устав — именно так, не «принять», а только «разработать»), трудно поверить, что правящая партия государства, ставшего ныне сверхдержавой, формировалась 100 лет назад в маленькой комнатке старого дома, которого уже и нет — снесли за ветхостью. Ну да все партии имеют свои истоки, хотя и не всем суждена долгая жизнь и политический успех.

27-летний Мао присутствовал на первом съезде как один из делегатов, но создателем и руководителем партии был тогда Ли Дачжао — профессор Пекинского университета, казненный семь лет спустя, в апреле 1928 года, за организацию антиправительственных демонстраций в Пекине военным правителем Маньчжурии и Северного Китая Чжан Цзолинем. В Музее революции на площади Тяньаньмэнь сохранены железные ворота, на которых был повешен Ли Дачжао. Потом была гражданская война и Великий поход вооруженных сил КПК — 10 000 километров через 12 провинций и 18 горных хребтов, борьба с японской интервенцией и с Гоминьданом и, наконец, приход к власти и провозглашение Китайской Народной Республики в 1949 году.

1 июля 2001 года на торжественном собрании в честь 80-й годовщины образования КПК Цзян Цзэминь предложил принимать в партию и предпринимателей, которым раньше, как эксплуататорским классам, путь в КПК был заказан. Это вызвало острую критику «старой гвардии»: бывший генеральный прокурор и заведующий орготделом ЦК КПК написал в ЦК письмо, в котором обвинил руководство в передаче власти финансовым тузам и в возврате к капитализму.

Один из моих собеседников привел довольно неожиданный аргумент в пользу снятия запрета на членство в партии предпринимателей. Когда гоминьдановцы после войны обосновались на Тайване, сказал он, они полностью захватили политическую жизнь острова, оттеснив местную элиту. Эта последняя очень обиделась и полностью ушла в бизнес, в делание денег, поскольку путь во власть был для нее закрыт. И это разделение власти и денег оказалось роковым. Когда же на Тайване в конце 1980-х ввели демократию и конкурентные выборы, капитаны делового мира оказались не в Гоминьдане, а в другой партии, Демократической (Миньцзиньдан), которая вскоре, как можно было ожидать, и пришла к власти. Мораль — чтобы этого не произошло в Китае, Компартия Китая должна инкорпорировать нарождающуюся буржуазию; она тоже наша, часть народа, а партия должна отражать интересы всего народа.

Что ж, может быть и так, если цель КПК состоит в том, чтобы удержать власть. В восточноазиатских странах переход к демократии часто происходил через «полуторапартийную систему», в рамках которой существовало множество партий, но монополия на власть на национальном уровне принадлежала фактически одной партии. Выборы были конкурентными, оппозиция имела возможность влиять на курс правительства, но преемственность сильной центральной власти вместе с тем сохранялась. В Японии Либерально-демократическая партия бессменно

находилась у власти почти весь послевоенный период (за исключением 1993–1994 и 2009–2012 годов), хотя и проводила демократические выборы — может быть, и КПК уготована такая же судьба в условиях демократии... Но как же тогда быть с социалистическим идеалами? Пожертвовать идеалами ради сохранения власти? Или пожертвовать властью, чтобы сохранить идеалы?

Оппозиция с китайской спецификой

Во внутренней политике Китай уже давно не является коммунистической диктатурой, а превратился в мягкий авторитарный режим, постепенно переходящий к демократии. Китайский авторитаризм больше похож сейчас на титовскую Югославию, чем на брежневский СССР, — и умнее, и мягче. Китайцы практически беспрепятственно выезжают за границу, если только получают визы в иностранных посольствах. Рассказывают, что Джимми Картер, американский президент в 1977–1981 годов, особенно любивший рассуждать о правах человека, на первой же встрече с Дэном очень настаивал на предоставлении всем без исключения китайцам права свободного выезда. «Г-н президент, сколько миллионов вы хотите?» — спросил Дэн, и на этом обсуждение вопроса закончилось.

Свободы печати в Китае намного больше, чем в догорбачевском СССР. На конференции по экономическим реформам, организованной Центром исследования проблем развития Госсовета КНР в сентябре 2001 года, японские и южнокорейские участники, наблюдая как резко неправительственные экономисты критиковали ответственных чиновников (за манипуляцию статистическими данными, за коррупцию, за субсидии неэффективным предприятиям) и как сами министры китайского правительства нападали друг на друга, в один голос заявили, что в их *демократических* странах такое откровенное обсуждение было бы невозможно.

Центральная газета страны, орган ЦК КПК «Жэньминь жибао» (как «Правда» в СССР) в 1999 году после бомбардировки китайского посольства в Белграде создала на своем сайте специальную дискуссионную рубрику, призванную изначально позволить простым гражданам высказаться по этому поводу. Но практически сразу же граждане стали высказываться по всем поводам, тем более что каждый мог свободно поместить там свою заметку без разрешения и подписи. Многие писали туда регулярно под псевдонимами, например «Математик» или «Здравомыслящий» или «Революционер». Вот уж где можно было прочитать о политических лидерах такое, что ни одна *New York Times* не напечатает, причем чаще всего их критиковали отнюдь не за недостаточную приверженность демократии. После освобождения экипажа захваченного американского самолета-шпиона в апреле 2001 года самые мягкие критики правительства требовали его

отставки по причине предательской трусости и полной неспособности противостоять агрессии американского империализма.

Самые резкие критические заметки обычно быстро снимались с сайта «Жэньминь жибао», но далеко не всегда. Например, в 2001 году, после того как все главные газеты напечатали стихотворение тогдашнего лидера Цзян Цзэминя о посещении горы Хуан — одной из пяти красивейших горных вершин Китая, сайт буквально захлестнула волна пародий, большинство из которых были вскоре удалены. Острословы предлагали пародистам подавать заявления на работу в отдел пропаганды ЦК КПК. Некоторые помещали на сайте стихотворения Мао, подразумевая, что сравнение поэтических талантов бывших и нынешних пекинских лидеров говорит само за себя.

Кстати, почитание Мао и приверженность маоизму в современном Китае имеет иной смысл, нежели раньше: это борьба не за КПК и власть, а против них, против курса на приватизацию предприятий, против имущественного расслоения, коррупции, безработицы и других прелестей капитализма, за социальную справедливость. Твердые маоисты находятся сейчас в оппозиции Компартии и режиму, и режим расценивает их именно как оппозиционеров. В сентябре 2001 года несанкционированный митинг в честь 25-й годовщины смерти Мао (которая официально не отмечалась) в городе Чжэнчжоу провинции Хэнань был блокирован полицией; в 2001 году были закрыты научные журналы, считавшиеся оплотом теоретической маоистской мысли, такие как «Чжун лю» («В середине потока») и «Чжэнь ли дэ чжуи цю» («В поисках истины»). На демонстрациях рабочих, уволенных с госпредприятий, можно видеть портреты Мао — говорят, полиция может порвать лозунги и плакаты, но не решается трогать портреты вождя.

Китайская демократия — не прямая, а представительная и многоступенчатая. Прямым голосованием избираются лишь представительные органы низового и уездного уровней. К 2007 году выборы проводились в 99% всех деревень. А дальше деревенские и уездные советы избирают народных представителей городов и районов, а те, в свою очередь, уже депутатов собраний автономных районов и провинций, которые в конце концов избирают депутатов высшего законодательного органа — Всекитайского собрания народных представителей. Недостатков в такой системе много, но есть и несомненное достоинство — в собраниях низшего уровня избираются кандидаты, которых большинство жителей знает, если не лично, то по их деятельности в поселении/районе, так что медиа-пропаганда и реклама кандидатов (которая играет решающую роль в исходе

выборов в прямых демократиях) отходит на второй план. А эти известные своими делами, а не обещаниями, представители уже выбирают депутатов следующего уровня.

В деревнях — на самом низовом уровне — выборы деревенских комитетов самые что ни на есть полноценные. Выборы в 1 миллионе деревень с 900 миллионами сельских жителей стали практиковаться начиная с 1988 года; сначала кандидаты выдвигались парторганизацией, группами односельчан в 10 и более человек или через самовыдвижение, затем получила распространение и практика «хайсюань» — полностью свободное выдвижение кандидатов любым жителем деревни.

Ларри Даймонд, научный сотрудник Гуверовского института и один из участников группы американских наблюдателей, следивших за деревенскими выборами в провинциях Цзилинь и Ляонин в 1998 году, сказал буквально следующее: «Китай добился хороших результатов в проведении выборов. Вы не сможете понять Китай, если вы там не были. Если бы европейцы и другие американцы увидели то, что мы, они бы изменили свое мнение о Китае». Я уже говорил — это типичный случай: приезжающие в Китай впервые иностранцы очень часто открывают для себя нечто такое, о чем и подумать не могли, — кто демократию, кто права человека, которых там больше, чем они ожидали, ну да не об этом речь.

На самом деле с деревенскими выборами местных начальников отнюдь не все гладко. Нередко толстосумы с родственниками и подкупленными клевретами захватывают власть и, прикрываясь «народным мандатом», начинают так издеваться над односельчанами, что прежняя жизнь при назначенных сверху коммунистами чиновниках, на которых можно было пожаловаться более высокому начальству и которых время от времени все же снимали за злоупотребления, кажется уже раем. Некоторые «демократизированные» деревни начинали торговать девочками-подростками и наркотиками — прямо-таки наглядное пособие по демократизации в отсутствие обеспеченных прав личности, основанных на законе. Ведь законы и суды в Китае пока слабы, как и у нас во время перестройки, и, хотя в последние годы законодательная база и судебная система быстро модернизируются, пока что «беззаконный порядок» обеспечивают именно Компартия и госбюрократия. Тем важнее сохранение старых, коммунистических, механизмов поддержания порядка до тех пор, пока не заработают новые, демократические.

А новые демократические механизмы управления только выстраиваются, часто путем проб и ошибок, и сказать, какой будет в конце концов политическая система,

трудно. Во всяком случае в Китае понимают ограничения и неэффективность старых политических систем — советского авторитаризма, в котором обратная связь не работала, и западной демократии (один доллар = один голос), которая в последние годы совсем себя дискредитировала. Ван Хуэй, известный левый интеллектуал из университета Цинхуа, не принимает ни западную либеральную демократию, ни традиционную социалистическую, считая, что нужны новые «автономные организации рабочих и крестьян» для продвижения их интересов в общественной жизни и политическом процессе (Wang, Khong 2014).

В 2010–2020-е годы, по мере того как отношения Китая с Западом ухудшались, «окно Овертона» — допустимый спектр мнений в публичных дискуссиях, похоже стало постепенно сужаться. В 2020 году Джеку Ма, основателю гиганта интернет-торговли Alibaba, за критику китайских финансовых властей сорвали первичное размещение акций компании мобильных платежей Ant Group, а в 2023 году оштрафовали Ant group почти на 1 миллиард долларов за нарушения финансовых правил. В китайских университетах студентов стали поощрять сообщать о «неправильных» лекциях профессоров, в научно-исследовательских институтах Китайской академии наук стали требовать отчеты о контактах с иностранцами. На улицах в Пекине, особенно вокруг центральной площади Тяньаньмэнь, стало заметно больше полицейских и ограждений, во многих местах теперь требуют для прохода удостоверение личности — это после террористических актов в Синьцзяне в 2014 года. Тогда в Урумчи, столице Синьцзян-Уйгурского автономного района, было убито 39 человек и власти приняли беспрецедентно жесткие меры, после которых терроризма не стало совсем.

Кстати, и политика в отношении национальных меньшинств довольно либеральна (китайцы-ханьцы составляют 92% населения страны, не китайцев — более 100 миллионов; крупнейшие, более 4 миллионов человек, из 55 этнических групп: чжуаны, хуэй, маньчжуры, мяо, уйгуры, монголы, тибетцы). Есть образование, пресса и телевидение на разных языках. Политика «один ребенок в семье» проводилась в основном на провинциальном уровне, так что санкции за неадекватное планирование семьи разнились от провинции к провинции, но нацменьшинства были из этой политики исключены. Заметные сепаратистские настроения есть только в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и в Сицзане (Тибете).

Синьцзян-Уйгурский автономный район на Западе Китая — относительно небольшой, 25 миллионов человек, из которых более половины — тюркские

народы в основном мусульманского вероисповедания (46% уйгуры, 12% — казахи, дунгане, киргизы), остальные в основном китайцы. Несколько сот тысяч уйгуров живут в соседних Кыргызстане и Казахстане с родственными тюркскими языками, причем Китай зорко следит, чтобы сепаратисты не получали поддержки из-за границы. Впервые регион вошел в состав Китая в империи Хань (I век), затем переходил от одних завоевателей к другим, но с середины XVIII века постоянно находится в составе Китая. В XX веке во время гражданской войны в Китае в Синьцзяне дважды провозглашались независимые государственные образования под названием «Восточный Туркестан» — в 1933–1934 и в 1944–1949 годах.

Созданное в 1993 году Исламское движение Восточного Туркестана взяло на себя ответственность за 200 террористических актов (162 погибших), но к 2007 году исчезло. Взрывы 2014 года осуществляли другие террористы из разных организаций и, похоже, гораздо хуже организованные. Тем не менее китайское правительство развернуло целую кампанию по искоренению терроризма, в рамках которой были созданы «центры профессионального образования и переподготовки», в которых множество людей на не вполне добровольной основе проходили не только профессиональную, но и идеологическую подготовку. В центрах, просуществовавших до 2019 г., подготовка шла по четырем направлениям — китайский язык, профориентация (от парикмахерского дела и скотоводства до маркетинга и компьютерной инженерии), законодательство и юриспруденция, борьба с экстремизмом.

Западные СМИ тут же обвинили Китай в задержаниях под предлогом противодействия религиозному экстремизму, принудительной отправке людей в «лагеря перевоспитания», пытках, принуждении к труду, и даже «геноциде». Дело обсуждал Совет ООН по правам человека, но к заключению не пришел, так как многие страны, включая крупнейшие мусульманские (Пакистан, Индонезия) посчитали обвинения в нарушении прав уйгуров политизированными. Так или иначе, программы переподготовки, похоже, оказались эффективными — массовых терактов с тех пор в Китае не было.

Тибет населен в основном тибетцами (более 90% четырехмиллионного населения). Историки спорят, входил ли он в состав Китая при династиях Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911); китайские гарнизоны практически все это время стояли в Тибете, но отношения, что называется, были сложными (протекторат — ограниченный суверенитет), так что после Синьхайской революции, свергнувшей последнего китайского императора, Тибет, как и Монголия, объявили о своей независимости.

Сепаратизм здесь имеет глубокие корни в основном, видимо, из-за ламаизма (разновидность буддизма) и далай-ламы — духовного и светского лидера Тибета, возглавляющего после 1959 года тибетское правительство в изгнании в Индии и почитаемого всеми приверженцами ламаизма — от монголов до калмыков. Далай-лама получил Нобелевскую премию мира, много путешествует и традиционно считается защитником идеи тибетской автономии, которая, как говорят западные СМИ, «была грубо попорчена коммунистическим Китаем».

Менее известно то, что в Китае знает каждый школьник: до 1959 года в Тибете существовала кастовая система и крепостное право (с продажей людей и прочими феодальными «прелестями»), так как при китайских императорах Тибет пользовался практически полной автономией во внутренних делах. Даже коммунистическое правительство Китая первые 10 лет после революции не вмешивалось в социальное устройство архаичного тибетского общества, так что во вторую половину XX века Тибет вступил как последний заповедник крепостного права на планете: 90% населения — крепостные крестьяне, 5% — домашние крепостные слуги, остальные 5% буддийские монахи и земельная аристократия. Так, регент Дагжаг, глава местного тибетского правительства до 1959 года при нынешнем, 14-м, далай-ламе, владел 100 гектарами земли и 80 крепостными.

Восстание 1959 года в Тибете началось под лозунгом независимости (автономии — то у Тибета было и при коммунистах больше, чем достаточно) и фактически не оставило центральному правительству в Пекине выбора. Подавление восстания Народно-освободительной армией Китая было уничтожением последнего оплота сепаратизма, а заодно и крепостничества, примерно как война Севера и Юга в США за сто лет до этого. Далай-лама, между прочим, бежавший в Индию вместе с землевладельцами-крепостниками, до 1964 года вообще ничего не говорил о демократии, то есть, получается, боролся за восстановление крепостничества в Тибете. Китайское же правительство после 1959 года и крепостное право в Тибете отменило, и земельную реформу провело, и школьную систему, которой раньше вообще не было, создало, и инвестиции направляет, так что далай-лама в Тибете не столь популярен, как в мире.

Принятая в 2000 году программа развития западных провинций, которые традиционно были самыми бедными и которые в период реформ еще больше отстали от рванувших вперед приморских провинций по ВВП на душу населения, предусматривала огромные капиталовложения в их экономику, главным образом в развитие транспортной инфраструктуры. Государственный совет КНР даже создал

специальную рабочую группу по развитию Западного Китая под руководством премьер-министра. В 2005 году заработал газопровод из Синьцзяна в Шанхай (4000 километров, 17 миллиардов кубометров газа в год), а в 2006 году вступила в строй железная дорога до Лхасы, столицы Тибета; почти 1000 километров этой дороги проходит на высоте более 4000 метров над уровнем моря.

Центральное правительство в Китае пока что имеет достаточно власти чтобы перераспределять доходы с Востока на Запад и в действительности их перераспределяет. Именно государство играет роль мотора экономического развития Запада. Госрасходы провинциальных правительств в западных регионах намного выше, чем в приморских провинциях: в 2000 году в Тибете — 50% ВВП, в Цинхэе, Нинся-Хуэйском автономном районе, Юньнани — 20% и более при среднекитайском уровне в 10%. Уже и тогда социальные расходы всех десяти западных провинций были выше, чем на Востоке, а в Тибете (13% ВВП) — в четыре раза выше среднекитайского уровня.

....

В Китае, как уже говорилось, открыто существует множество конфессий, действуют храмы — от мусульманских мечетей до протестантских церквей, не говоря уже о даосистских и буддийских. Пять религий — даосизм, буддизм, протестантизм, ислам, католичество — представлены во второй палате китайского парламента Народном политическом консультативном совете Китая, председатель которого — четвертый человек в китайской государственной иерархии, и в котором представлены всего 34 организации — КПК и восемь так называемых демократических партий, комсомол, профсоюзы, женская ассоциация, нацменьшинства, 5 названных религиозных конфессий и т. д.

...

Вообще говоря, китайцы буквально помешаны на своем здоровье — каждый знает, какой продукт хорош для печени, а какой для почек, и какие точки тела за какие внутренние органы отвечают; массы людей, в том числе пенсионеров, занимающихся традиционными видами гимнастики, можно видеть каждый день в практически любом городском парке; здесь же в парке вам могут измерить давление и дать консультацию по поводу состояния ваших кровеносных сосудов. Но к суевериям практичные китайцы не слишком склонны. Как уже говорилось, фэншуй — искусство расположения дома на местности и комнат в доме — в современном Китае вызывает улыбку, так же, как и гадание по руке или по звездам; на Западе фэншуй пользуется гораздо большей популярностью, чем в Китае.

Другое дело — традиционная китайская медицина, отношение к которой очень почтительное: в каждой китайской поликлинике обязательно есть отделение традиционной медицины, отличающееся от западной тем, что рассматривает человеческий организм как единое целое и лечит болезнь комплексно — если болит ухо, вам могут прописать массаж позвоночника и иглоукалывание на ладони, чтобы активизировать сопротивляемость организма к инфекции, вызвавшей воспаление. При этом врачи, практикующие традиционную медицину, четко представляют ее ограниченность — некоторые болезни ей неподвластны: скажем, в традиционной медицине практически нет операций, за исключением простейших, так что, если вам нужна операция, вас направят в другое отделение. А суеверия типа Фалуныгун в Китае были распространены до революции, а вот после революции, казалось, встретить их можно достаточно редко. Ну так ведь и мы до перестройки считались самой образованной и просвещенной страной, а потом чуть ли не каждый второй носил к телевизору баночки с водой «заряжать» ее у Чумака-Кашпировского...

...

К слову сказать, межпровинциальная и межрайонная конкуренция — могучий стимул развития и экономики, и всего остального. Скажем, в каждой провинции (а их 34, включая 4 города центрального подчинения и 2 специальных административных района — Гонконг и Макао), есть по несколько полномасштабных телеканалов, которые можно смотреть и в других провинциях наряду с десятком центральных, так что большинство китайцев может выбирать из нескольких десятков телеканалов даже без кабеля и спутниковых антенн (в Пекине телеканалов более полусотни, в том числе и на английском, кантонском — из Гонконга, монгольском — из Внутренней Монголии, и т. д.).

...

Китайские власти часто пользуются удобными предложениями для демонстрации своей решимости и способности эффективно контролировать ситуацию, как например, запрет невежественной секты, провозгласившей врачевание противоестественным. Так в СССР компартия регулярно выводила народ на субботники, от которых экономического проку было маловато, но которые показывали и самой партии, и армии, и органам, и народу, что в случае необходимости КПСС может вывести на улицы миллионы. Так человек поднимает по утрам пудовую гирю, доказывая себе и остальным, что он все еще в форме. Правительствам тоже положено поддерживать свой авторитет и показывать, что

они могут «ловить мышей»: хорошо, если для этого надо не воевать в Чечне, а только арестовать нескольких членов противоправной секты...

Внешняя политика

Из заложенного в «азиатских ценностях» принципа компромисса (для достижения высшего общественного блага) логически вытекает и другой — терпимость к разным формам общественного устройства, уважение к альтернативе, к эксперименту, понимание, что для выживания и процветания общины (нации, цивилизации) можно поступиться всеми идеологиями и «измами», вместе взятыми. Эта терпимость высоко ценится другими странами и часто противопоставляется американской нетерпимости, агрессивности и примитивному делению мира на «наших» и «ваших».

Даже и после революции 1949 года и образования КНР китайское коммунистическое руководство, включая Мао Цзэдуна, проявляло куда больше гибкости и терпимости, чем обычно считается. Когда части Народно-освободительной армии, оттесняя в 1949 году гоминьдановцев на Тайвань, подошли к Гонконгу (Сянгану), им ничего не мешало взять его, что называется, с марша, он не мог оказать им никакого военного сопротивления. Незадолго до этого Мао не послушал Сталина, настойчиво советовавшего ему не двигать войска на юг, не пересекать Янцзы и оставить в покое гоминьдановское правительство в Нанкине. Кто знает, если бы Мао внял тогда советским предложениям, Китай до сих пор был бы разделен на две части, как Корея. Однако, подойдя к Сянгану, Мао неожиданно остановился. Говорят, он решил тогда оставить Гонконг Британии, чтобы оставить окно в западный мир и просто чтобы посмотреть, что у них получится. Видимо, он искренне надеялся, что свободный Китай докажет свое преимущество в экономическом соревновании с колониальным анклавом империализма.

Получилось с точностью до наоборот: Гонконг быстро стал самым богатым азиатским городом, превзойдя даже Англию, свою метрополию, по уровню жизни. Однако в решении Мао, согласитесь, были и калибр, и воображение, и стратегическая дальновидность. Три десятилетия Гонконг был живым укором экономической политике КПК, но даже в самые голодные годы «большого скачка» туда шли эшелоны с продовольствием из Гуандуна в строгом соответствии с подписанными контрактами. В конце концов, не в последнюю очередь благодаря Гонконгу, оставленному в роли «контрольного участка», на котором результаты оказались лучшими, чем на «опытном», в Китае начались реформы Дэн Сяопина в 1978 году. Да и философия этих реформ была схожей: экспериментировать,

«чувствовать камни под ногами при переходе реки». Сам же автор самых крупных в истории человечества экспериментов в области социальной инженерии был крайне скромнен в окончательном подведении итогов. Говорят, когда при Мао, спросили об исторической роли Великой французской революции XVIII века, он ответил: «пока что слишком рано судить...». (Эти слова часто приписывают Мао, но, возможно, их сказал Чжоу Эньлай, премьер Госсовета КНР при Мао.)

Китайское руководство не вмешивается в дела других государств и не учит жить других, даже когда помогает им материально: китайская помощь развивающимся странам не связана никакими условиями. В Африке Китай сегодня помогает многим странам, не ставя политических условий и не читая лекции о «правах человека», как западные страны. Это уже создало Китаю репутацию равного партнера, выгодно отличающуюся от неокOLONиального имиджа западных стран. Китай не вводит санкций и эмбарго против других стран, считая их неуместными в принципе. Даже с Тайванем КНР все время стремилась к развитию торгово-экономических и культурных связей, тогда как именно Тайвань этому всемерно сопротивлялся.

Как говорил величайший военный стратег всех времен и народов Сунь Цзы 25 веков назад, «сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь» (Sun Tzu 2000: 8). Похоже, и прошлые, и нынешние правители Китая, не всегда, конечно, но гораздо чаще, чем лидеры других стран, стараются руководствоваться этим принципом — не захватывать и принуждать, а утверждать лидерство собственным примером.

Китай, возможно, становится «асимметричной сверхдержавой», по выражению Джошуа Рамо, автора другого известного выражения — «пекинский консенсус», отличительными чертами которого, как он говорит, являются скептическое отношение к приватизации и свободной торговле и убеждение, что глобализация не должна приводить к подрыву национального суверенитета и к разрушению национальных моделей развития. «Вместо того чтобы копировать сверхдержаву американского типа, бряцающую оружием и нетерпимую к другим, — писал он, — Китай завоевывает влияние в мире примером собственной модели, силой своей экономической системы и жесткой защитой национального суверенитета» (Ramo 2004: 37).

Во внешней политике Китай до последнего времени следовал заветам Дэна — не ввязываться в международные конфликты без крайней необходимости до тех пор, пока Китай не окрепнет экономически, сосредоточить все силы на внутреннем

развитии, пока нет непосредственной угрозы национальному суверенитету. Уже давно являясь одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности, Китай всегда фиксирует свою позицию по международным вопросам, но дальше заявлений не идет, если только дело не касается его ближайших соседей. Китай сознательно не стремился стать членом «семерки»/ «восьмерки» развитых стран, куда так стремилась Россия, хотя оснований для этого у Китая даже и в 1990-е годы было не меньше, если судить по экономическому и военному потенциалу, чем у Англии, Франции, Германии, Японии, Италии и Канады. Китай в принципе мог бы предложить посредничество в разрешении конфликта в Косово (и даже предложить послать туда пару миллионов миротворцев вместе с Россией, которых Милошевич бы с удовольствием принял), но не сделал этого.

До последнего времени китайская внешняя политика, по крайней мере, была, по сути, региональной и ничем не напоминала политику сверхдержавы, которой Китай неотвратимо становился. Возможно, именно поэтому проблема Тайваня занимала и занимает в китайской внешней политике такой высокий удельный вес. Все страны делятся Китаем на признающие и не признающие Тайвань. Большинство уже не признает, но 12 небольших государств (Гватемала, Гаити, Парагвай, Эсватини — самые «крупные») все еще признают (ЮАР была последней крупной страной, отказавшейся от признания Тайваня в 1997 году). Тайвань предлагает материальную помощь тем странам, которые сохраняют с ним дипломатические отношения, в Пекине же эти страны скрупулезно вносятся в «черный список», их позиция по другим международным вопросам имеет для Китая менее важное значение. Китай добился согласия Всемирной торговой организации, что она не примет в свои члены Тайвань раньше Китая, так что Тайваню, уже завершившему переговоры о членстве в 1996 году, пришлось ждать пять лет, пока его в конце 2001 года не приняли вместе с Китаем как «отдельную таможенную территорию».

Зацикленность китайской внешней политики на Тайване поражает. В марте 2000 года, когда Гоминьдан, правивший на Тайване полвека и никогда не отделявший себя от континентального Китая, проиграл выборы, уступив власть Демократической прогрессивной партии (Миңьцинъдан), ратующей за независимый Тайвань, китайское руководство выступило с жестким заявлением, которое можно было понять и так, что в случае провозглашения Тайванем независимости Китай начнет войну. «Зачем вам захватывать Тайвань? — спрашивал я. — Ведь все равно вы в скором времени объединитесь мирным путем

— и вас, и у них рыночная экономика, Тайвань недавно перешел к демократии, и когда этой демократии в континентальном Китае станет чуть побольше, ни одна партия на Тайване противиться естественной идее объединения не сможет. Так было в Германии, так будет с Тайванем и с Кореей. Да даже если демократия на материке не будет похожа на тайваньскую, но будет более высокая производительность труда и уровень жизни, тайваньцы дружно выступят за объединение». «Вы не понимаете, — отвечали мне. — Если Тайвань провозгласит независимость, никакое китайское правительство не сможет удержаться у власти, если не начнет войны». Трудно, конечно, в это поверить, но так говорят многие.

До 2000 года власть на Тайване неизменно принадлежала Гоминьдану, который был основан еще Сунь Ятсеном в 1912 году, сразу после Синхайской революции, и фактически управлял Китаем до 1949 года. Так что Гоминьдан даже после бегства на Тайвань в 1949 года никогда себя от Китая не отделял, просто считал, что в Китае должно быть гоминьдановское правительство, временно находящееся в изгнании на острове. Но когда Миньцзиньдан, пришедшая к власти в 2000 году выиграла еще одни выборы в 2004 году и осталась править на второй срок, Китай принял так называемый «закон против отделения», позволяющий использовать «немирные средства» против Тайваня, если он попытается отделиться. С тех пор Китай не раз заявлял, что формальное провозглашение независимости островом приведет к войне.

Тайвань для китайцев не просто неотъемлемая часть национальной территории, а остров, контролируемый врагом, который украл сокровища, являющиеся национальным достоянием, и до 1987 года (только тогда на Тайване было отменено военное положение, введенное в 1949 году) гноил коммунистов в тюрьмах. До начала 2000-х годов именно Тайвань отказывался развивать с Китаем экономические, политические, культурные, спортивные и прочие гуманитарные связи, тогда как континентальное правительство старалось их всячески поощрять. В последние десятилетия, правда, Тайвань стал открывать двери для прямой торговли и капиталобмена с континентом под давлением экономической необходимости: уж слишком быстро развивается китайский бизнес, чтобы его можно было и дальше игнорировать. Тайвань — одна из немногих территорий в мире, с которой континентальный Китай согласен терпеть большой и устойчивый торговый дефицит. В 2002 году Китай превратился в главного торгового партнера Тайваня, вытеснив с этого места США, сегодня торговля с Тайванем больше, чем с Россией, а накопленные инвестиции тайваньского бизнеса на материке составляют

свыше 200 миллиардов долларов, правда, в последние годы из-за геополитики их приток резко сократился — с 60–80% всех тайваньских инвестиций за рубежом в 2010-е годы до 10% в 2023 году. Китайские же инвестиции в тайваньскую экономику до 2009 года вообще были запрещены (чтобы остров не скупили полностью) и сегодня исчисляются всего несколькими миллиардами.

Идея строительства самого длинного транспортного тоннеля в мире под Тайваньским проливом обсуждается уже давно, проект 135-километрового тоннеля, на 200 метров ниже морского дна, чтобы быть сейсмически безопасным, уже разработан, но пока не реализован из-за геополитики.

По коммунистической версии новейшей китайской истории, Гоминьдан бойкотировал совместную с Компартией борьбу с японской интервенцией в 1931–1945 гг. воюя с коммунистами вместо того, чтобы воевать с японцами. Гоминьдан, правда, обвиняет в этом же коммунистов; об этом же пишет в своих дневниках и Петр Владимиров — фактический посол СССР при Компартии Китая, базировавшейся в Яньани во время войны (формально он был представителем Коминтерна и военным корреспондентом ТАСС; дипотношения существовали тогда только с гоминьдановским правительством, которое Компартия поддерживала).

Однако непреложный исторический факт состоит в том, что Чан Кайши обязан коммунистам своим положением, а возможно, и жизнью: во время так называемого сианьского инцидента в декабре 1936 года Чан Кайши был арестован своими же генералами, недовольными его нежеланием сотрудничать с Компартией в антияпонской войне; он был освобожден только по настоянию коммунистов, пославших Чжоу Эньлая в Сиань, чтобы примирить Чан Кайши с его же генералами; дело закончилось тогда подписанием сианьского протокола, призывавшего воевать с японцами, а не между собой. А потом этот самый Чан Кайши, вместо того чтобы покориться воле революционного народа, расстрелял одного из генералов, арестовал второго, предательски украл национальные сокровища — вывез золотой запас и художественные ценности на остров, так что несколько поколений континентальных китайцев их в глаза не видели.

В общем, что и говорить, внутренние конфликты всегда более жестоки и бескомпромиссны, чем внешние, и раны от них заживают дольше. Война между Гоминьданом и коммунистами была не менее ожесточенной, чем с японцами. Перед сдачей Чунцина (тогдашней столицы провинции Сычуань) наступающим войскам Мао в 1949 году отступавшие гоминьдановские войска расстреляли

несколько сот заключенных коммунистов. Это случилось уже в конце ноября, два месяца спустя после провозглашения КНР, в двух тюрьмах — Чжацзидун и Байгунгуань, сейчас там музеи, где можно увидеть камеры для заключенных, орудия пыток и детские сандалики — детей тоже расстреливали...

Так или иначе, в мировую политику Китай понемногу втягивается, может быть, и помимо воли руководства. В дискуссиях о том, как Китай должен был поступить после гибели китайских граждан в Белграде во время натовских бомбардировок в 1999 года и после инцидента с американским самолетом-шпионом в 2001 году, часто вспоминали Мао, при котором страна была менее богатой и сильной, но все равно не боялась «бумажных тигров» мирового империализма.

Во время валютных кризисов в Азии 1997 года Китай фактически впервые после Мао проявил себя ответственным лидером в Восточной Азии, да и во всей мировой экономике. Во имя азиатской солидарности он «держал удар», как никакая другая страна, и сильно помог бывшим вассальным/союзным государствам: решение Китая не девальвировать юань, как уже говорилось, на деле означало, что он взял на себя часть трудностей соседей, чтобы избежать волны конкурентных девальваций и еще большей дестабилизации; кроме того, Китай выделил 1 млрд долларов кредитов в стабилизационный фонд для стран ЮВА и обязался поддерживать своими резервами валюту к тому времени уже китайского Гонконга. Китайскую ответственную позицию высоко оценили не только в Азии, но и в США и Европе.

Сегодня, конечно, Тайвань уже рассматривается в основном в контексте отношений с США — главного геополитического соперника. Китайская стратегия «мирного возвышения», принятая на вооружение в 2003 году партийным руководством (тогдашний генсек Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао), с одной стороны, была разрывом с политикой Дэна «не высовывать голову» и «скрывать во тьме свои возможности», а с другой — попыткой убедить США и мир, что «мирное» возвышение Китая не несет им никакой опасности. США, однако, такой трактовки не приняли, не без основания решив, что «мирное возвышение» Китая означает мирный упадок Америки, к которому американская элита готова не была.

Борьба сверхдержав

В 2000-е годы в американском истеблишменте развернулась дискуссия: как Америка должна реагировать на возвышение Китая, представляет ли быстрорастущий Китай для США угрозу или, наоборот, новые возможности, которыми при известном умении можно выгодно воспользоваться. (Bergsten, Gill, Lardy Mitchell 2006).

В американской политике по отношению к Китаю, как когда-то и в политике по отношению к СССР, боролись два подхода — жесткий (China hawks — «ястребы») и мягкий (panda huggers — те, кто готов «обниматься с пандой»). Сторонники первого — неоконсерваторы из Республиканской партии, которые еще в 1999 году провозгласили, что Китай стал главным стратегическим соперником США вместо развалившегося Советского Союза (правда, после 11 сентября 2001 года им пришлось назвать главным врагом международный терроризм и искать у Китая поддержки в борьбе с ним). Они настаивали на сохранении эмбарго на поставки оружия Китаю, на безоговорочной поддержке Тайваня, на использовании торговых санкций, в случае если Китай не прислушивается к требованиям США. Китай, говорили они, может, и догоняет США экономически, но в военном отношении преимущество США бесспорно, так что надо использовать этот последний козырь для жесткого давления на Китай именно сейчас, пока военное превосходство, не дай бог, не исчезло вслед за экономическим.

По словам известного социолога Иммануила Валлерстайна (Wallerstein 2007), неоконсерваторы осознавали, что могуществу США в мире неизбежно будут бросать вызов многочисленные конкуренты. Распад Советского Союза, возможно, и скрыл эту тенденцию на короткий период времени, но в долгосрочной перспективе позиции США в мире постоянно слабели (из-за подъема Японии и Европы после Второй мировой войны и подъема стран Восточной Азии позже). Вторжение в Ирак в 2003 году произошло не для поддержания демократии в мире и не для укрепления контроля над путями снабжения нефтью, а потому что неоконсерваторы справедливо пришли к выводу, что единственная область, где США сохраняют преимущество, — это их военная мощь и что надо использовать это последнее преимущество, прежде чем оно также будет подорвано. По Валлерстайну, интервенция была ошибкой, так как лишь выявила неспособность США осуществлять лидерство только военными средствами. Но логика была именно в этом.

Сторонники же второго, мягкого, подхода считали, что поднимающийся Китай можно инкорпорировать в систему мирохозяйственных связей и международной безопасности, которая отвечает интересам США. Америка, полагали они, при терпении и настойчивости может удержать Тайвань от провозглашения независимости (а значит, и сохранить нынешний статус-кво, избежав китайской военной интервенции на остров), договориться по Северной Корее, Средней Азии и другим региональным конфликтам, а главное — не допустить принятия торговых и экономических санкций в отношении Китая и развивать торговлю и инвестиции так, чтобы за США и американскими компаниями оставалось лидерство в производстве высокотехнологичной продукции.

Цель американской политики в отношении Китая была одинакова у сторонников обоих подходов — сохранить американское лидерство в мире, в том числе и экономическое, предоставив Китаю в глобальной экономике и политике почетную роль важного союзника США, разделяющего американские ценности, признающего в целом американские интересы и американское лидерство. Методы достижения этой цели были различны, но различия сводились главным образом к процентному соотношению кнута и пряника во внешнеполитическом арсенале.

Аналогии с дискуссиями советологов о политике в отношении СССР, и, конечно, в отношении сегодняшней России, напрашиваются сами собой. Но на вопрос, почему Америка так давит и на Россию, и на Китай одновременно, трудно найти ответ. Лакмусовая бумажка — объяснение того, почему в 1968 году после ввода советских войск в Чехословакию, Запад не ввел санкции в отношении СССР, а в отношении России вводит постоянно. Ведь эти санкции стали вводиться еще до начала войны на Украине в 2022 году, до кампании 2016 года против российских хакеров, «вмешивающихся в американские выборы и подрывающих американскую демократию» и даже до присоединения Крыма в 2014 году (санкции в связи с делом Магнитского были введены еще в 2010 году).

Ведь в 2010-е годы, да и сейчас, Россия имеет меньше идеологических разногласий с Западом, чем СССР во время холодной войны. Сегодня Россия является капиталистической рыночной экономикой и более демократичной страной, чем СССР. Кроме того, Россия намного слабее СССР — численность ее населения и территории, экономический и военный потенциал составляет от 60 до 80% Советского Союза. Ее влияние просто невозможно сравнить с глобальным влиянием СССР. Но сегодня риторика и действия США и Запада в отношении России гораздо жестче, чем они были в 1970-х годах, в эпоху «разрядки». В 1970-х

невозможно было даже представить себе ни сегодняшний резкий и высокомерный тон американских политиков и СМИ, ни запрет советским чиновникам путешествовать на Запад.

В 1968 году, когда СССР и союзники по Варшавскому пакту ввели войска в самый центр Европы, чтобы предотвратить возможную переориентацию Чехословакии на Запад, последний не только не ввел санкции, но и всего через три года пошел на разрядку напряженности с восточным блоком, заключив четырехстороннее соглашение по Западному Берлину в 1971 году, соглашение об ограничении стратегических вооружений (между СССР и США) в 1972 году и соглашение о нерушимости европейских границ в 1975 году. Напротив, в 2014 году присоединение Крыма (с геополитической точки зрения небольшой передел сфер влияния на постсоветском пространстве) вызвало санкции со стороны большинства западных стран. Почему?

Возможное объяснение заключается в том, что позиция США и Запада определяется в первую очередь не идеологией, и не геополитикой, а скорее, меняющимися представлениями политической элиты о балансе сил сейчас и в будущем (Попов 2019; Роров 2022b). Сразу после Второй мировой войны СССР не рассматривался как сверхдержава. В 1950-е – начале 1960-х годов количество советских ядерных боеголовок и стратегических ядерных носителей (бомбардировщики дальнего действия, межконтинентальные баллистические ракеты наземного и подводного базирования) было меньше, чем у США, не на 10–20%, а на порядок, поэтому США и Запад надеялись заставить СССР подчиниться с помощью грубого политического нажима — холодной войны.

Но советская экономика в 1950–1960-х годах быстро догоняла США, и к концу 1960-х годов число стратегических ядерных носителей и ядерных боезарядов в СССР примерно сравнялось с американским (Роров 2022b). Результатом стала разрядка: СССР предлагал отказ от холодной войны все время, но США и Запад приняли это только в 1970-х годах, когда баланс сил приблизился к паритету, а ввод войск в Чехословакию показал еще раз, где проходит красная черта.

Еще и в 1980-е годы Запад готов был договориться с СССР о нейтральности Восточной Европы и постепенной экономической и политической либерализации, обсуждались планы независимой единой Европы от Лиссабона до Владивостока с радикально сокращенными запасами оружия, с системой коллективной безопасности. В 1990-е годы Россия даже надеялась на безвизовый режим с

Европой, на формирование единого экономического пространства, а может, и на членство в НАТО и ЕС.

Сегодня политическая элита США, вероятно, считает, что Россия не догоняет и не будет догонять США и Запад, что экономическая, а далее и военная мощь России будут относительно слабеть и что подтолкнуть этот процесс можно путем прямого давления и санкций. Санкции в таких масштабах были немыслимы против коммунистического СССР в 1970-х годах и были немыслимы против Китая еще и 10 лет назад, в 2010-е годы, хотя Китай, очевидно, был менее демократичен, чем Россия, и все еще формально являлся коммунистической страной. Именно потому, что западный политический класс ожидал подъема СССР в 1970-х годах и ожидал дальнейшего подъема Китая в 2010-е годы, он пытался договориться о мирном сосуществовании, не идя на конфронтацию.

Вот историческая аналогия, которая, возможно, поможет понять суть дела. В начале первой русской революции, в феврале-марте 1906 года, большевики приняли участие в выборах в Первую Думу но решили бойкотировать последующие выборы в 1907–1908 годах. Ленин постфактум признал бойкот ошибкой, поскольку революционная активность пошла на спад после декабрьского Московского восстания 1905 года, тогда как большевики ошибочно полагали, что революция идет в гору. «Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой, был уже бойкот большевиками “Думы” в 1906 году, — писал он. — Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907, 1908 и следующих годах, когда, с одной стороны, нельзя было ждать очень быстрого подъема революционной волны и перехода ее в восстание и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии» (Ленин 1964: 18).

Идея такова, что, когда волна революционной борьбы спадает, необходимо использовать все возможные средства противостояния авторитарному царскому режиму — легальные (выборы в Государственную думу) и нелегальные (подготовка нового восстания). Другими словами, разумно активно добиваться перемен, если есть шансы на победу и если эти шансы увеличиваются. Но если шансы на победу невелики, лучше искать компромисс, который сохранит статус-кво. Если политический класс США сегодня считает, что Россия находится в упадке, зачем вообще вести с ней переговоры («завтра мы получим еще более выгодную сделку или получим то, что хотим, без сделки»). Но если Россия находится на подъеме, давление США на нее может оказаться ошибкой. «Не

можешь победить, бери в союзники» — это изречение приписывают иногда Сунь Цзы, хотя он такого и не говорил.

Давление США на Россию может привести к противостоянию, подобному кубинскому ракетному кризису 1962 года. В то время СССР был готов пойти на риск, хотя возможности его стратегических ядерных носителей были намного ниже, чем у США. Несмотря на это, СССР победил — советские ракеты были выведены с Кубы (возвращение к статус-кво), но вдобавок США пообещали не вторгаться на Кубу и вывести свои ракеты средней дальности из Турции. Сегодня Россия может не только нанести США неприемлемый ущерб, как СССР в начале 1960-х годов, но и уничтожить весь земной шар. Что заставляет США верить, что на этот раз Россия не захочет рисковать? И что можно продать не только Россию, но и Китай? Даже Северная Корея и Иран, обладающие куда менее мощным вооружением, осмеливаются бросить вызов геополитическому лидерству США.

Возможно, элита США убеждена, что обладает самой эффективной экономической и социальной системой и что упадок не только России, но и Китая — вопрос времени. Неоконсерваторы конца 1990-х годов (Ричард Перл, Пол Вулфовиц и др.) публично заявляли, что США выиграли холодную войну (Perle 1997), поэтому мировой порядок должен быть реформирован. И сегодня так считают не только неоконсерваторы. Да, Япония и Западная Европа догоняли США после Второй мировой войны, но не догнали их полностью. В исследованиях и разработках, в инновациях, в высокотехнологичных отраслях и в военной мощи США по-прежнему остаются номером один. Китай, возможно, и догоняет Запад по доходу на душу населения и уровню технологического развития, но лишь постольку, поскольку он копирует западные технологии. Так что, если США являются номером один и всегда будут ими, то имеет смысл подтолкнуть историю в «правильном» направлении, оказывая давление на Россию и Китай посредством расширения НАТО, отмены договоров о контроле над вооружениями, введения экономических санкций и т. д. Доводить до открытой войны опасно, она может уничтожить весь мир, но контролируемо давить на соперников — лучшая стратегия. Но, конечно, только в том случае, если китайская модель не конкурентоспособна в перспективе. А если все-таки китайская модель конкурентоспособна?

Американский политический класс, возможно, совершает роковую ошибку и не только потому, что ничто так не ослепляет, как успех. Проблемы с качеством элиты в США и на Западе видимо отражают кризис политической системы — в эпоху

господства социальных медиа элита утратила контроль над общественным мнением, позволила популистам взять верх и сама стала заложницей популистского процесса (об этом подробнее в следующей части).

Еще в 2000–2010-е годы Америка, похоже, надеялась, что с Китаем можно мирно конкурировать, оказывая мягкое давление — требуя уступок в обмен на доступ к американскому рынку и американские инвестиции. До 2018 года США (а также другие западные страны, Всемирный банк и Международный валютный фонд) настаивали на ревальвации юаня и переориентации китайской экономики с экспорта на внутренний рынок и с инвестиций на потребительские расходы, на строгой защите прав на интеллектуальную собственность, на снижении выбросов парниковых газов (Bergsten, Gill, Lardy Mitchell 2006).

Объективно все эти требования должны были привести к подрыву быстрого экономического роста Китая. Про ревальвацию юаня уже говорилось. Америка обвиняла Китай в том, что он поддерживает искусственно заниженный курс юаня через накопление валютных резервов, что дает необоснованное преимущество китайским экспортерам.

В 1980-е годы аналогичные обвинения выдвигались против Японии. История, хоть и не повторяется, но часто рифмуется, говорил Марк Твен. В 1980-е годы, при Рейгане, когда тоже возрос дефицит торгового баланса США, главной причиной посчитали заниженный курс японской иены. Японию тогда «убедили» ревальвировать иену: по соглашению «Плаза» 1985 года ее курс вырос почти в два раза — с 239 иен за доллар в 1985 году до 128 в 1988-м. А в 1990-е годы роста в Японии практически не было («потерянное десятилетие»), причем многие экономисты объясняют это именно ревальвацией второй половины 1980-х годов. В 1930-е годы, в период Великой депрессии, многие страны прибегли к девальвациям, которые вкупе с протекционистскими мерами были призваны защитить внутренние рынки от иностранной конкуренции и получили название «политика ограбления соседа» (*beggar-thy-neighbor-policies*).

США могли бы и сами снизить курс доллара через накопление собственных золотовалютных резервов, но не хотели. Ведь накопление резервов связано с издержками (для США — особенно большими, так как большая часть их резервов — в золоте, а не в валютах других стран, а хранение золота никаких процентов не приносит, только расходы), а выгоды от накопления резервов в виде ускорения роста, которые получает Китай, США как развитая страна вряд ли могли получить (Polterovich, Popov 2004). Вот Америка и пыталась убедить Китай пожертвовать

курсом юаня (а в конечном счете экономическим ростом) для восстановления равновесия американского платежного баланса.

Конечно, если все страны стали бы прибегать к «протекционизму валютного курса», проиграли бы все без исключения. Но ведь если кто и имеет моральное право на такую политику, так это развивающиеся страны, которым надо догонять развитые. Последние, между прочим, в том числе и США, соглашались на это не из-за особого альтруизма. Китай фактически сделал США такое предложение, от которого очень трудно отказаться: мы финансируем ваше потребление, вы получаете возможность потреблять больше, чем производите (то есть поддерживать дефицит баланса по текущим операциям, покрывая его нашими вложениями в ваши гособлигации и векселя), а мы получаем конкурентные условия доступа на ваш самый большой и самый продвинутый в техническом отношении рынок, что требуется для нашего быстрого роста. Или иначе: мы вам платим сегодня до нескольких сот млрд долларов ежегодно, чтобы вы не беспокоились о нашем 10-процентном росте. Схожим образом, кстати сказать, происходило и возвышение США в мировой экономике: после Гражданской войны 1861–1865 годов и до 1970-х годов США имели в основном активный баланс в торговле.

Так или иначе, с 2005 года Китай стал постепенно поднимать курс юаня (с 8,3 юаней за доллар до 6 юаней в 2014 году). Накопление резервов с 2009 года замедлилось, а с 2014 года полностью прекратилось, повысился реальный курс юаня, снизилась доля экспорта в ВВП, доля инвестиций в ВВП стабилизировалась (см. параграф про замедление роста). Казалось бы, Китай пошел на уступки и создал основу для улучшения отношений с США.

Так же и с защитой интеллектуальной собственности — Китай многое сделал для борьбы с «пиратством» — нелегальным импортом и производством американского программного обеспечения, кассет и дисков с музыкой, фильмами и другими продуктами, защищенными патентами и копирайтами³⁴. При вступлении во

³⁴ У нас нередко считается, что защита прав на интеллектуальную собственность – первейшее требование «цивилизованного» рынка. Но это в основном по незнанию – новообращенцы всегда оказываются «большими католиками, чем сам Папа». Вопреки нашим распространенным убеждениям, экономисты отнюдь не единодушны в стремлении укрепить защиту прав на интеллектуальные продукты (Роров 2011; Попов 2011б).

Среди экономистов-теоретиков как раз есть понимание того, что нынешняя система охраны прав на интеллектуальную собственность несовершенна, что ужесточение патентных законов ведет к увеличению вложений фирм в НИОКР, но вместе с тем, предоставляя монополию на продукты интеллектуального труда, препятствует распространению нововведений; что стимулы к созданию новых интеллектуальных продуктов полностью не исчезнут, даже если совсем отменить монопольные права на новую интеллектуальную собственность и разрешить ее неограниченное тиражирование всем желающим. Ведь тиражирование не мгновенно, так что первооткрыватель всегда будет иметь преимущества. Кроме того, предоставление

Всемирную торговую организацию в 2001 году Китай даже отказался от пятилетнего переходного периода, предусмотренного для развивающихся стран, в течение которого можно было не следовать требованиям ТРИПС (TRIPS — Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности).

А в том, что касается ограничения выбросов парниковых газов и прочих вредных веществ, Китай в последние годы продвинулся вперед больше других стран, да и в расчете на душу населения потребляет энергии меньше и производит парниковых газов меньше, чем развитые страны (в 2022 году Китай выбрасывал менее 8 тонн CO₂ на душу населения, США — 15 тонн).

В 2014 году Китай и США подписали совместное соглашение, устанавливающее цели по сокращению выбросов. Пекин пообещал, что его выбросы достигнут пика в 2030 году, а затем будут сокращены. Даже когда при первом сроке Трампа Белый дом отказался выполнять свои климатические обязательства, Китай придерживался принятых вместе с Обамой ориентиров и, таким образом, стал лидером в глобальном стремлении сократить выбросы вместе с ЕС. Еще более важным является фактическое сокращение выбросов. Китай уже лидирует в главных зеленых технологиях — солнечной и ветровой энергии, производстве аккумуляторов и электромобилей.

До 2018 года претензии США к Китаю в общем не казались слишком существенными, тем более что Китай выражал готовность идти навстречу и делал заметные практические шаги в этом направлении. Позицию Китая по Тайваню (мирное сосуществование и всемерное развитие торгово-экономических и культурных связей до тех пор, пока Тайвань не провозглашает открыто независимости) американские эксперты считали тогда приемлемой. Расхождения

монопольных прав на интеллектуальный продукт — далеко не единственный способ вознаграждения производителя. Ему может платить государство из бюджета или из специального фонда распространения нововведений (развития культуры).

Более того, в международном технологическом и интеллектуальном обмене развивающиеся страны получают много больше, чем отдают, то есть являются чистыми импортерами. Вроде бы признано, что ускоренное развитие этих стран соответствует не только их собственным интересам, но и интересам всего мира, да и западным интересам (в частности, борьбы с терроризмом). Признано также и то, что помощь через передачу технологии и знаний более эффективна, чем через субсидирование потребления.

Однако Запад активно добивается, чтобы развивающиеся страны платили сполна за приобретаемые интеллектуальные продукты — вплоть до принятия санкций против тех, кто плохо защищает права на копирайты, патенты и торговые знаки. Отступают от этого принципа только в исключительных случаях, как с лекарствами от СПИДа и вакцинами против COVID, когда связь между приверженностью принципу и потерей человеческих жизней слишком очевидна. Некоторые исследователи считают, что есть основания обвинить Запад в политике «залезть наверх и убрать лестницу»: ведь сами-то западные страны пользовались более либеральным режимом распространения изобретений, когда превращались из развивающихся в развитые, а теперь требуют от развивающихся стран жесткой охраны их интеллектуальных продуктов (Chang 2002). Так может при таком режиме и в принципе «залезть наверх» невозможно?

же США и Китая в отношении к региональным конфликтам (Корея, Средняя Азия, Ирак, Иран, Судан и проч.) не представлялись достаточно серьезными, чтобы воспрепятствовать партнерским отношениям.

До 2018 года американская элита все-таки считала, что отношения с Китаем при всех имеющихся сложностях слишком важны, чтобы позволить себе то, что позволено в отношении других, не слишком демократических, стран. Американским официальным лицам, к примеру, и в голову не приходило публично называть Китай диктатурой, как именовалась Беларусь, или запрещать поездки китайских чиновников в США, как запрещали поездки белорусских, хотя, конечно, демократии в Беларуси было никак не меньше, чем в Китае. Однако мягкий нажим на Китай при первом сроке Трампа сменился на более жесткий.

Весной 2018 года между США и Китаем началась торговая война. Тогда США выпустили список примерно из 1,3 тыс. товаров, пошлины на ввоз которых из Китая должны были возрасти на 25%. Список включал разнообразные товары: электронику, запчасти для самолетов, спутники, медицинские товары, оборудование и прочее. Объем торговли между двумя странами в 2023 году был на 12% меньше, чем в 2018 году, а отношение экспорта и импорта к ВВП и в Китае, и в США не растет уже со времени Великой рецессии 2008–2009 годов.

В 2019 году в США учились 370 000 китайских студентов, в 2023 году их число сократилось до 292 000. В 2021–2024 годах почти 300 китайцам с действующими визами отказали во въезде в США уже на американской территории и заставили возвращаться обратно за свой счет. Некоторые студенты и аспиранты просто ездили в отпуск в Китай и возвращались обратно в США на учебу, некоторые возвращались из Мексики, но им все равно запретили въезд и лишили их права обращаться за американской визой в течение последующих нескольких лет. Эксперты посчитали, в каких именно областях знаний больше всего отказов в визах — обработка больших данных, искусственный интеллект, авиация, полупроводники, информатика, ядерные исследования.

В мае 2022 года спикер палаты представителей США Нэнси Пелоси посетила Тайвань, а Байден заявил, что США будут защищать Тайвань в случае агрессии. С тех пор как США признали Тайвань частью КНР, разорвав дипотношения с Тайванем в 1979 году, Америка воздерживалась от таких заявлений и от визитов высокопоставленных политиков. В октябре 2022 года США ввели дополнительные ограничения на экспорт полупроводников и оборудования для производства микросхем в Китай. В октябре 2023 года Белый дом ужесточил ограничения и

обговорил с Нидерландами и Японией запрет на поставки в Китай современных станков для литографии, в том числе и от их главного производителя — нидерландской компании ASML. Позже правительство Нидерландов отозвало экспортную лицензию на некоторые из самых современных станков ASML, что заблокировало их продажу в Китай.

Наконец, в мае 2024 года администрация Байдена повысила пошлины на многие китайские товары, в том числе и на электрические аккумуляторы, солнечные батареи, компьютерные чипы и электромобили (на последние — аж в четыре раза — с 25% до 100%). Ирония состоит не только в том, что США, традиционно защищающие свободу торговли и требующие от других стран таможенного разоружения, переходят к самому грубому протекционизму, но и в том, что пошлины вводятся как раз на такое оборудование, которое нужно для перехода к «зеленой экономике». Китай производит 80% фотоэлектрических модулей, 60% ветряных турбин, 60% электромобилей и аккумуляторов всего мира; в 2023 году только прирост мощности его солнечных батарей оказался больше, чем вся установленная мощность в США.

Америке бы радоваться, что можно так дешево купить экологическое оборудование, которое она сама, если и производит, то не так эффективно, но нет, вместо этого Америка вводит пошлины, делающие это оборудование дорогим и замедляющие его внедрение. «Все моральные, экологические и экономические аргументы на стороне тех, кто субсидирует свои “зеленые производства”, а не тех, кто их облагает налогами», — написал об этом уже упоминавшийся Дэни Родрик (Rodrik 2024).

В общем, сегодня отношения с США переживают трудные времена, а перспективы возвышения Китая и упадка США не кажутся очень «мирными».

Куда смотрит восточная голова российского орла

«У российского орла две головы, — говорил бывший российский президент Борис Ельцин, отвечая на вопрос о проевропейской или проазиатской ориентации России. — Одна смотрит на Запад, другая на Восток». — Смотреть-то, может быть, и смотрит, да много ли видит?

«Почему вы так хотите быть европейской страной?» — спрашивали меня в Китае в 1990-е годы. — Зачем России надо обязательно быть в составе «семерки» («восьмерки»)? Ведь вы же развивающаяся страна, как и мы». — Я не знал, что ответить. Я думал, что Россия не Европа только до тех пор, пока не побывал в Азии — оттуда уж точно видно, что Россия часть Европы. Дистанция между российской жизнью и европейской кажется мизерной при сравнении Китая с Европой, будь то Нидерланды или Россия. К счастью или к сожалению?

В 1990-е годы на нашем Дальнем Востоке китайцев, легальных и нелегальных иммигрантов, было всего от силы 250 000, менее 5% населения (это высшая оценка, другие говорят, что не более 50 000), но сколько тогда было разговоров о «желтой опасности» и «ползучей экспансии»!

Для Китая Россия не только бывший друг, но поработитель и захватчик, участник интервенций и разделов Китая в XIX веке, в ходе которых стране навязывались кабальные договоры. Россия — одна из восьми империалистических держав, войска которых вторглись в Китай в 1900 году. «Ты должен был бы видеть, как мы вошли в город, когда выиграли первое сражение, — писал немецкий солдат домой после того, как западный десант, высадившийся в Тяньцзине, вступил в Пекин 14 августа 1900 года. — Перебиты были все, кого мы только встретили на пути: мужчины, женщины, дети. О, как кричали женщины! Но приказ императора гласит: не давать пощады!» Это был приказ императора Германии Вильгельма II, в котором именно так и говорилось: «Пощады не давать, пленных не брать <...> чтобы и через 1000 лет ни один китаец никогда более не осмелился даже косо взглянуть на немца». Именно так — не просто взглянуть, а «даже косо взглянуть», и всего только 100 лет назад. Интервенты разворовали и уничтожили бесценную дворцовую библиотеку, где хранились редчайшие старинные рукописи и книги. Из Пекина шли эшелоны поездов с золотом и жемчугом, слоновой костью и фарфором.

Российские войска, занявшие тогда Маньчжурию, зверствовали не меньше. «Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери,

выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей, — писал тогда современник. — И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев» (Ленин 1967: 380).

С чем у нас ассоциируется Европа? Раньше говорили «европейская цивилизация» и «европейское образование», теперь — «европейские ценности», «два авиабилета в одну из европейских столиц», евросервис, набор еврокосметики, евроремонт с установкой евросантехники. А Азия? Совсем другой набор устойчивых словосочетаний: азиатское коварство, азиатская хитрость, азиатская жестокость, «азиатщина»... Ничего благосклоннее «азиатской экзотики», пожалуй, и не найти. Стереотипы человеческого сознания живучи, они так укореняются, что остаются даже тогда, когда исчезает само явление, которое они отражали.

Между тем отношение китайцев к русским, похоже, более благожелательное, чем наше к ним. В глазах китайцев русские — большие дети, которые только с виду грозные, но обмануть которых не составляет труда и которые, может быть, и выглядят круто, но торговаться не умеют. Русских ценят за невредность и щедрость, за открытость и готовность поговорить по душам — я бы даже сказал, что в этом смысле мы с китайцами очень похожи и сильно отличаемся от закрытых японцев. Старшее поколение знает и любит советские песни и фильмы, особенно «Летят журавли». «Советский Союз — наш старший брат» — этот лозунг 1950-х годов в Китае помнят даже те, кто родился позднее.

Русскими восхищаются за то, что выиграли войну, что осваивали космос, что делали ракеты и противостояли могущественной Америке. Но русским также и сочувствуют, что они такие большие, но к жизни не приспособленные, что в бизнесе они не слишком предприимчивые, что у них теперь мало денег, так что даже проститутки из России едут на заработки в Китай. Только 18–26% китайцев, живущих в Москве, Хабаровске и Владивостоке и опрошенных в 1998–1999 годах, сказали, что были бы против брака их близких родственников с россиянами. Однако на аналогичный вопрос (относительно брака с китайцами) отрицательно ответили 44–64% россиян. Вот такие мы «упертые»...

Служащий пекинской туристической фирмы, в которую я зашел справиться о маршрутах и ценах, приветливо заулыбался — «а, русские, бывшие друзья». — Затем порылся в бумагах и сообщил, что на меня распространяется правило о наценке для иностранцев; будет ненамного, но все-таки дороже, чем для китайских граждан; деньги же пойдут не фирме, а в виде пошлины в госказну. — «Не

понимаю, почему с вас берут больше, ведь вы же такая же развивающаяся страна, как и мы», — извиняющимся тоном произнес он. Я на минуту почувствовал себя неуютно: сам знаю, что развивающаяся, но принимать от китайцев скидку на бедность как-то неловко. А с другой стороны, меня все-таки считают за равного, за своего, даже за друга, хоть и бывшего. С американца, европейца или японца эту наценку взяли бы не моргнув глазом, и, скорее всего, не только в пользу государства.

В 1990-е годы мы все еще смотрели на Китай сверху вниз, хотя уже тогда различия были очевидны. Вот что писала американская *New York Times* в 2000 году о приграничном городе Забайкальске Читинской области: «Для жителей Забайкальска рай начинается через 50 метров после пересечения границы, за брошенными русскими танками и заборами с ржавой колючей проволокой. Здесь китайцы построили сияющий центр свободной торговли, маленький город, состоящий из отелей, офисов транспортных фирм, магазинов оптовой торговли и пагод. На горизонте, в 10 минутах езды по свежееуложенному асфальту китайской автострады, виден город Маньчжоули. Китайская версия Забайкальска всего 10 лет назад, теперь это место, где разворачивается российско-китайская торговля — лес небоскребов и кафе, «где даже дворники имеют сотовые телефоны», как сказал с завистью один русский».

Город, точнее поселок городского типа, Забайкальск Читинской области, в 40 км от того места, где встречаются границы Китая, России и Монголии, последняя станция до пересечения китайской границы по Транссибирской магистрали в то время, когда она проходила по территории Китая (КВЖД — Китайско-восточная железная дорога). На строительстве Транссиба, кстати сказать, и китайской его части, и российского обходного пути, работали в основном китайские рабочие. По завершении строительства обходной ветки Транссиба по российской территории в 1916 году значение Забайкальска сильно упало. В основном там жили военные, но после развала СССР и военное присутствие снизилось. В 1989 году население составляло менее 9 000 человек, а в 1990-е годы город стал жить на робингудовские налоги с транзита из Китая.

«Убийственное впечатление произвёл на нас город Забайкальск в Читинской области, — писал об этом Станислав Говорухин в 1994 году. — Весь город занимается тем, что грабит железнодорожные вагоны, идущие из Китая. В вагонах — обувь, сигареты, водка, пиво, пуховики, пуховые одеяла, аппаратура, велосипеды <...> Грабят в основном дети и подростки. Ходим по “улице

миллионеров” (так называется улица, примыкающая к железнодорожным путям, — очень удобно грабить) и везде натываемся на аккумуляторы <...> Тучи детей совершают там ежедневно набеги на вагоны с сахаром. Пробивают ломом днище вагона, высыпают сахар прямо на шпалы, собирают в мешки и несут через забор и дальний пустырь к тому месту, где их ждут грузовики со взрослыми дядями» (Говорухин 1994).

Китайско-российское экономическое сотрудничество шло до начала войны с Украиной в 2022 году довольно вяло — то есть для России объемы экспорта были довольно значительны (сырье и вооружения, в основном самолеты СУ-30МК), а для Китая в общем малозаметные. В 2000 году наш товарооборот составил 8 миллиардов долларов, однако китайская торговля с США тогда была 115 миллиардов, с Японией — 84 миллиарда, а всего — около 500 миллиардов долларов плюс более 200 миллиардов у Гонконга и почти 300 миллиардов у Тайваня (складывать последние цифры, правда, нельзя, так как во многом это перепродажа китайских товаров).

Была раньше, правда, еще и челночная торговля, которая, конечно, не полностью учитывалась в официальной статистике: в Пекине был целый район — Ябао лу — несколько кварталов в восточной части города, сразу за вторым кольцом, где в магазинах с русскими названиями и объявлениями отоваривались наши челноки. Район этот, однако, захирел сразу после августовского кризиса 1998 года, когда из-за девальвации рубля импорт стал слишком дорогим; теперь там идет кое-какая торговля, но не такая бойкая, как в 1990-е годы.

В 2021 году, прямо перед началом спецоперации на Украине, товарооборот с Китаем составил всего 140 миллиардов долларов, менее 20% всей российской торговли и менее 2% китайской (вся внешняя торговля РФ составила тогда почти 800 миллиардов, вся внешняя торговля Китая — 6 триллионов долларов). В том же году китайская торговля с Бразилией, у которой ВВП меньше российского и которая за тридевять земель, составила даже больше — 143 миллиарда долларов. В 2023 году товарооборот с Россией составил уже 240 миллиарда долларов, теперь Китай главный торговый партнер России (как и большинства других стран мира). Это, правда, все еще меньше, чем торговля Китая с 20-миллионным Тайванем (270 миллиарда долларов), но все-таки составляет треть всей российской внешней торговли.

В 2011 году начались поставки нефти по нефтепроводу Ангарск — Дацин (ответвление нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан»), в 2023 году по

нему и через казахстанские трубопроводы Россия поставила 40 миллионов тонн нефти, плюс еще почти 70 миллионов тонн танкерами и по железной дороге. Из общего китайского импорта нефти в 564 миллионов тонн на Россию в 2023 году пришлось 107 миллионов тонн (первое место, второе у Саудовской Аравии).

В 2019 году был запущен в эксплуатацию газопровод «Сила Сибири»; в 2022 году по нему перекачали 15 миллиардов кубометров газа, в 2023 году — 23 миллиарда, проектная мощность — 38 миллиардов кубометров. Обсуждается строительство «Силы Сибири — 2» с веткой через Монголию и мощностью 50 кубометров газа, но к концу 2024 года соглашения о строительстве все еще не было.

Общее потребление газа в Китае в 2023 году — около 400 миллиардов кубометров в 2023 году (две трети производится, треть импортируется), причем совокупная мощность по приемке сжиженного природного газа (СПГ) — 14 терминалов и более 100 миллиарда кубометров на 2023 год — через два-три года должна быть удвоена и пока что не ясно, согласится ли Китай на строительство второго газопровода из России (50 миллиардов кубометров) или же предпочтет импортировать СПГ.

То же с вооружениями — контракт 1999 года на продажу 50 истребителей СУ-30МК, который называли сделкой века, имел общую стоимость всего 2 миллиарда долларов (в расчете на несколько лет), да к тому же теперь Китай производит эти машины самостоятельно — по российской лицензии.

По уже упоминавшейся гравитационной модели международной торговли объем товарооборота между двумя странами прямо пропорционален размерам экономики двух стран (ВВП) и обратно пропорционален расстоянию между ними. (Формула для расчета объема торговли напоминает формулу закона всемирного тяготения Ньютона, отсюда и название.) В эконометрических расчетах, конечно, учитываются и другие факторы — общность языка, наличие/отсутствие свободной торговли, политическая близость и прочее. Но при любых раскладах получается, что с Китаем наша торговля должна быть никак не меньше торговли с ЕС в отсутствие санкций и прочих осложнений (ВВП Китая уже больше ВВП ЕС, а расстояние примерно одинаковое). Но только сейчас, из-за западных санкций наш товарооборот с Китаем превысил торговлю с ЕС.

Однако китайские прямые инвестиции в Россию пока не особенно идут. В 2000-е годы Китай получал больше прямых иностранных инвестиций, чем вывозил сам в другие страны, но уже в 2010-е годы входящие и исходящие потоки сравнялись, а в 2023 году Китай инвестировал в новые проекты за границей в пять раз больше

(163 миллиарда долларов), чем за граница вкладывала в Китай. А всего в мире к началу 2023 года было накоплено около 3 триллионов долларов китайских прямых инвестиций. Но на Россию пришлось только 10 миллиардов долларов — всего 0,3% от общего объема.

В 2023 года эти 10 триллионов увеличились еще на 163 миллиарда долларов только за счет притока новых средств из Китая, причем главными получателями китайских прямых инвестиций стали страны Глобального Юга — Саудовская Аравия (17 миллиардов долларов), Малайзия (14), Вьетнам (12), Марокко (10), Казахстан (9), Индонезия, Египет, Аргентина (по 8 миллиардов каждой стране), Мексика, Сербия (по 6 миллиардов). России в списке крупнейших получателей не было.

Территория Китая составляет более половины российской, население Китая примерно в 10 раз больше. У России самая длинная граница с Казахстаном, а у Китая — с Россией, 3645 километров, на 265 километра длиннее, чем с Индией. Разница в экономическом потенциале уже сейчас огромна и продолжает возрастать — в 1990 году российский ВВП по паритету покупательной способности был примерно равен китайскому, в 2000 году составил в лучшем случае около 20% китайского, в 2023 году — 10% от китайского. Общий российский экспорт в почти в восемь раз меньше китайского (425 и 3380 миллиарда долларов в 2023 году). Россия, конечно, сверхдержава, и не только бывшая, если судить по числу ядерных боеголовок на стратегических носителях. Но через несколько лет стратегический военный потенциал России будет примерно такой же, что и у Китая — наш-то снижается, потому что денег нет его поддерживать, а китайский растет (4489 развернутых и хранящихся боеголовок в России против 410 в Китае в 2023 году, по данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира). Почему же Россия, по крайней мере до последнего времени, смотрела на Китай свысока и не уделяла ему того внимания, которое он уделял ей? Дело, очевидно, в уже упоминавшихся стереотипах, в нежелании быть «азиатами», в отождествлении цивилизации с Европой. Особенно боялись провосточной ориентации наши демократы, Китай не нравился им потому, что он авторитарно-коммунистический; сотрудничать с ним и изучать его опыт считалось поэтому чем-то постыдным. Кстати сказать, все наши демократы, будь то Союз правых сил или «Яблоко», были в 1990-е годы известны в Китае прежде всего и главным образом как противники российско-китайского сближения, все другие пункты их политической платформы китайцы считали тонкостями и не очень ими интересовались; существенная для нас

разница между Гайдаром и Явлинским в Китае полностью затмевалась их проевропейской позицией.

Но ведь все страны были когда-то авторитарными, государство возникло раньше, чем демократия, и отнюдь не в форме парламентской республики; демократами не рождаются, к демократии приходят в результате исторической эволюции/революции, приходят разными путями и с разными издержками. Как уже говорилось, Китай ввел демократические выборы на низовом уровне более 30 лет назад и вводит их в высших эшелонах власти. Трудно сказать, какая модель демократии окажется наиболее конкурентоспособной в будущем. Но западная модель демократии сегодня очевидно переживает кризис: скандалы, популизм, снижение профессионализма политиков, выборы, в которых второстепенные качества личностей кандидатов и пикантные истории играют большую роль, чем программы партий...

По рейтингам Economist Intelligence Unit, Китай сейчас столь же недемократичен, сколь и Россия, но, по существу, китайская система представительной демократии выглядит сегодня более эффективной, чем многие другие. В особенности чем американская демократия, которая все более напоминает балаган и «мыльную оперу».

Прогнозы на конец этого десятилетия таковы, что китайский ядерный арсенал сравняется с российским и американским, и тогда можно будет провести более корректное сопоставление, сравнение по гамбургскому счету — уровень экономического развития выше российского, продолжительность жизни выше (уже сейчас выше на пять лет), число стратегических носителей и ядерных боеголовок (если для вас это важно) одинаково, а число жизней, потерянных при продолжающемся переходе к рынку и демократии на несколько порядков меньше. Что же мы ответим тогда детям и внукам, которые спросят: почему же *мы* не пошли по китайскому пути?

Китайский успех уже сейчас кажется нам недостижимым. Он заставляет беспокоиться и более развитые страны. «На протяжении 4000 лет предшествующей истории Япония была периферийным государством для Китая, за исключением только одного последнего века, — пишет Кеничи Омае, японский гурู менеджмента, как его называют, в изданной в Японии в 2002 году книге «Влияние Китая». — В будущем Япония будет для Китая тем же, чем Канада является для США, Австрия — для Германии и Ирландия — для Британии».

Премьер-министр Сингапура, в котором китайцев три четверти населения, тоже очень беспокоится по поводу наступления китайских товаров. Он призвал отечественный бизнес переключаться с электроники на новые экспортные товары — на нефтехимию, фармацевтику и биотехнологию, поскольку в электронике конкурировать с китайцами уже безнадежно. «Для нас главное требование будущего, — сказал он, — состоит в том, чтобы найти себе (производственную) нишу в мире, который Китай заваливает высококачественными и более дешевыми товарами. Китайская экономика потенциально равняется десяти японским».

Можно, конечно, сказать, как говорили раньше: «Сингапур нам не указ». А можно подумать, в чем для нас состоит главное требование будущего и как найти свою нишу в новом мире, в котором будет доминировать даже не столько сам Китай, сколько китайская модель.

20 лет назад одну из статей о Китае я закончил словами «нам повезло, что Россия граничит с Китаем. Не повезло с элитой, которая видит основную задачу внешней политики в том, чтобы добиться безвизового выезда на Запад» (Попов 2004). Сегодня из-за войны на Украине и санкций все изменилось, треть всего внешнеторгового оборота в 2023 г. пришлось на Китай, 2/3 — на Азию (включая Китай); на Европу — чуть более 20%. Как говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло?

Опасности

Неравенство в Китае остается высоким, хотя его рост в 2000–2020-е годы прекратился. В стране за годы реформ произошло сильное имущественное расслоение, богатые богатели быстрее, чем бедные, так что разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился. В принципе этого ждали: как говорил Дэн, чтобы сделать богатыми *всех* как можно быстрее, надо позволить *некоторым* разбогатеть первыми; углубление неравенства поэтому воспринималось как неизбежная цена за ускорение экономического роста. Однако углубление неравенства оказалось слишком быстрым — в очень короткий период Китай превзошел по общим показателям неравенства европейские страны и даже сравнялся с США (хотя пока что еще не с Латинской Америкой и Африкой), а растущее неравенство, конечно, принесло с собой массу социальных проблем — от разочарования в коммунистических идеалах справедливости до повышения преступности.

В Китае огромный прогресс в сокращении бедности был достигнут в первые годы реформ — в 1978–1985 годах число людей, живущих менее чем на 60 центов в день (тогдашняя национальная черта абсолютной бедности, эквивалентная 20 долларам в месяц по мировым ценам, то есть вдвое ниже среднего уровня жизни в дореволюционном Китае), сократилось с 260 до 97 миллионов. Такой рывок стал возможным по двум причинам — во-первых, благодаря быстрому экономическому росту, во-вторых, из-за того, что рост был равномерным, то есть охватил все доходные группы и почти не привел к углублению социального неравенства. Коэффициент Джини в этот период почти не возрос, в 1981 году он составил 29%, в 1984 году — 30%.

Однако впоследствии, в 1985–1991 годах, бедность практически не сократилась, число живущих за чертой бедности составило в 1991 году 94 миллиона человек, так как именно на этот период пришелся главный рост неравенства. Весь рост доходов, иначе говоря, был достигнут за счет богатых, тогда как почти 100 миллионов бедняков в этот период в экономическом росте практически не участвовали. Коэффициент Джини повысился к 1995 году до 42% — очень высокий показатель по международным стандартам. В западных странах, кроме США, коэффициент Джини находится на уровне 25–35%, в США — на уровне 40%, во многих странах Латинской Америки и Черной Африки — на еще более высоком уровне. Собственно говоря, из 19 стран, в которых коэффициент Джини в 2000 году

превышал 50%, 11 находились в Латинской Америке (Парагвай, Панама, Никарагуа, Мексика, Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Доминиканская республика, Колумбия, Чили, Бразилия), 7 в Африке (ЮАР, Зимбабве, Сенегал, Сьерра-Леоне, Лесото, Кения, Гвинея-Бисау) и только одна (Папуа — Новая Гвинея) в Азии.

К концу 1990-х годов в Китае коэффициент Джини достиг 46% — больше, чем в Индонезии (34%) и на Филиппинах (43%), столько же, сколько в Таиланде (46%) и Малайзии (48%). Такой резкий рост неравенства в такой короткий период времени наблюдался только у нас — в России и некоторых других бывших советских республиках. Так, в России, по данным Госкомстата, коэффициент Джини возрос с 26% в 1991 году до 41% в 1994 году; затем он, правда, чуть снизился — до 38% в 1996 году, но после кризиса 1998 года снова возрос. В странах же Восточной Европы рост неравенства был заметным, но менее сильным, чем у нас, — сейчас большинство из них находятся на верхней границе западноевропейского уровня — 30–35%.

Отчасти обнадеживает, что доходное расслоение в Китае в 1990-е годы, после скачка 1985–1991 годов, замедлилось, так что даже рост неравенства не смог перекрыть эффекта возрастания доходов: численность живущих за абсолютной чертой бедности сократилась с 94 миллионов в 1991 году до 65 миллионов в 1995 году и до 28 миллионов к концу 2000 года. К 2022 году в Китае уже не было людей, живущих на менее 60 долларов в месяц по мировым ценам. Однако, с другой стороны, Китай, похоже, уже исчерпал весь резерв роста доходного неравенства, дальнейшее углубление пропасти между богатыми и бедными чревато социальными потрясениями, особенно при ослаблении власти Компартии.

Самое главное, что отличает восточноазиатскую модель от либеральной — низкий уровень доходного и имущественного неравенства, на котором и зиждется социальная гармония (Lee, Роров 2020). В Китае и Восточной Азии неравенство сегодня оказывается ниже, чем в других странах, если только правильно проводить сравнения — с поправками на размер страны и уровень развития (Роров 2020с, 2022а).

Да, в Китае коэффициент Джини составляет практически столько же, сколько в США и в ЕС (если ЕС рассматривать не как совокупность стран, а как одну территорию)³⁵. Но при этом неравенство в основном связано с различиями в

³⁵ Многие провинции в Китае больше крупных и средних государств — и по населению, и по площади, и по экономическому потенциалу. Население двух китайских провинций (Гуандун, Шаньдун) превышает 100 миллионов человек, население провинции Хэнань — 99 миллионов. Еще в нескольких провинциях проживает более 50 миллионов человек (т.е. больше, чем в большинстве штатов США и государств Европы). Так что

доходах *между* провинциями (24 процентных пункта), как и в Европе — *между* странами (23 процентных пункта), а не с различиями в доходах *внутри* провинций/стран. В США же из более 40% общего коэффициента Джини лишь 6 процентных пунктов связано с неравенством в доходах *между* штатами (Milanovic 2012). Если Китаю удастся сократить разрыв в доходах *между* своими провинциями (а ЕС — *между* странами) до уровня, близкого к неравенству *между* штатами США, тогда общее неравенство между гражданами упадет до довольно низкого уровня — немногим более 20%.

Разрыв в доходах рабочих и менеджеров — еще одна важная ипостась неравенства. Во многих производственных кооперативах в западных и развивающихся странах существует формальное правило — самая высокая зарплата не должна превышать минимальную более чем в 10 раз. В социалистических странах такое неформальное правило фактически действовало в масштабах страны (за немногочисленными исключениями — авторские гонорары, зарплаты актеров, музыкантов и проч.). Но сегодня в западных странах этот разрыв может достигать космических пропорций. Вознаграждение топ-менеджеров крупнейших компаний, как частных, так и государственных, составляет несколько десятков миллионов долларов в год в США и чуть меньше — в России. Однако в Европе доходы топ-менеджеров значительно меньше, а в Китае — еще меньше³⁶.

Кроме того, и «олигархоемкость» (отношение богатства миллиардеров к ВВП), измеряющая неравенство на самом верху имущественной пирамиды, в Китае ниже, чем в большинстве других стран. Согласно журналу *Forbes*, в 2024 году в мире насчитывалось почти 2800 долларовых миллиардеров: 813 в США (их общее состояние 5,7 триллиона долларов или 22% ВВП по ППС), 406 в Китае (1,3 триллиона, 4% ВВП), 200 в Индии (944 миллиарда, 7% ВВП), 132 в Германии (644

Китай следует сравнивать с США (имеющими в четыре раза меньшее население, но по крайней мере сопоставимый с Китаем ВВП) или с регионами, состоящими из нескольких государств (например, ЕС или АСЕАН), а не с отдельными странами.

³⁶ 10 самых высокооплачиваемых американских топ-менеджеров получали от 47 млн до 156 млн долларов в 2014 г. (<http://www.aflcio.org/Corporate-Watch/Paywatch-2014/100-Highest-Paid-CEOs>). В России самый высокооплачиваемый управленец — Андрей Костин, президент ВТБ, заработал 37 млн долларов в 2013 г., Алексей Миллер — 25 млн (*Moscow Times*, November 21, 2014). В континентальной Европе вознаграждения на порядок меньше, в Китае — на два порядка (http://www.china.org.cn/top10/2012-07/10/content_25855492.htm). Отношение оплаты труда высших менеджеров к средней по компании составляло в США от 400 до 500, в Великобритании — 22, во Франции — 15, в Германии — 12 (<http://work.chron.com/ceo-compensation-vs-world-15509.html>). Во Франции и Германии существуют законодательные ограничения на оплату топ-менеджеров.

миллиарда, 12% ВВП) и 120 в России (537 миллиарда, 9% ВВП³⁷); в остальных странах менее 100.

Первый доморощенный миллиардер Китая (в долларовом исчислении) — Лю Юнхао, пользуется всенародным уважением как человек, который «сам себя сделал», и как крупный организатор производства. В 1982 году, на заре китайских реформ, 30-летний Лю Юнхао, инженер по образованию и преподаватель техникума, стал разводить на балконе своей квартиры перепелов и продавать на улице перепелиные яйца, чтобы пополнить скудный семейный бюджет. Он вспоминает, как неудобно ему было тогда перед студентами, видевшими, чем их преподаватель занимается по вечерам, и как ему с братом пришлось заложить часы и велосипед, чтобы занять 1000 юаней для расширения дела. К концу 1980-х годов у двух братьев было без малого 10 миллионов перепелок, каждая из которых приносила в среднем по яичку в день. В 2000 году Лю Юнхао — руководитель крупнейшего в Китае частного предприятия по производству фуражных кормов с оборотом более 1 миллиарда долларов и 15 000 рабочих на 140 заводах по всей стране. Сегодня *Forbes* оценивает его состояние (вместе с семьей) в 5 млрд долларов. А у крупнейшего китайского миллиардера в 2024 года — Чжун Шаньшаня, главы компании бутилированной воды и прохладительных напитков Nongfu Spring — 62 миллиарда долларов против 195 миллиардов у Илона Маска, самого богатого человека США.

На другом полюсе — группы беднейшего населения, особенно в деревне. Потенциал роста, высвобожденный китайской аграрной реформой 1979–1983 годах, похоже, в значительной степени уже исчерпан. В 1978 году, до начала экономических реформ, доходы сельских жителей составляли 38% от доходов горожан, к 1985 году из-за бурного роста перешедшего на семейный подряд сельского хозяйства это отношение выросло до 54%, но затем вновь упало до менее 40% к началу 1990-х годов и с тех пор оставалось более или менее неизменным (22 000 юаней в 2023 году, 40% от среднедушевого городского дохода).

Мелкие крестьянские хозяйства, перешедшие на подряд, так и остались мелкими и не могут в полной мере воспользоваться сельхозмашинами и техникой. Нужен механизм укрупнения хозяйств, а здесь возникают сложности, так как торговля землей в Китае не разрешена, возможна только аренда. Рост сельскохозяйственного

³⁷ ВВП по ППС в России в 2022 г., по новому расчету Всемирного банка, 6 триллионов долларов — вдвое больше, чем по предыдущему расчету (и олигархоемкость, по предыдущему расчету, вдвое больше — почти 20% ВВП).

производства и доходов поэтому в последние десятилетия замедлился. В прежние времена проблему частично снимал быстрый рост сельской промышленности, однако в последние годы даже этот рост только отчасти компенсирует трудности в сельском хозяйстве.

В 1990-е годы конфликты в деревне были очень острыми — из-за налогов, и передачи земельных участков под промышленные и городские застройки. Известные случаи применения вооруженной силы против крестьян были редки — исчислялись единицами за все время реформ, но счет крестьянским выступлениям против налогов и поборов местных чиновников шел на сотни, а то и на тысячи. КПК возникла изначально как крестьянская партия, даже в период «культурной революции» интеллигенцию и кадры посылали в деревню учиться у крестьян, но в 1990-е годы крестьяне, глядя на коррумпированных и богатеющих партийных бонз, все чаще теряли веру в то, что Компартия выражает их интересы.

В 2001 году был опубликован 300-страничный «Доклад о положении в Китае в 2000–2001 годах: исследование противоречий среди народа в новых условиях», подготовленный исследовательским отделом ЦК КПК (это терминология Мао, с которой знакомы все китайцы: противоречия с эксплуататорскими классами — антагонистические, а противоречия среди народа — неантагонистические, но тоже есть). Обозреватели сразу отметили, что это самый откровенный документ о коррупции и крестьянских антиправительственных выступлениях; *New York Times* даже написала, что «картина, рисуемая в докладе, почти так же мрачна, как и высказывания диссидентов за границей».

Вот цитата: «В последние годы некоторые районы из-за плохого руководства и по многим другим причинам столкнулись с растущим числом групповых выступлений, их масштабы расширялись, часто в них участвовали более тысячи и даже более 10000 человек <...> Протестующие часто перекрывали мосты, блокировали дороги, штурмовали партийные и государственные здания, оказывая давление на партийные комитеты и администрацию; имеют место даже преступные действия, такие как нападения, разброс мусора, грабежи, поджоги». Далее приводятся примеры — в провинции Хунань работнику горкома партии, пытавшемуся собрать обязательные платежи, сопротивляющийся крестьянин отрезал ухо, двое чиновников погибли в столкновении с демонстрантами.

В некоторых деревнях крестьяне отказывались платить налоги и дело доходило до прямых физических столкновений с властями. В 1999 году тогдашний премьер

Китай Чжу Жунцзы вынужден был специально предостеречь местных руководителей, чтобы они не использовали силу при сборе налогов и платежей.

Однако то там, то здесь против крестьян использовалась вооруженная полиция. Одно из самых крупных столкновений произошло в далеко не самой бедной провинции Цзянси, колыбели социалистической революции, в деревне Юньтан в апреле 2001 года. После наводнения 1998 года, уничтожившего урожай, 1400 сельчан отказались платить земельный налог — 36 долларов с одного му (0,67 гектара), который и в урожайные годы выплатить нелегко: по тогдашнему паритету покупательной способности валют этот налог эквивалентен 500 долларов с участка в 3 гектара земли. В 1999 году налог был увеличен и власти потребовали уплатить не только его, но и недоимку за предыдущий год.

Дважды — в феврале 1999 года и в июле 2000 года в деревню приезжало местное руководство в сопровождении сотен вооруженных полицейских, но жители наотрез отказались платить. Как символ своего сопротивления они построили железные ворота на единственной дороге, ведущей в деревню, и забаррикадировали въезд. Но 15 апреля 2001 года, в воскресенье в 4 часа утра 600 вооруженных полицейских объехали заграждения, окружили деревню, ворвались в дома и открыли огонь по жителям, собравшимся у местной школы. В результате двое убитых и 18 раненых. Заместитель первого секретаря партии провинции приехал в деревню и пообещал расследование; китайская пресса не написала об этом ни строчки; жители деревни, по словам *New York Times*, остались с двумя трупами, подобранными пулями и надеждой на справедливость...

В 2000–2010-е годы проблемы, похоже, перешли в другую плоскость, деревни стали быстро терять население. Молодежь уходила в города, многие дома даже пустовали, старики оставались, а крестьянские пенсии, появившиеся совсем недавно, были недостаточны для безбедной жизни, не говоря уже о том, что старики чувствовали себя одиноко. Доля сельского населения за время реформ (1978–2022) снизилась с 82 до 36%; в последние два десятилетия эта доля снижается на 2–3 процентных пункта в год. Правда, такой объективный показатель, как уровень сельских самоубийств, который раньше был очень высок и в сравнении с другими странами, и в сравнении с уровнем в городах, в последние три десятилетия значительно снизился. В 1990-е годы он составлял соответственно в деревне и в городе 23 человека и 7 человек на 100 000 жителей, в 2002 году снизился до 15 и 13 человек, а в 2019 году до 7 и 4 человек соответственно.

В 2021 году Си Цзиньпин дал новую жизнь старому лозунгу «совместного процветания», определив цель как более равномерное распределение доходов. Многие личные аккаунты в социальных сетях, выставлявшие на показ богатство, были с тех закрыты. В мае 2024 года китайскому блогеру, хваставшемуся, что он не выходит из дома без одежды и украшений на 10 миллионов юаней, вообще запретили доступ к ведущим социальным сетям.

Предстоящая демократизация страны — главный фактор неопределенности китайского будущего. Ее все желают и ждут — это официальный курс китайского руководства, выборы уже введены на местном, низовом уровне власти, и вводятся даже в центре, хотя и в ограниченном варианте, но демократизации также и боятся. Очень многие страны при переходе к демократии столкнулись с ростом неравенства, преступности, теневой экономики, снижением институционального потенциала государства вплоть до его приватизации, ухудшением качества экономической политики (рост дефицитов бюджета, задолженности, инфляции) и падением производства. Как уже говорилось, демократия без правопорядка и твердых гарантий прав меньшинств оборачивается массой негативных последствий (вплоть до репрессий в отношении меньшинств), так что создавать эти гарантии надо до перехода к демократии.

В 1982 году, еще до смерти Брежнева, Дэн Сяопин ввел систему сменяемости лидеров, создав Центральную комиссию советников КПК, чтобы ликвидировать систему пожизненного занятия постов в высшем руководстве. «Мы уважаем диалектику жизни и истории», — сказал тогда Дэн, ставший первым председателем этой комиссии (председатель и четыре вице-председателя которой имели право участвовать в любых заседаниях политбюро) и покинувший этот пост по собственной инициативе (вместе с постами члена политбюро и ЦК) в 1987 году. В последние семь лет своей жизни (1990–1997) Дэн, хоть и был неформальным авторитетом последней инстанции, но занимал только один-единственный пост — почетного председателя Национальной ассоциации бриджа (карточной игры). Благодаря введенным Дэном временным ограничениям (два срока) следующий, генсек Цзянь Цзэминь, оставил свой пост на XVI съезде КПК в конце 2002 года, а его преемник Ху Цзиньтао — в 2012 году.

В 2010-е годы Бо Силай, глава Чунцинского городского комитета КПК (Чунцин — город в самом центре Китая с населением более 30 млн человек, один из четырех городов центрального подчинения, наряду с Пекином, Тяньцзином и Шанхаем, имеющих статус провинции), приобрел широкую популярность в Китае благодаря

решительной борьбе с коррупцией, за права рабочих, социальную справедливость и сокращение разрыва в доходах. «Чан хун, да хэй» (пой по-красному, бей по-черному) — этот лозунг его кампании, поощрявшей пение революционных песен и искоренение организованной преступности, вызвал симпатии всего Китая. Бо Силая даже прочили на место следующего генерального секретаря ЦК КПК после Ху Цзиньтао в 2012 году. Однако в том же году он был снят со своих постов и арестован по нескольким обвинениям (прослушивание телефонных разговоров его подчиненным, создание препятствий для расследования преступления жены, обвиненной в том, что отравила британского бизнесмена на почве экономических разногласий).

Так или иначе, на пост генсека в 2012 году был избран Си Цзиньпин, который, похоже, повернул китайскую политику в ту самую сторону укрепления социальной справедливости, в которую ее собирался повернуть Бо Силай. В 2022 году Си Цзиньпин в третий раз (после двух сроков в 2012–2022 годах) был избран Генеральным секретарем ЦК КПК, а затем, в 2023 году, и председателем КНР (в 2018 году ограничения в конституции на третий срок были сняты).

Китаю, как говорят, надо будет найти новые демократические механизмы управления, свои оригинальные подходы, что всегда сложно. При росте неравенства и одновременной демократизации велика опасность захвата госаппарата крупными предпринимателями — негативный опыт роста коррупции и приватизации государства при демократизации в СССР и России не прибавляет сторонников плану демократизации в Китае. Ну и среди западных демократий успешных примеров становится все меньше. Там политический процесс сдвигается в сторону популизма, и возникает все больше сомнений в способности этих стран вырабатывать оптимальные политические решения.

Коррупция разъедает китайскую государственную машину в то самое время, когда честные и эффективные органы власти нужны, как воздух. Бесценное наследие «великого кормчего» — сильные работающие госинституты — под угрозой, ибо реформы ведут к коррупции, к разложению госаппарата и его подчинению узкогрупповым интересам. Вопрос вопросов, от которого зависит будущее великой страны и цивилизации, — как не растерять с таким трудом и с такими жертвами выстроенную эффективную государственную власть при теперешнем переходе к рынку и демократии. Государство в Китае сейчас в опасности со всех сторон — его могут «украсть» у народа и «приватизировать» как набирающие силу

доморощенные «олигархи», как провинциальные властные элиты, так и популистские группы.

О коррупции в Китае говорят все. Замдиректора небольшого коллективного предприятия с парой сотен рабочих, с которым я разговаривал в поезде, сказал: «В моей практике еще не было случая, чтобы чиновник не взял; бывало, что поначалу отказывались, но это значит, надо было давать больше: я так и делал, и они брали». В августе 2001 года в Китае раскрылась жуткая история: в уезде Наньдань Гуанси-Чжуанского автономного района 17 июля 2001 года произошло затопление шахт горячей водой из-за аварии, 81 человек, как потом выяснилось, погиб. Но выяснилось это только через две недели, 1 августа, когда центральное правительство начало расследование. В течение этих двух недель предприниматель, арендовавший шахту и экономивший на технике безопасности, в сговоре с городскими властями подкупал родственников погибших и чиновников, чтобы все хранили молчание...

Первый канал китайского центрального телевидения (CCTV 1) сразу после вечерних новостей, в лучшее эфирное время, показывает популярную программу «Цзяодянь фантань» («Фокус»), которая много внимания уделяет критике недостатков на местах и часто вскрывает злоупотребления чиновников. Рассказывают, что по утрам в будние дни у здания на Фусинлу, недалеко от Западного железнодорожного вокзала в Пекине, где находится редакция программы, выстраиваются две очереди: первая — из людей, которые пострадали от чиновничьего произвола и хотят, чтобы «Фокус» рассказал об этом на всю страну, вторая — из «толкачей», посланных из провинций чиновниками, о которых уже были сняты репортажи и которые хотели бы «убедить» редакцию их не показывать, или показать сюжет о своевременной реакции на критику типа «"Правда" выступила — что сделано».

Коррупцией в 1990-е годы оказались поражены высшие эшелоны государственной власти, а объемы средств, присваиваемые ответственными лицами, были весьма внушительны даже и по российским меркам. 40 лет назад, в 1980-е годы, на заре экономических реформ, китайцы были потрясены раскрывшейся историей о том, как служащий Банка Китая (не центрального, но государственного — одного из крупнейших) «одолжил» своему сыну, работнику валютного отделения банка в Гуанчжоу, 60 000 долларов, чтобы тот продал их на черном рынке по более высокой цене.

20 лет спустя такие истории уже казались чуть ли не невинными детскими шалостями — и счет финансовым злоупотреблениям пошел на сотни миллионов долларов, и ранги вовлеченных в них чиновников повысились на порядок. В марте 2002 года печать сообщила о пяти сотрудниках в Кайпинском отделении того же банка в той же провинции Гуандун, которые присвоили без малого полмиллиарда долларов и скрылись за границу.

Правительство, конечно, борется с коррупцией — в его составе действует специальный Антикоррупционный комитет, в 2012–2021 годах 2,7 миллиона чиновников были осуждены за коррупцию (Milanovic, Yang 2024). Если бы в России осуждали так же интенсивно, как в Китае (пропорционально населению и ВВП), то пришлось бы осудить более 250 000 чиновников, однако фактически за тот же период в России только 72 000 должностных лиц лишь предстали перед судом, и многие были оправданы. То есть в последние годы в Китае в среднем примерно по четверть миллиона чиновников попадали ежегодно под уголовные наказания. А тех, кого наказывают по партийно-административной линии, в 2–3 раза больше: только в январе – сентябре 2024 г. более полумиллиона человек, по сообщениям китайской печати.

Китайская печать полна сообщений о расследованиях коррупционных дел и о строгих наказаниях, часто казнях, взяточников. В этом, кстати сказать, еще одно отличие нынешнего Китая от брежневско-андроповского СССР, где казнокрады из высших сфер, если и наказывались, то тихо — так, чтобы «не дискредитировать» власть. В Китае, наоборот, впечатление такое, что власть использует любую возможность продемонстрировать, что она борется с коррупцией, пытаясь таким образом завоевать доверие сограждан. Еще и в 2000-е годы в общественных местах я видел стенды с фото преступников, описаниями их преступлений и приговоров (часто смертной казни). О приговорах суда часто объявляли на народных собраниях, показывая жителям преступников, в том числе и приговоренных к смертной казни; репортажи об этих собраниях транслировали по телевидению.

В 1995 году во время расследования многомиллионного (в долларах) дела о взятках застрелился один из двух вице-мэров Пекина Ван Баосянь. Его непосредственный начальник, мэр Пекина, член Политбюро ЦК КПК Чэнь Ситун был затем снят со всех должностей, судим и приговорен к 16 годам тюремного заключения. Впервые с 1949 года, когда Компартия пришла к власти, член Политбюро был судим за коррупцию. В 2000 году выбросился из окна больницы находившийся под следствием по обвинению в коррупции Ли Фусян, директор Государственного

управления валютного контроля Центробанка, распоряжавшегося валютными резервами в 200 миллиардов долларов.

В марте 2000 года был казнен по приговору суда Ху Чанцин, бывший вице-губернатор провинции Цзянси; впервые чиновник такого высокого ранга в коммунистической иерархии за все 50 лет существования КНР был казнен. Он лично получил взятки на сумму 657 200 долларов за выдачу разрешений на строительство и лицензий на открытие фирм, за помощь в списании банковской задолженности и в переселении людей в Гонконг. Говорят, он имел деловые связи с женой Цзя Циньлиня — тогдашнего члена Политбюро.

Несколькими месяцами позже был судим, приговорен к смерти и казнен еще более высокопоставленный чиновник — Чэн Кэцзи, заместитель председателя Всекитайского собрания народных представителей — парламента страны. Вместе со своей любовницей Ли Пин он незаконно присвоил почти 5 миллионов долларов, когда занимал пост председателя правительства Гуанси-Чжуанского автономного района — одной из 34 провинций Китая на юго-западе страны. Ли Пин была приговорена к пожизненному заключению с конфискацией имущества, которого набралось на 3,5 миллиона долларов — огромные деньги в Китае, где многие и сейчас еще живут в домах без водопровода и канализации. Говорят, арест Чэна стал возможен только после его перевода на работу из провинции в центр — до этого центральная власть не могла его «достать».

В конце 2000 года началось вынесение приговоров по делу «Юань Хуа», крупнейшей контрабандистской аферы в истории Китая. «Юань Хуа» — торговая группа в провинции Фуцзянь, возглавляемая Лай Чансином, ввезла нелегально товаров в 1990-е годы на сумму почти 7 миллиарда долларов (не уплатив в бюджет более 3 миллиардов долларов таможенных пошлин и других налогов). К марту 2001 года более 100 человек было осуждено, вынесено 14 смертных приговоров, в том числе и высшим чинам таможенной службы и полиции провинции; полученные ими взятки исчислялись миллионами долларов. Сам Лай сумел выехать в Канаду, где получил статус беженца, под наблюдением канадских органов безопасности. Китай требовал его выдачи, но по канадским законам, если преступнику на родине грозит смертная казнь, которой в Канаде нет, он не может быть выслан из страны. Так что Китай обещал его не казнить, и в 2011 года Лая выдали Китаю, где в 2012 году он был приговорен к пожизненному заключению.

Всего же в Китае казнят ежегодно по приговорам суда более 1000 человек — больше, чем во всех других странах, вместе взятых, в абсолютном выражении и

гораздо больше, чем в других странах по отношению к численности населения. Причем казнят часто за такие преступления, экономические например, за которые в других странах смертная казнь не полагается.

По данным организации «Международная амнистия» (Amnesty International), в 1990–1999 годах в Китае было вынесено 27 599 смертных приговоров и 18194 из них были приведены в исполнение. В брежневском СССР расстреливали около 700 человек ежегодно, в современной России смертная казнь не отменена, но и не практикуется, в США приводилось в исполнение 150–200 смертных приговоров в 1930-е годы и несколько десятков в год в последние десятилетия. В Китае же в 1998 г. казнено 1769 человек, в 1999 году — 1263 и в 2000 году — 1077, в 2000–2010-е годы — видимо, более тысячи ежегодно, то есть больше, чем во всем остальном мире. Казни — узаконенные убийства — составляют примерно 5–10% от общего числа убийств (преступных и законных). С 1997 года в Китае вынесение смертных приговоров в отношении несовершеннолетних запрещено, а расстрелы стали заменять инъекциями «сладкой смерти».

Преступность в Китае, как уже говорилось, выросла в 1990-е годы, и значительно, но теперь снизилась. Все зависит от точки отсчета, разумеется: в Китае преступность даже в 1990-е годы находилась на европейском уровне, а теперь стала ниже его, приблизившись к японскому, который и является «золотым стандартом» в Восточной Азии, да и в мире. А индекс восприятия коррупции, как уже говорилось, в Китае вырос с 2,4 в 1996 году до 4,2 в 2023 году (чем выше, тем меньше коррупция, то есть фактически индекс неподкупности, а не коррупции). Теперь Китай находится уже не в конце списка, а в середине, то есть менее коррупционен, чем большинство стран Латинской Америки, Африки и Азии.

Замедление роста, о котором говорилось ранее и которое наблюдается уже 15 лет, со времени Великой рецессии 2008–2009 годов, тоже таит в себе опасности. Китайскую экономику, как и любую другую быстрорастущую, часто сравнивают с велосипедом, который может сохранять устойчивость лишь до тех пор, пока находится в движении. Замедлятся темпы роста — и исчезнет ощущение социального динамизма, к которому китайцы уже привыкли. Еще 20 лет назад главными опасностями замедления роста считались трудности трудоустройства рабочих госпредприятий (в случае их приватизации и закрытия) и приток крестьян в города, теперь — возможный крах банковской системы и перегрев рынка недвижимости.

В Китае не было масштабной приватизации, его экономика «вырастала из социализма», то есть негосударственный сектор рос в несколько раз быстрее, чем государственный, так что сегодня соотношение этих секторов кардинальным образом изменилось в пользу негосударственных укладов. Среди госпредприятий множество пионеров индустриализации 1950-х годов, которыми гордилась вся страна, но которые теперь уступают в эффективности новому негосударственному сектору. 91 госпредприятие в 2020 году входило в список 500 крупнейших фирм мира, составляемый журналом *Fortune*.

В 1980–1990-е годы субсидии госпредприятиям постепенно заменили кредитами (китайским госбанкам было предписано кредитовать даже убыточные и не самоокупающиеся предприятия, чтобы они продолжили работу). Заккрытие же неэффективных госпредприятий и увольнение рабочих порой сопровождалось многотысячными демонстрациями протеста, как, например, на нефтепромыслах в Дацине в марте 2002 года. Эти нефтепромыслы были гордостью китайской индустриализации 40 лет назад, но теперь неконкурентоспособны.

Однако государственных предприятий уже и не так много: от 5 до 16% занятых и порядка 23–28% ВВП в 2017 году. Даже если их продолжат закрывать в будущие годы, при расширении других, негосударственных, секторов высвобождающихся рабочих можно будет трудоустроить. И, кроме того, многие госпредприятия весьма успешны — доля госпредприятий в рыночной капитализации 100 крупнейших фирм Китая выросла с 45% в 2020 году до 63% к концу 2023 года (*Economist*, July 13, 2024).

Приток высвобождаемых из сельского хозяйства крестьян в города, хоть и сдерживался умопомрачительным ростом сельских муниципальных промышленных предприятий, все равно был замечен невооруженным глазом. Раньше этот приток административно контролировался через прописку («хукоу»), а сейчас в город может перебраться каждый, кто нашел работу. Во всем Китае такое мигрирующее население (*floatinng population*), по некоторым оценкам, превышает 370 миллионов человек. Ранее эти рабочие жили, как правило, в общежитиях, без семей, работая от 9 утра до 9 вечера шесть дней в неделю и отправляя деньги домой, в деревню. «9–9–6-ICU» — «цзю-цзю-лю-ай си ю» — эта китайско-английская присказка как раз и означает, что работа с 9 утра до 9 вечера 6 дней в неделю ведет прямо в реанимацию. (Так с некоторых пор стали отвечать на вопрос, как дела.)

Сегодня мигранты работают не меньше, но уже чаще всего живут вместе с семьями, имеют медицинскую страховку, их дети учатся в школах. Шероховатостей много

— чтобы получить страховку и прочие блага, надо иметь постоянную работу или учебу в течение шести месяцев, страховка в одной провинции порой не действует в других, и т. д. Но все же различия между горожанами с пропиской и мигрантами постепенно стираются.

В кредитно-финансовой системе, которую в 1980-е годы вынудили компенсировать госпредприятиям сокращение прямых государственных субсидий и в которой с тех пор накопились сомнительная задолженность, в 2010-е годы появились новые проблемы, связанные с кредитованием фирм, занимающихся недвижимостью. Дело в том, что на рынке акций в преддверии кризиса 2008–2009 годов образовался огромный пузырь (с конца 2006 года до конца 2007 года шанхайский фондовый индекс SSE вырос более чем в три раза) и правительство сочло за благо охладить рынок, что и было исполнено. Но горячие деньги инвесторов пошли после этого на рынок недвижимости, так что с 2005 года по 2021 год цены на жилплощадь в реальном исчислении (то есть с поправкой на инфляцию) выросли в два раза.

Вместо фондово-биржевого пузыря возник пузырь на рынке недвижимости, многие китайцы покупали квартиры как многообещающий инвестиционный актив, не чтобы там жить, а в надежде получить прибыль от роста цен на недвижимость. Банки охотно давали кредиты застройщикам, застройщики продавали квартиры населению, средний метраж жилплощади на одного человека в городе вырос с 20 м² в 2000 году до 40 м² в 2020 году (примерно столько же, сколько и в развитых странах). Многие китайцы имеют теперь по две, три и более квартир, но в них не живут и даже их не сдают, а просто владеют ими в надежде, что цены еще больше вырастут.

Понятно, что такой рост цен на недвижимость фактически представлял собой финансовую пирамиду и в конце концов должен был натолкнуться на фундаментальные ограничения. Так и произошло в 2021 году, когда обанкротился крупнейший китайский застройщик Evergrande Group. С тех пор цены на недвижимость несколько снизились, но все еще остаются на небывало высоком уровне — средняя цена 1 м² жилплощади в 2024 году в центре города в Пекине — 15 000 долларов (Лондон и Нью Йорк — 17 000, Париж — 13 000, Мадрид и Москва — 6 000, Ташкент — 1500.)

Если рост продолжится, то «секьюритизировать» сомнительные долги банков и риелторов, то есть заменить эти долги на облигации, не составит труда. Даже если все облигации придется купить правительству (так как больше никто их купить не пожелает), у китайского правительства есть солидный запас прочности в виде

относительно низкого госдолга (89% ВВП в начале 2020-х годов против более 100% в США, Канаде и многих европейских странах и более 250% в Японии). Как уже говорилось, рост в 2009–2024 годах замедлился до 5% в год, но если он сохранится на этом уровне, то многих опасностей удастся избежать. А если не сохранится?

ЧАСТЬ V

ТОЛЬКО КИТАЙ СПАСЕТ КАПИТАЛИЗМ?

20 ЛЕТ ВПЕРЕД

В чем вопрос

«Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» — эти слова из Декларации независимости формулируют кардинальный принцип либерализма и теперь считаются еще более «самоочевидными» (Декларация независимости 1993). Почему — совершенно непонятно (Попов 2024).

Люди не равны по своим физическим и умственным способностям: у одних абсолютный музыкальный слух с рождения, а другим медведь на ухо наступил, одни здоровые, другие болезненные, одни мужчины, другие женщины, а третьи — ни те ни другие. Ну и с неотчуждаемыми правами непорядок: у людей отчуждают и жизнь, и собственность, и свободу на протяжении всей человеческой истории повсеместно и в массовых масштабах. Право на стремление к счастью, может быть, и есть, но самого счастья достичь удастся немногим.

На самом деле права человека ограничены в любом обществе с самого рождения: до 16–18 лет или до 21 года люди не могут ни голосовать, ни владеть собственностью, ни иметь оружие, ни покупать табак и алкоголь, в общем практически ничего не могут — ни жениться, ни креститься, за них все решают родители или опекуны. А по достижении совершеннолетия права предоставляются тоже с ограничениями, причем чем дальше, тем больше. Кричать в переполненном театре «Пожар, пожар!» — преступление, ездить по левой (кое-где правой) стороне дороги тоже не разрешается, пропагандировать войну, насилие, расизм, фашизм, отрицать холокост, распространять детскую порнографию, пользоваться интернетом без регистрации в большинстве стран запрещено.

Защитники либерализма, конечно, используют известную формулу — «моя свобода кончается там, где начинается ваша», у вас есть права до тех пор, пока вы не вредите остальным, но ведь под эту формулу можно подвести что угодно, да и мнения о том, где именно заканчиваются эти «неотъемлемые права», наличие которых, якобы, не вредит остальным, расходятся. В одних странах, даже в тех, которые считаются либеральными и демократическими, оружием владеть нельзя, а

в других — можно, в одних можно детей воспитывать в гомосексуальных семьях, а в других — нет, в одних есть смертная казнь, а в других — нет...

Можно, ведь сказать, что общественное благо в том, чтобы запретить всем агитацию за развал страны, сепаратизм и отделение регионов — Крыма от Украины, Чечни от России, Каталонии от Испании, Косово от Сербии, Шотландии и Северной Ирландии от Великобритании, Тибета и Синьцзяна от Китая (что не нравится — зачеркнуть) — на том основании, что такая пропаганда ведет к национализму, этническим конфликтам и терроризму.

И можно ли ради общественного блага запрещать иметь более одного ребенка в семье? На Западе такая политика считается грубым нарушением репродуктивных прав, а в Китае, когда действовал такой порядок (в 1979–2015 годах, сейчас уже не действует), он поддерживался 90% населения. «Пусть лучше развалится семья, чем государство» — такие и похожие плакаты, как уже говорилось, всего 20 лет назад можно было встретить на китайских дорогах.

Большинство экономистов мира скажут вам, что именно политика «один ребенок в семье» сильно способствовала бурному экономическому росту Китая и вывела из бедности сотни миллионов людей потому, что ограниченные инвестиции пошли не на создание новых рабочих мест для быстро увеличивающегося населения, а на повышение технической оснащенности уже существующих рабочих мест, то есть на повышение капиталовооруженности, и, следовательно, производительности труда. В общем, Париж явно стоил мессы, а овчинка выделки, ограничение прав на деторождение обернулось явным благом для общества.

А может ли свободная пресса рекламировать алкоголь и табачные изделия? На Западе было время, когда было можно, а теперь в основном нельзя. Как нельзя рекламировать лекарства, отпускаемые по рецептам. В Китае, кстати сказать, законодательство о рекламе лекарств очень обширное, детальное, строгое и постоянно пересматривается. С 1994 года постепенно запрещалось рекламировать многие лекарства (анестетики, психотропные, наркотические), а с 2015 года лекарства, которые отпускаются по рецепту, вообще запрещено рекламировать. И привлекать к рекламе лекарств известных актеров, спортсменов, и прочих знаменитостей нельзя. И использовать в рекламе детей, и государственную символику и многое из того, что в России можно, тоже нельзя.

Дело еще осложняется тем, что и у либералов нет единства мнений или даже понимания, в какую сторону идет развитие, в чем генеральная тенденция. Разные либералы считают неотъемлемыми разные права: демократы в США, например,

считающие себя самыми «либеральными либералами» и главными защитниками прав человека, признают право на аборт неотъемлемым, но против свободного владения оружием, республиканцы — наоборот.

Разрешение однополых браков на Западе признается прогрессом большинством населения, но уже в отношении прав воспитывать детей в гомосексуальных семьях такого консенсуса не наблюдается, а браки между родственниками, многоженство/мужество и полигамные семьи из трех и более человек, большинство населения не приемлет. На Кубе в сентябре 2022 года прошел референдум, поддержавший легализацию однополых браков и разрешение усыновления детей однополыми парами (явка более 70% и почти 70% голосов «за»), так что Куба в этой области оказалась впереди Италии, Греции, Восточной Европы и практически всей Африки и Азии, где такие права отсутствуют (в Греции парламент легализовал однополые браки только в 2024 году).

Правые, консерваторы, как правило, считают, что природа человека неизменна и дело политиков построить социальный порядок, наиболее полно отвечающий человеческой натуре. Напротив, левые рассматривают человека как существо социальное, подверженное и подлежащее воспитанию, так что природу человека можно изменить в нужном направлении. Тюрьма для правых — место наказания преступников, для левых — место перевоспитания. Правые против генетически модифицированных продуктов, против клонирования и экспериментов с геномом человека, против вакцинации и операций по изменению пола. Крайне правые религиозные секты, такие как «Фалуныгун» и «Свидетели Иеговы», даже и сейчас против переливания крови. Левые партии больше поддерживали ограничения и запреты для борьбы с коронавирусной пандемией (обязательные маски в общественных местах, тесты и вакцинации), тогда как правые усматривали в этом ограничения прав человека.

А всеобщая воинская обязанность? Вот уж какое нарушение прав индивидуумов — и мужчин, и женщин. Право отказаться от военной службы относится к числу неотъемлемых или нет? В Израиле по этому поводу все время возникают проблемы: и с молодежью, уезжающей из страны до достижения призывного возраста, и с пацифистами, которые не соглашаются служить по религиозным соображениям. В воюющих странах всеобщая воинская повинность воспринимается как естественная мера, на Украине, например, с 2022 года всех мужчин от 18 до 60 за границу не выпускают.

А приказ №270 августа 1941 года, объявивший попавших в плен изменниками родины? Там ведь и родственников предполагалось репрессировать, то есть принцип коллективной ответственности действовал — какие уж тут права человека? В Израиле, кстати, тоже дома семей террористов сносят — тоже коллективная ответственность и нарушение неотъемлемых прав человека, но критиков немного.

А приказ №277 «Ни шагу назад» в июле 1942 года, создавший заградотряды? Тогда, да и сейчас, многие приказ оправдывают «крайними обстоятельствами», при угрозе выживанию нации интересы общества оправдывают любые ограничения прав индивидуума. А в той самой страшной для нас войне сомнений в том, что поражение означает конец нации и государства, не было: «так, значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим».

А пытки, смертная казнь и право не свидетельствовать против самого себя и ближайших родственников, которое предоставляет пятая поправка к американской конституции, 51-я статья российской, и законы и конституции некоторых других стран? Собственно говоря, если человек был соучастником преступления и не свидетельствует против своих подельников, замысляющих новые преступления, и самого себя, то это затрудняет раскрытие преступлений. Что здесь важнее, общественное благо или права личности?

Сэм Харрис, американский философ и публицист, сравнивал применение пыток (waterboarding — имитация утопления) к подозревавшимся в терроризме с «сопутствующим ущербом» (collateral damage) при военных действиях — мол, плохо, конечно, но для победы необходимо, цена высока, но оправданна, что-то вроде нашего «лес рубят — щепки летят». Джорджа Буша — младшего, лично санкционировавшего, применение пыток к террористам Аль-Каиды, никто под суд отдать не предлагал. Общее мнение было таково, что пытки, конечно, нарушают «неотъемлемые права», но в критической ситуации можно эти права и отнять.

У Пушкина в «Капитанской дочке» пойманного пугачевского лазутчика-башкирца тут же решают пытать. Дело происходит в октябре 1773 года, когда пугачевские войска только подходят к Оренбургу, а Пушкин пишет роман в 30-е годы XIX века, шесть десятилетий спустя. «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, — пишет он, — что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому

смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая» (Пушкин 1978: 300).

Между тем комендант Белогорской крепости капитан Иван Кузьмич Миронов, отдавший приказ о пытке, впоследствии показал себя героем: мужественно защищал крепость, был ранен, пленен, но отказался присягать Пугачеву, назвав его вором и самозванцем, и был повешен. Сегодня попавшим в плен солдатам большинства армий мира любые признания под страхом пыток и смерти не ставятся в вину, а правомерность расстрелов за дезертирство во время первой и второй мировых войн сегодня оспаривается многими либералами.

С другой стороны, порой даже и для самых просвещенных либералов «в критической ситуации», когда нужно сохранить жизни — свои и чужие, убийство и даже каннибализм оказываются допустимыми. В 1838 году великий мастер рассказа Эдгар По опубликовал знакомую многим «Повесть о приключениях Артура Гордона Пима», где четверо моряков на плоту в море после кораблекрушения, не имея пищи, решают съесть Ричарда Паркера, которому достается такая участь по жребию. «Он не оказывал сопротивления, — пишет Эдгар По, — Петерс ударил его ножом в спину, и он упал мертвым. Не буду рассказывать о последовавшем затем кровавом пиршестве. Такие вещи можно вообразить, но нет слов, чтобы донести до сознания весь изощренный ужас их реальности. Достаточно сказать, что, немного утолив мучительную жажду кровью жертвы, мы с обоюдного согласия четвертовали ее, руки, ноги и голову вместе с внутренностями выбросили в море, а остальное с жадностью ели кусок за куском на протяжении четырех недоброй памяти дней...» (По, 2003: 623–624).

Почти полвека спустя, в июле 1884 года, реальная яхта «Миньонет», направлявшаяся из Англии в Австралию, тоже потерпела крушение, и четыре человека, оказавшиеся в одной шлюпке без пищи и воды, тоже решали, как быть дальше. Трое в итоге решили съесть юнгу, которого, по невероятному совпадению, тоже звали Ричард Паркер (он был болен и без сознания). Трое выживших благодаря мясу четвертого, включая капитана Дадли, предстали перед английским судом, ничего не скрывали и были приговорены к смертной казни, но помилованы особым постановлением и вышли на свободу менее чем через шесть месяцев. Капитан Дадли и адвокаты, естественно, говорили, что, если бы юнгой не пожертвовали, погибли бы все четверо.

В России, между прочим, большинство населения, по опросам Левада-центра в 2024 году, выступали за смертную казнь и почти половина опрошенных считали, что пытки допустимы в исключительных случаях (для спасения жизней и тех, кто совершил тяжкое насильственное преступление). А в США, как уже говорилось, никто особенно не возражал против применения пыток (имитации утопления) к террористам Аль-Каиды в начале 2000-х. Опросы общественного мнения после терактов 2001 года и до 2009 года (при Буше-младшем) фиксировали отрицательное отношение большинства американцев к пыткам, но потом (при президентстве Обамы) более половины стали считать пытки допустимыми в исключительных обстоятельствах (Zugravu, Medeiros, Nai 2023).

А Дональд Трамп вскоре после первого вступления в должность в 2021 году заявил, что пытки «явно работают» и выразил готовность восстановить «программу расширенных дознаний», если американцы его поддержат. Но и антитрампысты не отличались миролюбием: в июле 2024 года, сразу после покушения на Трампа, 10% американцев считали применение силы оправданным для того, чтобы не допустить прихода Трампа в Белый дом.

Так где же эта мера общественного блага, которая позволяет нарушить «неотъемлемые» права человека в «критической ситуации»? И как понять, за какой чертой ситуация становится по-настоящему критической?

Речь здесь совсем не про моральные императивы, не про «что такое хорошо и что такое плохо». Обычно у каждого из нас есть твердое мнение о том, что прилично, а что нет: какой длины должны быть юбки в разных ситуациях, нужно ли отменять смертную казнь, нужно ли ограничивать и как именно аборты, владение оружием, однополые браки и воинскую повинность. Я же предлагаю посмотреть на дело с позиций исторического материализма и объяснить, почему разные страны в разные периоды вводили одни ограничения, а в другие — другие.

Возможно, страны и общества, которые проигрывали в исторической гонке и сходили с исторической сцены, имели очень привлекательные для кого-то порядки и принципы защиты прав человека, но, поскольку они проиграли в военном и экономическом соревновании другим, их порядки на других не распространились и господствующими не стали. А вот правовые и моральные нормы тех стран, которые побеждали в экономическом и военном соревновании, наоборот, получали все большее распространение. Все-таки каннибализм, рабство, крепостничество и пытки, по крайней мере официально, запрещены сегодня во всех странах и исчезли

как массовое явление, а права на однополые браки и на эвтаназию становятся все более приемлемыми. Почему?

Если предоставление или ограничение определенных прав способствует экономическому, военному, социальному прогрессу, то, видимо, страны и общества, соблюдающие верный баланс прав личности и коллектива, со временем будут обладать самой высокой производительностью труда, самым высоким уровнем качества жизни и ее продолжительности, самой передовой технологией и самой большой военной мощью. Даже если в этих обществах не будет лучшей литературы и искусства, они, видимо, все равно вытеснят все остальные общества, так что первые будут считаться передовыми, а вторые — отсталыми.

Определение понятий

Чтобы избежать путаницы, надо договориться об определениях. Права человека — это права выбирать, голосовать или нет, владеть оружием или нет, проходить тест на алкоголь, наркотики или тест на детекторе лжи или нет, призывать к демократии/свержению правительства/восстанию или нет, и так далее. Часто мы говорим о правах человека, которые никакого выбора не предусматривают, — право на бесплатное образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, минимальный гарантированный доход и так далее. Отказаться от этих прав можно, а вот налоги платить в казну (которые потом пойдут на финансирование бесплатных общественных благ для всех) нельзя, на то они и налоги, то есть обязательные взносы. А часто даже и права отказаться от бесплатных услуг, например от бесплатного образования, нет — полноценный член общества должен уметь читать и писать, «не можешь — научим, не хочешь — заставим», как говорят в армии.

Важно понимать, что такие «права» ограничивают свободу личности, а не расширяют ее. Хотя и принято говорить о борьбе за права трудящихся (на восьмичасовой рабочий день, на социальные гарантии и минимальный доход), эти меры фактически ограничивают индивидуальные свободы — человеку приходится платить более высокие налоги, чтобы финансировать бесплатное предоставление общественных благ, и уже нельзя отказаться от социальных взносов даже при готовности платить самому за свои образование, лечение, обеспечение в старости. Правые республиканцы в США, кстати, именно на этом основании считали реформу здравоохранения Барака Обамы, существенно расширившую обязательную медицинскую страховку, ограничением свобод и прав человека. Медицинская страховка не налог, говорили они, человек должен сам выбирать, платить ли ему за медицинские услуги самостоятельно или приобретать страховку. То же и с минимальным гарантированным доходом — налоги, финансирующие этот доход, вынуждены платить все работающие, хотят они этого или не хотят, а получать эти деньги будут в основном неработающие.

Так что там, где права выбора для индивидуума нет, есть расширение прав государства и ограничение прав человека. Томас Гоббс, английский философ XVII века, сравнивал государство с Левиафаном — библейским чудовищем, которое возникает благодаря добровольному общественному договору и ограничивает естественные права граждан, чтобы сохранить мир и свободное пользование

граждан оставшимися правами. Например, ограничение прав рабовладельцев на владение рабами с целью обеспечения прав рабов и всех остальных на свободу.

Либеральная трактовка человеческой истории состоит в том, что прогресс заключается в расширении свободы выбора — прав человека. Гегель считал, что человеческая история есть прогрессирующее расширение свободы индивидуума. «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало <...> ведь хотя земля есть шар, однако история не описывает круга вокруг него, а, наоборот, у нее есть определенный Восток, и этот Восток есть Азия. Здесь восходит внешнее физическое солнце, а на Западе оно заходит: но зато на Западе восходит внутреннее солнце самосознания, которое распространяет более возвышенное сияние. Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы. Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны» (Гегель 1993, с. 148–149).

В античном мире действительно многие права граждан (только мужчин и не-рабов), включая права избирать и быть избранным, были установлены законами, но в Средневековье эти права благополучно исчезли. Первая крупная попытка ограничить произвол — Magna Carta, английская хартия вольностей XIII века, предоставившая аристократии защиту от произвола короля. С тех пор в западных странах действительно, многие права человека по большей части расширялись и становились более всеобщими — предоставлялись рабам и крепостным, простолюдинам и женщинам.

Крах СССР многие восприняли как полную победу либеральной идеи. Френсис Фукуяма, известный американский философ, даже увидел в этом гегелевский «конец истории» (Fukuyama 1992; Фукуяма 2007) и окончательную победу свободы и демократии.

Однако расширение индивидуальных прав в ущерб коллективным интересам ограничило способность общества жертвовать «неотъемлемыми» правами ради общего блага. Слишком много проблем возникло в обществах победившего либерализма и слишком много успехов появилось у стран китайской нелиберальной коллективистской модели. Теперь вроде бы многие признают, что «конец истории» был объявлен преждевременно и пока на некоторое время откладывается (Menand 2018).

Да и если посмотреть на другие права человека — экономические и социальные, то здесь история последних столетий явно идет по пути их ограничения. Социальные гарантии XX века — бесплатное и обязательное образование, медицинское и социальное страхование (по старости, нетрудоспособности, безработице) — это ограничение прав человека за счет расширения прав Левиафана-государства. Финансовая мощь государства в последние два столетия возростала экспоненциально — в США, например, до Гражданской войны бюджет федерального правительства составлял всего 2% ВВП, после войны, в 1870 году — 4% ВВП, сегодня — порядка 20% (плюс почти столько же бюджеты штатов и местных органов власти).

Либеральная идея и «азиатские ценности»

«Азиатские ценности», как уже говорилось, это приоритет интересов общества (общины, деревни, предприятия, нации, мирового сообщества) над интересами индивидуума. Они часто противопоставляются западным ценностям, в основе которых посылка о неотъемлемых, священных правах человека, которые не могут быть отчуждены от индивидуума ни при каких обстоятельствах, даже ради достижения высшего общественного блага (Попов 2021б).

В мае 2023 года Си Цзиньпин предложил Глобальную цивилизационную инициативу, основной смысл которой заключается в необходимости уважения разнообразия мировых цивилизаций и их равенства. Терпимость и уважение друг к другу являются неременным условием нахождения взаимопонимания между народами, подчеркнул председатель КНР. Страны с разными цивилизациями и уровнями развития имеют разные политические и экономические модели, причем ни одна страна не имеет полномочий контролировать дискурс о правах человека. Как выразился бывший министр иностранных дел Цинь Ган: «Не существует универсальной модели защиты прав человека». Греция с ее философскими и культурными традициями и уровнем развития может иметь иную концепцию и практику прав человека, чем Китай. Обе концепции одинаково правомочны (Есепову 2024).

Ценности, конечно, понятие во многом расплывчатое и субъективное, экономисты любят оперировать объективными и измеряемыми показателями, но таковые тоже есть. Самое главное, что отличает восточноазиатскую модель от либеральной, как уже говорилось, — низкий уровень доходного и имущественного неравенства, на котором и зиждется социальная гармония. В Китае и Восточной Азии неравенство сегодня оказывается ниже, чем в других странах, если только правильно проводить сравнения — с поправками на размер страны и уровень развития (Роров 2020с; 2022а).

Но есть и другие измеряемые объективные показатели — доля государства в экономике (госпотребление в% к ВВП, чтобы быть точным) выше, чем в схожих по уровню развития и размеру государствах, число нарушений правопорядка и уголовных наказаний (число преступлений, убийств и заключенных на миллион населения) — меньше (Роров 2020а, 2020с; 2022). Для стран восточноазиатской модели характерны также пожизненный наем и низкая безработица, приоритет банковского кредита над фондовым рынком, контроль над корпорациями со

стороны крупных финансовых учреждений в противовес миллионам индивидуальных акционеров в западной модели и т. д.

Есть и различия в субъективных ценностях, измеряемых опросами (проект «Всемирное исследование ценностей» — World Value Survey) — степень доверия правительству, готовность защищать свою страну, важность семейных уз и прочее (Роров 2020с).

Защитники «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что, в принципе, правами отдельных индивидуумов, в том числе и политическими, можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства.

Такой подход прямо противоположен либеральным ценностям. Известный политический философ Джон Ролз сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Ролзу, права человека, включая политические права, «не должны быть предметом политического торга или же калькуляции политических интересов» (Rawls 1971: 28; Ролз 1995: 20).

По словам нобелевского лауреата Аматы Сена, «Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник “азиатских ценностей”, защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха» (Sen 1997: 33). Но самое главное в «азиатских ценностях», конечно, массовое понимание, что страна и общество важнее любого индивидуума, даже самого важного. Уже упоминавшийся пример — политика ограничения рождаемости, практиковавшаяся в Китае с начала реформ в 1979 года и до недавнего времени, на Западе традиционно считается нарушением «неотъемлемых» репродуктивных прав граждан, но в Китае поддерживалась подавляющим большинством населения и не вызывала вопросов.

«Когда богатства распределены равномерно, то не будет бедности, — отмечал Конфуций, — когда царит [принцип] единства через разномыслие, то и народ не будет малочислен; если [в стране] спокойно, то исчезает и опасность [для правителя]» (Конфуций 1998: 420).

«Не спрашивайте, что ваша страна может сделать для вас, спросите, что вы можете сделать для своей страны» — эта знаменитая фраза Джона Кеннеди произвела

сильное впечатление в США и на Западе, но не в Китае. «А что, разве может быть по-другому?» — с недоумением спрашивали меня знакомые китайцы.

Ответственность перед семьей, конечно, на первом месте: В «Беседах и суждениях» Конфуция приводится история почти что про Павлика Морозова — про некоего молодого человека, которого называли «прямым» («честным») за то, что он донес на своего отца, который украл овцу. Конфуций горестно вздохнул и сказал: «Прямые люди моего *дана* отличаются от ваших, отцы укрывают детей, дети укрывают отцов — в этом именно и заключается прямота» (Конфуций 1998: 391). Но и долг перед государством не на последнем месте. Собственно говоря, государство на китайском часто так и обозначается — го-дзя, то есть государство-семья.

Вот, кстати, еще один очень сложный, но, видимо, связанный с «азиатскими ценностями» феномен: почему в Китае и Японии были самоубийства при потере чести/лица, но не было дуэлей? Собственно говоря, дуэли были, но лишь по «спортивным», так сказать, соображениям: не смертельные — для выяснения сил сторон, а смертельные — до начала сражения армий. А вот для защиты чести после нанесенного оскорбления — такого не было. Спасти от бесчестия могла сэппуку (харакири) в случае невозможности исполнить долг перед господином или императором. Также была и месть: как говорит китайская пословица, «для благородного человека и 10 лет не срок, чтобы отомстить». А вот институт дуэли как средства восстановления справедливости не прижился.

В Европе дуэли, распространившиеся с XVI века, были частью процесса приобретения прав дворянством, на которые никто не мог посягнуть, даже монарх. Дуэли вскоре запретили и даже ввели уголовные наказания за участие в таковых, но они все равно случались даже и в XX веке. То же и с самоубийствами — в христианстве и других авраамических религиях (иудаизме и исламе) самоубийство в большинстве случаев не преподносится как благое деяние и считается греховным. В разное время западные страны ввели наказания за самоубийства, но после Французской революции самоубийство постепенно стали вычеркивать из списка уголовных преступлений.

Даже и сейчас в большинстве штатов США действует закон, запрещающий оказывать помощь другому лицу в осуществлении суицида, а дискуссия, кому принадлежит жизнь человека — ему самому, обществу или Богу и кто соответственно может ей распоряжаться, продолжается. Либералы, конечно, доказывают, что сам человек вправе решать, когда умирать, процедуры медицинской помощи самоубийцам на начало 2024 года были разрешены в

Австрии, Бельгии, Испании, Канаде, Люксембурге, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии, Швейцарии, некоторых штатах США и Австралии.

Однако в традиционных обществах считалось и считается, что жизнь подданных принадлежит всему социуму, а с образованием государства — верховному правителю, который мог простить, а мог и казнить (монополия на насилие). Турецкий султан посылал провинившимся шелковый шнурок, которым адресата и душили, если он не совершал самоубийство. В Китае тоже существовал обычай, называемый «пожаловать смертью» — приговоренному к смертной казни ввиду его особых заслуг позволялось как выражение милости государя самому покончить с собой. В знак этой милости «жаловался» шелковый шнур или меч.

Для японских самураев гибель в бою или самоубийство было почетной обязанностью. «Каждый из самураев умирал в тот момент, когда впервые брал в руки меч, факт физической гибели был простой формальностью. О своей жизни самураю полагалось забыть и полностью посвятить ее служению господину» (Шелехов и др. 2011: 40). Законченный подход к жизни и смерти нашел свое выражение в институте *камикадзе* в Японии во время Второй мировой войны: добровольцев вступить в ряды смертников среди молодых людей того времени было больше, чем требовалось (несколько тысяч).

Отношение к жизни в традиционных обществах напоминало отношение к жизни рабов в Риме: если свободные граждане имели право на суицид, то рабы нет, так как являлись имуществом хозяина. Чтобы при продаже живого товара покупателю не подсунили «брак» — раба, намеревающегося свести счеты с жизнью, существовал «гарантийный срок»: если купленный раб убивал себя в течение полугода после совершения сделки, продавец обязывался вернуть покупателю деньги (Шелехов и др. 2011).

Суицидология различает индивидуальные и ритуальные самоубийства. Индивидуальное самоубийство — решение самого человека в противовес законам, обычаям и мнению общества, ритуальное же, наоборот, происходит под давлением общественных стереотипов. «Ритуальное самоубийство требует почти полного отсутствия свободы воли и подчинения принятым в обществе жестким формам и стереотипам поведения, находящим свое полное и логическое завершение в тотальной ритуализации жизни и смерти. Ритуальное самоубийство может

существовать только в таком обществе, где очень низка ценность человеческой индивидуальности» (Шелехов и др. 2011: 39).³⁸

Самоубийства на Востоке в основном ритуальные — либо для исполнения долга перед обществом, либо из-за неспособности выполнить этот долг. Камикадзе жертвуют собой ради родины, а самураи совершают сэппуку, если не смогли спасти господина от гибели или бесчестья. Например, в Корее в 2014 году повесился учитель, сопровождавший школьников на затонувшем пароме, спасшийся сам, но не сумевший спасти своих учеников. Последний император минской династии Чжу Юцзянь весной 1644 года, когда повстанцы крестьянского восстания подошли к Пекину и осадили его, видя безвыходность своего положения, повесился на горе Цзиньшань.

Самоубийства вдов во многих странах считались признаком истинной любви к мужу и доказательством их верности. В Китае этот обычай бытовал около полутора тысяч лет, вплоть до XX века, в Индии такие самоубийства происходят до сих пор. В Китае каждому известна история Ян Гуйфэй — любимой наложницы императора династии Тан Сюань-цзуна и одной из четырех главных красавиц китайской истории, воспетой многими авторами в стихах и прозе и в едва ли не самой известной пекинской опере «Пьяная наложница». В VIII веке н.э. из-за восстания императору пришлось бежать из столицы, а армия взбунтовалась, считая наложницу причиной всех бед и требуя ее казни. «Умоляем Ваше величество забыть о личных привязанностях ради благополучия страны и трона», — просили главный евнух и вельможи, так что император отдал приказ. По одной версии Ян Гуйфэй повесилась сама, по другой ее удавил главный евнух, отведя в деревенский буддийский храм и задушив ее там под грушевым деревом...

Отношение числа убийств к числу самоубийств иногда считается показателем индивидуализма и коллективизма — если человек винит в своих проблемах внешние силы/общество, он убивает других, а если винит самого себя, то совершает самоубийство. Возможно, поэтому в южных штатах США отношение числа убийств к числу самоубийств выше, чем в северо-восточных (Lester 1994;

³⁸ Схожее отношение к самоубийству существовало и в фашистской Германии: «Ампулы с цианистым калием выдавались сотрудникам канцелярии НСДАП (национал-социалистическая партия), аппарата СС (военизированные формирования национал-социалистов), чиновникам государственного и партийного аппарата, членам их семей, секретарям и стенографистам — то есть людям, причастным к государственным тайнам. Сохранились дневники секретарши Гитлера — Траудль Юнге: “Бункер фюрера содрогался от взрывов. Адольф Гитлер протянул как некое сокровище ампулу с цианистым калием: ‘Я бы с удовольствием подарил вам на прощание что-нибудь другое’”. Юнге не воспользовалась подарком. Она дожила до 81 года и умерла в середине февраля 2002 г.» (Шелехов и др. 2011: 21–22).

2002). Также и в странах Восточной Азии число убийств в расчете на 100 000 жителей — одно из самых низких в мире (в Китае и Японии — на порядок ниже, чем в США — 0,6 и 0,2 соответственно против 7), а по уровню самоубийств Восточная Азия, хоть и тоже лучше других, но не настолько (Южная Корея даже не лучше, там уровень самоубийств очень высок).

Уровень убийств, кстати сказать, сильно зависит от доходного и имущественного неравенства, а вот уровень самоубийств почти не зависит, а если и зависит, то слабо и отрицательно — чем выше неравенство, тем меньше самоубийств (Роров 2018а; 2019). Так, в Латинской Америке уровень неравенства и убийств высок, а уровень самоубийств — относительно низок³⁹.

И, опять-таки, речь здесь не столько о субъективных ценностях и мнениях, сколько об объективных закономерностях и тенденциях. Надо ли помогать самоубийцам безнадежно больных или разрешать дуэли, или формировать отряды камикадзе в воюющих армиях, — наверняка, у каждого читателя есть определенное мнение, что именно соответствует моральным нормам и какие законы должны регулировать эти сферы жизни. Здесь же речь о том, как объяснить различия во времени и в пространстве — почему в одних цивилизациях и в одни исторические эпохи люди не были властны над собственной жизнью и смертью, а в другие времена и периоды право на жизнь и смерть считалось неотъемлемым правом самого человека.

Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI века было универсальным принципом всего человечества — никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было. Перечитайте «Ветхий Завет» — сколько народа, своего и чужого, загубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в «Землю обетованную» и произвести от них «народ сильный и многочисленный». Нациям надо было тогда выживать в трудной борьбе с врагами — какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Ибн Хальдун, великий арабский философ XIV века, считал, что возвышение и падение наций и цивилизаций определяется *асабией* — солидарностью, сплоченностью и единством, чувством коллективизма, способностью поддерживать друг друга. Возвышение арабского халифата он объяснял именно изначально высокой *асабией* бедуинов пустыни. При этом в вопросах

³⁹ Литература по убийствам и самоубийствам чрезвычайно обширна, теорий много, исчерпывающих объяснений пока нет. Показано, что значение имеют этнические, психологические, религиозные, экономические и социальные факторы. В некоторые периоды убийства и самоубийства скоррелированы положительно (войны, кризисы), но в другие — отрицательно (Bills 2017).

экономической политики Ибн Хальдун был типичным «либералом», полагая в частности, что для экономического процветания налогообложение должно быть уменьшено, а размеры и prerogatives государства — ограничены (Ибн Хальдун 2008).

Понятие *асабии* было достаточно распространено и в доисламскую эпоху, но приобрело популярность именно после трудов Ибн Хальдуна, который рассматривал *асабию* как фундаментальную взаимосвязь индивидуумов в человеческом обществе. На Ближнем Востоке, кстати сказать, уровень неравенства и сейчас ниже, чем в других странах с аналогичным уровнем экономического развития. В мусульманских странах при прочих равных условиях (с поправкой на многие факторы — на размер страны, плотность населения, доход на душу населения, урбанизацию, демократию, коммунистическое прошлое, индекс эффективности правительства) коэффициент Джини распределения доходов в среднем случае на 5 процентных пунктов ниже, чем в других странах (Попов 2016). Но, строго говоря, «азиатские ценности» не связаны жестко ни с какой идеологией и могут мирно сосуществовать и с исламом, и с марксизмом, и с христианством, и с конфуцианством. Главное в «азиатских ценностях» — приоритет интересов общества над интересами индивидуума; главный критерий — низкое неравенство в распределении богатства и доходов. А принцип равенства и справедливости ставят во главу угла практически все религии и учения, кроме либерализма. Одна из пяти главных заповедей ислама — закят — обязательный налог на богатых в пользу бедных; христианство призывает к милосердию, а про реальный социализм, который не на словах, а на деле обеспечил самое низкое неравенство в истории, и говорить нечего.

Китай сегодня пытается найти свою национальную идеологию и все чаще обращается к конфуцианству, которое в императорском Китае свыше 2000 лет играло роль основной религии и принципа организации государства. Главная идея конфуцианства — гармония и стабильность в обществе, достигаемая упорядочением отношений правителей и подданных, сегодня снова поднимается на щит, хотя при Мао Цзэдуне ее критиковали, как недостаточно революционную. В конфуцианстве, как уже говорилось, раньше видели причину вековой отсталости Китая — какие могут быть технические и социальные нововведения при архаичных закостеневших административных структурах, предполагающих подчинение детей родителям, младших — старшим, чиновников — начальникам, начальников — императору. Такой взгляд на вещи был, кстати, характерен для западных

исследователей XIX века, объяснявших отсталость Китая. Но вот сейчас, похоже, в этих же конфуцианских идеях видят причину возвышения Китая и его бурного роста в последние десятилетия: именно порядок, а не анархия, стабильность и гармония, четкие правила субординации создают благоприятный инвестиционный климат и необходимые условия для быстрого экономического роста.

Китайская система меритократии — экзамены для государственных чиновников (кэцзюй), просуществовавшие в Китае почти полторы тысячи лет, отмененные только в 1905 году, но сегодня снова возрожденные, — обычно оценивается положительно, считается одной из причин успеха государства. Чиновники назначались на государственные должности не благодаря своему происхождению или протекции, как в средневековой Европе, а благодаря своим знаниям и талантам. В итоге империя получала квалифицированных управленцев, обеспечивала высокую социальную мобильность и сильную центральную власть. Но вот в недавней работе (Huang 2023) доказывается прямо противоположное — вроде как эта система подавляла творческую инициативу и вела к технологической деградации.

Такие различия в интерпретациях — не редкость в социальных науках. Все наверняка помнят первую фразу романа Толстого «Анна Каренина»: «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Если же говорить о странах и об их успехах в экономическом развитии, то, похоже, дело обстоит совсем не так: истории «экономических чудес» очень разнятся и порой имеют вообще мало общего. Нередко можно встретить противоречащие друг другу заключения о причинах экономического роста: про одни страны говорят, что источниками их быстрого роста стали либерализация и свободная торговля, а успех других объясняется протекционизмом и промышленной политикой.

Здесь, однако, речь не о реальных причинах успехов и провалов и не столько о самих идеях Конфуция, сколько о том, как изменилась их трактовка. Сегодня Конфуций рассматривается как оппонент западной либеральной модели. Яо Ян, известный китайский экономист, директор Китайского центра экономических исследований и декан Национальной школы развития Пекинского университета, доказывает, что марксизм вполне совместим с конфуцианством и даже, более того, является одним из вариантов развития конфуцианства (Yao 2023).

В 2023 году китайское телевидение (программа провинции Хунань) показало сериал «Когда Маркс встретил Конфуция». В нем, в частности, Маркс признается,

что разделяет приверженность политической стабильности и что на самом деле долгое время был китайцем. «Даже когда многие политологи-теоретики в начале XX века осуждали конфуцианство, — пишет Рана Миттер в статье в *Foreign Affairs*, — другие мыслители стремились показать, что Китаю не обязательно подражать западным идеям для модернизации, будь то националистические, либеральные или марксистские. Они нашли путь для другого, но потенциально эффективного вида модернизации в русле традиционных китайских идей» (Mitter 2024: 177).

Кто — кого: соревнование цивилизаций. Дуншен, сицзян?

Дуншен, сицзян — взлет Востока, упадок Запада — этой формулой пользовались многие китайцы, включая Мао Цзэдуна и Си Цзиньпина. Сегодня об этом возвышении Востока не говорит только ленивый. Если тенденции послевоенного периода продолжатся, то Китай через несколько десятилетий обгонит Запад по производительности труда и подушевому доходу. Вопрос в том, продолжатся ли.

Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении, так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов. Однако взлет Восточной Азии в послевоенный период, и особенно центра Восточной Азии — Китая, заставляет думать, что «конец истории» откладывается и в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку. Как уже говорилось, именно Восточная Азия во второй половине XX века стала, по сути, единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом (Попов 2002; 2015б; Popov 2015).

После краха СССР китайская, точнее, восточноазиатская, модель развития завоевывает все больше сторонников в развивающихся странах — от Бразилии до Фиджи. Геополитика и военный потенциал, конечно, имеют значение, но доминировать в конце концов будут страны, которые добьются наивысшей экономической эффективности. Ленин, как уже говорилось, считал, что новый общественный строй победит именно из-за более высокой производительности труда (Ленин 1970).

А вот конец либеральной идеи свободы и «неотъемлемых» прав человека, похоже, не за горами. «Неолиберальная ортодоксия — сокращение размеров правительства, снижение налогов, дерегулирование, которая утвердилась около 40 лет назад на Западе, должна была укреплять демократию, а не ослаблять ее. Что пошло не так?» — задается вопросом Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат по экономике. «Сторонники неолиберализма, — отвечает он, — похоже, никогда не осознавали, что расширение свободы корпораций ограничивает свободу остального общества. Свобода загрязнять окружающую среду означает ухудшение здоровья (или даже смерть для людей, страдающих астмой), более экстремальные погодные условия и непригодную для жизни землю. Конечно, всегда есть компромиссы; но любое разумное общество пришло бы к выводу, что право на жизнь более важно, чем ложное право на загрязнение. Налогообложение также является анафемой для

неолиберализма, который представляет его как оскорбление свободы личности: человек имеет право сохранять все, что он зарабатывает, независимо от того, как он это зарабатывает. Но даже если они честно получают свои доходы, сторонники этой точки зрения не понимают, что то, что они зарабатывают, стало возможным благодаря государственным инвестициям в инфраструктуру, технологии, образование и здравоохранение. Они редко задумываются о том, что бы они имели, если бы родились в одной из многих стран без верховенства закона (или как бы выглядела их жизнь, если бы правительство США не осуществило инвестиции, которые сделали возможной разработку и производство вакцины против COVID» (Stiglitz 2024).

Из нынешнего кризиса либерализма есть два выхода, и оба с летальным (для либерализма) исходом. Первый — более или менее постепенная и безболезненная замена либеральной модели Запада на восточноазиатскую и продолжение исторического процесса. Второй — распространение западной либеральной модели на весь мир и утрата способности справляться с растущим неравенством, истощением ресурсов, экологическим кризисом и военными конфликтами. Фактически сегодня человечество выбирает: либо победа либеральной идеи и конец истории (без кавычек), либо отказ от либеральной идеи и продолжение истории.

Основное противоречие современной эпохи, да и всей человеческой истории, — не между капитализмом и социализмом и даже не между авторитаризмом и демократией, а между индивидуализмом и коллективизмом, между общественными и личными интересами (Попов 2021б). Страны, вырывающиеся вперед в экономической гонке, позволяют себе роскошь индивидуализма, ставя во главу угла права человека, что подрывает политическое и экономическое могущество и кончается их упадком и возвышением более коллективистских цивилизаций (Попов 2012а, 2012б). Вот уж, в буквальном смысле старая, как мир, история...

В последние годы развитие Китая замедлилось, что, возможно, связано с изменениями макроэкономической политики и/или с геополитической борьбой и санкциями западных стран. Но скептики говорят и о более серьезных сдвигах, грозящих разрушить китайскую модель догоняющего развития: росте индивидуализма, особенно среди молодых людей, отказа от традиционных коллективистских ценностей, превращении Китая в обыкновенную капиталистическую экономику, которая никакими преимуществами в сравнении с

западной либеральной моделью не обладает. Если этот диагноз верен, восточноазиатская модель не станет альтернативой Западу, и миру придется пройти через все круги либеральной свободы, прежде чем вернуться к приоритету общественных ценностей. Если, конечно, будет кому возвращаться.

Общая теория

Возвышение обществ/стран/цивилизаций изначально связано с расширением прав личности, причем главный толчок развитию дает не раскрепощение творческой инициативы, а рост неравенства, позволяющий увеличить норму накопления. Но затем, когда расширение прав заходит слишком далеко, социальная стабильность подрывается, происходят катаклизмы, революции и завоевания, так что права индивидуумов ограничиваются, и принципы коллективизма восстанавливаются.

Античные цивилизации, Греция и Рим, дали своим гражданам беспрецедентные по тому времени права: мужское население, исключая рабов, могло рассчитывать на неприкосновенность собственности, соблюдение законов, справедливое разбирательство в суде, порой даже и на участие в выборах официальных лиц. Эти цивилизации смогли добиться большего, чем другие, в технологии, культуре, науке, искусстве, и, казалось, были более эффективны и конкурентоспособны и в экономическом соревновании, и в военном противостоянии с другими. Но они были завоеваны более коллективистскими, хоть и более примитивными обществами.

Капитализм утверждался через предоставление больших прав индивидуумам — отмена крепостничества и сословных привилегий, свобода торговли и предпринимательства, свобода участия в выборах и политическом процессе. Но эти свободы были не причиной ускорения роста, а следствием. Упрощая, можно сказать, что отмена обязательной воинской повинности, смертной казни и даже самой авторитарной формы правления — приятная и достойная роскошь, которую смогли позволить себе более развитые страны, опережавшие других в экономическом развитии, имевшие более совершенные технологии и военное превосходство.

Противоположная точка зрения, либеральная, состоящая в том, что демократия и права человека есть причина экономического прогресса и превосходства, совсем фактами не подтверждается: только последние пару сотен лет избирательные и многие прочие права становятся повсеместными, а до этого, многие тысячи лет писанной человеческой истории, страны, экспериментировавшие с демократией (от античного мира до свободных городов Средневековья) неизменно терпели фиаско.

«Великую цивилизацию невозможно завоевывать извне до тех пор, пока она не разрушит себя изнутри», — писал американский историк Уильям Дюрانت о

Римской империи (Durant 1972: 665; Дюрант 1995: 714), и этот диагноз, видимо, может объяснить падение и многих других амбициозных цивилизаций, в которых индивидуальные права ставились выше коллективных интересов, что давало простор для роста неравенства доходов, подрывало социальный мир, снижало число рекрутов и подрывало способность к мобилизации ресурсов.

Собственно говоря, самое серьезное расхождение моральных норм стран и цивилизаций началось в XVI веке и достигло апогея в XX веке, когда разрыв в производительности труда и в подушевом доходе между Западом и Югом достиг максимума (примерно 6:1 к 1900 году — Попов 2012а, 2012б). Преимущество Запада в военном и экономическом отношении стало столь велико, что оказалось возможным отказаться от многих ограничений на права индивидуумов: гарантии прав личности и демократическая политическая система не грозили подрывом господства Запада над миром. Напротив, распространение этих «неотъемлемых» прав человека и демократических процедур на мировую периферию вело к ослаблению тамошних институтов, социальным конфликтам и хаосу.

Фарид Закария (Zakaria 1997; Закария 2004) пишет о возникновении массового феномена «нелиберальных демократий» — стран, в которых введение конкурентных выборов должностных лиц произошло прежде, чем возник правопорядок. Как уже говорилось, в таких нелиберальных демократиях качество госинститутов сильно падает, растет претупность и теневая экономика, инфляция и бюджетные дефициты, снижаются темпы роста и продолжительность жизни. Статистические подтверждения этому есть (Polterovich, Popov 2005a; Полтерович, Попов 2007; Polterovich, Popov 2007; Polterovich, Popov, Tonis 2007), да и отдельные примеры у всех на виду: Кыргызстан в середине 1990-х годов был одной из самых демократических стран на постсоветском пространстве, его фактически поместили на доску почета в МВФ и первым из бывших советских республик, даже раньше Эстонии, приняли в ВТО в 1998 году. Но демократия в итоге не сработала: коррупция расцвела как нигде, социальное неравенство и преступность возросли, чуть ли не половина национальной экономики или, точнее, того, что от нее осталось, перешла в руки «семьи», и дело в итоге в 2005 году закончилось очередной «революцией».

Расширение прав женщин — еще одна область, где наиболее сильные в экономическом отношении общества могли продвигаться вперед. В Древней Греции и Древнем Риме женщины, конечно, были более свободны, чем до и после Античности, хотя формально они так и не получили равных прав с мужчинами в

том, что касается владения собственностью, наследования, гражданских свобод. По крайней мере, к их мнению прислушивались при выборе партнеров, совсем не так, как в мрачные годы Средневековья. Ограничения прав женщин, нам, конечно, кажется теперь варварским, но независимо от сегодняшних моральных норм надо признать, что в Античности сил Греции и Рима было недостаточно, чтобы эти права гарантировать. Другие цивилизации, где женщины были практически полной собственностью мужчин, оказались более конкурентоспособными по крайней мере в военном отношении. Почему?

Возможно, потому, что мужчины меньше ссорились из-за женщин, так что общество было более сплоченным. Троянская война, как считают сегодня историки, вряд ли вспыхнула из-за Елены Прекрасной, но миф об этом поучителен. «Искусство — ложь, помогающая понять правду», — говорил Пикассо, и в данном случае, правда, похоже, в том, что древние хорошо понимали, к каким раздорам может привести наделение женщин «неотъемлемыми» правами. В более поздней истории женщины на корабле и в армии совсем не приветствовались, а в американской армии даже и сейчас, если супруги/партнеры служат вместе, они не должны афишировать свои отношения — нельзя обниматься и даже держаться за руки, если вы в военной форме. Тоже ведь ограничения прав человека.

Объяснение, видимо, то же, что и с изменением прав женщин — совмещение служебных и интимных отношений может ослабить боевой дух армии. А если страна сильно опережает другие в производительности труда и технологии, то можно позволить роскошь гарантировать права интимных отношений среди военных. Представьте, например, что в будущей войне технологически передовые страны, чтобы победить, будут посылать на вражескую территорию не своих солдат, а только дроны, ракеты и роботы, так что управляющие ими из безопасных кабинетов офицеры могут и за руки держаться, и вступать в любые интимные отношения, не опасаясь подрыва армейской морали.

А права на ношение оружия, которые раньше предоставлялись всем аристократам-дворянам, а потом практически во всех странах были отменены, причем не только для дворянского сословия, но и для всех, как раз примерно тогда, когда третье сословие уравнили в правах с аристократией (после Великой французской революции конца XVIII века). Тогда же и запрет на дуэли из декларативного превратился в реальный и общественное мнение перестало считать, что «оскорбление можно смыть только кровью». Действительно, если бы все носили оружие и каждый мог вызвать другого на дуэль по любому поводу, то уровень

убийств наверняка вырос бы кратно — слишком накладно таким образом обеспечивать «неотъемлемые», якобы, права человека, рациональнее эти права просто отнять.

Права секс-меньшинств и транссексуалов — модная ныне тема, большинство граждан знает «совершенно точно», какие права, в каком объеме и кому именно нужно предоставить, но речь сейчас не об этом, а о том, чтобы объяснить эволюцию общественного мнения и законов в этой сфере. В Китае, например, на протяжении всей истории до «опиумных войн» середины XIX века отношение к гомосексуальным контактам было более чем терпимым.

Романтические отношения с мужчинами у императоров Хань (III век до н.э. — III век н.э.) — обычное дело, а уж «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» — эротический роман, описывающий нравы XVI века, свидетельствует о том, что никаких запретов, ни правовых, ни моральных, на такие отношения не было и среди тогдашнего «среднего класса». У одного из императоров тогдашней династии Мин, как считается, было два частных дворца, один для его любовниц-женщин и один для любовников-мужчин.

Когда же Китай в середине XIX века проиграл «опиумные войны» и превратился в полуколонию Запада, английские миссионеры и политики призвали запретить «нецивилизованные» отношения, так что Китай криминализировал гомосексуализм, как это было принято в то время в «цивилизованных» западных странах (эти законы потом отменили коммунисты).

Логика, видимо, та же, что и с заградотрядами, военно-полевыми судами и смертной казнью в действующей армии. Когда Греция и Рим были на вершине могущества, они не боялись предоставлять самые разные права своим гражданам, как и Китай до XIX века, когда он был центром мира и не боялся конкуренции Запада. А когда западные страны вышли в лидеры в XIX–XX веках, они смогли даже возвести многие права в ранг «неотъемлемых». Если экономическое и технологическое превосходство позволяет побеждать без институтов ограничения прав, то, конечно, лучше эти ограничения отменить и гарантировать максимально широкие права и женщинам, и мужчинам. Ну а если победить без таких институтов сложно, то надо уметь расставить приоритеты — что важнее, права некоторых индивидуумов или власть элиты и выживание нации?

Вызовы для либералов: какие права придется ограничить?

В правящей верхушке есть, конечно, расхождения во мнениях о том, что представляет угрозу власти элиты, а что нет, — свободное владение оружием республиканцы в США угрозой не считают, но боятся предоставления прав однополым парам на воспитание детей и даже прав на аборт. Демократическая партия занимает ровно противоположную позицию. Со временем такие разногласия находят свое разрешение — за отмену рабства в середине XIX века выступали именно богатые — республиканцы (электорат демократов в то время базировался на бедных ирландских и итальянских иммигрантах, которые опасались конкуренции в случае наплыва негров с Юга в северные штаты), а 100 лет спустя именно демократы выступили за отмену сегрегации и предоставление избирательных прав неграм на Юге. Республиканцы, с другой стороны, теперь уже и думать забыли о сегрегации и не ставят под сомнение права чернокожих американцев.

А за свободную торговлю, в частности за отмену хлебных пошлин в Англии 40-х годов XIX века, выступали не только консерваторы (представлявшие интересы промышленной буржуазии, боровшейся с земельной и финансовой аристократией), но и зарождавшееся социал-демократическое движение — чартисты, представлявшее интересы средних и бедных слоев.

Почему владение оружием надо запретить, а аборт и смену пола разрешить? Подкованный либерал, видимо, вам ответит, что вред от владения оружием большой, а от абортов и смены пола никакого вреда для других нет. Так что, да, мои права кончаются там, где начинаются ваши, и не надо меня убеждать, что смена пола грозит вымиранием человечества.

Так или иначе, страны и общества, вырывающиеся вперед в экономическом и социальном развитии и превосходящие соседей, расширяют права человека. Неудивительно, что моральные и правовые нормы таких передовых обществ начинают рассматриваться как прогрессивные и распространяются на другие страны — либо через добровольное копирование, либо через навязывание со стороны более «продвинутых» стран.

Богатые и образованные сначала выступают за расширение прав для себя (аристократия, конечно, имела больше прав, чем простолюдины), но со временем, убеждаясь, что власть можно сохранить, даже расширяя права «низов», предоставляет эти права другим слоям общества. Однако затем, элита, понимая, что

неограниченные свободы угрожают ее господствующему положению, начинает поддерживать партии, часто более левые, ставящие во главу угла интересы общества, а не индивидуума.

Опираясь на экономический успех, западные страны сумели расширить права человека больше, чем другие. Гарантии этих прав были не причиной, но следствием экономического успеха. Если либеральная элита и шла на ограничение прав человека, то лишь под давлением, из-за угрозы потери власти. В послевоенный период успешного развития Запада эта элита добилась расширения прав личности, особенно в тех сферах, где, как казалось, приверженность индивидуализму не подрывает позиции элиты (от прав на аборты и прав секс-меньшинств до прав мигрантов и свободы слова).

В других же сферах, где, как считалось, расширение прав личности грозило социальными потрясениями и экологическими катаклизмами (рост неравенства, изменение климата, истощение ресурсов, неконтролируемая свобода слова), эта же элита, по крайней мере на словах, стала ставить на первый план интересы общества и всего человечества.

Вот несколько областей, в которых уже в ближайшее время неограниченные права личности грозят подрывом социальной стабильности и даже возможным крахом либерального капитализма — неравномерное распределение богатства и доходов, ухудшение экологии и истощение ресурсов, опасные нерегулируемые технические новации, потеря контроля над популистскими настроениями из-за неограниченной свободы слова и кризис демократических механизмов.

Неравенство в последние четыре десятилетия растет во многих странах — в западных, бывших социалистических и во многих развивающихся. До начала XX века неравенство в распределении доходов возрастало, но после Первой мировой войны и революции 1917 года в России неравенство стало снижаться — рост мирового социализма заставил многие капиталистические страны провести социальные реформы, способствовавшие более равномерному распределению доходов и формированию «капитализма с человеческим лицом». Однако с начала 1980-х годов неравенство вновь растет в большинстве стран, видимо, из-за ослабления сдержек и противовесов, роль которых раньше играли социалистические страны. Предоставленные самим себе, без государственного регулирования, без сдержек и противовесов, конкурентные рынки, видимо, имеют тенденцию бесконечно увеличивать неравенство (Джомо, Попов 2016).

Высокое неравенство сопряжено с букетом отрицательных последствий, от увеличения преступности и смертности до снижения качества абитуриентов и распространения психических расстройств и ожирения (Wilkinson, Pickett 2010), что делает общества и страны менее конкурентоспособными, особенно на высоких стадиях развития. Неравенство не может расти неограниченно, видимо, есть критический уровень неравенства, при превышении которого национальные государства погружаются в пучину социальных конфликтов и распадаются. Если рост неравенства внутри стран не удастся предотвратить, сначала страны могут попасть в ловушку с плохим (устойчивым) равновесием, которое воспроизводит себя: плохое качество государственных институтов, низкий рост, низкая социальная мобильность и высокая социальная напряженность. Выход из этой ловушки возможен путем постепенных реформ, но если реформы откладываются, то дальнейший рост неравенства может закончиться социальной революцией (Джомо, Попов 2016).

Высшие слои общества, конечно, пытаются предвидеть будущие опасности, ограничить права личности, если это грозит катаклизмами и дезинтеграцией обществ. Так что богатые начинают поддерживать меры по снижению неравенства, помощь бедным внутри страны и за рубежом, расширение социальных обязательств государства (пенсии, бесплатное образование и здравоохранение за счет более высоких налогов).

Вот уже более трех десятков лет проект «Всемирное исследование ценностей» (World Value Survey) проводит опрос во многих странах о том, что важнее для людей, свобода или равенство⁴⁰. Интересно, что здесь географические различия оказываются более выражены, чем классовые, — в Китае ожидаемо была выше доля тех, кто ценил равенство больше и среди богатых, и среди бедных, а в США — наоборот, но все-таки разрыв в предпочтениях богатых и бедных (по доходу) в разных странах был неодинаков. В 1990–1994 годах во всех 18 странах, в которых проводился опрос (за исключением двух — США и Словакии), богатые ценили свободу больше, чем бедные. В 2017–2022 годах богатые ценили свободу больше,

⁴⁰ Предлагалось выбрать два варианта ответа:

(а) И свобода, и равенство для меня одинаково важны. Но если я должен выбрать одно или другое, я посчитаю личную свободу более важной; это значит, что каждый должен быть свободным и беспрепятственно развиваться;

(б) Конечно, важны и равенство, и свобода. Но если я должен выбрать одно из двух, я посчитаю равенство более важным; это значит, что никто не находится в ущемленном положении и что социальные классовые различия не так сильны.

чем бедные, в 43 странах/на территориях из 64, но в 21 стране богатые были более ориентированы на равенство, чем на свободу.

Опросы подобного рода, конечно, измеряют субъективные предпочтения, но эти субъективные предпочтения складываются под влиянием объективных факторов. Статистический анализ показывает, что проэгалитарные настроения тем сильнее, чем больше доходное и имущественное неравенство, чем выше уровень убийств и чем выше доверие населения к правительству, причем для богатых такая зависимость более выражена, чем для бедных (Роров 2023а). Получается, что у лиц с высокими доходами формируются левые взгляды (в пользу перераспределения, то есть с предпочтением равенства относительно свободы), когда они чувствуют, что неравенство доходов представляет опасность для социальной стабильности, и доверяют правительству в проведении мер по перераспределению.

Тома Пикетти, французский экономист известный своей книгой о неравенстве «Капитал в XXI веке» (Piketty 2014; Пикетти 2015), в другой известной статье (Piketty 2018) исследует кардинальные изменения электоральной базы левых партий: сразу после Второй мировой войны за левых голосовали в основном бедные и необразованные, а сегодня, наоборот, более образованные и богатые. Статья называется «Левые брамины против правых купцов» — высокообразованная часть электората — «брамины» — сместилась на левый фланг и стала левее не слишком образованных, но богатых «купцов».

Такая смена ориентации, отчасти, конечно, обусловлена более терпимым отношением левых к расширению прав мигрантов, женщин, этнических, религиозных и сексуальных меньшинств — богатые поддерживают расширение прав личности в сферах, где, как им кажется, нет угрозы их господству. Но другая причина смены ориентации — рост доходного и имущественного неравенства с 80-х годов прошлого столетия, когда замедление роста социалистической системы лишило капитализм сдержек и противовесов. Такой рост неравенства, похоже, все-таки беспокоит богатых и заставляет их, по крайней мере на словах, поддерживать лозунги левых, традиционно выступающих за большее перераспределение от богатых к бедным (Роров 2023а).

Снижение неравенства в отдельных странах и во всем мире, «инклюзивное развитие», «не оставлять никого позади» (leave no one behind) — сегодня, видимо, трудно найти человека, который не поддерживал бы эти лозунги. Правда, пока что больше на словах: высшие предельные ставки подоходных налогов, которые в США, Великобритании, Германии и Франции в 1940–1980 годах превышали 50%

и даже иногда доходили более чем до 90%, затем были существенно снижены (Piketty 2014; Пикетти 2015); бесплатное образование и здравоохранение — самые эффективные инструменты борьбы с неравенством — до сих пор не стали безусловным правилом даже в европейских странах, не говоря уже о США.

Возможно, в ближайшие годы мы увидим поворот в сторону реальных мер по сокращению неравенства, а возможно, и нет. Как говорят, ничто так не ослепляет, как успех, так что, преуспев однажды с расширением прав личности, элита часто теряет ощущение опасности и упускает критическую развилку между социальной стабильностью и социальными катаклизмами.

Экологические опасности, о которых сегодня так много говорят, тоже грозят выдвинуться на первый план, если не ограничить права человека. Пренебрежение экологией уже сгубило не одно общество. Пришла в упадок не только цивилизация острова Пасхи, но и цивилизация майя (достигшая расцвета в VII–X веках и уже находившаяся в упадке к моменту прихода конкистадоров), тогда как высокоразвитые общества на некоторых островах Полинезии испытали полный коллапс и исчезли окончательно (Diamond 2005; Даймонд 2016). Джаред Даймонд как раз и доказывает, что большие размеры нашей планеты в сравнении с полинезийскими островами отнюдь не являются гарантией непрямого выживания. Нам повезло, считает он, что недавняя пандемия коронавируса стала своего рода репетицией грядущих крупных катаклизмов будущего — глобального потепления, истощения ресурсов, роста неравенства.

«...Изменение климата, истощение ресурсов и неравенство создают гораздо более серьезные угрозы нашему выживанию и качеству жизни, чем нынешняя пандемия. Даже в худшем случае, если каждый человек на Земле заразится COVID-19 и в результате умрет 2% из нас, это “всего” 154 миллиона смертей. В результате в живых останется 7 546 000 000 человек: гораздо больше, чем достаточно, чтобы обеспечить выживание человечества. COVID-19 — мелочь по сравнению с опасностями, которые изменение климата, истощение ресурсов и неравенство влекут за собой для всех нас» (Diamond 2020).

Те, кто помнит советские времена, помнят и клише советской пропаганды — транснациональные компании ради прибыли хищнически эксплуатируют природные ресурсы и загрязняют окружающую среду. Но многие из тех, кому сейчас менее 40, видимо, и не знают, что это в основном было правдой прежде и в значительной мере верно и сейчас. Хотя, конечно, сегодня наиболее состоятельные слои населения и даже средний класс все больше и больше (даже больше, чем

бедные) начинают поддерживать «зеленую экономику» и сокращение потребления энергии и других ресурсов.

Киотский протокол, подписанный в 1997 году и вступивший в силу в 2005 году, предусматривал обязательные цели по сокращению выбросов только для промышленно развитых стран (так называемых государств Приложения I), но не для развивающихся стран. Развивающиеся страны тогда исходили из того, что проблемой изменения климата должны заниматься, в первую очередь, западные страны.

Во-первых, ответственность за создание проблемы несут промышленно развитые страны, поскольку на их долю пришлось почти 80% выбросов парниковых газов в период с 1850 по 2010 год. Во-вторых, на развитые государства даже и к концу XX века приходилось почти 40% ежегодных выбросов в мире (хотя их доля в населении мира была только 18%), а выбросы на душу населения на Западе соответственно были в несколько раз выше, чем на глобальном Юге (развитые страны — 9 тонн CO₂ на душу, развивающиеся — всего 3 тонны).

Выбросы CO₂ и других парниковых газов сильно зависят от объема потребляемой энергии, а потребление энергии тесно связано с уровнем экономического развития, поэтому выбросы на душу населения тесно коррелируют с доходом на душу населения. Китай, например, как уже отмечалось, в 2022 году выбрасывал менее 8 тонн CO₂ на душу населения, США — 15 тонн). Исключения в основном связаны с различиями в отраслевой структуре экономики (некоторые страны имеют более загрязняющие отрасли, чем другие) и развитием альтернативных источников энергии (именно поэтому выбросы на душу населения в ЕС составляют менее половины выбросов Америки).

Наконец, в-третьих, развивающиеся страны не так богаты, как развитые страны, и вполне справедливо, когда богатые платят больше за глобальные экологические проблемы.

Как писал в 2007 году Мартин Кор, директор международной исследовательской и правозащитной организации «Сеть третьего мира» (Third World Network), «только развитые страны в настоящее время обязаны сокращать свои выбросы из-за своей исторической ответственности, более высоких выбросов сегодня и способности проводить такие меры» (Khor 2007). Борьбу с бедностью многие в развивающихся странах считали тогда более важным приоритетом, чем предотвращение изменения климата. Некоторые наблюдатели предсказывали конфликт между промышленно развитым Западом и развивающимся Югом, предполагая введение западных

санкций в отношении развивающихся стран, которые отказываются принять ориентиры по сокращению выбросов.

Сегодня же ситуация, похоже, кардинально изменилась. Как уже говорилось, Китай в 2014 году подписал соглашение с США об ограничении выбросов и придерживался его даже, когда США при Трампе отказались. Вместе с Европейским союзом Китай теперь является лидером в глобальном стремлении сократить выбросы и лидирует в главных зеленых технологиях — солнечной и ветровой энергии, производстве аккумуляторов и электромобилей. Примерно каждый третий автомобиль в Китае в 2024 году уже имел зеленые номерные знаки, то есть был электрическим.

Похуже, что теперь Китай принял на себя ответственность, налагаемую статусом мирового лидера. Если нашу планету можно сравнить с акционерным обществом, то Китай ведет себя как страна, имеющая если не контрольный, то блокирующий пакет акций: на его долю приходится около 20% населения и производства всей Земли и почти 40% всех мировых инвестиций в чистую энергию (на США — чуть более 20%). Не исключено, что Китай вскоре может призвать сократить выбросы крупнейших загрязнителей (в первую очередь США, но также и Россию).

Смогут ли страны ограничить права человека в потреблении ресурсов? Пока что, несмотря на все меры, средняя температура продолжает повышаться и, похоже, провозглашенная на Парижской конференции 2015 года цель ограничить повышение пределом 1,5 градуса к концу столетия уже не будет достигнута. Видимо, и в этой области впереди нас ждут острые конфликты как внутри, так и между странами.

Технические нововведения тоже таят множество опасностей для человечества. Генная инженерия вплотную подошла к возможности клонирования живых существ и создания организмов, которых раньше в природе не было. Видимо, и бессмертие, или хотя бы жизнь в несколько сот лет (при замене выбывающих из строя органов), скоро станет возможным, хоть и очень дорогим. Как тогда распределить ограниченные ресурсы на приобретение путевок в вечную жизнь? Если через рынок, то не слишком состоятельные могут посчитать это несправедливым и нарушением прав человека. А искусственный интеллект, который уже сейчас многое делает лучше натурального? Если права пользоваться таким интеллектом считать неотъемлемыми, то некоторые пользователи могут отнять у других все остальные права.

Юваль Харари, автор знаменитой книги «Sapiens: Краткая история человечества» опубликованной на десятках языков миллионными тиражами, считает, что опасность грозит либерализму с другой стороны — грубо говоря, из-за развития технологий промывания мозгов. Либерализм, пишет он, пережил в прошлом кризисы Первой мировой войны, фашизма и коммунизма, а теперь стоит перед опасностью новых лабораторных технологий.

«Что бы инквизиция и КГБ сделали с биометрическими браслетами, которые постоянно отслеживают ваше настроение и привязанности? — спрашивает он. — Конечно, в пропаганде и манипуляциях нет ничего нового. Но если раньше они действовали как ковровые бомбардировки, то теперь они становятся высокоточными боеприпасами. Когда Гитлер выступал по радио, он стремился к наименьшему общему знаменателю, потому что не мог адаптировать свое послание к уникальным слабостям отдельного мозга. Теперь стало возможным сделать именно это. Алгоритм может определить, что у вас уже есть предвзятое отношение к иммигрантам, а ваш сосед уже не любит Трампа, поэтому вы видите один заголовок, а ваш сосед видит совершенно другой. В последние годы некоторые из самых умных людей в мире работали над взломом человеческого мозга, чтобы заставить вас реагировать на рекламу и продавать вам вещи. Теперь эти методы используются, чтобы продать вам политиков и идеологии» (Harari 2018).

Такие технологии могут сделать недейственным весь демократический процесс, который до последнего времени эффективно контролировался элитой. Но это, видимо, уже следующий кризис, потому что уже сегодня демократические механизмы уже дают сбой из-за распространения социальных сетей и интернета.

Социальные медиа грозят разрушить демократию и политическую систему. В середине XIX века избирательными правами в Англии пользовались лишь 10–15% населения, в континентальной Европе и того меньше. В XIX веке именно богатые и образованные, находившиеся тогда на правом фланге политического спектра (меньше налогов, меньше государства, меньше социальных программ), ограничивали избирательные права населения (имущественный ценз, образовательный ценз, ценз оседлости, недопущение негров и женщин). В Европе в начале XIX века при введении выборов право голоса было предоставлено лишь нескольким процентам мужского населения. Расширение этой группы привилегированных шло медленно, так что еще и в конце XIX века правом голоса обладало относительное меньшинство мужского населения.

Правящий класс боялся, что предоставление избирательных прав низшим слоям приведет к избранию социалистических правительств, которые займутся перераспределением собственности и доходов через национализацию частных предприятий и прогрессивное налогообложение. Как сказал когда-то один британский политик, богатых всегда меньше, чем бедных, а защищать надо именно права меньшинств.

Однако оказалось, что при контроле над средствами массовой информации убедить людей не голосовать за перераспределение богатства и доходов не так сложно и введение всеобщего избирательного права поэтому прямой угрозы всевластию богатого меньшинства не представляет. Богатые в XX веке постепенно согласились на предоставление права голоса неимущим, женщинам, неграм, а сейчас, в XXI веке, эти же богатые и образованные переместились на левый фланг и требуют избирательных прав для всех, включая нарушителей закона и иммигрантов без гражданства.

Почему бедные голосуют за решения (скажем, против прогрессивного налогообложения), которые очевидно противоречат их интересам? Почему, вопреки фактам и логике, в массовом сознании сохраняются иррациональные стереотипы: высокие налоги и большое государство вредны для экономического роста, а вероятность быстрого обогащения выше, чем вероятность выиграть от прогрессивных налогов. Главное, видимо, в том, что эти стереотипы создаются и поддерживаются средствами массовой информации и политической системой, которые в значительной степени контролируются частным капиталом (Попов 2015в).

В знаменитой «Одноэтажной Америке» Илья Ильф и Евгений Петров рассказывают, как в Аризоне в 1935 году безработный американец предложил рецепт создания справедливого общества:

– Надо отобрать у богатых людей их богатства... отобрать деньги и оставить им только по пять миллионов.

Мы спросили, не много ли это — по пять миллионов.

Но он был тверд.

– Нет, надо им все-таки оставить по пять миллионов. Меньше нельзя...

– Ну, как вы думаете, почему этот несчастный человек хочет оставить миллионерам по пяти миллионов? [— спросил мистер Адамс, всезнающий компаньон советских журналистов очень прогрессивных убеждений. —] Не

знаете? Ну, так я вам скажу. В глубине души он еще надеется, что сам когда-нибудь станет миллионером. Американское воспитание — это страшная вещь, сэры! (Ильф и Петров 1961: 243, 245–246)

Справедливости ради надо сказать, что это не только «американское воспитание», но и любое капиталистическое. Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат по экономике и бывший главный экономист Всемирного банка, в книге о неравенстве (Stiglitz 2012; Стиглиц 2015) как раз и исследует этот парадокс — в демократическом обществе даже скромные меры по ограничению крупных состояний (прогрессивный налог на доходы, например) не поддерживаются большинством населения, хотя и соответствуют интересам этого большинства. Без специальных ограничений на участие частного капитала в СМИ, в рекламе и выборах, владельцы крупных состояний без труда навязывают массовому сознанию представления, соответствующие их интересам и не соответствующие интересам большинства. Выборы формально проводятся по принципу «один человек — один голос», но их результаты фактически соответствуют выборам в акционерной фирме, в которых один голос стоит один доллар.

Исследования выборов в американский конгресс (Jacobson 1978) показывают, что расходы на избирательную кампанию во многом объясняют победу кандидатов, особенно новых кандидатов, не занимающих выборных должностей. Но дело, конечно, не только в непосредственном финансировании избирательных кампаний, но и в финансировании средств массовой информации, неприбыльных организаций, политических партий и ассоциаций, научных исследований, рекламы и многого другого, что формирует общественное мнение. Каждый избиратель стремится к максимизации своего благополучия, но как этого достичь, за каких кандидатов голосовать — это в значительной, если не в решающей, степени определяется господствующими стереотипами, в формировании которых финансовая поддержка играет первостепенную роль.

Совершенно очевидно, например, что большая часть населения выиграет от введения прогрессивного подоходного налога, что вероятность разбогатеть так, чтобы платить подоходный налог по самой высокой ставке, меньше, чем вероятность выиграть от высокого подоходного налога через больший доступ к общественным благам (образование, здравоохранение и лучшее социальное обеспечение). Но большинство, тем не менее, выступает против крутой прогрессии налоговых ставок.

Совершенно очевидно также, что введение бесплатного образования и здравоохранения отвечает интересам большей части населения, однако в развивающихся странах такая система встречается крайне редко. Для максимального увеличения средней продолжительности жизни, если считать, что жизнь олигарха так же ценна, как и жизнь бедняка, ограниченные ресурсы, которое общество готово выделить на здравоохранение, надо, конечно же, распределять равномерно, точнее только в соответствии с медицинскими показаниями. Но во всех демократических странах, даже при наличии бесплатного минимума медуслуг, богатые могут получить лучшую медицинскую помощь.

Собственно говоря, бесплатное здравоохранение и образование в бедных странах вводилось только авторитарными социалистическими правительствами (СССР, Китай, Куба и другие), а в демократических странах того же уровня развития эти услуги были в значительной степени платными, так что продолжительность жизни и уровень образования там были ниже. Страны с социалистическим прошлым даже и в 2000 году имели продолжительность жизни в среднем на пять лет больше, чем другие с таким же уровнем подушевого дохода (Роров 2018b).

Как уже говорилось, изменить стереотипы общественного сознания крайне трудно. В одном из исследований (Gentzkow, Shapiro 2010) доказывалось, что предвзятость прессы объясняется не политической ориентацией собственника газеты, а предпочтениями электората: в избирательных округах, традиционно голосующих, например, за республиканцев, газеты обнаруживают именно республиканскую ориентацию, так как читателям больше нравится находить подтверждение (а не опровержение) своих взглядов, а прибыли газет (доходы от рекламы) зависят от тиража. Получается замкнутый круг: консервативные избиратели любят информацию, подтверждающую их взгляды → СМИ, заинтересованные в повышении тиража, услужливо эту информацию предоставляют → избиратели еще более укрепляются в своих консервативных взглядах...

Так и выходит, что тот, кто контролирует информацию, контролирует и демократию, и результаты выборов. В ходе реформ в Восточной Европе и СССР политическая ориентация населения сильно сдвинулась вправо всего лишь за несколько лет, несмотря на то что реформы привели к ухудшению экономического и социального положения абсолютного большинства населения. Опросы населения 1989–1990 годов в СССР зафиксировали в целом отрицательное отношение к капитализму — большинство явно не хотело торговли землей, хотя и поддерживало семейные фермы, и не питало симпатий к кооперативам, которые в

то время продавали продукцию по рыночным ценам и были прикрытием и эвфемизмом для частных предприятий. 47% опрошенных поддерживали идею частных предприятий, но более 50% считали, что эти предприятия должны быть мелкими, семейными — без прав найма рабочих. 2/3 опрошенных считали, что именно госпредприятия должны преобладать в будущей советской экономике (Известия, 26.02.1990; Аргументы и факты, 1990, №21; Экономика и жизнь, 02.11.1990). А всего лишь год спустя, в 1991 году, население, поддержав Ельцина на выборах, фактически одобрило его программу радикальных реформ — шокотерапии с быстрым дерегулированием цен и приватизацией.

Представления о будущем формируются в основном на основе экстраполяции прошлых тенденций (адаптивные ожидания), а собственные возможности и способности, как правило, сильно переоцениваются (противоречивая вера широких слоев населения и в сохранение низкого неравенства, и в собственный экономический успех одновременно в 1990-е годы). В условиях же незрелой демократии (без эффективных барьеров для участия частного капитала в политике) средства массовой информации и избирательные кампании контролируются владельцами крупных состояний и лицами с высокими доходами, так что возникает замкнутый круг: рыночные реформы и частная собственность рожают класс богатых («олигархов»), которые не только заинтересованы в поддержании своего экономического и политического влияния, но и обладают рычагами для этого через СМИ и демократические выборы. Возвращение общественных предпочтений к «норме» — к стереотипам, отражающим интересы большинства, возможно лишь при отделении СМИ и политического процесса в целом от частного капитала и частного финансирования (Попов 2015в).

Считалось ранее, что разорвать этот порочный круг могут либо реформы сверху, запрещающие участие частного капитала в СМИ и в политическом процессе (ближе других к такой системе подошли некоторые европейские страны, в частности скандинавские, с государственным финансированием политических партий и СМИ⁴¹), либо революции, происходящие, когда разрыв между

⁴¹ Американская политическая система формировалась раньше, чем европейские, и во многих отношениях архаична. Президентская демократия имеет ряд недостатков в сравнении с парламентской, мажоритарная система (побеждает кандидат, набравший больше голосов, чем другие) игнорирует мнение меньшинств («победитель получает все»). Система пропорционального представительства, возникшая в европейских странах, в основном в тех, где были сильны левые партии, в этом смысле более демократична. Кроме того, в Америке президента избирают выборщики, которые, в свою очередь, избираются в штатах, причем по-разному; судьбу выборов решают «колеблющиеся штаты» (swing states), число которых обычно менее 10 из 50; границы избирательных округов устанавливаются так, чтобы мажоритарное правило сработало в пользу предпочтительного кандидата (gerrymandering) и т. д.

стереотипами общественного сознания (возможности обогащения) и действительностью (обнищание) достигает критических значений.

Сегодня, однако, возможно, мы наблюдаем третий вариант выхода из этого порочного круга — стереотипы рушатся под воздействием социальных медиа, которые крупный капитал пока еще не контролирует полностью. Действительно, старые средства массовой информации, газеты, радио и телевидение, раньше, да и сейчас, контролируют именно крупные фирмы и олигархи, а социальные медиа, в которых общаются даже не миллионы, а миллиарды, как-то вышли из-под контроля даже крупных интернет-компаний, которые их создавали.

Представьте, что леди Гага, у которой в 2022 году в X (бывший Twitter) было около 100 миллионов подписчиков, призвет своих последователей прийти к Белому дому и захватить власть. Даже если придет только каждый сотый, полиции вряд ли удастся защитить закон и порядок. Вспомните, историю с аккаунтом Трампа в Twitter, который закрыли после 6 января 2021 года, когда он еще оставался действующим президентом, и открыли вновь только почти два года спустя, когда Илон Маск купил Twitter).

В марте 2024 года Верховный суд США начал слушания по обвинениям правительственных ведомств (ФБР и Центра по контролю и профилактике заболеваний) в оказании давления на социальные медиа с целью предотвратить распространение дезинформации об иностранном вмешательстве в американские выборы и о пользе-вреде вакцинации и ношения масок. Суть обвинений состояла в том, что такие запреты противоречат первой поправке американской конституции (о свободе религии, слова, печати, собраний) и ограничивают те самые «неотъемлемые» права человека, которые либералы так защищают. Но либеральной элите теперь приходится выбирать — либо отзять эти «неотъемлемые» права, либо сдать власть с перспективой потерять еще больше прав.

Что будет с миром, если возвышение Китая продолжится

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись». С тех пор как Редьярд Киплинг написал эти слова, они широко цитировались и обсуждались. Более скромный вопрос: отличается ли сегодня китайская экономическая модель радикально от западной, действительно ли она обладает волшебными свойствами, позволяющими расти в условиях мировых рецессий и пандемий или это происходит просто по счастливой случайности?

Разумеется, китайская экономика больше не является ни централизованно планируемой, ни государственной. Доминирующая роль сегодня принадлежит частному сектору: 75% ВВП производится на негосударственных предприятиях, включая акционерные общества, партнерства и индивидуальные частные предприятия, которые мало чем отличаются от своих западных аналогов.

Однако и отличия от западной экономической модели не менее существенны:

- Имущественное и доходное неравенство в Китае ниже, чем в схожих по размеру и уровню развития странах;
- госрасходы в % к ВВП больше, чем в сопоставимых странах, социальные гарантии (образование, здравоохранение, пенсии) больше, чем в странах такого же уровня развития;
- государственные институты более эффективны, чем в других развивающихся странах (уровень преступности и теневая экономика ниже);
- земля по-прежнему не является частной собственностью в Китае и не продается (государственная собственность на землю не является редкостью и в других странах, хотя и в меньших масштабах);
- среди крупнейших предприятий доминирует государственная собственность — в 2011 году среди 500 крупнейших компаний Китая на долю государственных предприятий приходилось более 90% совокупных активов и 85% доходов (Lu 2012). Это тоже не редкость в развивающихся странах, где крупнейшие предприятия, особенно в ресурсных отраслях, нередко находятся в государственной собственности, но обычно доля государственной собственности в этих странах не столь высока;
- Китай осуществляет контроль над движением капитала через границу (он используется многими развивающимися странами сейчас и использовался европейскими странами всего 70 лет назад, после Второй мировой войны);

- Китай проводил сильную экспортно ориентированную промышленную политику — в основном в форме занижения курса юаня за счет накопления валютных резервов (это не типично, но и не беспрецедентно, поскольку на более ранних стадиях развития ее использовали Гонконг, Корея, Сингапур, Тайвань и Япония);
- Политический строй Китая — авторитаризм (который, конечно, раньше практиковали все страны/территории, причем некоторые из них, например Испания, Португалия, Южная Корея, Тайвань, еще совсем недавно — всего четыре-пять десятилетий назад). А демократия развивается в Китае в форме многоуровневого, а не прямого представительства (многоступенчатые выборы высших представительных органов низшими).

В общем, вроде бы и не такие кардинальные различия с западными странами, особенно с европейскими, но, если сложить все вместе и принять во внимание вектор развития, получается другая модель.

«У нас на Западе есть выбор, — писал Анатолий Калецкий в *The Times* в 2010 году — Либо мы признаем аргумент, что Китай за 5000 лет зафиксированной человеческой истории был гораздо более успешной и устойчивой культурой, чем Америка или Западная Европа, и теперь восстанавливает свою естественную позицию глобального лидера. Или мы перестанем отрицать соперничество между китайской и западной моделями и начнем серьезно думать о том, как можно реформировать западный капитализм, чтобы иметь больше шансов на победу» (Kaletsky 2010).

Конечно, продолжение быстрого экономического роста Китая является лишь одним из возможных сценариев и есть факторы, которые могут помешать его реализации. Во-первых, как уже говорилось, рост экономики в Китае уже замедлился и среди экономистов существуют разногласия по поводу того, может ли ежегодный рост экономики Китая быть устойчивым на уровне 5 или 10%. Как упоминалось ранее, Пол Кругман проводил параллели между ростом Восточной Азии и Советского Союза — он утверждал, что в азиатском росте нет никакой загадки; что это произошло главным образом из-за ускоренного накопления факторов производства — капитала и рабочей силы, в то время как рост СФП был довольно слабым (ниже, чем в западных странах) и что рост в Восточной Азии закончится так же, как закончился советский рост — перенакопление капитала подорвет его производительность.

Предсказания о грядущем крахе китайской экономической модели и политической системы ни в коем случае не являются дефицитными. Проблема с такими предсказаниями в том, что они делались и 20, и 40 лет назад, так что у любого наблюдавшего за китайским ростом достаточно долго невольно возникает впечатление не просто «дежа вю» и даже не повторяющихся криков «волки-волки», а «гуйчжоуского осла, исчерпавшего все трюки».

Это старая китайская притча: в провинции Гуйчжоу раньше не было ослов, и когда первого привезенного осла отпустили погулять в горы, он встретился там с тигром. Тигр никогда раньше не видел осла, он показался ему большим и громогласным, так что поначалу он даже боялся подойти к нему. Но затем, все-таки подойдя поближе, обнаружил, что осел только и умеет что лягаться. Несколько раз легко увернувшись от его копыт, тигр затем его с удовольствием съел. Так что теперь говорят «гуйчжоуский осел исчерпал свои трюки».

Многие синологи и не-синологи предсказывали Китаю крах. Гордон Чан еще в 2001 году уверял, что у Китая осталось всего пять лет, чтобы предотвратить развал. «Копните глубже, — писал он, — и вы увидите слабый Китай, который находится в долгосрочном упадке и даже на грани краха. Симптомы упадка можно увидеть повсюду» (Chang 2001: XVI). Чан считал, что у Китая есть около пяти лет, чтобы привести свою экономику в порядок, прежде чем он потерпит разрушительный финансовый коллапс, и вдобавок серьезно сомневался, что такие сроки могут быть соблюдены.

Очень многие утверждали, что без демократизации китайская экономика обречена, по крайней мере, на замедление, если не на полный крах (Yang 2006; Pei 2006; Hutton 2007). «При отсутствии альтернативы модели либеральной демократии авторитарной китайской правящей элите будет нелегко находить баланс между всеми конкурирующими императивами, которые встречаются на пути» (Yang 2006: 160). «Отсутствие демократических реформ в Китае привело к повсеместной коррупции и нарушению политической ответственности. Возникло децентрализованное хищническое государство, в котором местные партийные боссы фактически приватизировали государственную власть. Широко распространена договорная коррупция, а управление ухудшается. Вместо того чтобы развиваться в направлении полной рыночной экономики, Китай оказался в ловушке частичных экономических и политических реформ» (Pei 2006: jacket).

Приводился и другой аргумент: в Китае, по сравнению с Индией, не хватает отечественных предпринимателей и высока зависимость от прямых иностранных

инвестиций, Китай отстает от Индии с точки зрения корпоративного управления, инноваций, доступа к внешнему финансированию. «На самом деле, вам будет сложно найти одну доморощенную китайскую фирму, которая работает в глобальном масштабе и продает свою продукцию за рубежом» (Huang, Khanna 2003: 74)⁴².

В 2004 году в журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья руководителя Shell China Джорджа Гилбоя «Миф за фасадом китайского чуда». Вывод статьи — Китай не станет серьезным конкурентом США в ближайшем и даже в отдаленном будущем, так как сильно отстает от Кореи и Японии периода 20-летней и 30-летней давности соответственно по доле наукоемких изделий в экспорте, по затратам на НИОКР, по доле наукоемких изделий, производимых отечественными, а не иностранными производителями, и т. д. В Китае происходит бурный рост без развития, технологически он еще долго будет сильно отставать от США и не способен конкурировать с США (Gilboy 2004).

Действительно, в 2002 году 55% всего китайского экспорта и 75% экспорта компьютеров и частей к ним пришлось на иностранные компании, действующие в Китае. Доля расходов на НИОКР в ВВП Китая была тогда всего 1% против 2,5–3% в Корею и Японии. А по числу научных работников в расчете на 1 миллион населения Китай почти в пять раз отставал от Кореи и в восемь раз от Японии. Говорили, что китайский экспорт по своей структуре менее «продвинут», чем экспорт стран с аналогичным уровнем развития. Маер Йорг и Адриан Вуд, например, в результате межстрановых сопоставлений заключили, что доля изделий, для изготовления которых требуются большие затраты квалифицированного труда, в китайском экспорте в 1990 года должна была составлять 40% (исходя из уровня ВВП на душу) против 33% в действительности (Mayer, Wood 2001)⁴³.

Теперь, 20 лет спустя, уже никто и не вспоминает про эти предсказания. Теперь чаще приходится слышать, что китайская модель хороша лишь для догоняющего развития, но не для прорывов на острие технического прогресса. Для нововведений

⁴² На самом деле это утверждение не было правдой даже в начале 2000-х. Baosteel, Chery, Cosco, Haier, Konka, Lenovo (Legend) — лишь несколько примеров китайских глобальных компаний. 20 китайских компаний (почти все контролировались государством) входили в список 500 крупнейших компаний мира по версии журнала *Fortune* в 2006 г. по сравнению с 6 индийскими компаниями (США — 170, Япония — 70, Великобритания — 38, Германия — 35, Россия — 5).

⁴³ Как уже говорилось, другие исследования показывали, что китайский экспорт в начале 2000-х был гораздо более технологически продвинут, чем экспорт стран со схожим уровнем развития (Hausmann, Rodrik 2003; Hausmann, Hwang, Rodrik 2007; Rodrik 2006).

нужна свобода личности, права человека, конкурентная среда и прочие либеральные ценности. Однако бумага, книгопечатание, компас, порох, фарфор, шелк — все это было изобретено в Китае задолго до капитализма и демократии. Да и успешный технический прогресс и высокие темпы экономического роста (включая производительность труда и СФП) в СССР в 1950-е годы не согласуются с представлением о том, что свобода личности и свободное предпринимательство являются предпосылками успешного роста.

В 1960–1980-е годы в СССР было больше свободы, чем в 1950-е, но рост был меньше. А уж в 1990-е годы свобода личности, предпринимательство и поток идей действительно процветали, но это был период экономического спада. Фундаментальные исследования пришли в упадок, практически остановились прикладные исследования предприятий, в наукоемких отраслях произошел резкий спад, доля машин и оборудования в экспорте упала.

По всем показателям патентной активности Китай уже сейчас впереди США. В 2021 году Китай выдал почти 700 000 патентов, больше, чем США (327 000), Япония (184 000) и Южная Корея (146 000), вместе взятые. А всего на эти четыре страны приходится 84% всех патентов, выданных в мире. На Россию, кстати, приходится 2% (24 000 патентов). Ну и как уже говорилось во вступлении, на Китай приходится больше половины всех первоклассных научных статей (тех, которые входят в 1% самых цитируемых) в 8 из 14 областях естественных и технических наук.

Китай тратит на НИОКР 2,4% ВВП (2023), а в абсолютном выражении — почти столько же сколько и США (620 и 710 млрд долларов соответственно), доля высокотехнологичных изделий в его экспорте растет так, что теперь США и другие западные страны вводят ограничения на экспортируемые из Китая на 5G-технологии, электромобили и TikTok.

Есть и другой аргумент про возвышение Китая: говорят, что если подъем Китая продолжится, то он не представит реальной опасности для Запада, поскольку китайская модель развивается в направлении западной либеральной демократии и «нормальной» капиталистической рыночной экономики, основанной на частной собственности.

Вопрос законный, что и говорить: будет ли китайская модель постепенно развиваться в сторону западной, и, если да, будет ли она больше похожа на европейскую модель, в которой ниже неравенство и больше государство, или на американскую модель с высоким неравенством доходов, ограниченными

социальными гарантиями и более слабым участием государства в экономике (Роров 2020а, 2020с; 2022а). Если китайская модель будет развиваться в западном направлении, геополитические изменения — Китай станет лидером вместо США — будут больше похожи на замену одного государства другим в рамках существующей мировой системы (подобно тому, как США заменили Великобританию после Второй мировой войны, игнорируя «ловушку Фукидида»). Этот сценарий предполагает рост неравенства в странах Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в других развивающихся странах, то есть распространение либерализма, а вместе с тем и кризиса либерализма, на весь мир. Это, видимо, самый опасный вариант, чреватый острыми социальными и международными конфликтами и, возможно, разрушением цивилизации. Впору спросить, что легче себе представить: конец мира или конец либерализма?

Но если китайская модель сохранит свои нынешние характеристики или превратится во что-то отличное от западной модели, последствия для мирового экономического порядка будут далеко идущими.

Обычно последствия возвышения Китая видятся в предстоящих геополитических сдвигах (Китай как новая сверхдержава вместе с США или вместо них), в возникающем дефиците ресурсов, ведущем к новому повышению цен на сырье и т. д. Но могут быть и менее ожидаемые и более отдаленные, но не менее серьезные последствия.

Если китайская модель останется такой же конкурентоспособной, как и сейчас, весьма вероятно, что если не все, то как минимум многие развивающиеся страны попытаются следовать китайским рецептам. Сегодня, в XXI веке, подъем Китая может сделать основанную на дирижизме модель догоняющего развития не только привлекательной, но и легитимной, что может создать новый международный экономический климат, благоприятствующий такому догоняющему развитию. Мы вполне можем стать свидетелями «триумфального шествия» китайской модели на Юге. Не все развивающиеся страны обладают таким же институциональным потенциалом, как Китай, — необходимым компонентом успешной незападной модели роста, но многие из них обладают им, а те, у кого его нет, в конечном итоге будут вынуждены двигаться в направлении ограничения неравенства и укрепления институционального потенциала.

Торговый протекционизм, промышленная политика, занижение обменного курса посредством накопления валютных резервов, контроль над международными потоками капитала (не только краткосрочного, но и прямых иностранных

инвестиций) могут стать приемлемыми и законными инструментами догоняющего развития. Могут появиться и новый режим защиты прав интеллектуальной собственности и передачи технологий, новые правила международной торговли энергией и ресурсами, новые правила международной миграции, новые соглашения о сокращении выбросов загрязняющих веществ (пересмотр Киотского протокола) и т. д. (Polterovich, Popov 2006; Montes, Popov 2011). На повестке дня будет глубокая реформа мирового экономического порядка и международных отношений, включая отказ от основанной на долларе валютной системы (Роров 2023d). Может произойти настоящая демократизация международных экономических отношений и создание более благоприятных условий для экономического развития глобального Юга. Результатом может стать преодоление разрыва между богатыми и бедными, Западом и развивающимися странами.

Кроме того, радикально могут измениться и принципы политических отношений между государствами, и международное право. Упомянутый «пекинский консенсус», возможно, еще не является строгим термином (Ramo 2004), но ясно, что китайский подход к международной политике (без вмешательства во внутренние дела, без военных интервенций, санкций и торговых эмбарго) предоставляет развивающемуся миру реальную альтернативу. Новые правила международных отношений могут (1) ограничить применение силы только случаями серьезных нарушений неполитических прав (например, массовые репрессии, голод, этническое насилие и т. д.) и запретить применение силы только ради «установления демократии» и (2) запретить одностороннее военное вмешательство (без согласия ООН).

Как уже говорилось, успех Китая не ограничивается недавним (с 1979 года или даже с 1949 года) впечатляющим ростом ВВП на душу населения. Другим мерилом успеха является способность стать самой густонаселенной страной на планете и сохранить этот статус даже тогда, когда страна отставала от Запада по ВВП на душу населения (1500–1950). По интегральным критериям (общий ВВП) Китай сегодня является самой успешной страной мира. С этой долгосрочной точки зрения, исключительный успех Китая до «опиумных войн» (середина XIX века) и после Освобождения (1949) обусловлен институциональной преемственностью — способностью двигаться по эволюционному пути, не разрушая традиционные коллективистские структуры («азиатские ценности»).

Китай нашел другой, более безболезненный выход из мальтузианской ловушки. Западные страны разрушили традиционные коллективистские институты на

низком уровне развития (XVI–XVIII века) и испытали болезненное перераспределение доходов в пользу богатых (растущее неравенство в распределении доходов и богатства); это позволило увеличить долю сбережений и инвестиций в доходах, капиталовооруженность и производительность труда, но только ценой высокого неравенства в распределении доходов, повлекшего за собой ухудшение качества институтов и увеличением смертности. Китай сохранял традиционные институты и низкое неравенство доходов почти на пятьсот лет дольше, чем Запад, пока технический прогресс не позволил увеличить производительность и долю инвестиций в доходе, не вызывая массовых лишений. «Азиатские ценности», как говорилось, могут оказаться более привлекательными для других стран, чем протестантская «свобода личности с правами человека». Все-таки китайской цивилизации уже 5000 лет, и только она одна сохранила непрерывную преемственность и не сошла с дистанции, как другие. Открывшееся же у Китая в последние 75 лет «второе дыхание» заставляет рассматривать отставание в XIX — первой половине XX века как «временные трудности роста». Да, если рост неравенства продолжится и потенциал китайского государства будет ослабевать, то Китай превратится в «нормальную» развивающуюся страну. В этом случае быстрый рост Китая закончится и больше не будет вопроса о том, что такого особенного в китайской экономической модели. Но если успешное догоняющее развитие Китая продолжится, это может стать поворотным моментом.

В общем, похоже, именно сегодня, на наших глазах и на протяжении жизней нынешних поколений, происходит выбор сценариев развития на многие десятилетия, если не века, вперед. По мере того как позиции Запада слабеют почти повсеместно, а восточноазиатская модель демонстрирует все большую конкурентоспособность, элита развитых стран может постепенно мирно принять «азиатские ценности» и коллективистскую модель, которая таким образом распространится на весь мир, включая США. В самих западных странах тогда к власти могут прийти правительства, которые будут склонны ограничивать права человека ради сохранения позиций в конкурентной борьбе и технологической гонке.

Но возможна и реакция отторжения — Запад может двинуться в сторону автаркии, отвернуться от левых партий в пользу правонационалистических и даже профашистских, которые не менее социально ориентированы, чем левые, но более привержены антиглобалистской программе.

Либеральная идея — гарантии «неотъемлемых» прав всем людям без различия пола, расы, национальности, вероисповедания — считается одной из двух великих идей XX века, и, возможно, не только XX века, но и всей человеческой истории, наряду с коммунистической идеей всемирного братства всех людей труда. Либералы считают свободу самоцелью, тогда как приверженцы «азиатских ценностей» и коммунисты, считают, что самоцелью свобода быть не может, всегда можно спросить «свобода для чего?» Свобода — лишь средство для достижения полного всестороннего развития личности в обществе, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс, Энгельс 1955: 447). Николай Шмелев, один из «прорабов перестройки», статьями которого зачитывалась вся страна в конце 80-х годов прошлого века, считал это фундаментальной идеей — человечество нужно человеку больше, чем человек человечеству (Шмелев 1988). Не было бы Шекспира, Лютера, Ньютона, другие бы сделали то, что они, разве что чуть позже и, может быть, не так хорошо, но может быть даже и лучше. А без других людей жизнь одного человека бессмысленна. В этом и заключается совсем простой аргумент, с которым, видимо, согласятся и либералы, и коммунисты. Куда идет развитие человечества и что есть прогресс, мы по большому счету не знаем. Точнее сказать, многие считают, что знают, но «судьбоносного консенсуса» пока нет. Одни говорят, что будущее за искусственным интеллектом, другие надеются побороть смерть и жить вечно. Одни считают, что прогресс состоит в расширении границ человеческого познания, в научных открытиях и создании шедевров искусства, другие мечтают об искоренении бедности и создании общества всеобщего благоденствия, третьи — о совершенствовании человеческой природы. Но, видимо, большинство согласится с совсем простой мыслью: хоть мы и не знаем, в чем прогресс, но интересно узнать. Так вот, чтобы узнать, надо поставить интересы человечества выше любых прав личности. А иначе может случиться, что расширение «неотъемлемых» прав человека приведет к такому расцвету индивидуализма, что история не продолжится, и ответа на вопрос, в чем же прогресс, мы так и не узнаем.

Новая теория развития

В дополнение к сдвигам в мировом хозяйстве подъем Китая, видимо, уже ведет к радикальному переосмыслению наших теорий экономического роста и развития. В экономике развития (development economics) 1950–1960-е годы доминировали идеи «большого толчка» (Big Push). Логика казалась безупречной: норма сбережений в развивающихся странах низка, поэтому они могут навсегда остаться в плохом равновесии (ловушка развития — инвестиций ровно столько, чтобы создать рабочие места для увеличивающегося трудоспособного населения, но недостаточно для увеличения отношения капитал/труд), если только не будет «большого толчка» — мобилизации внутренних сбережений или импорта сбережений из-за границы. «Большой толчок» может обеспечить переход к хорошему равновесию, при котором можно будет оставаться на траектории роста. Дефицит сбережений — это другая сторона валютного дефицита: недостаток внутренних сбережений для финансирования инвестиций может принимать форму недостатка иностранной валюты, полученной от экспорта, для финансирования импорта инвестиционных товаров. Каков же ответ на отсутствие сбережений для инвестиций, необходимых для выхода из ловушки бедности? Согласно теориям «большого толчка», приток капитала извне для восполнения недостатка внутренних сбережений — помощь или иностранные займы для финансирования импорта оборудования для проведения индустриализации.

Идеи «большого толчка» обычно приписывают Паулю Розенштейну-Родану (Rosenstein-Rodan 1943) и Кевину Мёрфи, Андрею Шлейферу и Роберту Вишны (Murphy, Shleifer, Vishny 1989), но были и более ранние предшественники в 1920-х годах — Евгений Преображенский и его теория «первоначального социалистического накопления» (Preobrazhenski 1926; Преображенский 2008) и Прасанта Чандра Махаланобис с двухсекторной «моделью Фельдмана—Махаланобиса», как ее теперь называют (Feldman 1964; Фельдман 1928) и которая теперь повсеместно признана исследователями и даже всеведущей Википедией⁴⁴.

⁴⁴ Вот что пишет о возникновении экономики развития Пранаб Бардан, известный индийский экономист: «В третьем десятилетии этого (XX) столетия она недолго процветала в Советском Союзе; особое внимание в ней уделялось проблемам накопления капитала в двухсекторной экономике и мобилизации прибавочного продукта сельского хозяйства, а также характеристикам равновесия семейного хозяйства: лучшие идеи этого периода — двухсекторная модель экономики Преображенского, модель планирования двух подразделений общественного производства Фельдмана и модель крестьянского хозяйства Чаянова — стали считаться вехами в послевоенной литературе после того, как эти произведения были переведены на английский язык» (Bardhan 1993: 130).

По словам Артура Льюиса, нобелевского лауреата по экономике, «центральная проблема теории экономического развития состоит в том, чтобы понять процесс, посредством которого общество, которое ранее сберегало и инвестировало 4 или 5% своего национального дохода или меньше, превращается в экономику, в которой добровольные сбережения составляют от 12 до 15% национального дохода и более. Это центральная проблема, поскольку центральным фактом экономического развития является накопление капитала» (Lewis 1954).

«Большой толчок» на практике в 1930-е годы в СССР был связан с огромными затратами, но многими и сегодня оправдывается как единственно возможная стратегия создания в аграрной стране тяжелой и оборонной промышленности перед Второй мировой войной (краткое содержание дискуссий: Попов, Шмелев 1989; Шмелев, Попов 1989, глава 2; Shmelev, Popov 1989). Доля инвестиций в ВВП увеличилась тогда с 13% в конце 1920-х годов до 26% в 1930-е годы, ежегодные хлебозаготовки государством увеличились вдвое с 11 миллионов тонн до более 20 миллионов тонн за тот же период, экспорт зерна — основного источника твердой валюты, необходимой для оплаты импортной техники — вырос практически с нуля в 1920-х годах до 5 миллионов тонн в 1930–1931 годах. Колхозы, созданные в 1929–1930 годах, должны были поставлять государству зерно по символическим ценам (не покрывая даже 10% затрат (Малафеев 1964). Результатом стало сокращение крестьянского потребления и голод 1932–1933 годах, унесший до 5 миллионов жизней, но также и индустриализация, позволившая уже к 1943 году превзойти Германию по выпуску танков, самолетов, артиллерийских стволов.

Со временем, однако, советская плановая экономика утратила динамизм из-за врожденных пороков своего развития (цикл жизни плановой модели, равный сроку службы основных фондов, о чем говорилось во второй части), так что в 1970–1980-е годы темпы роста снизились и стало ясно, что СССР не догоняет Запад. Советская ориентация на импортозамещение, хоть и не была неотъемлемой характеристикой плановой экономики, но тоже внесла свой вклад в замедление роста. После долгового кризиса начала 1980-х годов в Латинской Америке и особенно после распада СССР в 1991 году идеи «большого толчка» и импортозамещающей индустриализации были полностью скомпрометированы, а маятник взглядов в экономике развития качнулся вправо — чрезмерное государственное вмешательство было объявлено основной причиной неудач в развитии. Лозунгами того времени, сформулированными в Вашингтонском консенсусе, стали либерализация, дерегулирование, макростабилизация, сокращение госрасходов,

приватизация и открытие закрытых экономик — устранение барьеров в торговле и потоках капитала (но не в международной миграции). Даже успех Восточной Азии объяснялся главным образом дерегулированием и меньшим размером азиатских правительств.

Результаты этой политики Вашингтонского консенсуса оказались даже более разочаровывающими, чем результаты экспериментов с «большим толчком» и импортозамещающей индустриализацией. В 1980–2000-х годах разрыв между развитыми и развивающимися странами фактически увеличился для всех регионов Юга, за исключением Восточной Азии (Osamp, Jomo, Vos 2007). В странах с переходной экономикой в 1990-е годы произошел трансформационный спад, который по масштабам либо был сопоставим (Восточная Европа), либо превосходил (бывший Советский Союз) Великую депрессию 1930-х годов.

Между тем Восточная Азия без особых теорий и концептуальных обоснований росла в несколько раз быстрее других. Китай рос быстрее других регионов даже в 1950–1970-е годы, но этот рост резко ускорился после реформ Дэна с 1979 года. С 1980-х годов Индия и Южная Азия стали вторым по темпам роста регионом развивающегося мира, рост ВВП на душу населения в них увеличился до 3% в год в 1980-е годы, 4% в 1990-е годы и 7% в 2000–2019 годы⁴⁵.

В условиях быстрого роста Восточной и Южной Азии понимание того, что мобилизация внутренних сбережений имеет решающее значение, стало возвращаться. Тем более что страны, которым удалось достичь высоких темпов роста, были в основном чистыми кредиторами, а не чистыми заемщиками; их платежные балансы по текущим операциям были положительными, то есть они сберегали больше, чем инвестировали. Даже если принять во внимание уровень развития, ВВП на душу населения в середине периода (в 1975 году), связь между профицитом счета текущих операций и темпами роста все равно остается положительной и значимой (Роров 2010; Попов 2013б).

Другие расчеты показывают, что внешнее финансирование развивающихся стран (отрицательный счет текущих операций) связано с более низкими, а не более высокими темпами роста, тогда как в развитых странах эта связь, как правило,

⁴⁵ Быстрый рост Индии иногда связывают с реформами дерегулирования 1990-х гг., но на самом деле он начался в начале 1980-х гг., задолго до реформ дерегулирования 1990-х гг. (Ghosh 2007). Как и в Китае, индийский экономический рост был основан на достижениях периода 1950–1970-х гг. в рамках импортозамещения и мобилизации внутренних сбережений: норма сбережений (в % от ВВП) удвоилась за 50 лет, поднявшись с 12-15% в 1960-е гг. до 16-20% в 1970-е гг., 15-23% в 1980-е гг., 23-25% в 1990-е гг. и до 24-35% в 2000–2008 гг.

положительная. «Успешные развивающиеся страны, — объясняют авторы исследования, — имеют ограниченную способность освоения иностранных ресурсов, будь то потому, что их финансовые рынки недостаточно развиты или потому, что их экономика склонна к завышению курса, вызванному быстрым притоком капитала» (Prasad, Rajan, and Subramanian 2007: 205).

Проблема известна в литературе как «загадка Фельдстайна—Хориоки» (Feldstein—Horioka puzzle), она состоит в высокой положительной корреляции национальных инвестиций и сбережений: в странах с высокими сбережениями инвестиции, как правило, тоже выше, и наоборот. Между тем в эпоху свободного и масштабного перемещения капитала между странами можно было ожидать противоположного — инвестиции в мировом хозяйстве должны были бы устремляться в страны с наивысшей отдачей независимо от уровня сбережений в них (Feldstein, Horioka 1980; Taylor 1996)).

По словам уже цитировавшегося Пола Кругмана, не только нобелевского лауреата по экономике, но и публициста, часто пишущего для журналов и газет и обладающего редкой способностью объяснять экономические хитросплетения простыми словами, с начала 1980-х годов мы наблюдали три большие волны притока капитала в развивающиеся страны, но ни одна из них не привела к чуду экономического роста. «Первая волна пришлась на страны Латинской Америки, которые либерализовали торговлю и открыли свои рынки после долгового кризиса 1980-х годов, — пишет он. — Эта волна закончилась печально: мексиканским кризисом 1995 года и отсроченным аргентинским кризисом 2002 года.

Вторая волна пришлась на экономики Юго-Восточной Азии в середине 1990-х годов, когда азиатское экономическое чудо было в моде. Эта волна закончилась печально кризисом 1997–1998 годов.

Третья волна пришлась на восточноевропейские экономики в середине этого (2000-е годы) десятилетия. Эта волна заканчивается несчастьями прямо на наших глазах. С 1980 года было несколько впечатляющих историй успеха в области развития. Но я не знаю ни одной истории, которая была бы обусловлена главным образом внешним финансированием. Дело не в том, что международное движение капитала — это плохо, это горячо обсуждаемая тема. Дело в том, что нет убедительных доказательств того, что потоки капитала были основным источником экономического успеха» (Krugman 2009).

В свете этих реалий выбор развивающихся стран полагаться на внешнее финансирование выглядит иронично. Парадоксально также, что, хотя экономисты

развития озабочены проблемой «капитала, текущего в гору» (из развивающихся стран в развитые), наилучшие показатели роста демонстрируют именно страны с положительным балансом по текущим операциям и большими накоплениями валютных резервов, что фактически является оттоком «государственного капитала».

План Маршалла для Западной Европы сразу после Второй мировой войны, возможно, был первым и последним случаем успешного иностранного финансирования, способствовавшего быстрому экономическому возрождению. Но даже в этом случае можно утверждать, что без работающих внутриевропейских институтов и мобилизации внутренних сбережений относительно быстрый экономический рост вряд ли бы материализовался. Иностранное финансирование Японии после Второй мировой войны было незначительным, тогда как послевоенный рост Японии был более впечатляющим, чем европейский.

Многочисленные исследования посвящены анализу эффективности помощи развитию (см. обзор: Channing, Jones, Tarp 2010). В некоторых утверждается, что помощь развивающимся странам не ведет к росту инвестиций, а инвестиции не способствуют ускорению роста (Easterly 2001; Истерли 2006); в других, — что положительный эффект помощи явно ощутим; в ряде работ признано, что эффект есть, но он снижается по мере увеличения помощи из-за ограниченной абсорбционной способности экономики (Collier 2006). Как бы то ни было, общий размер помощи развитию не настолько велик, чтобы считать ее ключевым фактором роста. В 2010–2011 годах объем помощи составил немногим более 100 миллиардов долларов, или всего 0,2% валового мирового продукта, в 2023 году — немногим более 200 миллиардов долларов (тоже 0,2% мирового продукта). Более того, после распада СССР даже в номинальном выражении помощь не увеличивалась в течение десятилетия и начала расти только после терактов 11 сентября 2001 года.

Размер помощи на порядок меньше чистого притока капитала в развивающиеся страны и в несколько раз меньше денежных переводов от трудовых мигрантов. Ирония также заключается в том, что помощь, за исключением чрезвычайной помощи, обычно эффективно используется в странах, которые имеют относительно хороший институциональный потенциал и могут сами мобилизовать внутренние сбережения, тогда как в странах со слабыми институтами и отсутствием внутренних сбережений, где помощь более всего необходима, она часто тратится

впустую. В странах, которые быстро растут, помощь работает, в странах, которые не растут, помощь мало помогает, за исключением чрезвычайных ситуаций.

Кроме того, масштабы иностранной помощи, судя по всему, зависят главным образом не от потребностей Юга, а от отношения Запада к развивающимся странам и баланса сил между Западом и Югом. Данные о динамике официальной помощи развитию за последние пять десятилетий показывают по крайней мере две важные тенденции (Роров 2010; Попов 2013).

Во-первых, несмотря на риторику о том, что бедным странам следует предоставлять больше помощи в трудные времена, оказывается, что по факту помощь увеличивалась, когда цены на ресурсы (нефть) были высокими, и уменьшалась, когда они были низкими. Можно предположить, что переговорные позиции Юга улучшились во времена более благоприятных условий торговли, поэтому Запад, предоставляя больше помощи, пытался воспрепятствовать перерастанию большей финансовой независимости развивающихся стран в более националистическую/левую политическую ориентацию. Во-вторых, явная стагнация объемов помощи даже в номинальном выражении между 1991 и 2001 годами, после распада Советского Союза и перед террористической атакой 11 сентября, вероятно, произошла из-за ощущения, что угрозы безопасности Запада снизились в период «после коммунизма — до терроризма».

В общем, для развития развивающихся стран больше нужна мобилизация внутренних сбережений, а не иностранная помощь. Лучшее, что Запад может сделать для стимулирования развития Юга, — не предоставление финансовых ресурсов, а создание благоприятных мирохозяйственных условий. Устранение западного протекционизма и особенно сельскохозяйственных субсидий; терпимое отношение к таможенному протекционизму и занижению валютного курса странами Юга; ослабление режима защиты прав на интеллектуальную собственность для развивающихся стран⁴⁶; обеспечение более свободной

⁴⁶ Главной международной организацией по охране прав интеллектуальной собственности в последние годы стала Всемирная торговая организация (ВТО). В рамках уругвайского раунда (1986–1994) было достигнуто Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, TRIPS), предусматривающее обязательную защиту патентов в течение 20 лет и копирайтов — в течение 50 лет в том числе и путем конфискации и уничтожения пиратской продукции по решению суда. Между тем есть и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС, WIPO), созданная еще в XIX в., задолго до ГАТТ–ВТО (СССР стал членом в 1970 г.). Почему же именно ВТО играет первую скрипку в охране интеллектуальной собственности?

Ответ известен — у ВТО больше рычагов воздействия на страны-члены, в ВТО вопросы защиты интеллектуальной собственности увязываются с международной торговлей: развитые страны предлагают развивающимся облегченный доступ на свои обширные рынки, но взамен требуют от развивающихся государств более строгой защиты интеллектуальной собственности. Собственно говоря, решение сделать ТРИПС предметом переговоров в ГАТТ стало реакцией Запада на популярные в конце 1970-х – начале 1980-

международной миграции низкоквалифицированной рабочей силы (из стран Юга на Запад) и усилия по прекращению утечки мозгов с Юга; контроль над движением капитала и регулирование прямых иностранных инвестиций; признание того, что борьба с загрязнением должна осуществляться в первую очередь Западом и что выбросы на душу населения на Юге могут быть такими же высокими, как и на Севере; понимание того, что стандарты условий труда, загрязнения окружающей среды и даже прав человека (принудительный труд заключенных, например) на Юге могут отличаться от стандартов на Севере — строго говоря, реформы в каждой из этих областей нужны странам Юга больше, чем помощь развитию (Reddy 2013; Polterovich, Popov 2006).

Да, правда, что не все страны, проводившие стратегию мобилизации внутренних сбережений, добились прорыва, некоторые потерпели неудачу, но без такой мобилизации прорывов тоже не было. Похоже, то же самое можно сказать и о протекционизме и промышленной политике: не всем правительствам, которые пытались вмешаться в распределение ресурсов на рынке, удалось добиться успеха, но без такого вмешательства не было экономических чудес. Иными словами, мобилизация внутренних сбережений и государственная политика распределения этих сбережений по отраслям представляются необходимым, хотя и не достаточным условием успеха развития.

Почему «большой толчок» не работает с внешними сбережениями? Одной из причин может быть то, что внутренние сбережения следуют за инвестиционными возможностями: страны с сильными институтами, которые создают хороший инвестиционный климат, почти автоматически повышают уровень национальных сбережений. Так или иначе, экономические чудеса происходили только в странах, которые полагались на мобилизацию внутренних сбережений, а не в странах, которые стремились преодолеть дефицит финансирования за счет заимствований за границей (Easterly 2005).

Теоретики «большого толчка» были правы, выступая за мобилизацию сбережений, но их теории имели несколько слабых мест. Во-первых, оказалось, что одни только иностранные сбережения без мобилизации внутренних сбережений не могут обеспечить быстрый рост. Не было экономических чудес, основанных

х гг. идеи нового международного экономического порядка и, в частности, ответом на требования группы 77 реформировать систему охраны интеллектуальной собственности в рамках ВОИС в целях обеспечения более свободного притока технологии в развивающиеся страны. ВТО фактически загоняет развивающиеся страны в ловушку: либо их заставляют больше платить за трансферт технологий и знаний (укрепляя защиту западной интеллектуальной собственности), либо затрудняют им доступ на западные рынки.

исключительно на иностранных, а не внутренних сбережениях. Во-вторых, целый ряд национальных экспериментов по массовой мобилизации внутренних сбережений провалился. Внутренние сбережения являются необходимым, но не достаточным условием быстрого роста. Мобилизация внутренних сбережений и даже успешная трансформация этих сбережений в инвестиции не гарантирует быстрого роста. Инвестиции следует направлять в проекты с наибольшими внешними эффектами, и эти проекты должны, наконец, пройти испытание конкуренцией на мировом рынке. Стратегия импортозамещения могла быть хороша на начальных этапах «большого толчка», но, если она впоследствии не дополнялась экспортной ориентацией, она заходила в тупик через создание нежизнеспособных промышленных комплексов, не способных конкурировать на мировом рынке. Протекционизм является необходимым условием стремительного роста, но для продолжения роста его следует дополнять стимулированием экспорта.

Вашингтонский консенсус был чрезмерной реакцией на крах импортозамещающей индустриализации и долговой кризис 1980-х годов: вместе с водой из ванны выплеснули и ребенка. Было осуждено не только импортозамещение (даже без оговорок, что на начальных этапах продвижения экспорта оно необходимо), но и все виды промышленной политики, и необходимость особых усилий по мобилизации внутренних сбережений. Между тем примеры быстрорастущих стран — азиатских тигров, Юго-Восточной Азии, Китая и Индии — все указывают на необходимость такой мобилизации и промышленной стратегии.

Как уже говорилось, за экономическими чудесами в Восточной Азии стояли не экономисты-теоретики, а сильные авторитарные политики-экспериментаторы. Теперь экономистам предстоит осмыслить опыт Восточной Азии и пересмотреть старые теории, которые сегодня выглядят больше как догмы, а не как приемлемое руководство к действию.

Общий принцип — что хорошая политика зависит от контекста и не существует универсального набора рецептов для всех стран на всех стадиях развития — определенно разделяется большинством экономистов, занимающихся вопросами развития. Но когда дело доходит до конкретной политики, консенсуса нет. Есть, однако, надежда, что формирующаяся сегодня теория развития может объяснить, как, в зависимости от исходных условий (ВВП на душу населения, институциональный потенциал, человеческий капитал, изобилие ресурсов и т. д.) один набор решений (тарифный протекционизм, накопление резервов, контроль

над притоком капитала, национализация ресурсных предприятий — и это лишь некоторые области) более приемлем, чем другой (Chang 2007; Полтерович, Попов, Тонис 2007; Polterovich, Popov, Tonis 2008).

Стратегии национального развития для стран, находящихся на более низком уровне развития, не должны копировать экономическую политику, используемую развитыми странами. Сами западные страны, когда находились на более низких стадиях развития, не использовали либеральную политику, которую они пропагандируют сегодня в отношении менее развитых стран (Chang 2002; Reinert 2019; Findlay, O'Rourke 2007). Искусство творцов экономической политики состоит в том, чтобы вовремя переключать скорости и не попасть в ловушку развития. Искусство теоретика развития состоит в том, чтобы заполнить ячейки «таблицы экономической политики Менделеева» на разных стадиях развития (Polterovich, Popov 2005b; Полтерович, Попов 2006а, 2006б).

Иногда противопоставляют два подхода к развитию: снизу вверх и сверху вниз. Первый фокусируется на конкретных небольших проектах, которые должны приводить к большим прорывам — на модных одно время микрокредитах, противомоскитных сетках, дополнительных учителях школ. Девиз этого подхода — не браться за все сразу, запускать проекты по порядку, один за другим, по одному за раз. Сторонники же второго подхода исходят из того, что без реформ на макроуровне невозможно обеспечить эффективность микропроектов (Reddy 2013). Если помощь, предоставляемая для конкретных инвестиционных проектов, просто вытесняет государственные или частные инвестиции в других областях, макроэффект помощи будет равен нулю. «Преодолеть бедность часто легче всего не помогая бедным заниматься тем, чем они уже занимаются, а стимулируя их делать что-то другое» (Rodrik 2012).

Этот последний подход и предполагает новую теорию развития: глобальный Юг может получить гораздо больше от общеэкономических реформ, направленных на содействие экспортно ориентированному росту на основе внутренних сбережений, чем от скудной официальной иностранной помощи или даже от всего иностранного финансирования.

Благожелательное отношение Запада к этим реформам было бы более полезным для догоняющего развития, чем тысяча конкретных проектов развития с самыми благородными целями.

Возникающая теория стадий развития, возможно, объединит кусочки наших знаний и раскроет взаимодействие и подчиненность ингредиентов роста. Успешная

модель экспортно ориентированного роста в духе восточноазиатских тигров, по-видимому, будет включать многие ингредиенты, среди которых несколько незаменимых:

- Создание сильных государственных институтов, способных обеспечивать общественные блага (закон и порядок, образование, инфраструктура, здравоохранение), необходимые для развития;
- Мобилизация внутренних сбережений для увеличения инвестиций;
- Рыночные механизмы (по крайней мере через 20–30 лет существования плановой экономики);
- Экспортно ориентированная промышленная политика, включая такие инструменты, как тарифный протекционизм и субсидирование приоритетных отраслей;
- Соответствующая макроэкономическая политика — не только в традиционном смысле (разумная, но не чрезмерно ограничительная финансовая и монетарная политика), но и политика валютного курса: занижение обменного курса посредством быстрого накопления валютных резервов для стимулирования экспорта.

Если такая интерпретация опыта развития верна, то следующими крупными регионами успешного догоняющего развития будут исламские страны Ближнего Востока и Северной Африки и Южная Азия — эти регионы, похоже, наиболее готовы принять китайскую модель. Но в конечном итоге Латинская Америка, страны Африки к югу от Сахары и Россия также догонят их. Если это так, то в процессе успешного догоняющего развития также станет очевидным, что предыдущая политика, которую Запад рекомендовал и предписывал Югу (дерегулирование, сокращение размеров государства, приватизация, свободная торговля и движение капитала), на самом деле мешала, а не содействовала их развитию.

В общем, одно можно сказать с уверенностью — нынешнему поколению двадцатилетних предстоит жить в интересные времена.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. КИТАЙСКАЯ ТАЙНА

В 1989 году я впервые посетил Китай, в 1995–1996 годах жил в Японии (где понял, что без знания Китая Японию не понять) и с тех пор регулярно приезжаю в Китай и стараюсь понять страну и народ. До этого никогда не писал о Китае, в основном писал экономические статьи и книги, доводилось писать и публицистику, но не о Китае, а все больше про нашу и мировую экономику. Еще 30 лет назад очень сомневался, писать о Китае или нет. Все-таки я не китаист, языка хорошо не знаю, китайской историей и культурой никогда специально не занимался. А школа китаистов у нас сильная, одна из сильнейших в мире, и подступиться к китаистам, не зная ни одного китайского стихотворения на языке оригинала, практически невозможно.

И все-таки я решился — и вот почему. Китаисты живут в основном древностями, литературой, философией и историей. Их убеждать в величии китайской культуры не надо, они сами кого хочешь в этом убедят, для них отставание Китая от Запада в последние два столетия — не более чем завитушка в поступательном развитии великой цивилизации. Причинами этого отставания они не слишком интересуются, да и отставанием это не считают — для них важнее величие духа, а не материальное богатство. Экономисты же, похоже, за деревьями не видят леса: хотя они и интересуются причинами быстрого восточноазиатского роста в последние годы, они не воспринимают его как беспрецедентный и не особенно обращают внимание на длительное отставание Восточной Азии в предшествующий период — в 1600–1950 годы.

При более детальном рассмотрении оказалось, что стройной теории, объясняющей возвышение Китая и Восточной Азии нет и вопрос сильно политизирован. Либералы доказывали, что все дело в рыночных реформах и приватизации, и предсказывали, что без демократизации быстрый рост закончится. Но при этом не объясняли, почему в Латинской Америке, Африке или бывшем СССР, где рынка и демократии было в 1990-е годы гораздо больше, никаких экономических чудес не наблюдалось. Левые и коммунисты, националисты и государственники, напротив, относили успех на счет сильной власти, госсобственности и планирования, но не могли четко ответить на вопрос, почему такие чудеса не случились в странах развитого социализма и социалистической ориентации.

В чем же китайская тайна? Рискую расстроить читателя, должен признаться, что четкого вывода из всего написанного у меня нет. Капельки воды не складываются

пока ни в море, ни в реку, ни в другой иероглиф со знакомым смыслом. Есть ощущение важности происходящего на наших глазах, есть чувство загадки, которую еще никто не разгадал, но картинки пока нет, только отдельные капли. «Цан хай и су», — говорят китайцы об ограниченности знания, а по-русски — «одна капля безбрежного моря»: как уже говорилось, и в печатном тексте, и в устной речи перевод с китайского на западные языки всегда получается вдвое длиннее оригинала.

В саду камней Рёандзи в древней японской столице Киото один из 15 камней всегда остается скрытым, заслоненным другими, с какого бы места вы ни смотрели. Так известный японист Владимир Цветов писал когда-то о Японии («Пятнадцатый камень сада Рёандзи») — что-то всегда ускользает от внимания наблюдателя, можно увидеть многое, почти все, но никогда не все полностью. Наверное, так же и с Китаем, в большей степени, чем с любой другой страной,

Есть ощущение, что Китай, да и вся Восточная Азия, базирующаяся в основном на китайской культуре, знает что-то такое, что неведомо европейской цивилизации. Статистический анализ быстрого экономического роста позволяет выделить многие факторы, объясняющие, почему ни Латинская Америка, ни Ближний Восток, ни Южная Азия, ни Африка не смогли в последние годы поспеть за восточноазиатскими «драконами» и «тиграми». Большие вложения в человеческий капитал, более сильные институты, более осторожная макроэкономическая политика (низкая инфляция), большая открытость экономики и т. д.

Однако, во-первых, всегда остается необъясненный остаток: даже если учесть все факторы, Восточная Азия в последние десятилетия все равно росла быстрее — то ли потому, что там много китайцев, то ли из-за того, что она между Америкой и Западной Азией, в общем мы толком не знаем почему. А во-вторых, объяснить, как это Восточной Азии удалось поддерживать и сильные институты, и правильную макроэкономическую и промышленную политику, тогда как другим развивающимся странам это не слишком удается, тоже совсем не просто.

В социальной сфере, в том числе и в экономике, жизнеспособными и перспективными часто становятся такие формы, которые раньше, казалось, были выброшены на обочину истории. В том, что раньше представлялось смешным, устаревшим, отжившим, патриархальным и даже варварским, неожиданно открывается «второе дыхание». Сколько книг было написано про «японское чудо» в 1970-х! Пожизненный наем, круговая порука, тесные отношения банков с промышленностью и госчиновников с бизнесом — во всем этом видели тогда

секрет японского процветания. А сегодня не меньшее количество исследователей усматривает в тех же самых патерналистских неформальных отношениях причины кризиса в Японии и других странах Восточной Азии.

Сказать, что у китайцев терпимость к другим формам общественной жизни — в крови и что они всегда оставляют «контрольный участок» было бы преувеличением. В китайской пятитысячелетней истории было все — и император Цинь Шихуан, сжигавший книги и казнивший ученых, чтобы начать историю с чистого листа, и борьба с воробьями при Мао, приведшая к повсеместному распространению гусениц и насекомых... Но, может быть, именно так и вырабатывается иммунитет к радикальным преобразованиям, к разрушению старого мира «до основания, а затем». Китайская цивилизация, как уже говорилось, единственная из древнейших, которая существует и по сей день, сохраняя никогда не прерывавшуюся преемственность; остальные сгинули под нашествиями завоевателей, в лучшем случае передав им свои культурные достижения, а в худшем — вообще без следа, так что изобретенные ими «велосипеды» пришлось открывать заново. Народы, как и люди, мудреют с опытом, а опыт приходит с возрастом. Умудренные опытом принимают правильные решения, но сама умудренность приходит в результате прошлых ошибок.

Может быть, именно беспрецедентная преемственность китайской традиции, сохранившая «неэффективные» иероглифы, которые, в свою очередь, позволили уберечь ассоциативность мышления и культуры, способствовала формированию знаменитой китайской приспособляемости, которая позволила пережить столетие унижения (1840–1949) и добиться ускорения экономического роста — сначала через плановую экономику советского типа (1949–1978), затем через рыночные реформы (с 1978 года). Политика меняется, великая страна бессмертна — многие народы хотели бы сказать о себе такое, но, согласитесь, у Китая больше оснований, чем у других.

Защитники окружающей среды считают несчастьем исчезновение редкого вида растений или животных — есть понимание того, что у исчезнувшей навсегда букашки могли быть такие уникальные гены, которые сегодня никому даром не нужны, а в будущем могут спасти человечество. Лингвисты и культурологи бьют тревогу, когда исчезает целый народ со своим языком и культурой, как, скажем, айны на Хоккайдо, в Японии, язык которых — один из трех-четырех в мире, не укладывающийся ни в какие языковые группы и семьи. У экономистов и

политологов такого почтения к общественным формам нет, хотя их знания о своем предмете исчерпывающими не назовешь даже с натяжкой.

Мы не знаем пока что наверняка, почему Восточная Азия росла быстрее всех в послевоенный период; не знаем, почему китайские коллективно-муниципальные предприятия (TVE — township and village enterprises) с самыми неясными правами собственности в мире увеличивали объем производства в 1980–1990-е годы на 20% в год; не знаем, что лучше — англо-американская система контроля и финансирования корпораций (основанная на рынке акций) или же германо-японская (основанная на банках и других финансовых институтах); не знаем наверняка, какие именно отрасли государство должно поддерживать и должно ли вообще; в общем — много чего не знаем. А если не знаем, то можно и нужно спорить до хрипоты, но не стоит спешить с оргвыводами, не надо с порога отвергать китайский опыт, который был у нас когда-то так популярен. Нетерпение ума — плохой советчик, чем больше узнаешь о Китае, тем больше хочется узнать. Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли. И, наконец, самое последнее — всякая культура многослойна и сложна для понимания с наскока, но китайская с ее преемственностью в пять тысячелетий, наверное, особенно. наших китаистов в среде экономистов и политологов, похоже, сейчас незаслуженно забыли, а между тем квалификация их признавалась на мировом уровне даже тогда, когда экономисты писали диссертации типа «Кейнсианство — лженаучная доктрина поджигателей войны» (была и такая в 1950-е годы). Сейчас китаеведы обижены и сердиты, наверное, не без основания, что их труды мало кто читает и понимает в наш «железный век».

Илья Смирнов, специалист по древней китайской поэзии, был сильно обескуражен моим прозаическим «пересказом, а не переводом», как он выразился, стихотворения Ли Бо, отплывавшего из Байди по Янцзы в IX веке. Любезно сделав по моей просьбе свой литературный перевод, он настоял, чтобы я поместил его комментарий не только к стихотворению, но и ко всей брошюре, что я с удовольствием и делаю — другая точка зрения всегда полезна. Главная мысль его комментария к самому стихотворению (в первой части книги, в параграфе «Исторический экскурс»), если помните, была такой: оценить богатство смысла и образа, аллюзий и намеков может только тот, кто знаком с предшествующей

китайской литературой, а взгляд того, кто не знаком, неизбежно остается крайне поверхностным.

«Примерно так же и по сей день устроена вся китайская культура, — продолжает он, — она предлагает неофиту соблазнительные обманки, подменяющие подлинное проникновение в ее суть. Мне представляется, что автор настоящей книги почти всякий раз, когда уходит в сторону от предмета своего профессионального знания — экономики и берется рассуждать о китайской культуре, оказывается в плену подобных обманок, и ни в коем случае мое мимолетное в этой книге участие не следует воспринимать как согласие со сказанным в ней о культуре Китая — словесности, истории, верованиях, обычаях. Просто таким увидел Китай наш заинтересованный соотечественник, ученый-экономист, о сюжетах своей науки привыкший, видимо, судить с большей ответственностью. Надеюсь, что те читатели, которых эта книга повлечет к старой китайской культуре, дадут себе труд отыскать на российском книжном рынке работы специалистов в этой области — Россия во все времена рождала выдающихся китаеведов поистине мирового уровня, и замечательные исследования о Китае у нас вовсе не редкость».

Так что не надо слепо доверять всему написанному про китайскую культуру. Специалисты думают иначе, а Вам, дорогой читатель, предстоит разбираться самому. «Великий квадрат не имеет углов» — говорил Лао-цзы. Понятно? Нет? Мне тоже не очень. Поезжайте, пожалуйста, в Китай, почитайте про китайскую историю и культуру: ставлю десять против одного, что вам захочется выучить китайский. Ну, по крайней мере, научить своих детей или внуков. Послушайте еще раз, неужели вам не нравится?

Рассветной порою город Байди в пестроцветии облаков;
В Цзинлин, до которого тысяча ли, в единый день возвращусь.
По берегам обезьяны кричат — их крик еще не затих,
А легкий челнок уже миновал горных вершин череду.

Китай и раньше был загадкой и не раз удивлял мир. Мой старший товарищ рассказывал мне про выставку подарков Сталину, которая существовала в 1939–1956 годах в здании бывшего московского Английского клуба на Тверской (ныне музей современной истории России). Один из подарков — вырезанный то ли из нефрита, то ли из слоновый кости шар с драконами и с десятком более маленьких

резных шаров, один в другом, не соприкасающихся друг с другом и вращающихся так, что видна искусная резьба с драконами на каждом из них. В книге отзывов кто-то написал: «такое могут сделать только китайцы». А другой ниже добавил: «они еще и не то могут сделать».

ЛИТЕРАТУРА

- Аллен, Р. (2013). *От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции*. Москва: РОССПЭН.
- Арриги, Дж. (2009). *Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век*. Москва: Институт общественного проектирования.
- Асемоглу, Д., Дж. А. Робинсон (2015). *Экономические истоки диктатуры и демократии*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Вальтух, К., Б. Лавровский (1986). “Производственный аппарат страны: использование и реконструкция”, *ЭКО*, №2, с. 17–33.
- Гегель, Г. В. Ф. (1993). *Лекции по философии истории*. Санкт-Петербург: Наука.
- Гершенкрон, А. (2015). *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Говорухин, С. С. (1994). *Страна воров на дороге в светлое будущее*. Нарва: Фирма “Шанс”.
- Декларация независимости (1993), в: О.А. Жидков (ред.), *Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство*. Москва: Прогресс, Универс, с. 25–28, <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Russian-translation-U.S.-Declaration-of-Independence.pdf>.
- Даймонд, Дж. (2009). *Ружья, микробы и сталь: истории человеческих сообществ*. Москва: АСТ.
- Даймонд, Дж. (2016). *Коллапс. Почему одни общества приходят к процветанию, а другие — к гибели*. Москва: АСТ.
- Джомо, К. С., В. Попов (2016). “Долгосрочные тенденции в распределении доходов”, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3 (31), с. 160–170.
- Дюрант, В. (1995). *Цезарь и Христос*. Москва: КРОН-ПРЕСС.
- Закария, Ф. (2004). “Возникновение нелиберальных демократий,” *Логос*, Т. 2, № 42, с. 55–70.
- Ильф, И. и Е. Петров (1961). *Собрание сочинений в 5 т. Т. 4*. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Истерли, У. (2006). *В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках*. Москва: Институт комплексных стратегических исследований.
- Канторович, Л. (1959). *Экономический расчет наилучшего использования ресурсов*. Москва: Издательство АН СССР.

- Конфуций (1998). “Лунь юй”, в: Л.С. Переломов, *Конфуций: “Лунь юй”*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Кривелев, И.А. (1976). *История религий*. Т. 2. Москва: Мысль.
- Ленин, В. И. (1964). “Детская болезнь ‘левизны’ в коммунизме”, В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 5-е изд. Т. 41. Москва: Издательство политической литературы, с. 17–118.
- Ленин, В.И. (1967). “Китайская война”, в: В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 5-е изд. Т. 4. Москва: Издательство политической литературы, с. 378–383.
- Ленин, В. И. (1968). “Землевладение в европейской России”, в: В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 5-е изд. Т. 21. Москва: Издательство политической литературы, с. 306–310.
- Ленин, В. И. (1970). “Великий почин (о героизме рабочих в тылу. По поводу ‘коммунистических субботников’)”, В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, 5-е изд. Т. 39. Москва: Издательство политической литературы, с. 5–29.
- Малафеев, А.Н. (1964). *История ценообразования в СССР (1917–1963)*. Москва: Мысль.
- Маркс, К., Ф. Энгельс (1955). “Манифест Коммунистической партии”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, 2-е изд. Т. 4. Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Мельянцев, В. (1996). *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. Москва: Издательство Московского университета.
- Мизес, Л. (1994). *Социализм. Экономический и социологический анализ*. Москва: Catallaxy.
- Мокир, Дж. (2012) *Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Нархоз. *Народное хозяйство СССР*. Москва: Госкомстат (разные годы).
- Пикетти, Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- По, Э.А. (2003). *Стихотворения. Новеллы. Повесть о приключениях Артура Гордона Пима. Эссе*. Москва: АСТ.
- Полтерович, В., В. Попов (2002). “Последняя надежда”, *Эксперт*, № 48, 22 декабря 2002 г.
- Полтерович, В., В. Попов (2006а). “Эволюционная теория экономической политики. Часть I. Опыт быстрого развития”, *Вопросы экономики*, № 7, с. 4–23.

- Полтерович, В., В. Попов (2006б). “Эволюционная теория экономической политики. Часть II. Необходимость своевременного переключения”, *Вопросы экономики*, №8, с. 46–64.
- Полтерович, В., В. Попов (2007). “Демократизация и экономический рост”, *Общественные науки и современность*, № 2, с. 13–27, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Democracy-2006DEC-Russian.pdf>.
- Полтерович, В., В. Попов (2016). “Валютный курс, инфляция и промышленная политика,” *Журнал Новой экономической ассоциации*, №1 (29), с. 192–198.
- Полтерович, В., В. Попов и А. Тонис (2007). *Экономическая политика, качество институтов и механизмы “ресурсного проклятия”*. Москва: ГУ ВШЭ.
- Померанц, К. (2017). *Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Попов, В. (1998а). “Сильные институты важнее скорости реформ”, *Вопросы экономики*, №8, с. 56–70.
- Попов, В. (1998б). “Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики”, *Вопросы экономики*, №7, с. 42–64;
- Попов, В. (1999). “Конструктор для финансиста”, *Эксперт*, №38, 10 октября 1999 г., <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Konstruktor%20dlya%20finansysta.pdf>.
- Попов, В. (1998а). “Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики”, *Вопросы экономики*, №7, с. 42–64.
- Попов, В. (1998б). “Сильные институты важнее скорости реформ”, *Вопросы экономики*, №8, с. 56–70.
- Попов, В. (2002). *Три капли воды: заметки некитаиста о Китае*. Москва: Дело.
- Попов, В. (2004). “Повезло с географией, не повезло с элитой. Боясь стать «азиатами», мы упускаем исторический шанс”, *Политический журнал*, № 30, 2 августа 2004 г. <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/China-Lucky%20with%20geography.pdf>.
- Попов, В. (2006). “Больше протекционизма! Торговли! Роста! Нетрадиционный взгляд на экспортную ориентацию и экономическое развитие”, *Политический журнал*, № 15 (110), 24 апреля 2006 г., с. 4–5, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Protectionism.pdf>.
- Попов, В. (2007а). “Шокотерапия против градуализма: 15 лет спустя:”, *Вопросы экономики*, №5, с. 81–99, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-5-81-99>.

- Попов, В. (2007б). “Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период”, *Неприкосновенный запас*, №2 (52), с. 64–76, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Soviet%20Growth-Boston-Russian.pdf>.
- Попов, В. (2008). “Закат плановой экономики”, *Эксперт*, № 1 (640), 29 декабря 2008 г., <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/ZakatPlana-Dec.2008-Expert.pdf>.
- Попов, В. (2011а). *Стратегии экономического развития*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Попов, В. (2011б). “Надо ли защищать права на интеллектуальную собственность”, *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 3, с. 107–126, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/IPR-Russian-New Economic Association journal-2011.pdf>.
- Попов, В. (2012а). “Почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? Новый ответ на старый вопрос,” *Журнал Новой экономической ассоциации*, №3(15), с. 35–64, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/China-Rise-%20zhurnal%20Novoy%20Ekonomicheskoy%20Assotsiatsii-2012.pdf>.
- Попов, В. (2012б). “Пот, кровь и институты,” *Эксперт*, №19(802), 14 мая 2012 г., <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/China Rise-Expert-May 2012.pdf>.
- Попов, В. (2013а). “Валютные войны. Зачем Россия и Китай копят иностранную валюту”, *ПОНАРС Евразия*. Аналитическая записка № 256, https://ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm_256_russ_popov_june_2013_0.pdf.
- Попов В. (2013б). “Глобальные дисбалансы — нетрадиционная трактовка”, *Вопросы экономики*, №1, с. 1–12, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Global%20imbalances%20-%202012-Russian-Voprosy%20Ekonomyky.pdf>.
- Попов, В. (2014 а). “Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике,” *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 1 (21), с. 136–159, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Uzbekistan%20miracle-%20NEA-2014-April.pdf>.
- Попов В. (2014б). “Загадки общественного мнения: почему советское население поддерживает переход к капитализму с конца 80-х годов,” *MPRA Paper* No. 57842, August 2014, https://mpra.ub.uni-muenchen.de/57842/2/MPRA_paper_57842.pdf.

- Попов, В. (2015б). “В поисках новых источников роста. Догоняют ли развивающиеся страны развитые?” *Вопросы экономики*, №10, с. 33–50.
- Попов, В. (2015в). “Экономическое и социальное развитие посткоммунистической России в 1991–2014 гг.”, в: Е.Б. Шестопал, А.Ю. Шутова, В.И. Якунина (ред.), *Четверть века после СССР: люди, общество, реформы*. Москва: Издательство МГУ, с. 72–92.
- Попов, В. (2016). “Где будет следующее экономическое чудо? На Ближнем Востоке?” Группа стратегического видения “Россия – Исламский мир”. Март 2016 г. [https://pages.nes.ru/vpopov/documents/MIDDLE EAST=economy and social development= Russian.pdf](https://pages.nes.ru/vpopov/documents/MIDDLE_EAST=economy_and_social_development=Russian.pdf).
- Попов, В. (2019). “К 30-летию падения Берлинской стены. Геополитическую борьбу никто не отменял,” *Мир перемен*, №4, с. 113–115, [https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Berlin Wall=Mir_peremen_2019_04.pdf](https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Berlin_Wall=Mir_peremen_2019_04.pdf), [https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Berlin Wall=2019=DOC-RI.pdf](https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Berlin_Wall=2019=DOC-RI.pdf) (полный вариант).
- Попов, В. (2020а). “Замедление Китая: судьба или выбор?” *Эксперт*, 23 марта 2020 г., №13 (1157).
- Попов, В. (2020б). “Учимся у Азии: как справиться с экономическим спадом из-за коронавируса”, [https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Coronavirus recession - Russian-PONARS-2020.pdf](https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Coronavirus_recession-Russian-PONARS-2020.pdf) (первоначально опубликовано в: Vladimir Popov, “Learning from Asia: How to Handle Coronavirus Economic Recessions,” *PONARS Eurasia* commentary, April 28, 2020, <https://www.ponarseurasia.org/learning-from-asia-how-to-handle-coronavirus-economic-recessions/>)
- Попов, В. (2021а). “А был ли коллапс?” *Историк*, №1 (73), январь 2021 г., с. 22–27, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Istorik=Dec=2020=Collapse%20of%20the%20USSR.pdf>.
- Попов, В. (2021б). “Основное противоречие современной эпохи”, *Российский совет по международным делам*, 8 сентября 2021 г., <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnoe-protivorechie-sovremennoy-epokhi/>
- Попов, В. (2024). “Сколько прав нужно человеку: взлет и падение либерализма,” *Российский совет по международным делам*, 5 апреля 2024 г. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skolko-prav-nuzhno-cheloveku-vzlet-i-padenie-liberalizma/>
- Попов, В., Н. Шмелев (1988). “Анатомия дефицита”, *Знамя*, № 5, с. 158–184.

- Попов, В., Н. Шмелев (1989). “На развилке дорог: так была ли альтернатива в 1929 году?” *Студенческий меридиан*. № 1, с. 26–32, 48–51; №2, с. 14–17, 31–35.
- Преображенский Е. А. (2008). *Новая экономика (теория и практика): 1922—1928 гг.* Москва: Издательство Главархива Москвы.
- Пушкин, А.С. (1978). “Капитанская дочка”, в: А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 т.* Т. 6. Ленинград: Наука.
- Ролз, Дж. (1995). *Теория справедливости*. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.
- Спаффорд, Ф. (2012) *Страна изобилия*. Москва: Согрус, Астрель.
- Стиглиц, Дж. (2015) *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. Москва: Эксмо.
- Стругацкий, А. и Б. Стругацкий (1991). *Собрание сочинений*. Т. 1. Москва: Текст.
- Фальцман, В. (1985). “Повышение отдачи основных фондов промышленности”, *Вопросы экономики*, №3, с. 44–55.
- Фельдман, Г.А. (1928). “К теории темпов народного дохода (Под углом зрения народного хозяйства СССР)”, *Плановое хозяйство*. №11, с. 146–170; №12, с. 151–180.
- Фукуяма, Ф. (2007). *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ.
- Хайек, Ф.А. (2005). *Дорога к рабству*. Москва: Новое издательство.
- Хайек, Ф.А. (2011). “Конкуренция как процедура открытия”, в: Фридрих Август фон Хайек. *Индивидуализм и экономический порядок*. Челябинск: Социум, с. 378–393.
- Хайлбронер, Р. (2009). *Философы от мира сего*. Москва: Колибри.
- Ибн Хальдун (2008). “Введение (ал-Мукаддима)”, в: *Историко-философский ежегодник 2007*. Москва: Наука, с. 187—217, https://smirnov.iph.ras.ru/win/publicatn/texts_2/ikh_t.htm.
- Шелехов, И.Л., Т. В. Каштанова, А. Н. Корнетов и Е. С. Толстолес, (2011). *Суицидология: учебное пособие*. Томск: Сибирский государственный медицинский университет.
- Шмелев, Н. (1988). *Последний этаж*. Москва: Правда.
- Шмелев, Н., В. Попов (1989). *На переломе: экономическая перестройка в СССР*. Москва: Издательство АПН.
- Энгельс, Ф. (1955) “Протекционизм или система свободы торговли”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, 2-е изд. Т. 4. Москва: Государственное издательство политической литературы, с. 61–64.

Энгельс, Ф. (1961) “Протекционизм и свобода торговли”, в: Карл Маркс и Фридрих Энгельс, *Сочинения*, 2-е изд. Т. 21. Москва: Государственное издательство политической литературы, с. 372–389.

Acemoglu, D., S. Johnson, and J. A. Robinson (2001). “The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation,” *American Economic Review*, Vol. 91, No. 5, p. 1369–1401.

Acemoglu, D., Ph. Aghion, and F. Zilibotti (2003). “Vertical Integration and Distance to Frontier,” *Journal of the European Economic Association*, Vol. 1, No. 2–3, p. 630–638, <https://doi.org/10.1162/154247603322391260>.

Acemoglu, D., Ph. Aghion, and F. Zilibotti (2006). “Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth,” *Journal of the European Economic Association*, Vol. 4, No. 1, Pages 37–74, <https://doi.org/10.1162/jeea.2006.4.1.37>

Acemoglu, D., and J. A. Robinson (2000). “Why Did the West Extend the Franchise? Growth, Inequality and Democracy in Historical Perspective,” *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 115, No. 4, p. 1167–1199, <https://doi.org/10.1162/003355300555042>.

Acemoglu, D., and J. Robinson (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Achmatova, N. (2010). “Russia Facing an Orphanage and Adoption Crisis,” *PIME — AsiaNews*, April 6, 2010, <https://www.asianews.it/news-en/Russia-facing-an-orphanage-and-adoption-crisis-18587.html>.

Allen, R. C. (2003). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Arrighi, G. (2007). *Adam Smith in Beijing. Lineages of the Twenty-First Century*. London: Verso.

Bardhan, P. (1993). “Economics of Development and the Development of Economics,” *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 7, No. 2, p. 129–142.

Barro, R., R. McCleary (2003). “Religion and Economic Growth,” *American sociological review*, Vol. 68, No. 5), p. 760–781.

Bergson, A., and H. Levine (eds) (1983). *The Soviet Economy Towards the Year 2000*. London: George Allen and Unwin.

Bergsten, C. F., B. Gill, N. R. Lardy, D. Mitchell (2006). *China: The Balance Sheet. What the World Needs to Know About the Emerging Superpower*. New York: PublicAffairs.

- Bills, C. B. (2017). "The Relationship between Homicide and Suicide: A Narrative and Conceptual Review of Violent Death," *International Journal of Conflict and Violence*, Vol. 11, No. 6, a400, <https://doi.org/10.4119/ijcv-3088>.
- Brenner, R., and Ch. Isett (2002). "England's Divergence from China's Yangzi Delta: Property Relations, Microeconomics, and Patterns of Development," *The Journal of Asian Studies*, Vol. 61, No. 2, p. 609–662.
- Broadberry, S., E. Korchmina (2024). "Catching-Up and Falling Behind: Russian Economic Growth, 1690s–1880s", *Journal Economic History*, 8 October 2024, <https://doi.org/10.1017/S0022050724000287>.
- Chang, G. (2001). *The Coming Collapse of China*. New York: Random House, 2001.
- Chang, H.-J. (2002). *Kicking Away the Ladder*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chang, H.-J. (2007). "State Owned Enterprise Reform," *UN DESA Policy Note*, 2007 http://esa.un.org/techcoop/documents/PN_SOERReformNote.pdf.
- Channing A., S. Jones, and F. Tarp (2010). "Aid, Growth, and Development: Have We Come Full Circle?" *Journal of Globalization and Development*, vol. 1(2), p. 1–29.
- Chibber, V. (2005). "The Good Empire: Should We Pick Up Where the British Left Off?", *Boston Review*, February/March 2005, <https://www.bostonreview.net/articles/chibber-good-empire/>.
- Chun, N. (2007). "Faces of the Abandoned," *Newsweek*, December 12, <https://www.newsweek.com/chinas-new-look-orphanages-94263>.
- Clark, G. (2007) "A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World". Princeton and Oxford: *Princeton University Press*. September, 2007.
- Collier, P. (2006). "African Growth: Why a 'Big Push'?" *Journal of African Economies*, Vol. 15 (Suppl. 2), p. 188–211.
- Derluignian, G. (2013). "Lessons of Communism," in Immanuel Wallerstein, Randall Collins, Michael Mann, Georgi Derluignian, and Craig Calhoun. *Does Capitalism Have a Future?* Oxford: Oxford University Press, p. 99–130.
- Desai, P. (1976). "The Production Function and Technical Change in Postwar Soviet Industry," *American Economic Review*, Vol. 60, No. 3, p. 372–381.
- Diamond, J. (1997). *Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies*. New York: W.W. Norton, 1997.
- Diamond, J. (2005). *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*. New York: Viking Press.

- Diamond, J. (2020). "How Might COVID-19 Change the World?," *Project Syndicate*, December 29, 2020, <https://www.project-syndicate.org/magazine/covid19-impact-on-combating-global-problems-by-jared-diamond-2020-12>.
- Domar, E. (1957). *Essays in the Theory of Economic Growth*. New York: Oxford University Press.
- Durant, W. (1972). *Cesar and Christ: A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325*. New York: Simon and Schuster.
- Easterly, W. (2001). *The Elusive Quest for Growth: Economists Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Easterly, W. (2005). "The Lamentable Return of the Big Push," *Proceedings of the German Development Economics Conference*, Kiel, Verein für Socialpolitik, Verein für Socialpolitik, Ausschuss für Entwicklungsländer, <https://hdl.handle.net/10419/19805>.
- Easterly, W., Fischer, S. (1995). "The Soviet Economic Decline," *The World Bank Economic Review*, Vol. 9, No. 3, p. 341–371.
- Economy, E. (2024). "China's Alternative Order and What America Should Learn from It," *Foreign Affairs*, Vol. 103, No. 3, p. 18–24.
- Eisner, M. (2003). "Long-Term Historical Trends in Violent Crime," *Crime and Justice*, Vol. 30, p. 83–142.
- Faye, M.L., J. W. McArthur, J. Sachs, and T. Snow (2004). "The Challenges Facing Landlocked Developing Countries," *Journal of Human Development*, Vol. 5, No. 1, March 2004, p. 31–68.
- Feinstein, C. H. (1981). "Capital Accumulation and the Industrial Revolution," in R. Floud and D. N. McCloskey (Eds.), *The Economic History of Britain since 1700*, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, p. 128–142.
- Findlay R. (2010). *The Trade-Development Nexus in Theory and History*. WIDER Annual Lecture 013. Helsinki: UNU-WIDER.
- Findlay, R., and K. H. O'Rourke (2007). *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007.
- Feldman, G.A. (1964). "On the theory of growth rates of national income", in Nicolas Spulber (ed.), *Foundations of Soviet Strategy for Economic Growth*. Bloomington, IN: Indiana University Press, p. 174–199, 304–341.
- Feldstein, M., Ch. Horioka (1980). "Domestic Saving and International Capital Flows," *Economic Journal*, Vol. 90, No. 358, p. 314–329.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. New York: Macmillan, Inc.

- Galor, O. (2008). "Economic Growth in the Very Long Run," in: *The New Palgrave Dictionary of Economics*. London: Palgrave Macmillan, https://doi.org/10.1057/978-1-349-95121-5_2819-1.
- Galor, O., D. Weil (2000). "Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond," *American Economic Review*, Vol. 90, No. 4, p. 806–828.
- Galor, O. and O. Moav (2005). "Natural Selection and the Evolution of Life Expectancy," Minerva Center for Economic Growth Paper No. 02-05, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.563741>.
- Gentzkow, M., and J.M. Shapiro (2010). "What Drives Media Slant? Evidence from US Daily Newspapers," *Econometrica*, Vol. 78, No. 1, p. 35–71.
- Gerschenkron, A. (1962). *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Gilboy, G. J. (2004). "The Myth behind China's Miracle," *Foreign Affairs*, Vol.83, No. 4, p. 33–48.
- Ghosh, J. (2007). "Macroeconomic and Growth Policies," *Policy Notes 2*, United Nations, Department of Economics and Social Affairs.
- Goldstone, J. (2007). "Unraveling the Mystery of Economic Growth: A review of Gregory Clark's 'A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World'," *World Economics*, Vol. 8, No. 3, p. 207–225.
- Goldstone, J. (2009). Comments on Popov (Unpublished).
- Gomulka, S. (1977). "Slowdown in Soviet Industrial Growth, 1947–1985 Reconsidered," *European Economic Review*, Vol. 10, No.1, p. 37–49.
- Grote, J., V. Popov (2018). "The Causes of Political Misperceptions: Suggestions for Research," SSRN, December 28, 2018, <https://ssrn.com/abstract=3307394>.
- Guriev, S., and B. Ickes (2000). "Microeconomic Aspects of Economic Growth in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1950–2000," *William Davidson Institute Working Paper*, No. 348.
- Hausmann, R., and D. Rodrik (2003). "Economic Development as Self-Discovery," *Journal of Development Economics*, Vol. 72, No. 2, p. 602–633.
- Hausmann, R., J. Hwang, and D. Rodrik (2007). "What You Export Matters," *Journal of Economic Growth*, Vol. 12, No. 1, p. 1–25, <https://doi.org/10.1007/s10887-006-9009-4>.
- Hausmann R., D. Rodrik (2006). "Doomed to Choose: Industrial Policy as Predicament," Center for International Development Blue Sky Conference Paper, September 2006.

- Hausmann, R., D. Rodrik, and A. Velasco (2008). "Growth Diagnostics," in Narcís Serra and Joseph E. Stiglitz, *The Washington Consensus Reconsidered: Towards a New Global Governance*. Oxford: Oxford University Press, p. 324–355.
- Hayek, F. (1994). *The Road to Serfdom*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Hayek, F. (2002). "Competition as a Discovery Procedure," *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, Vol. 5, No. 3, p. 9–23.
- Harari, Y. (2018). "The Myth of Freedom," *The Guardian*, September 14, 2018, <https://www.theguardian.com/books/2018/sep/14/yuval-noah-harari-the-new-threat-to-liberal-democracy>.
- Heilbroner, R. (1999). *Worldly Philosophers: The Lives, Times and Ideas of the Great Economic Thinkers*. New York: Simon and Schuster.
- Huang Yasheng (2023). *The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Huang, Yasheng, and Tarun Khanna (2003). "Can India Overtake China?" *Foreign Policy*, July–August 2003, No. 137, p. 74–81, <https://foreignpolicy.com/2003/07/01/can-india-overtake-china/>.
- IMF, WB, OECD, EBRD (1991). *A Study of the Soviet Economy*. Vols. 1–3. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Irwin, D. (2002). "Did Import Substitution Promote Growth in the Late Nineteenth Century?" *NBER Working Paper* 8751, <https://doi.org/10.3386/w8751>.
- Jacobson, G. (1978). "The Effects of Campaign Spending in Congressional Elections," *The American Political Science Review*, Vol. 72, No. 2, p. 469–491.
- Jomo, K. S. (2013). "The best approach to economic development is pragmatism," in Piotr Dutkiewicz and Richard Sakwa (eds), *22 Ideas to Fix the World Conversations with the World's Foremost Thinkers*. New York: New York University Press, p. 355–376.
- Kaletsky, A. (2010). "We Need a New Capitalism to Take on China," *The Times*, February 4, 2010, <https://www.thetimes.com/article/we-need-a-new-capitalism-to-take-on-china-pk53mbxwrp0>.
- Kim, Dong Hyeon and Shu-Chin Lin (2009). "Trade and Growth at Different Stages of Economic Development," *Journal of Development Studies*, Vol. 45, No. 8, p. 1211–1224.
- Khor, M. (2007). "Fight Begins on Cutting Climate Gases," *Third World Network*, September 3, 2007, <https://mail.twm.my/title2/gtrends/gtrends170.htm>.

- Krugman, P. 1994. "The Myth of Asia's Miracle," *Foreign Affairs*, November/December 1994, p. 62–78.
- Krugman, P. (2009). "Finance myth busting, third world edition," Paul Krugman's blog, November 10, 2009, <http://krugman.blogs.nytimes.com/2009/11/09/finance-mythbusting-third-world-edition/>.
- Khrushchev, N., Nixon, R. (1959). The Kitchen Debate, July 25, 1959, <https://teachingamericanhistory.org/document/the-kitchen-debate/>.
- Landes, D. (1998). *Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor?* New York: W.W. Norton.
- Lee, K. (2013). *Schumpeterian Analysis of Economic Catch-up Knowledge, Path-Creation, and the Middle-Income Trap*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lee, K. and V. Popov (2020). "Re-thinking East Asian Model of Economic Development After the Covid-19," *Seoul Journal of Economics*, 2020, Vol. 33, No. 4, p. 481–485, <https://www.sje.ac.kr/xml/26764/26764.pdf>.
- Leontief, W. (1974). "Sails and Rudders, Ship of State," in Leonard Silk (ed.), *Capitalism, the Moving Target*. New York: Quadrangle Books, p. 101–104.
- Lester, D. (1994). *Patterns of Suicide and Homicide in America*. Commack, NY: Nova Science.
- Lester, D. (2002). "Collectivism and Rates of Personal Violence (Suicide and Homicide)," *Psychological Reports*, Vol. 90, No. 1, p. 300–307.
- Lewis, W.A. (1954). "Economic Development with Unlimited Supplies of Labour," *Manchester School*, Vol. 21, No. 2, p. 139–191.
- Lin, J. (2012). "From Flying Geese to Leading Dragons. New Opportunities and Strategies for Structural Transformation in Developing Countries," *Global Policy*, Vol. 3, No. 4, p. 397–408, <https://doi.org/10.1111/j.1758-5899.2012.00172.x>.
- Lin, J. (2019). "China's Growth Deceleration: Causes and Future Growth Prospect," *Frontiers of Economics in China*, 2019, Vol. 14, No. 1, p. 26–52.
- Lin, J., Chang, H.-J. (2009). "Should Industrial Policy in Developing Countries Conform to Comparative Advantage or Defy it? A Debate Between Justin Lin and Ha-Joon Chang," *Development Policy Review*, Vol. 27, No. 5, p. 483–502.
- Lin, J., Wan, G., and Morgan, P. J. (2016). "Prospects For a Re-Acceleration of Economic Growth," *Journal of Comparative Economics*, Vol. 44, No. 4, p. 842–853.
- Lindert, P. and S. Nafziger (2014). "Russian Inequality on the Eve of Revolution," *The Journal of Economic History*, Vol. 74, No. 3, p. 767–798.
- Lu, A. (1999). *China and the Global Economy Since 1840*. New York: St. Martin's Press.

- Lu, K. (2012). “The Chongqing Model Worked,” *Foreign Policy*, August 8, 2012, <http://foreignpolicy.com/2012/08/08/the-chongqing-model-worked/>
- Lucas, R. (1988). “On the mechanics of economic development,” *Journal of Monetary Economics* Vol. 22, No. 1, p. 3–42.
- Maddison, A. (1992). “A Long Run Perspective in Savings,” *Scandinavian Journal of Economics*, Vol. 94, No. 2, p. 181–196.
- Maddison, A. (1995). *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Paris: OECD.
- Maddison, A. (1998). *Chinese Economic Performance in the Long Run*. Paris: OECD.
- Maddison, A. (2008). “Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2006 AD,” http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09–2008.xls.
- Maddison Project Database (2018), version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong and Jan Luiten van Zanden (2018), “Rebasing ‘Maddison’: new income comparisons and the shape of long-run economic development”, Maddison Project Working paper 10, <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/research>.
- Mayer, J., A. Wood (2001). “South Asia’s Export Structure in a Comparative Perspective,” *Oxford Development Studies*, Vol. 29, No. 1, p. 5–29.
- Menand, L. (2018). “Francis Fukuyama Postpones the End of History,” *The New Yorker*, September 2, 2018, p. 64–68, <https://www.newyorker.com/magazine/2018/09/03/francis-fukuyama-postpones-the-end-of-history>.
- Milanovic, B. (2012). “Does Economic Inequality Set Limits to EU Expansion?” *Conference on Sovereign Insolvency*, Opatija, Croatia, November 2012.
- Milanovic, B., P. Lindert, and J. Williamson (2011). “Pre-Industrial Inequality,” *Economic Journal*, Vol. 121, No. 55, p. 255–272.
- Milanovic, B., and Li Yang (2024). “How Corruption Fuels Inequality in China,” *Foreign Affairs*, September 11, 2024, <https://www.foreignaffairs.com/china/how-corruption-fuels-inequality-china>.
- Mironov, B. (2000). *The Social History of Imperial Russia, 1700–1917*. Vol. 2. Boulder: Westview Press.
- Mises, Ludwig von (1990). *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth*. Auburn: Ludwig von Mises Institute, <http://mises.org/pdf/econcalc.pdf>.
- Mitter, R. (2024). “The Real Roots of Xi Jinping Thought. Chinese Political Philosophers’ Long Struggle with Modernity,” *Foreign Affairs*, Vol. 103, No. 2, p. 176–183.

- Mokyr, J. (2002). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Montes, M., V. Popov (2011). “Bridging the Gap: A New World Economic Order for Development,” in Craig Calhoun and Georgi Derluguian (eds), *Aftermath. New Global Economic Order*. New York: New York University Press, p. 119–147.
- Murphy, K. M., A. Shleifer, R. W. Vishny (1989). “Industrialization and the Big Push,” *The Journal of Political Economy*, Vol. 97, No. 5, p. 1003–1026.
- Myrdal, G. (1972). *Asian Drama an Inquiry into the Poverty of Nations*. New York: Random House.
- Nefedov, S., and M. Ellman (2016). “The Development of Living Standards in Russia before the First World War: An Examination of the Anthropometric Data,” *Revolutionary Russia*, Vol. 29, No. 2, p. 149–168, <https://doi.org/10.1080/09546545.2016.1243618>.
- Ocampo, J. A., K.S. Jomo and R. Vos (2007). “Explaining Growth Divergences,” in Jose Antonio Ocampo, K.S. Jomo and R. Vos (eds), *Growth Divergences. Explaining Differences in Economic Performance*. London: Zed Books, 1–24.
- Ofer, G. (1987). “Soviet economic Growth: 1928–1985,” *Journal of Economic Literature*, Vol. 25, No. 4, p. 1767–1833.
- People’s Web (2003). “Today in History: Mao Zedong Said: I Did 2 Things in My Life”. June 15, 2003, <http://www.people.com.cn/GB/tupian/1097/1914967.html> (In Chinese).
- Pei, Minxin (2006). *China’s Trapped Transition: The Limits of Developmental Autocracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.
- Perle, R. (1997). “Interview with Richard Perle,” *The National Security Archive*, March 30, 1997, <https://nsarchive2.gwu.edu/coldwar/interviews/episode-19/perle3.html>.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Piketty, T. (2018). Brahmin Left vs Merchant Right: Rising Inequality & the Changing Structure of Political Conflict (Evidence from France, Britain and the US, 1948–2017). *WID.world Working Paper Series* No. 2018/7, <http://piketty.pse.ens.fr/files/Piketty2018.pdf>.
- Polterovich, V., V. Popov (2004) “Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long-Term Economic Growth,” in Shinichiro Tabata and Akihiro Iwashita (eds), *Slavic Eurasia’s Integration into the World Economy*. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, p. 161–195, https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no2_ses/2-4_Vladimir_Victor.pdf, <https://src->

- h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no2_ses/popov3.pdf,
<http://www.nes.ru/%7Evpopov/documents/EXCHANGE%20RATE-GrowthDEC2002withcharts.pdf>.
- Polterovich, V., and V. Popov (2005a). "Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies is not Encouraging," *MPRA Paper* No. 21606, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/21606/>.
- Polterovich, V., and V. Popov (2005b). "Appropriate Economic Policies at Different Stages of Development. NES, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/STAGES-MAY-2005-English.pdf>.
- Polterovich, V., and V. Popov (2006). "Stages of Development, Economic Policies and New World Economic Order". Paper presented at the Seventh Annual Global Development Conference in St. Petersburg, Russia. January 2006, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/NewWorldEconomicOrder.pdf>.
- Polterovich, V., Popov, V. (2007). "Democratization, Institutional Quality and Economic Growth," in Natalia Dinello and Vladimir Popov (eds), *Political Institutions and Development: Failed Expectations and Renewed Hopes*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, p. 72–100.
- Polterovich, V., V. Popov, and A. Tonis (2007). "Resource abundance, political corruption, and instability of democracy," *NES Working Paper* No. WP2007/73, <http://www.nes.ru/russian/research/pdf/2007/PolterPopovTonisIns.pdf>.
- Polterovich, V., V. Popov, and A. Tonis (2008). "Mechanisms of resource curse, economic policy and growth," *NES Working Paper* No. WP/2008/082, http://www.nes.ru/english/research/pdf/2008/Polterivich_Popov.pdf.
- Pomerantz, K. (2000). *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pomeranz, K. (2008). "Chinese Development in Long-Run Perspective," *Proceedings of the American Philosophical Society*. Vol. 152, No. 1, p. 83–100.
- Popov, V. (1999). "The Financial System in Russia as Compared to Other Transition Economies: The Anglo-American versus the German-Japanese Model," *Comparative Economic Studies*, Vol. 41, No. 1, p. 1–42, <https://doi.org/10.1057/ces.1999.1>; <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/FINSYS.pdf>.
- Popov, V. (2000). "Shock Therapy versus Gradualism: The End of the Debate (Explaining the Magnitude of the Transformational Recession)," *Comparative Economic Studies*, Vol. 42, No. 1, p. 1–57, <http://www.nes.ru/%7Evpopov/documents/TR-REC-full.pdf>.

- Popov, V. (2007a). "Shock Therapy versus Gradualism Reconsidered: Lessons from Transition Economies after 15 Years of Reforms," *Comparative Economic Studies*, Vol. 49, No. 1, p. 1–31, <https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Shock%20vs%20grad%20reconsidered%20-15%20years%20after%20-%20CES,%202007.pdf>.
- Popov, V. (2007b). "Life Cycle of the Centrally Planned Economy: Why Soviet Growth Rates Peaked in the 1950s," in Saul Estrin, Grzegorz W. Kolodko and Milica Uvalic (eds). *Transition and Beyond. Studies in Economic Transition*. London: Palgrave Macmillan, p. 35–57, https://doi.org/10.1057/9780230590328_3.
- Popov, V. (2007c). "Russia Redux," *New Left Review*, No. 44 (March-April), p. 36–52.
- Popov, V. (2009a). "Lessons from the Transition Economies. Putting the Success Stories of the Postcommunist World into a Broader Perspective," WIDER Research Paper, No. 2009/15, The United Nations University World Institute for Development Economics Research (UNU-WIDER), Helsinki, <https://hdl.handle.net/10419/45131>.
- Popov, V. (2009b). "Why the West Became Rich before China and Why China Has Been Catching Up with the West since 1949: Another Explanation of the 'Great Divergence' and 'Great Convergence' Stories," *NES/CEFIR Working paper* No. 132, <https://www.nes.ru/files/Preprints-resn/WP132.pdf>.
- Popov, V. (2010). "Global Imbalances: An Unconventional View," *CEFIR and NES working paper* No. 160. May 2010, <https://www.nes.ru/files/Preprints-resn/WP160.pdf>.
- Popov, V. (2011). "Developing New Measurements of State Institutional Capacity," *PONARS Eurasia Policy Memo* No. 158, May 2011, https://ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm_158.pdf.
- Popov, V. (2014a). "Socialism is dead, long live socialism!" *MPRA Paper* No. 54294, https://mpra.ub.uni-muenchen.de/54294/1/MPRA_paper_54294.pdf.
- Popov, V. (2014b). *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West*. Oxford: Oxford University Press.
- Popov, V. (2015). "Catching Up: Developing Countries in Pursuit of Growth," *MPRA Paper* No. 65878, August 2015, https://mpra.ub.uni-muenchen.de/65878/1/MPRA_paper_65878.pdf.
- Popov, V. (2018a). "Paradoxes of Happiness: Why People Feel More Comfortable with High Inequalities and High Murder Rates?" *MPRA Paper* No. 87118, June 2018, https://mpra.ub.uni-muenchen.de/87118/1/MPRA_paper_87118.pdf.
- Popov, V. (2018b). "Mortality and Life Expectancy in Post-Communist Countries. What Are the Lessons for Other Countries? A Concept Note," *DOC research project*, June 5,

- 2018,
<https://pages.nes.ru/vpopov/documents/Mortality%20and%20life%20expectancy%20in%20post.pdf>.
- Popov, V. (2019). “Billionaires, Millionaires, Inequality, and Happiness,” *MPRA Paper* No. 94081, May 2019, https://mpra.ub.uni-muenchen.de/94081/1/MPRA_paper_94081.pdf.
- Popov, V. (2020a). “COVID-19 Pandemic and Long-Term Development Trajectories of East Asian and Western Economic Models,” *Pathways to Peace and Security*, No. 2(59), p. 41–62, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-41-62>.
- Popov, V. (2020b). “Global Health Care System After Coronavirus: Who Has Responsibility to Protect,” *MPRA Paper* No. 100542, May 2020, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/100542/>.
- Popov, V. (2020c). “Which Economic Model Is More Competitive? The West and the South After the Covid-19 Pandemic,” *Seoul Journal of Economics*, Vol. 33, No. 4, p. 505–538, <http://www.sje.ac.kr/xml/26724/26724.pdf>.
- Popov, V. (2020d). “How to Deal with a Coronavirus Economic Recession?” *MPRA Paper* No. 100485, May 2020, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/100485/>.
- Popov, V. (2020e). “The Mystery of Growth Mechanism in a Centrally Planned Economy: Planning Process and Economics of Shortages,” *MPRA paper* No. 101300, June 2020, https://mpra.ub.uni-muenchen.de/101300/1/MPRA_paper_101300.pdf.
- Popov, V. (2020f). “A Myth of Soft Budget Constraints in Socialist Economies,” *MPRA Paper* No. 99769, April 2020, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/99769/>.
- Popov, V. (2022a). “Why Europe Looks So Much Like China: Big Government and Low Income Inequalities,” *Asia and the Global Economy*, Vol. 2, No. 1, 10024, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667111522000019>.
- Popov, V. (2022b). “Why Is the United States So Tough on Russia? The Answer May Be in the Lenin’s Brochure of 1920,” SSRN, November 24, 2022, <https://ssrn.com/abstract=4285574>.
- Popov, V. (2023a). “Why the Rich and the Poor Value Freedom and Equality Differently,” *MPRA Paper* No. 116563, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/116563/>.
- Popov, V. (2023b). “Can China Maintain High Growth Rates Under the ‘Dual-Circulation’ Decoupling?” *MPRA paper* No. 117953, July 2023, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/117953/1/Dual%20Circulation.pdf>.
- Popov, V. (2023c). “Recent experiences of successful economic policies: the case of Uzbekistan,” in Erik S. Reinert & Ingrid Kvangraven (eds.), *A Modern Guide to Uneven*

- Economic Development*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, p. 304–330, <https://doi.org/10.4337/9781788976541.00023>.
- Popov, V. (2023d). “US Dollar Is Losing Its Position of a Reserve Currency: How the BRICS Development Bank Can Ensure Soft Landing,” SSRN, August 20, 2023, <https://ssrn.com/abstract=4546254>.
- Popov, V., K.S. Jomo (2018). Are Developing Countries Catching Up? - *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 42, No. 1, January 2018, p. 33–46.
- Popov, V., R. Konchakov, and D. Didenko (2023). “Factors of social tension in the provinces of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries,” *MPRA Paper* No. 118464, September 2023, <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/id/eprint/118464>.
- Posen, A. (2023). “The End of China’s Economic Miracle: How Beijing’s Struggles Could Be an Opportunity for Washington,” *Foreign Affairs*, Vol. 102, No. 5, 118–130.
- Prasad, E., R. Rajan, A. Subramanian (2007). “Foreign Capital and Economic Growth,” *Brookings Papers on Economic Activity, Economic Studies Program*, vol. 38(2007-1), p. 153–230.
- Preobrazhenski, E. (1926). *The New Economics*. Oxford: Clarendon Press.
- Ramo, J. (2004). *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Centre, <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/244.pdf>.
- Rawls, J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Reddy, S. G., (2013). “Randomise This! On Poor Economics,” *Review of Agrarian Studies*, Vol. 2, No. 2, p. 60–73, http://www.ras.org.in/randomise_this_on_poor_economics.
- Reinert, E. (2019). *How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor*. New York: PublicAffairs.
- Rodriguez, F. (2007). “Openness and Growth: What Have We Learned?” in Jose Antonio Ocampo, K.S. Jomo and R. Vos (eds), *Growth Divergences. Explaining Differences in Economic Performance*. London: Zed Books, p. 259–284.
- Rodriguez, F. and D. Rodrik (2000). “Trade and Economic Growth: A Skeptic’s Guide to the Cross-National Evidence,” *NBER macroeconomics annual*, No. 15, p. 261–325, <https://doi.org/10.1086/654419>.
- Rodrik, D. (2004). “Getting Institutions Right,” *CESifo DICE Report. Journal for Institutional Comparisons*. Vol. 2, No. 4, Summer 2004, p. 10–15, <https://www.ifo.de/DocDL/dicereport204-forum2.pdf>.
- Rodrik, D. (2006). “What’s So Special About China’s Exports?” *China & World Economy*, Vol. 14, No. 5, p. 1–19.

- Rodrik, D. (2008). “The Real Exchange Rate and Economic Growth,” *Brookings Papers on Economic Activity*, Vol. 39, No. 2 (Fall), p. 365–439.
- Rodrik, D. (2012). Doing Development Better. *Project Syndicate*, May 11, 2012, <https://www.project-syndicate.org/commentary/doing-development-better-2012-05>.
- Rodrik, D. (2024). “Don’t Fret About Green Subsidies,” *Project Syndicate*, May 10, 2024, <https://www.project-syndicate.org/commentary/green-subsidies-justified-on-economic-environmental-and-moral-grounds-by-dani-rodrik-2024-05>.
- Rodrik, D., A. Subramanian, and F. Trebbi (2004). “Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development,” *Journal of Economic Growth*, Vol. 9, No. 2, 131–165. <https://doi.org/10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85>.
- Rosenstein-Rodan, P.N. (1943). “The Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe,” *The Economic Journal*, Vol. 53, No. 210/211, p. 202–211.
- O’Rourke, K. H. and R. Sinnott (2001). “The Determinants of Individual Trade Policy Preferences: International Survey Evidence,” Trinity College Dublin Economic Papers 200110, Trinity College Dublin Economics Department, <https://www.tcd.ie/Economics/staff/orourkek/offprints/BPEA%202001.pdf>.
- O’Rourke, K. H. and J. G. Williamson (2002). “From Malthus to Ohlin: Trade, Growth and Distribution Since 1500,” *NBER Working Papers* 8955, <https://www.nber.org/papers/w8955>.
- Rosenstein-Rodan, P.N. (1943). “The Problems of Industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe,” *The Economic Journal*, Vol. 53, No. 210/211, p. 202–211.
- Sachs, J. (2003). “Institutions Matter, but Not for Everything. The role of geography and resource endowments in development shouldn’t be underestimated,” *Finance & Development*, June 2003, No. 38, p. 38–41.
- Saito, O. (2010) “Income Growth and Inequality over the Very Long Run: England, India and Japan Compared,” in Uegaki Akira and Tabata Shinichiro (eds), *The Elusive Balance. Regional Powers and the Search for Sustainable Development*. Sapporo: Hokkaido University, p. 3–26.
- Schroeder, G. (1995). “Reflections on Economic Sovietology,” *Post-Soviet Affairs*, 1995. Vol. 11, No. 3, p. 197–234.
- Shandong (2009). Shandong Province data base [Shandong sheng shengqing ziliaoku]. <http://www.infobase.gov.cn/bin/mse.exe?seachword=&K=a&A=16&rec=42&run=13>, http://bbs.tiexue.net/post_1207004_1.html.

- Sen, A. (1997). "Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia," *The New Republic*, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2–3, p. 33–40.
- Shmelev, N., V. Popov (1989). *The Turning Point: Revitalizing the Soviet Economy*. New York: Doubleday.
- Sng, Tuan-Hwee and Chiaki Moriguchi (2013). "Taxation and Public Goods Provision in China and Japan before 1850," *Global COE Hi-Stat Discussion Paper Series* gd12-284, Institute of Economic Research, Hitotsubashi University, <http://gcoe.ier.hit-u.ac.jp/research/discussion/2008/pdf/gd12-284.pdf>.
- Solow, R. M. (2007). "'Survival of the Richest'?", *New York Review of Books*, Vol. 54, No. 18, November 17, <https://www.nybooks.com/articles/2007/11/22/survival-of-the-richest/>.
- Spufford, F. (2010). *Red Plenty*. London: Faber and Faber.
- Stiglitz, J. (2012). *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*. New York: W.W. Norton & Co., 2012.
- Stiglitz, J. (2024). "Global Elections in the Shadow of Neoliberalism," *Project Syndicate*, May 1, 2024, <https://www.project-syndicate.org/commentary/2024-elections-grappling-with-authoritarian-populism-and-other-legacies-of-neoliberalism-by-joseph-e-stiglitz-2024-04>.
- Subramanian, A (2024). "The Paradox of China's Globalization," *Project Syndicate*, August 22, <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-increasing-share-of-global-exports-defies-conventional-thinking-by-arvind-subramanian-2024-08>.
- Sun Tzu (2000). *The Art of War*. Leicester: Allandale Online Publishing, https://sites.ualberta.ca/~enoch/Readings/The_Art_Of_War.pdf
- Taylor, A. M. (1996). "International Capital Mobility in History: The Saving-Investment Relationship," *NBER Working Paper*, No. 5743, <https://www.nber.org/papers/w5743>.
- Toye, J. (2009). "Development in an Interdependent World: Old Issues, New Directions? Background paper for WESS 2010, https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/PDFs/WESS/wess_bg_papers/bp_wess2010_toye.pdf.
- Turchin, P., and S. Nefedov (2009). *Secular Cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wallerstein, I. (1979). *The Capitalist World-Economy*. New York: Cambridge University Press.

- Wallerstein, I. (2007). "Precipitate Decline. The Advent of Multipolarity," *Harvard International Review*, Vol. 29, No. 1, p. 54–59, <https://iwallerstein.com/wp-content/uploads/docs/HARVIR7!.PDF>.
- Wang Hui, En Liang Khong (2014). "After the Party: An Interview with Wang Hui," *Open Democracy*, January 13, 2014, <https://www.opendemocracy.net/en/after-party-interview-with-wang-hui/>.
- Wang, Yan, and Yao Yudong (2001). "Sources of China's economic growth, 1952-99: incorporating human capital accumulation," *Policy, Research working paper* No. WPS 2650. Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/458041468770473271/Sources-of-Chinas-economic-growth-1952-99-incorporating-human-capital-accumulation>.
- WDI (various years). World Development Indicators, *World Bank*, various years
- Weitzman, M. (1970). "Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution," *American Economic Review*, Vol. 60, No. 5, p. 676–692.
- Williamson, J. G. (2009). "History without Evidence: Latin American Inequality since 1491," *NBER Working Paper* No. 14766, <https://doi.org/10.3386/w14766>.
- Wilkinson R., and K. Pickett (2010). *The Spirit Level. Why Greater Equality makes Societies Stronger*. New York: Bloomsbury.
- Wang Yan, and Yudong Yao (2003). "Sources of China's Economic Growth, 1952–1999," *China Economic Review*, Vol. 14, No. 1, p. 32–52.
- World Bank (1993). *The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy*. A World Bank Policy Research Report. Oxford: Oxford University Press.
- World Value Survey, <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>
- Wringley, E. A., and R.S. Schofield (1981). *The Population History of England, 1541–1871. A Reconstruction*. London: Edward Arnold.
- Young, A. (1994). "Lessons from the East Asian NICs: A Contrarian View," *European Economic Review*, Vol. 38, No.4, p. 964–973.
- Yang, Dali L. (2006). "Economic Transformation and Its Political Discontents in China: Authoritarianism, Unequal Growth, and the Dilemmas of Political Development," *Annual Review of Political Science*, vol. 9, p. 143–164.
- Yang, Yao (2023). *China and the West. A Pragmatic Confucian's View*. Singapore: Palgrave Macmillan Singapore.
- Zakaria, F. (1997). "The Rise of Illiberal Democracies," *Foreign Affairs*, Vol. 76, No. 6, p. 22–43.

Zugravu, A., M. Medeiros, and A. Nai, (2023). “A Tormenting Dilemma: American Identity and Attitudes Towards Torture,” *American Politics Research*, Vol. 51, No. 4, p. 457–466, <https://doi.org/10.1177/1532673X23117391>.